

В АРХІВІВ

ВУЧК

ГПУ

НКВД

КГБ

№ 2 (45)

Науковий і документальний журнал

КИЇВ – ХАРКІВ
2015

ISSN 2313-5883

3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ № 2 (45) 2015 р.

Науковий і документальний журнал

Видається з серпня 1994 р. Виходить двічі на рік

Журнал внесено Вищою атестаційною комісією України до переліку наукових фахових видань з історичних наук («Бюлетень ВАК України», 1999, № 5; 2010, № 4)

Засновник:

Головна редакційна колегія науково-документальної серії книг «Реабілітовані історією»,
Відділ по розробці архівів ВУНК–ДПУ–НКВС–КДБ

Співзасновники:

Національна академія наук України,
Інститут історії України НАН України, Служба безпеки України,
Державна архівна служба України,
Національна спілка краєзнавців України

Редакційна колегія:

Олександр Рубльов — головний редактор,
Сергій Кокін — перший заступник головного редактора,
Олег Бажан — заступник головного редактора,
Геннадій Боряк — заступник головного редактора,
Роман Подкур — відповідальний секретар,
Валерій Васильєв, Ігор Верба, Семен Глузман, Іван Дзюба, Євген Захаров, Станіслав Кульчицький, Володимир Лозицький, Світлана Ляковська, Наталія Маковська, Руслан Пиріг, Олександр Пшенніков, Олександр Реєнт, Володимир Репринцев, Юрій Шаповал

Усі права застережені. Журнал зареєстровано у Міністерстві у справах преси та інформації України у квітні 1993 р.

Свідоцтво про державну реєстрацію КП № 1045.

Відповідальність за достовірність фактів, цитат, назв — на авторах.

Редакція залишає за собою право на літературне редагування матеріалів

3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ № 2 (45) 2015 р. – 320 с.

ISSN 2313-5883

© Головна редакційна колегія науково-документальної серії книг «Реабілітовані історією», 2015

ЗМІСТ

Від редколегії	5
Юнге М. «Козлы отпущения» сопротивляются: процессы над нарушителями «социалистической законности» в Николаевской области в 1939-1941 гг.	6
Савин А., Тепляков А. «Партия может ошибаться, а НКВД – никогда». Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых (1939–1943 гг.)	91
Кашу И. «Чистка» сотрудников НКВД Молдавской АССР после «Большого террора» 1937–1938 гг.: дело Ивана Тарасовича Широкого-Майского	142
Виола Л. Дело Уманского районного отдела НКВД	180
Блаувель Т. «Какова была музыка, таков был и танец»: дело Серго Давлианидзе	223
Довбня О. Притягнення співробітників УНКВС по Ворошиловградській області до кримінальної відповідальності за порушення «соціалістичної законності» під час «Великого терору»	258
Росман Дж. Дело Георгия Кочергинского: роль ситуативных факторов в мотивации «грубых» нарушенных социалистической законности»	299

CONTENT

From the Editorial Board	5
Junge M. The Scapegoats Stand Against: The Processes on the «Socialist Legitimacy Breachers» in Mykolaiv Region in 1939–1940	6
Savin A., Teplyakov O. «The Party May Be Mistaken, but NKVD – Never». Odessa Region NKVD Executives on the Prisoners' Dock (1939–1943)	91
Kashu I. «Housecleaning» of the Moldova ASSR NKVD Officers after The Great Terror 1937–1938: The Case of Ivan Shyrokyi-Majskyi	142
Viola L. The Case of Uman' Regional NKVD Office	180
Blautwelt T. «The Dance Depends on Music»: The Case of Sergo Davlianidze.	223
Dovbnja O. Bringing the Voroshylovograd Region NKVD Office Executives to Responsibility for Breaching the Socialist Legitimacy During the Great Terror	258
Rossman Jeffrey J. The Case of Georgy Kocherhinsky: The Role of Situational Factors in the Motivations for the «Major Breach of the Socialist Legitimacy»	299

У цьому номері журналу ми продовжуємо публікацію результатів дослідження учасників міжнародного науково-видавничого проекту «*Відлуння Великого терору: співробітники НКВС на лаві підсудних (1938–1941 рр.)*».

У попередньому номері (див. № 1 за 2015 р.) опубліковано статті, що висвітлили творчий задум учасників проекту та його концептуальні засади у контексті сучасних підходів до вивчення істориками тяжких злочинів, скоєних двома тоталітарними режимами у ХХ столітті (комуністичний і нацистський терор в Європі). Відомі вчені Л. Віола (Торонтський університет, Канада) та М. Юнге (Рурський університет, м. Бохум, Німеччина) запропонували читачам своє бачення феномену «*Perpetrator*» в радянській історії. Йдеться про розслідування «порушень соціалістичної законності», яких припустилися організатори і виконавці «Великого терору» в УРСР. Закриті судові процеси над ними 1939–1941 рр. відомі в історіографії як «*purge of the purgers*» (рос. «*чистка чистильщиків*»).

Ілюстрацією того, як феномен «*Perpetrator*» потрапив до поля зору радянської юстиції та у якій спосіб відбувалося покарання «порушників соціалістичної законності», є інші статті учасників проекту. Розділені між собою за географічним принципом, вони об'єднані не лише концептуально, але й джерельною базою дослідження, в основі якої – документи Галузевого державного архіву Служби безпеки України. У статтях В. Васильєва, Р. Подкура, С. Кокіна та В. Золотарьова проаналізовано «чистку» органів НКВС у Вінницькій, Кам'янець-Подільській, Житомирській та Харківській областях.

Друга частина статей, що публікується нині, доповнює картину. Вони розповідають про покарання «цапів-відбувайл» у тодішній Ворошиловградській, Миколаївській, Одеській областях та у Молдавській АРСР; розкривають жахіття справи Уманського районного відділу НКВС; з'ясовують роль ситуативних факторів у «грубих порушеннях соціалістичної законності» під час «Великого терору». Читач також має можливість порівняти історичні обставини судових процесів з «дисциплінування» органів НКВС УРСР зі схожим судовим процесом у Грузинській РСР 1957 р.

УДК 351.746.1-051(477.73):343.1]«1939/1941»(045)

Марк ЮНГЕ*

**«Козлы отпущения» сопротивляются:
процессы над нарушителями
«социалистической законности»
в Николаевской области в 1939-1941 гг.**

Исследуются обстоятельства обвинения сотрудников УНКВД по Николаевской области в массовых арестах и убийствах граждан во время «Большого террора», проведения судебных процессов над чекистами.

Ключевые слова: органы государственной безопасности, Николаевская область, «Большой террор».

*За добро не жди добра
Пословица*

Секретные агенты под кличками «Герд», «Добровольский» и «Иванов» в один голос информировали руководство Секретно-политического отдела (СПО) УНКВД по Николаевской области в апреле–мае 1939 г. об опасном заговоре среди бывших подследственных, недавно вышедших на свободу. Задача этого отдела как раз заключалась в борьбе с политическими противниками советской власти, включая троцкистов, правых уклонистов, «церковников» и сектантов, а также националистов. В изложении агентов заговор выглядел настолько опасным, что начальник УНКВД по Николаевской области Иван Тимофеевич Юрченко сообщил о нем республиканскому руководству НКВД.

В заговоре, помимо всех прочих, принимали участие лица, занимавшие руководящие посты на имевшем важное оборонное значение Николаевском судостроительном заводе № 200, где трудились около 9000 рабочих и служащих. Эти «заговорщики» полугодом ранее были арестованы чекистами как члены троцкистской группы по обвинению в попытке организации саботажа и диверсии на заводе в целях уничтожения верфи с помощью пожара.

* Юнге Марк (Junge Marc) – доктор історичних наук, науковий співробітник Інституту історичних наук Рурського університету (м. Бохум, ФРН).

Однако карающая рука государства поразительным образом обрушилась летом 1939 г. не на мнимых троцкистских заговорщиков, а на трёх руководящих сотрудников СПО УНКВД, на связи у которых находились упомянутые выше агенты. Чекисты были арестованы и осуждены 23 марта 1941 г. трибуналом войск НКВД Киевского Особого военного округа за «нарушение социалистической законности» и «злоупотребление служебным положением». Их приговорили к расстрелу, 10 и 8 годам лишения свободы. Вместе с ними приговор получил бывший начальник УНКВД по Николаевской области Пётр Васильевич Карамышев, осуждённый к расстрелу¹.

Ядро обвинительного заключения против сотрудников НКВД состояло в том, что они вынудили агентов фальсифицировать сведения о тайной группе заговорщиков с целью представить свои действия во время массовых операций НКВД в выгодном свете и тем самым спасти «свои шеи». Эти действия, согласно обвинению, сводились к «незаконным мерам воздействия», т. е. к применению пыток в отношении подследственных, а также фабрикация дел, улик и фальсификации материалов следствия.

Как же случилось так, что были арестованы и осуждены не члены мнимой «контрреволюционной троцкистской саботажнической организации», обвинявшиеся в подготовке крупной диверсии на оборонном судостроительном предприятии, а сотрудники НКВД, которые всего лишь несколько месяцев назад были всеильными? Соответствовало ли действительности обвинение в грубом нарушении чекистами «социалистической законности» в ходе допросов подследственных? Шла ли в случае с осуждёнными сотрудниками УНКВД по Николаевской области речь о тех должностных лицах, которые, согласно «полуофициальному»² постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября

¹ В. Золотарёв вписывает Карамышева в клан начальника УНКВД Ленинградской области Л. М. Заковского. См: Золотарёв В. Олександр Успенський. Особа, час, оточення. – Харків: Фоліо, 2004. – С. 95, 100, 101, 140, 246–247, 299.

² «Полуофициальный» означает, что это постановление никогда не публиковалось, но, тем не менее, широко обсуждалось в партии, государственном аппарате и сотрудниками НКВД на специальных собраниях.

1938 г.³, своими «ошибочными» действиями дискредитировали в целом правильную и необходимую кампанию по борьбе с внутренними врагами, которая велась в течение полутора лет? Или сотрудников НКВД надо, в первую очередь, рассматривать как «козлов отпущения», которые должны были освободить партию и государство от ответственности за массовый террор, осуществлявшийся в масштабах всего Советского Союза и немалым ранее остановленный приказом Москвы? Или главной целью репрессий в отношении чекистов была нейтрализация клана впавшего в опалу бывшего наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова, чтобы обеспечить успешность клана его преемника Л. П. Берии?

Пожар

Пожар на огромном судостроительном заводе, расположенном на окраине г. Николаева, на берегу реки Южный Буг, месте защищённого выхода в Чёрное море, начался 2 августа 1938 г. около 19 часов, причём центр возгорания находился на территории сердца верфи – её производственного цеха. У быстрого распространения пожара имелись свои причины, поскольку на «территории объекта, насколько хватает глаз, были разбросаны стружки, баллоны с кислородом, различные отбросы и проч.». Пожарная охрана не смогла справиться с огнём и заводу грозило полное уничтожение⁴. В результате два человека погибли, тридцать получили ранения, материальный ущерб от пожара составил 2,6 млн рублей⁵.

Последние очаги пожара ещё догорали, когда руководство УНКВД по Николаевской области прибыло на место происшествия. Начальник областного управления П. В. Карамышев позднее не без гордости сообщал о том, что

³ См.: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». 17.11.1938 // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938 / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. – М., 2004. – С. 607–611.

⁴ Галузевий державний архів Служби безпеки України (далі – ГДА СБ України), ф. 5, спр. 67990, т. 1, арк. 165.

⁵ Держархів Миколаївської обл., ф. 5859, оп. 2, спр. 5747, арк. 330–331.

«ценой огромных усилий нам удалось ликвидировать пожар и спасти завод при помощи местных коммунистов и вызванных нами войсковых соединений [и] частей»⁶.

Расположившись в кабинете директора завода, чекисты незамедлительно приступили к допросам и поиску виновных. Поздним вечером Карамышев уже принимал участие в экстренном заседании оргбюро ЦК КП(б)У по Николаевской области⁷, где он намеревался заручиться поддержкой партийного руководства для осуществления мер по линии УНКВД. Оценка, данная пожару на заседании оргбюро, гласила:

«Бюро Обкома считает, что [...] пожар есть диверсионный акт врагов, проведённый в результате потери классово-бдительности и преступной расхлябанности заводоуправления и заводского партийного комитета»⁸.

Карамышев, изначально убеждённый в том, что речь шла не об обыкновенном пожаре по небрежности, а об акте саботажа, сохранивший эту уверенность до конца, приказал собрать все компрометирующие материалы на персонал завода и провести аресты подозрительных лиц⁹. После того, как чекистам стало ясно, кому предстоит выступить в роли главных подозреваемых, руководство управления отправило в Москву телеграмму, ставя в известность о случившемся вышестоящее начальство¹⁰.

Расследование дела поручили СПО, т. е. 4-му отделу УНКВД по Николаевской области, который в конце 1938 г. был переименован во 2-й отдел¹¹, поскольку к этому времени «под крышей» отдела также находилось отделение, «обслуживавшее»

⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 1, арк. 165.

⁷ После поголовных арестов членов бюро обкомов КП(б)У в областях создавались оргбюро ЦК КП(б)У, которые действовали до проведения областных партийных конференций и официального избрания новых составов обкомов и бюро обкомов КП(б)У.

⁸ Держархів Миколаївської обл., ф. 7, оп. 1, спр. 20, арк. 130–131.

⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 112, 121, 129, 229.

¹⁰ Там само, арк. 424.

¹¹ В большинстве используемых документов, которые датируются большей частью 1939 г. и позже, речь идёт не о 4-м, а о 2-м отделе УНКВД Николаевской области. В конце 1938 г. изменилась структура НКВД, в ходе которой 4-й отдел (СПО) был реорганизован во 2-й отдел.

предприятия оборонной промышленности, во главе с его начальником П. С. Волошиным¹².

Из числа арестованных работников завода в конечном итоге к суду были привлечены 11 человек. По инициативе начальника СПО УНКВД Я. Л. Трушкина восемь главных подозреваемых в поджоге верфи были переданы в руки военного трибунала, ещё троих второстепенных обвиняемых следователи отправили на суд Особой («национальной») тройки¹³.

В то время как судебный процесс против главных обвиняемых в рамках разбирательства военного трибунала всё откладывался, «национальная» тройка 26 октября 1938 г., т. е. спустя два месяца после инцидента, осудила всех трёх обвиняемых к смертной казни. Приговор был приведён в исполнение немедленно¹⁴.

Через несколько дней после пожара Управление НКВД по Николаевской области вновь впало в состояние лихорадочной деятельности. Сначала К. И. Ефремов¹⁵, который, также как и Волошин, был в своё время начальником «оборонного» отделения СПО, объехал с инспекцией для проверки мер противопожарной безопасности два самых больших судостроительных завода: № 200 им. 61-го коммунара¹⁶ и завод № 198 им. Андре

¹² По данным П. С. Волошина, 4-й отдел находился на то время в состоянии реорганизации. Из его состава должно было быть выделено отделение, отвечавшее за «обслуживание» оборонных предприятий, которое подлежало преобразованию в самостоятельный отдел. Но на момент пожара на судостроительном заводе этого ещё не случилось. Лишь в конце 1939 г. произошло выделение самостоятельного 7-го отдела, курировавшего судостроение. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 111–236.

¹³ Там само, арк. 226, 424. Об осуждении этих трёх человек «национальной» тройкой см.: Там само, арк. 484–488.

¹⁴ Там само, арк. 484–488.

¹⁵ Константин Иванович Ефремов в 1940 г. работал помощником директора завода им. А. Марти по кадрам. См.: Там само, арк. 111–226.

¹⁶ Одно из старейших судостроительных предприятий Российской империи. На этом заводе был построен броненосец «Князь Потёмкин Таврический», впоследствии – «Святой Пантелеймон». В 1920 г. было реорганизовано под названием «Тремсуд» («Трест морского судостроения») путём слияния трёх заводов: «Руссуд», «Ремсуд», «Тэмвод». В 1931 г. завод был переименован в память о 61-ом рабочем судостроительного завода «Руссуд», которые были расстреляны денкинцами в ночь на 20 ноября 1919 г.

Марти¹⁷. Инспекция обнаружила катастрофическое положение противопожарной безопасности. На территории завода № 200 рядом с путями железной дороги находились нефтяные цистерны, которые в любой момент могли загореться от искр паровозов, курсировавших мимо. На территории завода № 198 повсюду была складирована древесина. Тем не менее, Ефремов смог отрапортовать:

«Лишь благодаря вмешательству УНКВД всё это было устранено».

О результатах своей проверки Ефремов также докладывал на заседании Николаевского обкома КП(б)У¹⁸.

После Ефремова к расследованию подключился П. В. Карамышев. Он тщательно и подробно ознакомился с материалами дела и после этого проинформировал обком КП(б)У, который на основе доклада Карамышева принял постановление «Об очистке фабрики», разрешив дополнительные аресты, проведённые сотрудниками НКВД¹⁹.

Следует отметить, что органы госбезопасности и до пожара не выпускали судостроительные заводы из поля своего зрения. По словам Ефремова, Карамышев лично неоднократно посещал верфи и ему удалось с помощью арестованных инженеров (которые не назывались здесь поимённо) «наметить меры» для улучшения организации рабочего процесса²⁰. Сам Карамышев заявлял о целом «букете» проблем. Так, судостроительный завод им. А. Марти из года в год не выполнял план и на заводе «систематически» случались пожары и несчастные случаи. Этот завод, по данным Карамышева, настолько пришёл в упадок, что там постоянно находилась группа сотрудников НКВД. И если бы не аппарат НКВД, поддержанный обкомом КП(б)У, то пожар

¹⁷ Андре Марти (André Marty) (1886–1956) – французский коммунистический деятель, член Национального собрания Франции в 1924–1955 гг. (с перерывами), секретарь Коминтерна в 1935–1943 гг., политический комиссар Коминтерна, руководивший интернациональными бригадами в Испании в 1936–1938 гг.

¹⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 111–226 зв.

¹⁹ Там само, арк. 174.

²⁰ Там само.

окончательно уничтожил бы доки предприятия²¹. В другом месте Карамышев нарисовал плачевную картину состояния уже обоих судостроительных заводов:

«Сотрудники УНКВД целыми группами сидели на заводах и устраняли все имеющиеся недочёты. Если бы не сотрудники УНКВД, то бесконечные аварии и пожары угрожали бы уничтожению заводов»²².

Аресты, сопровождавшие деятельность НКВД по контролю над ситуацией на заводах, Карамышев в конечном итоге расценивал как большой успех:

«В результате наших мероприятий, проведённых по линии судебной тройки, мы создали и добились того, что оборонные заводы стали не только выполнять, но и перевыполнять государственные задания и планы по товарной продукции»²³.

Ещё один ключ к успеху начальник УНКВД видел в оперативных чекистских мероприятиях. В частности, Карамышев писал:

«В результате наших оперативных мероприятий, смены вражеского руководства [...], а также и более энергичного вмешательства парторганов, заводы стали быстро выходить из прорывов»²⁴.

Таким образом, НКВД был теперь не только политической полицией, главной целью которой были идейные противники режима, но также учреждением, отвечавшим за устранение социальных проблем карательными методами. Дополнительно функция надзора органов госбезопасности за экономикой в годы «Большого террора» была серьёзно усилена. На органы были возложены задачи осуществления контроля за ключевыми отраслями экономики вплоть до улаживания организационных проблем. Главной задачей органов в экономической сфере являлись стабилизация работы важнейших промышленных предприятий и обеспечение функционирования колхозной системы.

²¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 227.

²² Там само.

²³ Там само, арк. 263.

²⁴ Там само, т. 1, арк. 165.

Троцкистская саботажническая организация

Ядро троцкистской саботажнической организации, которая, по версии НКВД, несла ответственность за пожар на заводе № 200, составляли инженеры и техники. На первом месте среди них находились Л. П. Фомин, с 1933 г. занимавший должность начальника корпусного цеха завода, А. Е. Гаврилов, заместитель начальника цеха, выгоревшего в результате пожара, и Л. М. Гладков, помощник начальника цеха²⁵. К руководящему ядру организации были также причислены С. С. Меламуд – заместитель начальника корпусного цеха, Г. П. Афанасьев – начальник участка корпусного цеха, Д. А. Бондарь – начальник ещё одного участка корпусного цеха, А. И. Базилевич – мастер электросварки завода, Т. И. Чикалов – старший мастер корпусного цеха и В. И. Носов – сортировщик корпусного цеха завода № 200²⁶.

Лицами, в меньшей степени замешанными в саботаже, чекисты считали заведующего техническим нормированием корпусного цеха А. А. Барсукова, мастера цеха Н. В. Чернохатова и начальника штаба ПВО завода № 200 С. В. Мацковского²⁷.

Первоначально чекисты также включили в группу саботажников директора судостроительного завода Н. В. Щербину, инженера Г. В. Бабенко и преподавателя кораблестроительного института М. Ф. Чулкова²⁸.

Расследование дела в отношении Фомина, Щербины, Базилевича и Гаврилова было поручено СПО УНКВД во главе с Трушкиным. Допрашивал подследственных Трушкин с подчинёнными Г. С. Зельцманом, М. В. Гарбузовым и К. А. Ворониным²⁹. Следствие в отношении Бабенко вели сотрудники «оборонного» отделения этого отдела УНКВД³⁰.

В сценарии саботажа, «реконструированного» общими силами ряда подразделений УНКВД, ключевая позиция отводилась

²⁵ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 129, 112.

²⁶ Там само, т. 2, арк. 30–32; т. 3, арк. 274–287.

²⁷ Там само, т. 11, арк. 347–358; т. 2, арк. 42–47; т. 1, арк. 131–134.

²⁸ Там само, т. 1, арк. 79–81.

²⁹ Там само, т. 2, арк. 23–26.

³⁰ Там само, т. 1, арк. 165.

Фомину. Сотрудники СПО добились от него показаний, что он и другие лица планировали акт саботажа. Лично Фомин не смог принять участия в поджоге лишь потому, что был арестован почти за две недели до пожара, а именно 20 июля 1938 г. Однако на допросе, состоявшемся сразу после пожара, Фомин показал:

«Практическую работу по подготовке диверсионного акта проводил начальник участка Афанасьев»³¹.

Обвинение против Фомина подкреплялось информацией о его подозрительном прошлом. В частности, Карамышев сообщал:

«Ещё до ареста Фомин был разоблачён заводской парторганизацией в том, что он поддерживает постоянную связь с кадровым троцкистом [Ф. Я.] Плетнёвым – бывш[им] директором завода № 200, проживавшим в Сталинграде»³².

Уликой выступала переписка между Фоминым и Плетнёвым, конфискованная при аресте³³. Кроме того, чекисты утверждали, что Фомин использовал служебную командировку в Ленинград для того, чтобы по пути встретиться с Плетнёвым в Сталинграде, а после этого «по взаимному сговору» со своим непосредственным начальником, главным инженером Бабенко, «сфабриковал» документы, в которых Плетнёв описывался как хороший руководитель судостроительного завода, хотя во время его директорства верфь не выходила «из хронического прорыва» и выполняла план только на 40–50%.

В это же время, согласно Карамышеву, в УНКВД поступили дополнительные материалы о Фомине, которые уличали его в прямой (и многолетней) саботажнической деятельности³⁴. Так, две специально образованные комиссии, первую из которых возглавляли инженеры М. Н. Гордиенко и Ф. С. Степаненко, а вторую – Гордиенко (в её состав вошли начальник планово-производственного отдела Е. Г. Магилевский и мастер разметной корпорации цеха № 1 завода № 200 Г. И. Цекановский), установили наличие «конкретных данных» о том, что

³¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 2, арк. 30–32.

³² Там само, т. 1, арк. 159.

³³ Там само.

³⁴ Там само, т. 13, арк. 160.

«Фомин ещё в 1933 г., вопреки протестам рабочих [А. М.] Шорина и др., сознательно игнорируя механические условия и требования, предложил строить подводную лодку “Малютка” из явно недоброкачественных материалов. Мастер Шорин был отстранён от работы, а вместо него Фомин выделил троцкиста Васильева, допускавшего сплошной брак в работе; вместе с врагом Щербиной Фомин организовал вредительскую работу на судах 1075 и 1076, предназначавшихся для ДВК³⁵, в 1936 г. Фомин и Бабенко организуют аварийный спуск корабля № 208. В 1938 г. Фомин и Бабенко во вражеских целях сооружают диктовую изгородь вокруг важнейшего объекта (опытные отсеки), сознательно загромождая этот объект легко воспламеняющимися материалами» и т. д.³⁶

Карамышев сделал вывод, что троцкистская саботажническая группа сознательно создавала условия для пожаров, взрывов и несчастных случаев за счёт того, что

«они явно саботировали противопожарные мероприятия, игнорировали технические требования безопасности, захламляя завод ненужными и легковоспламеняющимися материалами»³⁷.

Для того, чтобы очистить территорию завода, потребовались несколько рабочих поездов и месяцы работы.

Однако даже «обстоятельные и конкретные мероприятия по общей и противопожарной охране заводов», выработанные под контролем УНКВД на основании проведённых обследований и поддержанные, в свою очередь, авторитетом ЦК КП(б)У, обязавшего директора судостроительного завода незамедлительно претворить их в жизнь, не смогли предотвратить большой пожар 2 августа 1938 г., поскольку саботаж, по словам Карамышева, пустил глубокие корни³⁸.

Прямая увязка «головки» троцкистской саботажнической организации с пожаром было, таким образом, только «делом

³⁵ Дальневосточный край, т. е. для Тихоокеанского флота.

³⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 1, арк. 159; Держархів Миколаївської обл. ф. 5859, оп. 2, спр. 5747, арк. 323–324 зв., 330–331.

³⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 164.

³⁸ Там само, т. 13, арк. 164.

техники». А. П. Федотов, сотрудник ЭКО УНКВД³⁹ по Николаевской области, позднее сообщал со знанием дела:

«Как только его [Фомина] доставили в НКВД, он расплакался и сразу дал показание об участии его в к-р организации»⁴⁰.

Согласно Карамышеву, Фомин сознался в том, что «он много наделал вреда Советской власти»⁴¹. Уже спустя 10 дней после его ареста, т. е. за три дня до пожара на заводе, благодаря объёмным показаниям Фомина, чекисты смогли документально подтвердить существование крупной троцкистской группы, которая под его руководством вела саботажническую подрывную деятельность.

Сразу после ликвидации пожара сотрудники НКВД в ходе допросов получили от Фомина показания, отчасти собственноручные, в которых он подтверждал свою руководящую роль в прошлых актах саботажа и признал свою вину за пожар. Это случилось 28 августа 1938 г. в присутствии военного прокурора и заместителя прокурора по спецделам Карпенко; во время очной ставки с Барсуковым и Афанасьевым – 24 августа 1938 г.; с Меламудом – 8 декабря 1938 г., а также 1 и 14 декабря 1938 г. в «расширение» прежних показаний. Причём, в декабре 1938 г. Фомин

«снова клялся в том, что он дал следствию откровенные, правдивые и исчерпывающие показания о своей вредительской деятельности»⁴².

8 декабря 1938 г. Фомин, в том числе, подтвердил результаты проверки обеих «экспертных» комиссий⁴³. Но и этого было недостаточно. Ведущую роль Фомина в диверсиях подчёркивали в показаниях, а также во время очных ставок многочисленные свидетели. В их числе Муратов, бывший секретарь Николаевского горкома КП(б)У, арестованный 12 или 13 мая 1938 г., и М. Ф. Волков, бывший секретарь оргбюро ЦК КП(б)У по Нико-

³⁹ Де-факто экономические отделы были восстановлены в областных управлениях НКВД Украины в начале 1939 г.

⁴⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 111–226 зв.

⁴¹ Там само.

⁴² Там само, т. 1, арк. 161–162.

⁴³ Там само, т. 13, арк. 163.

лаевской области, осуждённый 23 сентября 1938 г. к высшей мере наказания⁴⁴.

«Правая рука» Фомина, Афанасьев, был арестован вечером 2 августа 1938 г. на рабочем месте заместителем начальника СПО М. В. Гарбузовым⁴⁵. Во время пожара Афанасьев работал на заводе в свою смену⁴⁶. Он признал своё участие в организации пожара. Позднее его показания были подтверждены Чикаловым, который признался в том, что осуществил поджог вместе с Афанасьевым⁴⁷.

Общая картина, согласно которой в Николаеве орудовала крупная троцкистская саботажническая организация, всё время дополнялась и уточнялась за счёт информации о главных «соратниках» Фомина. Так, инженер Гладков, который, как и Фомин, был арестован до пожара, а именно 28 июля 1938 г., был к тому времени исключён из партии – по данным Карамышева – «за правотроцкистскую деятельность и резкие выпады против вождя партии Сталина», причём этому имелось множество подтверждений со стороны коммунистов и беспартийных⁴⁸. Гладков также поддерживал прямой контакт с троцкистом В. К. Клигерманом, бывшим секретарём Сталинского райкома КП(б)У Одессы⁴⁹.

Инженер Гаврилов, арестованный николаевскими чекистами 27 июля 1938 г., был исключён из рядов ВКП(б) в 1937 г. «за покровительство и связь с троцкистами», а также «за потерю классово-бдительности и связь с врагами»⁵⁰. По данным Гарбузова, в 1-м отделении 4-го отдела также имелся «обработанный материал на вербовку Гаврилова» в целях разработки троцкистской организации, а также

⁴⁴ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 6, арк. 100–107; т. 13, арк. 111–226 зв.

⁴⁵ Там само, т. 2, арк. 30–32.

⁴⁶ Там само, т. 13, арк. 111–226 зв.

⁴⁷ Там само, арк. 405–458.

⁴⁸ Там само, арк. 46–49 зв.; т. 3, арк. 155–164.

⁴⁹ Там само, т. 13, арк. 111–226 зв. Клигерман был осуждён по обвинению в троцкизме.

⁵⁰ Там само, арк. 111–226 зв., 405–458; т. 2, арк. 23–26.

«выписка из показаний осуждённого [троцкиста и бывшего директора судостроительного завода им. Андре Марти] С. А. Степанова об участии Гаврилова в троцкистской организации и материалы партийной проверки о связях Гаврилова с репрессированными троцкистами».

Ещё один чекист, начальник 1-го отделения 2-го отдела УНКВД К. А. Воронин, заявил, что Гаврилов

«на протяжении ряда лет был связан с кадровыми троцкистами: Клигерманом, Гаевым, Сухановским и др.»⁵¹.

Помимо этого, согласно Карамышеву, у сотрудников НКВД имелись показания, изобличавшие Гаврилова в «открытых фашистских высказываниях в камере»⁵². Арест Гаврилова был произведён, в том числе, в результате показаний, данных против него «троцкистом» Д. Т. Стародубцевым⁵³. Позднее Воронин заявлял, что

«Гаврилов сразу же после ареста или на следующий день дал мне обширные показания о принадлежности к правотроцкистской организации»⁵⁴.

Карамышев добавил к этому «букету» ещё и обвинение в «антисоветской агитации», которую Гаврилов якобы вёл «даже на улице, открыто на глазах»⁵⁵. По показаниям чекистов, Гаврилов, Гладков и Фомин находились под наблюдением «органов» в течение последних шести–семи лет⁵⁶.

В отношении остальных членов «троцкистской саботажнической организации» НКВД располагал гораздо меньшим количеством компрометирующих материалов. Однако в глазах чекистов их было достаточно для ареста и осуждения. Меламуд, арестованный 5 октября 1938 г. на основании показаний Фомина, был, по данным Карамышева, «старым кадровым сионистом», членом сионистской националистической организации,

⁵¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 155–164, 244–253.

⁵² Там само, т. 13, арк. 405–458.

⁵³ Там само, т. 3, арк. 155–164.

⁵⁴ Там само, т. 13, арк. 405–458.

⁵⁵ Там само.

⁵⁶ Там само, арк. 232; т. 1, арк. 166.

занимавшимся вербовкой в троцкистскую группу. Он знал, как себя вести на допросах, а также якобы знал поимённо многих членов этой группы. Чтобы уличить Меламуда в саботажнической деятельности, были вновь сформированы две экспертные комиссии: одна под руководством инженера М. Г. Никифорова, другая – под руководством инженера Гордиенко, который уже выступал экспертом по делу Фомина. Дополнительно также были проведены опросы по меньшей мере четырёх свидетелей⁵⁷.

Техник Бондарь, арестованный 3 августа 1938 г., работал перед пожаром в утреннюю смену⁵⁸. В ходе нескольких очных ставок с Чикаловым, состоявшихся в присутствии помощника военного прокурора Курова (Чикалов был допрошен в первые часы после пожара 2 августа и арестован 7 августа 1938 г.), Бондарь показал, что он и Чикалов являются членами «антисоветской организации», при этом Чикалов принимал личное участие в поджоге⁵⁹. Согласно Чикалову, Бондарь дословно заявил во время одной из очных ставок следующее:

«Мы совершили поджог и должны встать на колени перед совластью»⁶⁰.

Но самым опасным, по версии руководства УНКВД, было то, что троцкистская саботажническая организация действовала не в одиночку, а была частью разветвлённого правотроцкистского заговора, охватившего всю Николаевскую область и имевшего связи с троцкистами в других областях СССР. Так, уже в 1937 г., во время одного из выездных заседаний Военной коллегии Верховного суда СССР, имена Фомина, Гаврилова и Меламуда упоминались в показаниях обвиняемых. Также в ходе открытого судебного процесса против Степанова, бывшего директора завода № 200, неоднократно «всплывало» имя Гаврилова⁶¹.

⁵⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 111–226 зв.; т. 1, арк. 166.

⁵⁸ Там само, т. 13, арк. 111–226 зв.

⁵⁹ Всего Бондарь назвал пятерых членов антисоветской организации. При этом Трушкин указывал на тесную связь между Бондарем и Афанасьевым. См.: Там само, арк. 111–226 зв., 405–458.

⁶⁰ Там само, арк. 405–458.

⁶¹ Там само, арк. 405–458.

Карамышеву не составляло труда показать, в какой сомнительной кампании вращались лица, на которых была возложена ответственность за пожар на верфи. На упомянутых выше процессах их имена назывались вместе с именем второго секретаря Николаевского обкома КП(б)У Д. Х. Деревянченко, протеже С. В. Косиора – бывшего первого секретаря ЦК КП(б)У. Бывшего анархиста Деревянченко как «политического двуручника» заклеили ещё в апреле 1938 г. на Николаевской областной партконференции 2-й секретарь ЦК КП(б)У М. А. Бурмистенко и заместитель редактора газеты «Южная правда», «лучший политлектор» Буранов. Кроме того, Деревянченко обвинялся в том, что он

«обманным путём получил от государства 2 миллиона рублей, его сестра за диверсионный акт была осуждена к ВМН»⁶².

Таким образом, НКВД «разоблачило» обвиняемых в поджоге на судостроительном заводе как часть широкой сети троцкистских заговорщиков, «щупальца» которой простирались далеко за пределы области, вплоть до верхушки партии и государства. Кроме этого, «троцкисты» якобы поддерживали связи с правыми уклонистами и даже с сионистскими националистическими кругами. В результате пожар на судостроительном заводе представлял собой только лишь один, хотя и кульминационный, акт из целой череды актов саботажа, сознательно и активно осуществлявшихся членами организации в прошлом и настоящем. «Головка» троцкистского подполья обладала настолько широкими связями, что была в состоянии добиться осуществления своих преступных намерений даже из тюрьмы, с помощью многочисленных приспешников.

В такой ситуации НКВД было тяжело бороться с врагом. Это наглядно был призван продемонстрировать пожар, который чекисты не сумели своевременно предотвратить. Тем не менее, благодаря своим неустанным усилиям, областное управление НКВД добилось определённого успеха, сумев воспрепятствовать самому худшему и, с помощью своих специфических методов, в том числе массовых арестов, навсегда покончить с вредительской вражеской сетью.

⁶² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 405–458.

Свои разоблачения УНКВД подкрепляло агентурными материалами, показаниями свидетелей, протоколами очных ставок, признаниями, иногда даже собственноручно записанными подследственными, показаниями свидетелей, извлечёнными из материалов уже состоявшихся судебных процессов, экспертными справками как собственных сотрудников, так и «внешних» экспертов, в которых анализировалась ситуация на заводах. Использовались также материалы партийных разбирательств и исключений из партии подозреваемых по обвинениям в причинении ущерба как партии, так и обществу, коррупции, а также политической и моральной неблагонадёжности. Прямые улики присутствовали в делах только в исключительных случаях. Чекистам очевидно было неизвестно такое понятие, как «презумпция невиновности». Тут действовало другое правило, согласно которому НКВД не арестовывал невинных людей.

Вмешательство сверху

УНКВД по Николаевской области функционировало не в безвоздушном пространстве, свои энергичные усилия по борьбе с саботажнической троцкистской организацией чекисты обосновывали в том числе ссылкой на приказы и директивы, поступавшие сверху, в первую очередь из Москвы. Помимо этого, г. Николаев с инспекционными поездками посещали высокопоставленные сотрудники госбезопасности из Москвы и Киева, которые специально интересовались состоянием судостроительных заводов и давали соответствующие указания.

Так, 17 июня 1938 г. всем управлениям НКВД была разослана шифротелеграмма за подписью заместителя народного комиссара внутренних дел СССР М. П. Фриновского, в которой утверждалось, что

«несмотря [на] ликвидацию основных вражеских гнёзд (право-троцкистских, шпионско-диверсионных и других контрреволюционных формирований) [в] ряде важнейших оборонных заводов, играющих решающую роль [в] техническом вооружении РККА, эти заводы истекшие пять месяцев 1938 г. систематически срывают правительственные задания»⁶³.

⁶³ Реабілітовані історією. Миколаївська область. – К.–Миколаїв, 2008. – Кн. 4. – С. 261–263.

Наряду с целым рядом других предприятий оборонного значения по производству авиационных моторов, артиллерии и порохов в телеграмме в качестве негативного примера упоминался судостроительный завод № 198 им. А. Марти, который только на 58% выполнил плановые задания по передаче судов военно-морскому флоту и т. п.⁶⁴ По недвусмысленной оценке Фриновского,

«такая преступно-безобразная работа оборонных заводов по оснащению РККА далее нетерпима».

Общее объяснение, которое Фриновский давал такому плачевному состоянию дел, сводилось к высокому проценту

«засорённости, начиная [с] сомнительного, кончая явно антисоветским элементом, представляющим питательную среду для всяких вражеских формирований».

Что же касается чекистских аппаратов, то Фриновский указывал:

- на отсутствие «серьёзной планомерной борьбы с последствиями вредительства», которое было осуществлено уже ликвидированными троцкистскими группами,
- на неудовлетворительную организацию борьбы с остатками недобитых «вражеских формирований», в первую очередь – с «диверсионной низовкой»,
- на отсутствие «мер борьбы [по] полной очистке» предприятий от вражеских элементов,
- и, в заключение, на нехватку «оперативно-предупредительных мероприятий, направленных [на] оказание практической помощи заводам [по] выполнению производственного плана»⁶⁵.

После такой критики заместитель народного комиссара внутренних дел СССР потребовал устранить все указанные недостатки до конца июля 1938 г., т. е. в течение шести недель, докладывая ему каждые 15 дней о проделанной работе.

Во время следствия и судебного процесса бывшие сотрудники УНКВД по Николаевской области Карамышев, Трушкин и его заместитель Гарбузов в оправдание арестов, произведён-

⁶⁴ Реабілітовані історією. Миколаївська область. – Кн. 4. – С. 261–263..

⁶⁵ Там само. – С. 262.

ных ими в июле 1938 г. среди сотрудников судостроительных заводов, ссылались именно на эту телеграмму Фриновского, а Трушкин – конкретно на третий пункт требований Фриновского⁶⁶. Этот пункт звучал следующим образом:

«По всем следственным и агентурным делам немедленно, ещё раз пересмотрите всех разоблачённых, но не репрессированных врагов, чтобы провести их аресты [в] ближайшие дни»⁶⁷.

Именно реализация этого требования и привела к аресту Фомина. Трушкин заявлял на следствии:

«На основе этой телеграммы Фриновского по предложению Карамышева была составлена справка на Фомина»⁶⁸.

После этого Карамышев согласовал арест Фомина с первым секретарём Николаевского обкома КП(б)У П. И. Старыгиным и первым заместителем народного комиссара оборонной промышленности СССР И. Ф. Тевосяном, будущим народным комиссаром судостроительной промышленности СССР, который находился с инспекционной поездкой в Николаеве. Гарбузов, в свою очередь, заявлял на следствии о том, что визит Тевосяна привёл к многочисленным арестам среди инженеров. Свидетельство Гарбузова о прямом вмешательстве Тевосяна в «дело инженеров» подтвердил также Трушкин. Подпись заместителя наркома присутствует на справках в отношении ряда сотрудников судостроительного завода, подшитых в дело. Они были арестованы ещё до большого пожара⁶⁹.

16 июля 1938 г., спустя месяц после телеграммы Фриновского, Николаев посетил народный комиссар внутренних дел Украинской ССР А. И. Успенский. Он принял участие в совещании, на котором присутствовал весь оперативный состав аппарата УНКВД и горрайотделений. Совещание было подготовлено бригадой под руководством начальника 3-го отдела НКВД УССР

⁶⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 405–458; т. 3, арк. 133–141, 274–287.

⁶⁷ Там само, ф. 9, спр. 672, арк. 187–194. Автор благодарит Андрея Савина за указание на рукописные замечания Карамышева на оригинале документа.

⁶⁸ Там само, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 274–287.

⁶⁹ Там само, арк. 147–149, 274–287.

в кооперации с местным УНКВД⁷⁰. Эта бригада была специально послана в Николаев за три дня до приезда Успенского. В своём рапорте о проведении совещания Успенский указал, что чекистами была установлена подрывная работа японской, английской и немецкой разведок в гавани и на верфях, причём, на заводе № 200 она якобы велась в контакте с директором завода Щербиной. Последний был незамедлительно арестован. В свою очередь, по версии чекистов, Щербина также входил в состав правотроцкистской организации, среди членов которой Успенский назвал имя Стародубцева – будущего главного свидетеля по делу о пожаре на верфи. Особое беспокойство Успенского вызывало то, что верфь не была защищена от атак вражеских подводных лодок⁷¹.

Интерес вышестоящих органов к ситуации на судостроительных заводах Николаева был ещё больше «подогрет» в результате пожара, случившегося двумя неделями позднее, тем более, что требования Фриновского явно запоздали, а визиты Успенского и Тевосяна не принесли желаемых результатов. В результате республиканский аппарат НКВД принял непосредственное участие во «вскрытии» роли саботажнической группы троцкистов в поджоге верфи. В Николаев незамедлительно самолётом из Киева была отправлена бригада 7-го отдела НКВД Украинской ССР, отвечавшего за состояние дел на предприятиях оборонной промышленности. Бригаду возглавил начальник 7-го отдела⁷² А. М. Злобинский. Вместе с ним вылетели чекисты, хорошо зарекомендовавшие себя в деле «оперативного обслуживания» предприятий советской индустрии, карьеры ко-

⁷⁰ «16 июля 1938 г. в г. Николаеве было создано областное оперативное совещание, на котором присутствовал Успенский». См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 8, арк. 105.

⁷¹ Там само, ф. 16, спр. 300, арк. 42–49.

⁷² В приказах НКВД УССР по личному составу за 1938 г. 7-й отдел (отдел оборонной промышленности) впервые упоминается как подразделение в первых числах августа 1938 г. как 7-й отдел 1-го Управления НКВД УССР. Однако, исходя из показаний бывшего начальника 6-го отдела 1-го Управления НКВД УССР Василия Романовича Грабаря, возглавлявшийся им отдел (а, следовательно, и 7-й) был сформирован в конце июня 1938 г. За сведения автор благодарит Вадима Золотарёва.

торых и в будущем были связаны с этой сферой чекистской деятельности⁷³. Речь идёт об А. Г. Назаренко, начальнике 1-го специального (учётно-регистрационного) отдела НКВД УССР⁷⁴, З. А. Новаке, занимавшем с апреля 1938 г. должность оперуполномоченного 10-го отделения 3-го (контрразведывательного) отдела НКВД УССР⁷⁵, оперуполномоченных 3-го отдела НКВД УССР П. К. Пугаче⁷⁶ и А. Е. Рудном⁷⁷.

В расследование пожара вмешалась даже Москва, настаивавшая на ускорении темпов расследования. Согласно показаниям Трушкина, по линии прокуратуры из центра была получена телеграмма, в которой содержалась соответствующая директива⁷⁸.

Совершенно очевидно, что УНКВД по Николаевской области ещё до пожара на судостроительном заводе находилось под значительным давлением сверху, в результате чекисты стремились устранить ряд своих собственных упущений в деле ликвидации «троцкистской саботажнической группы», что якобы должно было привести к существенному росту производительности верфей. Они оперативно выполнили все требования вышестоящего начальства, но не смогли предотвратить пожара на заводе № 200, что, в свою очередь, привело к очередному расширению круга арестов.

Освобождение

Однако позднее случилось нечто совершенно необычайное. В начале апреля 1939 г. арестованные члены «троцкистской са-

⁷³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 1, арк. 131–134; т. 3, арк. 274–287; т. 13, арк. 111–226 зв.

⁷⁴ С сентября 1938 г. – сотрудник 7-го отдела (отдела оборонной промышленности) НКВД УССР.

⁷⁵ С 03.10.1938 по 11.11.1938 г. – член следственной группы при Особом отделе НКВД Киевского военного округа. На 23.01.1939 г. – начальник отделения 7-го отдела 1-го Управления НКВД УССР.

⁷⁶ С сентября 1938 г. – помощник начальника 9-го отделения 3-го отдела, в ноябре 1938 г. стал исполнять обязанности начальника отделения 9-го отдела (торговли и сельского хозяйства).

⁷⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 274–287; т. 12, арк. 116.

⁷⁸ Там само, т. 13, арк. 405–458.

ботажнической организации», которые, по версии руководства УНКВД и его республиканского начальства, были виновны в поджоге судостроительного завода № 200, оказались выпущены на свободу. Очередная экспертная комиссия пришла к выводу,

«что пожар мог произойти не только как результат диверсионного акта, а мог возникнуть совершенно случайно»⁷⁹.

Большая часть освобождённых вернулась на свои рабочие места. «Главарь саботажников» Фомин, освобождённый 8 апреля 1939 г., снова стал начальником корпусного цеха завода. Афанасьев, который, по версии следствия, должен был реализовывать преступные замыслы Фомина, вместо своей прежней должности – начальник участка цеха – стал техником-строителем. Однако из-за увечий, причинённых ему в ходе следствия, он скончался в начале 1940-х гг.⁸⁰ Должностью техника довольствовался бывший начальник участка цеха Бондарь. Они оба были отпущены в один день с Фоминым. Спустя два дня, 10 апреля 1939 г., последовало освобождение Гаврилова, который получил должность в областном земельном управлении⁸¹. 9 апреля 1939 г. на свободу вышел Гладков, который снова стал работать помощником начальника цеха. Чикалов после освобождения возобновил свою трудовую деятельность мастера⁸². М. Ф. Чулков, один из немногих «заговорщиков» не из числа заводчан, получил обратно свою должность преподавателя Николаевского судостроительного института. Базилевич, Меламуд и Носов также были оправданы⁸³.

⁷⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 451.

⁸⁰ Реабілітовані історією. Миколаївська область. – К.–Миколаїв, 2005. – Кн. 1. – С. 269–270. На втором судебном процессе против Карамышева, Трушкина, Гарбузова и Воронина он, однако, выступал ещё как свидетель. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 405–424.

⁸¹ Там само.

⁸² Там само, арк. 111–226 зв., 405–458.

⁸³ Получили ли эти люди после суда свои прежние должности, остаётся неизвестным. См.: Там само, т. 11, арк. 347–358.

На свободу вышел даже бывший второй секретарь Николаевского обкома КП(б)У Деревянченко, «разоблачённый» как троцкист и крупный взяточник⁸⁴. Тогда же был освобождён Д. Ф. Кобцев, с мая по июль 1938 г. работавший вторым секретарём Николаевского горкома КП(б)У и арестованный 24 июля 1938 г. по обвинению в троцкизме и взяточничестве. После освобождения он занял пост старшего конструктора завода № 198 им. А. Марти⁸⁵. Оба они не входили, в отличие от Чулкова, Гаврилова или Гладкова, в число непосредственных участников саботажнической организации, однако органы вменяли им в вину участие в разветвлённом троцкистском заговоре, охватившем всю Николаевскую область.

Бывшие арестованные получили денежные компенсации, вероятно, в размере потерянного ими рабочего заработка, бесплатные путёвки в санаторий, а также были восстановлены в партии⁸⁶. Сотрудник УНКВД Воронин должен был выплатить Кобцеву 900 руб., конфискованные во время ареста и не учтённые должным образом. Дополнительно Кобцев получил от финотдела УНКВД 1000 руб., которые были у него изъяты официально⁸⁷.

Однако для тех участников «троцкистской саботажнической организации», осуждённых Особой («национальной») тройкой, которая рассматривалась сотрудниками НКВД как внесудебная инстанция для осуждения так называемой «низовки»,

⁸⁴ Реабілітовані історією. Миколаївська область. – Кн. 1. – С. 266. На областной партконференции, проходившей в Николаеве 29 мая 1938 г., Деревянченко, как следует из публикации в прессе, был заклеен «как отравившийся от масс бюрократ, [который] глушил и маринировал тревожные сигналы о ныне разоблачённых врагах и тем самым, вольно или невольно, покрывал лютого врага народа Волкова и ему подобных негодяев и помешал партийной организации своевременно вскрыть подлинное лицо замаскировавшихся шпионов и вредителей». См.: Полностью выполнить решения областной партийной конференции // Южная правда. – 1938. – 30 мая. – № 116.

⁸⁵ Кобцев был освобождён 2 апреля 1939 г. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 111–226 зв.

⁸⁶ Там само, т. 9, арк. 132–133, 147–152.

⁸⁷ Там само, т. 13, арк. 201.

рядового состава контрреволюционных организаций⁸⁸, помощь пришла слишком поздно. Как уже упоминалось, Барсуков, Чернохатов и Мацковский были приговорены тройкой к ВМН в сентябре 1938 г. и расстреляны 4 ноября 1938 г. в 12 часов ночи⁸⁹. Только гораздо позднее, в 1941 г., Военный трибунал войск НКВД Киевского Особого военного округа отменил смертный приговор тройки по этому делу, что, по меньшей мере, давало возможность родственникам казнённых ходатайствовать о выплате компенсации⁹⁰. Их реабилитировали только в 1957 г.⁹¹

Заговор против НКВД

Участники «троцкистской организации», тем не менее, не были удовлетворены своим освобождением и остальными «благоденствиями» советского государства и компартии. Спустя две недели после того, как «заговорщиков» выпустили на свободу, агент по кличке «Герд» сообщил руководству СПО УНКВД, тем временем переименованного во 2-й отдел, следующее:

«Собранные мною факты говорят с несомненной точностью о том, что к-р разговоры, слухи рождаются в среде бывших арестованных, а сейчас освобождённых. [...] [Среди них стали] усиленно распространяться антисоветские разговоры, различные измышления»⁹².

Чтобы описать взрывоопасность ситуации, «Герд» и другие агенты несколько раз сообщали сведения о наиболее активных членах «троцкистской организации» на заводе № 200 из числа освобождённых⁹³. Совокупность донесений агентов свидетель-

⁸⁸ «Поясов: Карамышев был настроен передать дело о поджоге в Военный трибунал, но Трушкин предлагал передать туда только организаторов поджога, а второстепенных участников пропустить по тройке. Барсуков, Чернохатов, Мацковский [были осуждены по] 1-й кат[егории] тройкой, а первостепенные участники Военным трибуналом оправданы». См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 429.

⁸⁹ Держархів Миколаївської обл., ф. 5859, оп. 2, спр. 5747, арк. 354, 356, 358.

⁹⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 485–486 зв.

⁹¹ Реабілітовані історією. Миколаївська область. – Кн. 1. – С. 458.

⁹² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 9, арк. 135–136.

⁹³ Там само, арк. 131–134, 137–140.

ствовала о существовании группы, которая имела высокую степень организованности и прочные внутренние связи, располагала внутренней, сугубо доверительной информацией, полученной от «источников» в партийно-советских органах, а также из НКВД. Члены этой группы всячески пытались выдать себя за жертв с помощью слухов, преувеличений и лжи. Их непосредственной преступной целью являлось УНКВД по Николаевской области, но они также пытались очернить и дискредитировать всю судебную и карательную систему СССР, включая его руководство. НКВД у них был нарушителем законов, палачом и фальсификатором. Осуждение судебной и карательной системы производилось путём проведения параллелей с «темным средневековьем», деспотией царизма и фашизма. В свою очередь, население, в интерпретации «заговорщиков», испытывало симпатии к бывшим заключённым, при этом в значительной мере чувствовало себя угнетённым, униженным и оскорблённым. Москва представлялась, с одной стороны, главным организатором и соучастником репрессий, с другой – лишившейся ориентиров и крайне нерешительной в сложившейся ситуации.

Все донесения агентов об освобождённых арестованных были 3 августа 1939 г. сведены СПО УНКВД в единое агентурное дело под кодовым названием «Ретивые», на деле была сделана пометка «Троцкисты»⁹⁴.

После того, как в мае 1939 г. руководству УНКВД из сообщений агентов «стало ясно», что среди отпущенных на свободу арестованных сформировалась опасная группа заговорщиков, деятельность которой была направлена, в частности, против чекистов, новый начальник И. Т. Юрченко, временно назначенный на должность после снятия Карамышева в январе 1939 г., направил в начале июня 1939 г. рапорт заместителю наркома внутренних дел УССР А. З. Кобулову⁹⁵. Рапорт Юрченко состоял

⁹⁴ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 9, арк. 164–171.

⁹⁵ А. З. Кобулов был первым заместителем народного комиссара внутренних дел УССР с 07.12.1938 г. по 02.09.1939 г. См.: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД 1934–1941. Справочник. – М., 1999. – С. 236. В то время наркома НКВД не было, поэтому Кобулов де-факто был временно исполняющим обязанности наркома.

из компиляции цитат из донесений агентов «Герда» и «Добровольского», комментариев и оценок.

Действующими персонами, о которых шла речь в документе, снова были члены «троцкистской саботажнической организации», якобы виновные в пожаре на заводе № 200, включая их ближайшее окружение. Главное внимание обращалось на Гаврилова, Gladkova, Чулкова и Кобцева, а также Деревянченко.

Особое значение чекисты уделили «группированию» подозреваемых, при этом подбор и интерпретация цитат более чётко, чем в донесениях агентуры, подчёркивали, что группа, в первую очередь, преследовала цель дискредитации сотрудников УНКВД. Согласно рапорту, члены группы «систематически собирались друг у друга», где

«устанавливают общую ориентацию своего поведения в Обкоме КП(б)У, в заявлениях вышестоящим партийным органам и в НКВД СССР и УССР о том, что всем нужно писать, что их били и издевались над ними».

Вслед за этим Юрченко целенаправленно указывал, что действующая в настоящее время группа была в прошлом частью большой троцкистской саботажнической организации и по-прежнему поддерживает контакты с «троцкистским окружением». Обосновывалось это, во-первых, сообщением об отчаянных усилиях членов группы заставить замолчать главного свидетеля обвинения Стародубцева, выдавшего всех их. Во-вторых, с помощью донесений агента «Иванова» указывалось на сохранившиеся контакты группы с троцкистами или с их посредниками. Так, цитировалось сообщение «Иванова» о встрече Гаврилова с отцом «кадрового троцкиста» Бородаева, находившегося в ссылке. Встреча состоялась после освобождения Гаврилова, который выражал свою заинтересованность в судьбе сосланного троцкиста.

Далее в рапорте сообщалось об антисоветской агитации членов группы, направленной против советской карательной системы в целом, её отождествлении с карательной практикой царизма и фашизма.

В заключение в рапорте приводилась оценка, которую члены группы давали политике центра, направленной на освобожде-

ние репрессированных. В их интерпретации она представляла сумбурной и тупиковой, поскольку, с одной стороны, «невыгодно» держать в заключении девять миллионов зеков, поскольку их ждут их дети и родственники, а окружающие им сочувствуют. С другой стороны, всё это могло привести к концентрации лиц, настроенных неисправимо враждебно по отношению к советскому руководству. Показательно, в рапорте были опущены места из донесений агентов, в которых речь шла о высказываниях «троцкистов» на тему соучастия Москвы в репрессиях⁹⁶. В последних строках Юрченко сообщал, что отдал распоряжение о проведении дальнейших «глубоких разработок» группы, что и было выполнено (об этом свидетельствует рапорт Юрченко от 22 июля 1939 г.).

В этом донесении руководство УНКВД сообщало о действиях, направленных на то, чтобы с помощью тайной «прослушки» проверить донесения агента «Герда». В его квартире, где поставили устройство, 16 июля 1939 г. в 22 часа была организована встреча с А. К. Стародубцевой, женой главного свидетеля обвинения Д. Т. Стародубцева, который в рапорте упоминался как «участник троцкистского подполья». Юрченко в присутствии Гарбузова, заместителя начальника 2-го отдела УНКВД, прослушивал разговор, состоявшийся между Стародубцевой и «Гердом».

Рапорты начальника УНКВД, а также организованная им операция по прослушке стали краеугольным камнем скоординированной акции по защите чекистов от грозившего им обвинения в нарушении социалистической законности. О такой возможности они подозревали, по крайней мере, с 15 января 1939 г., когда Карамышев с позором был уволен с должности. Он потерял все политические посты: членство в Николаевском обкоме КП(б)У и мандат депутата Верховного Совета УССР.

⁹⁶ Все вышеприведённые здесь цитаты, авторство которых не было оговорено отдельно, основываются на: «Докладная записка нач. УНКВД по Николаевской области И. Т. Юрченко заместителю наркома внутренних дел УССР А. З. Кобулову о группировании бывших арестованных, освобождённых из-под стражи в г. Николаеве». 02.06.1939 г. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 9, арк. 142–146.

Весной 1939 г. Карамышева настиг ещё один удар: очередная экспертная комиссия, как уже упоминалось выше, пришла к заключению, что пожар на судостроительном заводе № 200 мог быть также делом случая⁹⁷. Новое руководство УНКВД встало на защиту корпоративных интересов, а, значит, и Карамышева, только в апреле 1939 г., в ходе кампании по освобождению подследственных и параллельно с начавшимися допросами Карамышева⁹⁸. Организовав слежку за «троцкистами», Юрченко не нарушал новой инструкции Л. П. Берии за № 00262, которая в том числе требовала

«всех освобождённых [...] взять на оперативный учёт НКВД»⁹⁹.

Возникает ощущение, что чекисты, которым предстояло оказаться на скамье подсудимых, играли основные роли в аппарате УНКВД и в своей попытке обезопасить себя и добиться оправдания могли рассчитывать на мощную поддержку коллег, особенно со стороны руководства управления.

Арест сотрудников государственной безопасности

Несмотря на все усилия нового начальника УНКВД обелить своих подчинённых, в начале августа 1939 г., т. е. спустя немногим более недели после рапорта Юрченко от 22 июля 1939 г., последовали аресты Трушкина и Карамышева¹⁰⁰. Арест бывшего начальника УНКВД не был лишён определённой драматичности и элементов инсценировки. Карамышев позднее описывал его в письме особоуполномоченному НКВД УССР, который вёл следствие:

⁹⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 451.

⁹⁸ Допросы Карамышева начались в апреле 1939 г. См.: Там само, т. 1, арк. 186–186 зв.

⁹⁹ Там само, т. 13, арк. 232.

¹⁰⁰ Ордер на арест Трушкина был датирован задним числом, дата изменена с 7 на 5 августа 1939 г. См.: Там само, т. 1, арк. 34. Однако фактически он был арестован 3 августа 1939 г. См.: Там само, арк. 36. Ордер на арест П. В. Карамышева датирован 07.08.1939. См.: Там само, арк. 7. На самом деле Карамышев был взят под стражу уже 4 августа 1939 г. См.: Там само, арк. 8–8 зв.

«Меня схватили на глазах у публики, в том числе моих избирателей, тащили из одного конца вокзала в другой с криком “Давай оружие”. Так расправляются с избранниками народа на глазах у самих избирателей. Что это такое? И с чем это сообразно? Странно и непостижимо! [...] Меня арестовали без предъявления санкции Верховного Совета УССР»¹⁰¹.

В постановлениях на арест Трушкина и Карамышева значилось, что они виновны в служебных преступлениях по ст. 206 п. 17 «а» УК УССР, т. е. им вменялись менее тяжкие проступки¹⁰². Конкретные обвинения в адрес Трушкина гласили, что он проводил

«[...] необоснованные аресты, утверждал справки, не соответствовавшие действительности, на партийных работников и специалистов заводов, допускал грубейшие извращения в следствии, протоколы составлялись в отсутствие обвиняемых, после чего корректировал их, поощрял и культивировал провокационные методы следствия. В 1939 году, после решения ЦК и СНК, Трушкин умышленно задерживал освобождение ряда арестованных, оказавшихся оговорёнными, в то же время без всякого основания освободил свыше 40 человек арестованных, на коих имеются соответствующие серьёзные компрометирующие материалы. По показаниям арестованных [Л. М.] Тейтеле и [А. М.] Шепетина¹⁰³, Трушкин характеризуется, как антисоветская личность, поддерживающая к-р троцкистские взгляды»¹⁰⁴.

Санкция на арест Карамышева основывалась на следующих обвинениях:

«будучи нач. Николаевского УНКВД, производил аресты по фальсифицированным справкам, фальсифицировал следственные

¹⁰¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 1, арк. 219–220 зв.

¹⁰² Там само, арк. 6. Первая санкция для оформления ордера на арест Трушкина была дана 1 августа 1939 г. В ней ещё упоминается § 206, п. 17 «б» УК УССР. См.: Там само, арк. 31. Второе постановление на арест было датировано 2 августа 1939 г. См.: Там само, арк. 29. Арест Карамышева санкционировал военный прокурор Морозов, а арест Трушкина – заместитель народного комиссара внутренних дел УССР А. З. Кобулов.

¹⁰³ Речь идёт о сослуживцах Трушкина по СПО УГБ УНКВД по Черниговской области Лазаре Моисеевиче Тейтеле (1902–1938) и Аврааме Мордковиче Шепетине (1896–1939).

¹⁰⁴ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 1, арк. 29.

документы, применял по отношению к арестованным физические меры воздействия, прикрывал факты убийства арестованных во время следствия, поддерживал связь с лицами, подозрительными по антисоветской деятельности»¹⁰⁵.

Кроме этого, указывалось, что Карамышев игнорировал донесения агентов о враждебно настроенных лицах, а одна из последних, врач по специальности, переночевала с ним¹⁰⁶.

Спустя полгода, в начале марта 1940 г., за служебные преступления были арестованы ещё два бывших подчинённых Трушкина – М. В. Гарбузов, начальник отделения и заместитель начальника Секретно-политического отдела, и К. А. Воронин, также начальник отделения этого отдела УНКВД. Основное обвинение против них гласило – «применение физических мер воздействия». Именно этим эвфемизмом описывались пытки и издевательства над арестованными¹⁰⁷.

Главными свидетелями, на показаниях которых строилось обвинение, были люди, арестованные по подозрению в поджоге завода № 200 и к тому времени вышедшие на свободу. В своих обращениях к местному и центральному партийному руководству, партийно-советским функционерам они жаловались, что в ходе следствия сотрудники органов госбезопасности добивались от них признаний в антисоветской деятельности, искусственно объединили их в троцкистскую группу и систематически отказывали им в контактах с прокуратурой и другими органами надзора; на то, что их обманывали, избивали, оплёвывали, мучили и угрожали арестом близких. Бывшие арестованные в один голос сообщали о многочасовых, зачастую длившихся сутками «выстойках», чудовищно опухавших от этого ногам, лишении воды, еды и сна, избиениях различными предметами, глухоте и прочих тяжёлых травмах, многосуточных наказаниях карцером и содержании в переполненных сверх всякой меры камерах. Уже во время следствия многие из них

¹⁰⁵ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 1, арк. 91–94.

¹⁰⁶ Там само, арк. 2–3.

¹⁰⁷ Гарбузов и Воронин были арестованы 7 мая 1940 г. Их увольнение из органов НКВД последовало 10 марта и, соответственно, 1 марта 1940 г. См.: Там само, т. 13, арк. 111 зв. – 113.

отказались от своих, данных ранее, показаний и сделали заявления работникам прокуратуры о том, как плохо с ними обращались¹⁰⁸.

Однако самый настоящий поток жалоб вызвал приезд в Николаев в мае 1939 г. специальной комиссии во главе с особоуполномоченным НКВД УССР А. М. Твердохлебенко, поскольку она уделила большое внимание жалобам пострадавших. Особоуполномоченный работал в аппарате НКВД УССР и был наделён полномочиями вести расследование в отношении арестованных сотрудников НКВД и подозреваемых в нарушении соцзаконности¹⁰⁹. Комиссия Твердохлебенка как и её предшественница, работавшая в Николаеве в сентябре 1938 г., имела задание ознакомиться с ситуацией, сложившейся в областном управлении НКВД¹¹⁰. Она собирала показания жертв массовых репрессий, допрашивала трёх сотрудников СПО УНКВД и Карамышева, против которых уже были выдвинуты обвинения, а также большое число сотрудников управления¹¹¹. В результате последовал вывод, что ответственность за должностные преступления несут Карамышев, Трушкин, Гарбузов и Воронин¹¹².

В 1939–1940 гг., в ходе дальнейших следственных действий, осуществлявшихся сотрудниками 2-го отдела НКВД УССР, в результате дополнительных допросов как жертв, так и сотрудников Николаевского УНКВД были получены подтверждения того, что личный состав управления практиковал пытки и фальсифицировал документы следственных дел¹¹³.

¹⁰⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 8, арк. 37–42, 53–56.

¹⁰⁹ Твердохлебенко на момент кампании «по восстановлению социалистической законности» был новичком в органах НКВД. До 1938 г. он работал заместителем заведующего шахтой «София» треста «Макеевуголь». В марте 1938 г. Сталинским обкомом КП(б)У был послан в распоряжение ЦК КП(б)У, откуда был направлен на работу в органы НКВД. См.: Там само, ф. 12, спр. 166, т. 2, арк. 5–8.

¹¹⁰ Там само, ф. 5, спр. 67990, т. 9, арк. 131.

¹¹¹ Там само, т. 13, арк. 197.

¹¹² Там само, арк. 234.

¹¹³ 13 сентября 1939 г. бывший начальник участка корпусного цеха судостроительного завода № 200 Г. П. Афанасьев заявил о том, что его систе-

Сотрудники НКВД перекладывали вину друг на друга. Так, Гарбузов показал, что видел, как Трушкин избивал подследственного¹¹⁴. Согласно его показаниям, рукоприкладством занимался ряд его сослуживцев, но ни в коем случае не он лично¹¹⁵. Лишь Воронин признался, что избивал подследственного Прикера, однако это, якобы, была лишь защитная реакция на нападки арестованного на его коллег, которых тот обзывал «фашистами». Прикер, по показаниям Воронина и Гарбузова, в ходе допроса внезапно напал на Гарбузова и, дико ругаясь, схватил следователя НКВД за волосы, укусил его и ударил. Гарбузов, который также считал, что случившееся давало чекистам право избить подследственного, тем не менее утверждал, что сначала он в присутствии сотрудника Волошина проинформировал об инциденте бывшего начальника СПО УНКВД Толкачёва. Получив от него санкцию, сотрудники отдела Воронин, Басов и Козачук «применили [к Прикеру] физические меры воздействия»¹¹⁶.

Ещё один подчинённый Гарбузова, Федотов, в свою очередь, неоднократно давал показания о фальсификации протоколов допроса и внесении в них записей Гарбузовым и Трушкиным в отсутствие подследственных¹¹⁷. Вслед за этим Гарбузов признался, что по своему усмотрению исправлял и дополнял протоколы допросов, но только в стилистическом отношении или на основе информации из других достоверных источников, таких, как решения партии. Однако, заявлял Гарбузов, он никогда не настаивал на том, чтобы следователи его отделения требовали от подследственных подписать эти видоизменён-

матически избивал Гарбузов, причём избиения начались ещё в кабинете директора завода в ходе предварительного расследования пожара сотрудниками НКВД. См.: ГДА СБ Украины, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 194–201. Преподаватель Николаевского судостроительного института М. Ф. Чулков сразу после освобождения написал заявление на имя государственного прокурора Карпенко. См.: Там само, т. 13, арк. 220.

¹¹⁴ Там само, т. 3, арк. 212–223.

¹¹⁵ Там само.

¹¹⁶ Там само, арк. 212–223, 270–278.

¹¹⁷ Там само, арк. 212–223.

ные протоколы¹¹⁸. Помощник начальника ещё одного отделения СПО П. Д. Козачук подробно описал, каким образом Трушкин вносил изменения в протоколы допросов¹¹⁹.

Главное обвинение в адрес Карамышева гласило, что он не только «поощрял и культивировал незаконные методы допросов», но мирился и способствовал ненормальностям в работе тройки УНКВД. В результате отдельные дела на тройке представляли не те сотрудники госбезопасности, которые составляли короткие обвинительные заключения для протоколов тройки (так называемые докладчики), а те чекисты, которые не были знакомы с делами, например, начальники соответствующих отделов, в которых работали «докладчики»¹²⁰. Помимо этого, некоторые протоколы тройки оформлялись в отсутствие областного прокурора и первого секретаря Николаевского обкома КП(б)У – постоянных членов тройки. Как правило, протоколы подписывались членами тройки спустя два–три дня после заседания и, по меньшей мере, трижды из протоколов были удалены фамилии осуждённых, хотя на тот момент протоколы уже были подписаны¹²¹.

Также в вину Карамышеву вменялось, по показаниям Зельцмана, опытного следователя НКВД, его заявление на оперативном совещании сотрудников, согласно которому чекисты имели право проводить аресты без санкции прокуратуры. Кроме этого, Зельцман упомянул об антисемитских нападениях Карамышева на сотрудника НКВД Бромберга, который выделялся своим «либеральным» отношением к подследственным. Карамышев якобы угрожал «вырвать это бедное еврейское сердце»¹²².

Что же касается пожара на заводе № 200, то постепенно комиссия установила, что многие компрометирующие данные в отношении мнимых участников саботажнической группы либо полностью, либо частично не согласовывались между

¹¹⁸ ГДА СБ Украины, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 212–223.

¹¹⁹ Там само, т. 7, арк. 108–124.

¹²⁰ Там само, т. 13, арк. 46–49 зв.; т. 3, арк. 244–253.

¹²¹ Там само, т. 3, арк. 212–223; т. 1, арк. 277–281, 288–295.

¹²² Там само, т. 3, арк. 139–149.

собой, а следствие закрывало глаза на эти противоречия. Так, в его материалах неоднократно указывалось, что инженер А. Е. Гаврилов, бывший заместитель начальника выгоревшего цеха верфи, был в 1937 г. исключён из ВКП(б) за троцкистские взгляды и контакты с троцкистами, но следователи предпочли «забыть» о том, что в том же 1937 г. Гаврилов был восстановлен в партии¹²³. Арест Гаврилова последовал не в связи с тяжёлой ситуацией на заводе, а как наказание за отказ стать негласным осведомителем НКВД. Чтобы сломить сопротивление Гаврилова, целую неделю, вплоть до ареста 27 июля 1938 г., его каждый день вызывали в УНКВД на допрос, который длился с 10 часов вечера до 5 часов утра, после чего Гаврилов отправлялся на работу¹²⁴. Только после ареста инженера чекисты стали собирать на него компрометирующие материалы, фальсифицировали протоколы допросов и нашли свидетеля, давшего показания о том, как он завербовал Гаврилова в состав троцкистской группы. Как было установлено позднее,

«27 июля 1938 г. на его арест была составлена сотрудниками УНКВД Федотовым, Гарбузовым и Трушкиным фиктивная справка, в которой было указано, что Гаврилов изобличается в принадлежности к к-р организации показаниями арестованного Стародубцева, однако таких показаний в следственном деле и вообще в делах Николаевского облуправления НКВД – не имеется»¹²⁵.

В конце концов, сотрудники НКВД Танфилов, Федоровский, Воронин, Гарбузов и Трушкин вынудили Гаврилова в ходе длительных допросов (так называемого «конвейера») и в результате «применения провокационных и незаконных методов следствия» подписать фальсифицированные протоколы допросов¹²⁶. Позднее Гаврилов в свидетельских показаниях от 8 сен-

¹²³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 111–226 зв.; т. 2, арк. 23–26; т. 13, арк. 405–458.

¹²⁴ Гаврилов сообщил об этом в ходе его допроса от 8 сентября 1939 г. и Гарбузов позднее подтвердил на допросе эти показания. См.: Там само, т. 3, арк. 181–186, 244–253.

¹²⁵ Там само, т. 9, арк. 164–171.

¹²⁶ Там само, т. 1, арк. 69–77; т. 9, арк. 164–171.

тября 1939 г. нарисовал образ чекистов, которые чувствовали себя всесильными. По его словам, однажды во время допроса Гарбузов заявил:

«Мы сами суд и сами следствие, на нашей стороне все, – общественность, суд. Вам никто не поверит, что мы захотим, то с вас и сделаем. Помните, вы в ежовых рукавицах, Николай Иванович нам всё разрешил. Мы вас порасстреливаем, как бешеных собак, если вы не будете писать того, что мы от вас требуем»¹²⁷.

Несмотря на то, что постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. официально положило конец массовым операциям, сотрудники НКВД продолжали использовать пытки и издевательства, хотя и делали это не так часто и не в таких объёмах. Подследственные, если сравнивать с периодом «Большого террора», реже давали об этом показания. В новой ситуации чекисты должны были проявить всё своё профессиональное мастерство и применить все уловки, чтобы выиграть в беспримерной «войне нервов», а также «дисциплинировать» подследственных, в массовом порядке отказывавшихся от своих показаний. Однако на этот раз на кону стояла уже собственная жизнь сотрудников госбезопасности. Поэтому те показания арестованных, в которых они дистанцировались от данных ранее, а также самооговоров, следователи не фиксировали¹²⁸.

Дело бывшего второго секретаря Николаевского горкома КП(б)У Д. Ф. Кобцева было одним из тех, в рамках которого подследственного продолжали избивать после 17 ноября 1938 г. Но и в данном случае главное место всё же занимали так называемые «белые пытки» (меры психического и физического воздействия, не оставлявшие явных следов), призванные заставить Кобцева подтвердить данные им ранее показания. На допросах 2 декабря 1938 г. и 16 февраля 1939 г. сотрудники СПО УНКВД поставили Кобцева на «выстойку», т. е. заставили стоять

¹²⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 181–186.

¹²⁸ Фомин и Гладков выступили с аналогичными показаниями, в которых описали эту чекистскую практику. См.: ГДА СБ України, Миколаїв, ф. 6, спр. 1192-с, т. 9, арк. 41–57. Автор благодарит Сергея Макаручука за предоставленный им документ.

на ногах в течение многих часов, возможно дней, в результате чего ноги у Кобцева опухли настолько, что он не мог носить обувь, а также у него шла носом кровь. «Выстойка» сопровождалась руганью и оскорблениями. Кобцеву было отказано во врачебной помощи, хотя он жаловался на сердечные боли и, очевидно, находился на грани нервного срыва, поскольку разрыдался, когда просил вызвать к нему врача, тем более, что следователи угрожали ему провести 20 очных ставок с другими свидетелями. И всё же Кобцеву предоставили возможность обратиться с письмом на имя прокурора СССР А. Я. Вышинского. В этом обращении он вновь отказывался от своих показаний о принадлежности к троцкистской организации, которые он вынужден был подтвердить на двух последних допросах. Кроме этого, Кобцев просил Вышинского защитить его от «зверских избиений» со стороны следователей. Жалоба на имя Вышинского не принесла Кобцеву облегчения, напротив, во время допроса, состоявшегося 18 или 19 февраля 1939 г. в кабинете Воронина, он был жестоко избит Гарбузовым в присутствии хозяина кабинета. Избиение вызвало у него несколько сердечных приступов¹²⁹.

Подследственный М. П. Дудин, бывший начальник производственного цеха судостроительного завода им. А. Марти, будучи допрошен в Киеве в марте 1939 г., показал, что его также передопрашивали Трушкин и Гарбузов, поскольку он отказался от своих предыдущих показаний. Изготовленный в результате протокол допроса был, согласно правилам, зачитан Дудину, но следователи не дали ему очки, чтобы он мог проверить корректность записи. Вслед за этим в результате очередного допроса, на этот раз проведённого прокуратурой Николаевской области, выяснилось, что следователи не зачитали Дудину имевшие решающее значение места, в которых тот якобы вновь подтверждал свои старые показания¹³⁰.

¹²⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 7, арк. 21–31.

¹³⁰ Гаврилов сообщил об этом в ходе его допроса от 8 сентября 1939 г. и Гарбузов позднее подтвердил на допросе эти показания. См.: Там само, т. 3, арк. 181–186.

Прямые улики совершения Трушкиным служебных преступлений следствие получило в результате обыска, проведённого в квартире чекиста в день его ареста. Сразу же после того, как Трушкин в конце июля – начале августа 1939 г. получил из Киева приказ об увольнении, он брал домой совершенно секретные материалы, чтобы подготовить мотивированные жалобы на имя народного комиссара внутренних дел Украины и его заместителя, а также, чтобы во всеоружии лично поехать с жалобами в Киев и Москву. Во время обыска были найдены копии донесений агентов, которые вели слежку за выпущенными на свободу «троцкистами» с завода № 200, материалы, содержавшие статистические данные о людях, арестованных Трушкиным с момента начала его работы в Николаеве в июне 1938 г., а также сведения об осведомителях и агентах, которые были у Трушкина «на связи» до и после 17 ноября 1938 г., и поступившие от них донесения. Среди этих документов обнаружили копию телеграммы М. П. Фриновского от 17 июня 1938 г. с требованием провести аресты на промышленных предприятиях, в том числе и на судостроительном заводе № 200, а также статистические данные, которые были призваны доказать, что только после назначения Трушкина в июне 1938 г. сотрудники 4-го отдела УНКВД стали работать с полной отдачей. В результате резко выросло число законченных ими дел. Внимание следствия также привлекли две справки: первая была написана самим Трушкиным, но отправлена за подписью Юрченко в начале июня 1939 г. Кобулову, Берия и в ЦК КП(б)У, речь в ней шла о донесениях агентов по вопросу о деятельности освобождённых из-под стражи «поджигателей». Во второй содержалась информация об акции по прослушке, организованной в июле 1939 г. в квартире агента «Герда»¹³¹.

Главный козырь, оказавшийся в руках сотрудников следственного отдела НКВД УССР, расследовавших преступления УНКВД по Николаевской области, также относился ко времени после завершения «Большого террора». Речь идёт о показаниях всё того же агента «Герда», изобличивших Трушкина и его под-

¹³¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 80–85.

чинённых – Воронина и Гарбузова¹³². Будучи заместителем директора Николаевского педагогического института¹³³, «Герд» в качестве агента вёл профильное наблюдение за педагогами. Однако, как выяснилось в октябре 1939 г. в ходе следствия, сотрудники 2-го отдела УНКВД стали «активно» использовать этого агента главным образом для разработки выпущенных на свободу инженеров завода № 200¹³⁴. По словам «Герда», Трушкин в первую очередь «настойчиво предлагал мне активно осведать Чулкова, Гаврилова, Кобцева и других». В частности, Трушкин заявлял:

«Это группа врагов и их нужно глубоко разработать»¹³⁵.

Теперь же «Герд» открыто признался в том, что не располагал конкретными фактами, его информация была случайного происхождения, собрана им из третьих рук, поскольку группа, которую ему поручили «разрабатывать», знала, что в случае с «Гердом» речь идёт о тайном информаторе НКВД. Заявление, которое агент сделал в ходе своего допроса 25 октября 1939 г., было для чекистов убийственным:

«[...] я признаю, что сведения [...] сильно преувеличены, обобщены [...]. Эти данные я под нажимом Трушкина и Гарбузова [...] натягивал, вносил в сводки свои предположения и в результате создавалось впечатление, что эта группа лиц связана общностью антисоветских взглядов. [...] Материалы [...] неправдоподобны. Единственное, что соответствует действительности [...], это их некоторая озлобленность против тех работников НКВД, которые вели следствие по их делу и излишняя болтливость в методах допроса и т. п. Гаврилов, Чулков и другие особенно ругали ра-

¹³² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 9, арк. 153–163.

¹³³ Там само. Ф. Ф. Николаевский (1881–?), уроженец с. Б. Кириевка Винницкой обл., украинец, беспартийный, из рабочих, под судом и следствием не был.

¹³⁴ В ходе неоднократных допросов «Герда» и Трушкина выяснилось, что Трушкин с самого начала, а не только с июня 1939 г., определял содержание инструкций, которые давались агентам. См.: Там само, т. 3, арк. 1–6, 23–33; т. 11, арк. 256–257 зв.

¹³⁵ Там само, т. 9, арк. 153–163. Позднее «Герд» показал на допросе, что таким же образом его инструктировал Поясов в присутствии Трушкина.

ботников НКВД Трушкина, Гарбузова, Воронина за те методы, которые они применяли к ним при допросах»¹³⁶.

На вопрос следователя Н. А. Казина, заместителя начальника 2-го отдела УГБ НКВД УССР¹³⁷, что же подвигло «Герда» к «извращению» фактов, агент сообщил о давлении, оказанном на него в июне 1939 г. со стороны Трушкина и заместителя начальника УНКВД по Николаевской области А. Ф. Поясова. Они не только остро критиковали «Герда» за его донесения, которые не содержали конкретных данных об антисоветских настроениях и подрывной деятельности членов троцкистской группы, но и шантажировали агента:

«Трушкин мне заявил, что я капитулянт, что я не желаю продолжать активную разработку группы врагов. [...] Отсутствие конкретных материалов [...] он будет расценивать как нежелание с моей стороны бороться с врагами и сообщил мне о наличии на меня компрометирующих материалов в НКВД. Эти материалы [...] будут использованы для расправы со мной в том случае, если я не продолжу и не вскрою антисоветскую деятельность этой группы лиц. Трушкин мне прямо заявил, дословно, следующее: “Учтите это, а то мы с вами крепко посчитаемся”»¹³⁸.

Тот факт, что на «Герда» оказывало давление всё руководство Николаевского УНКВД, подтвердился в ходе дальнейших допросов Трушкина. Так, Юрченко дал в июне 1939 г. указание подкрепить опросами на местах содержащиеся в личном деле агента сведения о том, что тот в качестве председателя сельского совета во время гражданской войны издевался над крестьянами, занимался самосудами и поддерживал связь с белогвардейцами. Однако проведённые чекистами опросы не дали нужного результата¹³⁹. Кроме того, Юрченко приглашал к себе «Герда» на беседу, посвящённую этому эпизоду в биографии агента. Беседа проходила в присутствии Трушкина и Федоров-

¹³⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 9, арк. 153–163.

¹³⁷ Позднее – заместитель начальника и начальник следственной части УГБ НКВД УССР.

¹³⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 9, арк. 153–163.

¹³⁹ Там само, арк. 164–171; т. 3, арк. 1–6

ского. «Герд», в свою очередь, попытался выбраться из расставленной ловушки, заявив, что источником компрометирующей информации служат кулаки, с которыми он боролся в годы гражданской войны¹⁴⁰.

Высокопоставленный следователь УГБ НКВД УССР Н. А. Казин, чьи полномочия подтверждались документом за подписью заместителя народного комиссара внутренних дел Украинской ССР Н. Д. Горлинского, на основании этих показаний агента «Герда» в заключении по агентурному делу «Ретивые» от 5 декабря 1939 г. пришёл к выводу, что Трушкин, Гарбузов и Воронин намеренно использовали четырёх агентов для разработки мнимой троцкистской группы, чтобы

«во что бы то ни стало [доказать наличие] вражеской деятельности» в «целях прикрытия своей преступной деятельности в органах НКВД».

Что же касается агента «Герда», то Казин предлагал арестовать его и провести «самое тщательное расследование» в отношении имевшихся на агента компрометирующих материалов, что и было сделано¹⁴¹.

Однако Гарбузов и Воронин, которые в тот момент оставались на свободе, не собирались сдаваться, действуя целиком и полностью в духе Трушкина. Спустя два дня после того, как Казин подписал своё разгромное заключение по делу «Ретивые», Гарбузов написал рапорт на имя Л. Берии и заместителя наркома внутренних дел УССР Н. Д. Горлинского, в котором полностью обелял свои действия. В свою очередь, Юрченко отдал распоряжение о повторном допросе «Герда», в котором приняли участие как заместитель Юрченко Л. Т. Готовцев, так и оперуполномоченный УНКВД Никитин. Проведённый допрос принёс сенсационный результат: «Герд» отказался от своих показаний от 25 октября 1939 г., на которых главным образом основывался Казин, составляя документ, компрометировавший николаевских чекистов. При этом «Герд», как позднее под-

¹⁴⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 44–56.

¹⁴¹ Там само, т. 9, арк. 164–171. Агент «Герд» был освобождён позднее. См.: Там само, т. 1, арк. 79–81.

чёркивал Гарбузов, «категорический» отрицал, что на него оказывалось давление посредством «провокационных и преступных методов»¹⁴².

«Герд» повторил эти показания в ходе ещё одного допроса, который на этот раз провёл в марте 1940 г. помощник начальника следственного отдела УГБ НКВД УССР М. Л. Хайтин. Показательно, что именно Хайтин во время допроса фактически помог «Герду» выбрать правильную стратегию, благодаря которой тот смог представить метаморфозы своих показаний в выгодном свете. Теперь «Герд» заявил Хайтину, что все собранные им сведения в отношении троцкистской группы соответствовали действительности, он лишь немного «сгущал краски», учитывая то особое внимание, которое сотрудники УНКВД Трушкин, Гарбузов и Воронин уделяли этому делу. В результате преувеличение фактов трансформировались в «некоторую предвзятость» в отношении троцкистов, которую «Герд» испытывал из-за их критических высказываний в адрес сотрудников НКВД Трушкина, Гарбузова и Воронина. Даже «раскопки» в прошлом «Герда», в его бытность председателем сельского совета в годы гражданской войны, которые ещё в ходе допроса в октябре 1939 г. агент характеризовал как попытку оказания на него серьёзного давления со стороны сотрудников НКВД, теперь были сведены к банальной перепроверке, после чего следователь и допрашиваемый быстро перешли к главной теме – слежке за освобождёнными подследственными. На вопрос, почему на допросе в октябре 1939 г. он прибёг к таким преувеличениям, «Герд» заявил, что его фактически заставил это сделать следователь Казин, который утверждал, «что мне должно быть известно, что враги, пробравшиеся в органы НКВД, пытались избить честных людей». Кроме этого, свою роль, якобы, сыграли ходившие по Николаеву слухи о том, что Трушкин, Карамышев и другие сотрудники НКВД оказались врагами народа¹⁴³.

То, что эта версия показаний «Герда» на самом деле гораздо больше соответствовала правде, чем его первые показания,

¹⁴² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 181–186.

¹⁴³ Там само, т. 11, арк. 256–257 зв.

следует из заявлений агента на втором судебном процессе над Карамышевым, Трушкиным, Гарбузовым и Ворониным в марте 1941 г. Здесь давление со стороны Юрченко и Трушкина уже не выглядит таким безобидным – «Герд» рассказал, что он прождал своего допроса до глубокой ночи в коридоре и думал о том, что будет неминуемо арестован. Однако агент, тем не менее, не согласился с тем, что слова Юрченко («Мы с Вами крепко рассчитаемся, если материалы о Вас подтвердятся») были «запугиванием», а также отрицал, что свои донесения он писал под давлением со стороны сотрудников НКВД. Напротив, «Герд» вновь подчеркнул, что для него выражение недовольства со стороны бывших арестованных в адрес беспорочных чекистов было ничем иным, как «антисоветскими разговорами», после чего извиняющимся тоном добавил: «Ибо так меня воспитывали 20 лет»¹⁴⁴.

Таким образом, арест сотрудников НКВД проводился главным образом на основании свидетельских показаний как их коллег-чекистов, так и освобождённых подследственных. Документальные доказательства вины чекистов были редкими и затрагивали главным образом нарушение приказов и не всегда корректное – с процедурной точки зрения – осуждение репрессированных тройкой. И всё же секретные материалы, найденные во время обыска квартиры Трушкина, были серьёзной уликой, изобличившей чекиста в грубом нарушении своих служебных обязанностей.

Серьёзную роль в изобличении Трушкина, Гарбузова и Воронина также сыграл агент «Герд». Однако проблема здесь заключалась в том, что «Герд» впадал из крайности в крайность. Сначала он выступал в качестве главного свидетеля обвинения, потом неожиданно вновь солидаризовался с курировавшими его чекистами, заявляя, что он также, как и они, перестал понимать, почему поведение лиц, за которыми он вёл наблюдение, больше не рассматривается как «троцкистское» и

¹⁴⁴ В частности, Николаевский заявил по этому поводу: «В Наркомате мне разъяснили, что эти проявления не являются антисоветскими, так как, пробыв в заключении, эти лица имели некоторые основания к таким настроениям». См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 445 зв – 446.

«враждебное». В конечном итоге возникает впечатление, что «Герд» всё время, кроме небольшого перерыва, придерживался той же линии, что и Трушкин, Гарбузов и Воронин, и пытался, наряду с руководством УНКВД по Николаевской области, оказать им поддержку. То, что эта поддержка не всегда отвечала ожиданиям арестованных чекистов, было уже другим делом.

Первый процесс

Показательно, что показания агента «Герда», которые он дал в середине марта 1940 г. и которые изобличали, главным образом, Трушкина и Гарбузова, не нашли своего отражения в обвинительном заключении в отношении Карамышева, Трушкина, Гарбузова и Воронина от 11 мая 1940 г. Напротив, авторы обвинительного заключения предпочли использовать «старые» показания «Герда», данные им в октябре 1939 г., которые содержали гораздо больше компрометирующих сведений о чекистах. Также и все другие пункты обвинения, уже упоминавшиеся ранее в постановлении об аресте, подкреплялись теперь, как казалось, в достаточной мере массой свидетельских показаний коллег арестованных сотрудников НКВД, их жертв, а также материалами многочисленных очных ставок и некоторыми другими обличительными материалами¹⁴⁵.

Месяц спустя Военная коллегия Верховного Суда СССР в Москве санкционировала предъявление обвинения и поручила организацию и проведения судебного процесса Военному Трибуналу войск НКВД Украинского округа¹⁴⁶.

¹⁴⁵ Обвинительное заключение было составлено сотрудниками следственного отдела НКВД УССР. Утвердили заключение начальник следственного отдела Н. А. Казин и заместитель народного комиссара НКВД УССР Н. Д. Горлинский. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 11, арк. 347–358.

¹⁴⁶ См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 2. Незадолго перед этим был официально установлен порядок, согласно которому сотрудники НКВД подлежали суду военного трибунала. См.: Указ президиума Верховного совета СССР «Об изменении подсудности военных трибуналов». 13.12.1940 // Организация суда и прокуратуры СССР / Сост. Н. А. Баженова. – М., 1988. – С. 69.

Однако непосредственно судебный процесс состоялся только спустя полгода и продлился целую неделю, с 27 декабря 1940 г. по 4 января 1941 г. Местом проведения суда стало здание областного управления НКВД в Николаеве. Процесс проходил при закрытых дверях, под председательством военюриста I ранга Гурьева. Членами суда были Чепиков и Лысков, секретарём – техник-интендант I ранга Миляков. Прокурор и защита к процессу допущены не были. Обвинение гласило – должностные преступления, ст. 206 п. 17 «б» УК УССР, т. е. тяжёлые проступки, за которые предусматривалась смертная казнь.

Трибунал пригласил 44 свидетеля, из них шестеро не смогли явиться на суд. В случае со свидетелями речь шла исключительно о (бывших) сотрудниках УНКВД по Николаевской области, а также об освобождённых арестованных, ставших жертвами методов работы НКВД. Однако среди последних был проведён предварительный тщательный отбор – в качестве свидетелей были приглашены только те, кто работал до ареста на предприятиях и судостроительных заводах Николаева как до своего ареста, так и, большей частью, после освобождения. Что же касается свидетелей из числа колхозников, чьи дела также являлись темой как следствия, так и судебного разбирательства, то их не пригласили. В ответ на ходатайство Карамышева суд также вызвал для дачи показаний ещё пятерых свидетелей, которые все без исключения были сотрудниками НКВД¹⁴⁷. Недопуск защитников обернулся во вред обвиняемым чекистам. Они должны были сами защищать себя, и их ознакомили, хотя и достаточно поздно, со всеми собранными против них материалами.

В случае с обвиняемыми речь шла о молодых людях, которые, за исключением Трушкина, относительно недавно стали сотрудниками НКВД и вступили в партию. Несмотря на это, они быстро добились карьерных успехов. Так, к началу судебного процесса Петру Васильевичу Карамышеву было 35 лет. Он родился в 1905 г., был уроженцем г. Екатеринбургa, русским по национальности, имел незаконченное среднее образование. В 33 года Карамышев стал капитаном госбезопасности и началь-

ником УНКВД по Николаевской области (с апреля 1938 по декабрь 1938 г.), хотя на тот момент он отработал в органах только десять лет, начиная с 1928 г. В 1928 г. он также вступил в ВКП(б), членству в партии предшествовали шесть лет пребывания в комсомоле¹⁴⁸. В РККА Карамышев не служил. Имел на иждивении дочь.

Яков Лукьянович Трушкин родился в 1904 г. в г. Керчи, по национальности – русский. Он был только на год старше Карамышева, но уже в 15 лет стал членом РКП(б), а в 17 лет, т. е. с 1921 г., работал на разных должностях в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД. Однако его карьерный взлёт начался только в годы «Большого террора». С 1 июня 1938 г. по 30 июля 1939 г. Трушкин временно исполнял должность начальника 4-го (потом 2-го) отдела УНКВД по Николаевской области, ему было присвоено звание «старший лейтенант госбезопасности». Трушкин ранее не судился и дисциплинарных взысканий не имел, был женат, имел на иждивении жену и двух детей.

Михаил Васильевич Гарбузов, уроженец ст. Дерюгино Курской губернии, русский, родился в 1909 г. На момент суда ему исполнился 31 год, он был самым молодым из обвиняемых. До службы в органах госбезопасности Гарбузов три с половиной года проработал на производстве, в РККА не служил. Членом ВКП(б) он стал в 1931 г., с 1932 г. по 1940 г. работал в органах ОГПУ–НКВД. Уже в возрасте 29 лет, с 15 августа 1938 г. по 10 марта 1940 г., он занимал пост заместителя начальника СПО УНКВД по Николаевской области, ему было присвоено звание «сержант госбезопасности». За время работы в «органах» имел одно дисциплинарное взыскание – 10 суток ареста, но даже его не отбывал, впоследствии это взыскание с него сняли. Был женат, имел на иждивении ребёнка.

Константину Афанасьевичу Воронину на момент суда исполнилось 34 года. Он родился в 1906 г. в г. Одессе, по национальности – украинец. До поступления в органы госбезопасности на протяжении шести лет работал на производстве мото-

¹⁴⁸ Пётр Карамышев. Наши кандидаты в депутаты Верховного Совета УССР // Южная правда. – 1938. – 30 мая. № 116. Автор благодарит Марию Панову и Ирину Бухареву за поиск и просмотр газеты «Южная правда».

¹⁴⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 111–111 зв.

ристом. С 1928 г. по апрель 1929 г. служил в войсках ОГПУ, откуда был переведён в органы ОГПУ–НКВД, в которых служил с апреля 1929 г. по 1 марта 1940 г. С октября 1937 г. по 15 августа 1938 г. Воронин занимал должность начальника одного из отделений СПО УНКВД по Николаевской области. Имел звание сержанта госбезопасности. Ранее не судился.

Таким образом, кроме Карамышева, выросшего в крестьянской семье, остальные подсудимые были пролетарского происхождения и имели низшее образование. Никто из них не был ранее судим, напротив, они неоднократно поощрялись за свою работу. Так, Трушкин имел несколько поощрений и благодарностей, Гарбузов был награждён знаком «Почётного работника ВЧК–ГПУ» в 1938 г., Воронина «несколько раз премировали за хорошую работу в органах НКВД», а Карамышев даже был награждён орденом Ленина в 1937 г.¹⁴⁹

Обвиняемые применяли стратегию защиты, которая имела несколько аспектов. Прежде всего, Карамышев ни на секунду не допускал сомнений в необходимости и правильности той деятельности, которую под его руководством осуществляло областное управление НКВД. Он неустанно подчёркивал большие достижения управления, а также трудности, которые чекисты преодолели, устраняя огромные экономические и организационные проблемы, особенно на судостроительных заводах. При этом они действовали в обстановке постоянной внутренней и внешней угрозы.

«Здесь активно работала английская, немецкая, японская и польская разведка, особенно польская. [...] Было очень трудно ориентироваться. В 1938 г. [...] здесь же на крупных заводах, особенно кораблестроения, были засорены классово-чуждым элементом. Здесь же была родина Троцкого. [...] Мы имели большой размах по уничтожению врагов, но всё равно их разведка так работала, что не успели ещё поставить на з[аво]де “Марти” агрегат, как уже стало об этом известно в иностранной прессе», – заявлял суду Карамышев¹⁵⁰.

¹⁴⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 112–113 зв.

¹⁵⁰ Там само, т. 13, арк. 262.

Все обвиняемые подчёркивали, что в отношении тех лиц, которых они арестовали и допрашивали, у них имелось достаточное количество как изобличающих их агентурных материалов, так и показаний свидетелей, которые они расценивали как равноценные вещественным доказательствам¹⁵¹. Кроме того, они снова и снова приводили примеры того, что их действия осуществлялись в непосредственном контакте и даже при активном участии партийных органов и прокуратуры, особенно в тех случаях, когда речь шла о лицах с высоким политическим и административным статусом¹⁵².

В качестве неопровержимого доказательства фактического участия бывших подследственных в антисоветской контрреволюционной троцкистской группе, что, в свою очередь, задним числом полностью оправдывало их арест летом 1938 г., все четверо чекистов называли материалы агентурного дела «Ретивые», заведённого в августе 1939 г. Неоднократно они подчёркивали, что это агентурное дело было заведено и разрабатывалось при активной поддержке действующего начальника УНКВД по Николаевской области Юрченко.

Что же касается свидетелей обвинения из числа работников судостроительных заводов, в первую очередь тех, которые были арестованы по делу о пожаре, то подсудимые чекисты характеризовали их как сомнительных свидетелей, в особенности потому, что те имели подозрительное прошлое, часть из них была исключена в своё время из партии, и теперь они были озлоблены своим арестом и заключением под стражу.

Компрометирующие показания большинства своих бывших коллег обвиняемые сотрудники НКВД расценивали как желание свести с ними «личные счёты», поскольку как Карамышев, так и Трушкин, якобы, неоднократно наказывали этих сотрудников за то, что они своими противоправными действиями нарушали закон. Согласно Карамышеву, эти свидетели не зас-

¹⁵¹ На суде Карамышев заявил: «Ни я, ни кто из числа членов тройки, не усомнились в правдивости доказательств – признаний». См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 233.

¹⁵² Там само, арк. 114–115 зв., 232, 242.

луживали доверия и действовали исключительно «в интересах карьеры и личной выгоды»¹⁵³.

Из всех подсудимых чекистов именно Карамышев отличался умением продемонстрировать – как в ходе предварительного следствия, так и на суде – свою безупречную преданность партии и государству. Он последовательно оспаривал все выдвинутые ему обвинения и подчёркивал, что он в прошлом и настоящем делал все, чтобы воспрепятствовать нарушениям социалистической законности. Так, его первым действием на посту начальника УНКВД по Николаевской области стала ликвидация в апреле 1938 г. «специальной комнаты для избияния арестованных», которую завёл его предшественник на посту начальника управления И. Б. Фишер¹⁵⁴.

Непосредственно на процессе Карамышев попытался использовать в своих интересах выводы двух комиссий, которые по заданию НКВД Украинской ССР в конце сентября 1938 г. и в январе 1939 г. под руководством Н. Д. Горлинского проверяли деятельность УНКВД по Николаевской области, в том числе – областной тройки при УНКВД. При этом в январе 1939 г. Горлинский действовал уже в ранге заместителя народного комиссара внутренних дел УССР. Согласно заявлению Карамышева, комиссия Горлинского охарактеризовала его как начальника управления НКВД «одного из лучших областных городов Украины» и не имела к нему «никаких претензий»¹⁵⁵. СПО под руководством Трушкина также получил исключительно хоро-

¹⁵³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 114–115 зв., 232, 242.

¹⁵⁴ Там само, т. 1, арк. 91–94.

¹⁵⁵ Комиссия под руководством Горлинского работала в Николаеве 17 и 21 сентября 1938 г., а потом, начиная с января 1939 г. – в течение нескольких месяцев. См.: Там само, т. 13, арк. 115, 173, 232. Н. Д. Горлинский в сентябре 1938 г. ещё служил оперуполномоченным 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Если это верно, то можно предположить, что в сентябре 1938 г. он возглавлял комиссию, отправленную непосредственно по приказу Москвы, тогда как январская 1939 г. комиссия была сформирована приказом, в том числе из числа сотрудников республиканского аппарата НКВД УССР, поскольку в декабре 1938 г. Горлинский был назначен заместителем наркома внутренних дел Украины.

шие оценки¹⁵⁶. Все ошибки в работе управления, отмеченные комиссиями, – и в этом Карамышева подержал также Трушкин – были чекистами учтены и устранены. В первую очередь, речь шла, согласно Трушкину, об улучшении агентурной работы, как того требовало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.¹⁵⁷

По собственным показаниям Карамышева, после инспекции в сентябре 1938 г., а потом после 17 ноября 1938 г., он работал не покладая рук, проведя целый ряд дисциплинарных расследований в отношении сотрудников управления, выделявшихся «ненормальностями» в работе или склонными к нарушению социалистической законности. В случае с некоторыми чекистами это позднее даже привело к аресту и осуждению на длительные сроки лагерного заключения. В качестве наиболее яркого примера Карамышев неоднократно приводил свои действия в отношении бывшего начальника Владимировского райотделения НКВД З. Д. Лившица. Кроме него, он упоминал других начальников райотделений НКВД, а именно: Гавриленко и Дарова, которых он отдал под суд¹⁵⁸, а также И. Г. Белова¹⁵⁹, которого он за произвольные аресты сажал под арест на 20 дней¹⁶⁰. Кроме того, – Лавриненко¹⁶¹, А. И. Мишустина¹⁶², Мартыненко¹⁶³,

¹⁵⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 245.

¹⁵⁷ Там само, арк. 113–115, 232.

¹⁵⁸ Сведения о том, что эти лица были отданы под суд, см.: Там само, арк. 305–310.

¹⁵⁹ Белов Иван Григорьевич (1897) – член ВКП(б) с 1925 г., в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД работал с 1919 г., в 1938 г. был начальником Ново-Троицкого РО НКВД, в 1940 г. занимал должность начальника Голо-Пристанского РО НКВД Николаевской области.

¹⁶⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 111–226 зв.

¹⁶¹ Лавриненко был уволен за «ненормальности» в ходе следствия.

¹⁶² Мишустин также был уволен из НКВД за «ненормальности» в ходе следствия, но Карамышев заявил об этом только на втором судебном процессе. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 405–458.

¹⁶³ Секретарь Еланецкого РО НКВД. Рассматривался вопрос о предании Мартыненко суду, поскольку тот скрывал факты «извращения» социалистической законности.

Л. И. Винницкого¹⁶⁴ и Ю. М. Побережного¹⁶⁵. В отношении этих сотрудников НКВД Карамышевым применялись дисциплинарные взыскания, перевод на другие должности и, в качестве исключения, увольнение из органов¹⁶⁶.

«Если имели [место] отдельные случаи со стороны сотрудников, незаконные методы следствия, то я на таких сотрудников налагал дисциплинарные взыскания, поручал коменданту обходить комнаты и обязал вести наблюдение Гончарова¹⁶⁷ – пом[ощника] нач[альника] Управления», – заявлял на суде Карамышев¹⁶⁸.

Эта аргументация Карамышева основывалась на стратегии, выработанной им ещё во время следствия. Она сводилась к тому, чтобы представить тенденциозным расследование в его отношении и отношении его сотрудников, в то же время выставив чекистов в лучшем свете. Карамышев неоднократно заявлял о деляческом, «беспринципном и провокационном подходе к делу» и к подбору свидетелей. Вот несколько образчиков критических заявлений Карамышева:

¹⁶⁴ Винницкий Лазарь Ильич (1915) – в 1940 г. старший оперуполномоченный УНКВД по Дрогобычской области УССР. В 1938 г. Винницкий работал сначала в 3-м отделе УНКВД по Николаевской области, а потом был переведён во 2-е отделение в подчинение Трушкина.

¹⁶⁵ Аналогичный ряд сотрудников упоминается в другом месте. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 113. Из-за недостатка информации нам не удалось установить, кто из этих сотрудников (за исключением Мишустина и Лавриненко) был уволен из органов госбезопасности. В отношении Лавриненко и Побережного было произведено лишь дисциплинарное разбирательство. Побережный продолжал работать в УНКВД по Николаевской области в качестве начальника 4-го отделения 4-го отдела после реорганизации НКВД в конце 1938 г. См.: Там само, т. 12, арк. 80–85. Очевидно, дисциплинарное разбирательство не нанесло вреда карьере Побережного. В 1940 г. он возглавлял следственный отдел УНКВД по Дрогобычской области, которая была образована в декабре 1939 г.

¹⁶⁶ Там само, т. 13, арк. 112–113 зв., 232.

¹⁶⁷ Гончаров Григорий Львович, в 1940 г. работал помощником начальника управления Госбанка по инкассации, а до этого работал начальником Складовского РО НКВД и помощником начальника УНКВД по Николаевской области.

¹⁶⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 232.

«[...] данные о работе судебной тройки, изложенные в акте комиссии, который составлялся следователем Бурдан, скрывают сущность дела и фальсифицируют положение вещей»¹⁶⁹ или «Директива НКВД СССР № 00606 комментируется следствием произвольно и на основании тенденциозно подобранных данных»¹⁷⁰.

В этом Карамышева активно поддерживал Трушкин, который неоднократно жаловался в ходе предварительного следствия и на суде на оказываемое на него давление, фальсификацию показаний свидетелей и даже на избиения¹⁷¹. Трушкин не воспринимал большое число освобождений бывших арестованных как знак того, что сотрудники его отдела ошибались, для него волна освобождений была лишь признаком того, что власть бросилась из одной крайности в другую. Карамышев, в свою очередь, высказывал недовольство тем, что следствие и суд не упоминали его высокие политические должности и награды, а также замалчивали «самоотверженное выполнение важнейших правительственных заданий». Всё это было, считал Карамышев, чем угодно, «но только не партийно-объективным подходом»¹⁷².

Полностью в духе постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. Карамышев объяснял самому себе и трибуналу нечестное ведение предварительного следствия и сформулированные следователями преувеличенные обвинения проникновением в органы НКВД «врагов народа», которые всё ещё занимаются своим чёрным делом. В Украине такими «врагами народа» были протезе Успенского, в том числе и следователи, которые вели предварительное следствие по его делу. Указание на связь с бывшим наркомом внутренних дел УССР Успенским было тяжёлым обвинением, поскольку «враг народа Успенский», чтобы избежать грозившего ему ареста, скрылся и перешёл на нелегальное положение – «Труп мой [...] ищите в

¹⁶⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 233.

¹⁷⁰ Там само, арк. 263.

¹⁷¹ Там само, арк. 14–19 зв., 46–49 зв., 254.

¹⁷² Там само, арк. 46–49 зв.

Днепре», – был с большим трудом пойман, осуждён и расстрелян¹⁷³. В частности, Карамышев заявлял:

«Все эти Тредохлебовы, Калужские – это ставленники Успенского, которые перебили добрую половину чекистских кадров, то же они сделали и со мной, неправильно информируя руководство»¹⁷⁴.

Проводя разделение на добрых и злых чекистов, Карамышев открыл для себя и для других обвиняемых возможность, во-первых, отнести себя к «светлой» стороне, во-вторых, таким образом объяснить все ошибки и эксцессы в деятельности органов госбезопасности. Так, в отношении себя лично Карамышев, Трушкин, Гарбузов и Воронин признавали только наличие в работе «отдельных недостатков», но ни в коем случае не совершение преступлений¹⁷⁵. Если же ошибки и эксцессы всё же имели у них место, то в этом, согласно Карамышеву, были опять-таки виноваты пробравшиеся в органы «враги», вражеская деятельность которых сделала эти ошибки неизбежными:

«[...] нужно учесть тот период времени – в органах НКВД оказалось большое количество врагов, которые вместо правильного руководства пошли по вражеской линии, и как результат этого имелось много ошибок не только у нас, но и в других местах»¹⁷⁶.

Далее он риторически вопрошал:

«Что я мог сделать в этих реальных условиях? Известно, что субъективная воля отдельных работников здесь оказывалась бессильной. – И, тем не менее, я делал всё для того, чтобы исключить возможность этих ошибок, а допущенные ошибки – исправить»¹⁷⁷.

На этом основании Карамышев, чтобы реабилитировать себя как можно больше, оспаривал каждый пункт со стороны обвинения. В ответ на обвинение в том, что им был создан в

¹⁷³ ГДА СБ України, ф. 13, оп. 1, спр. 409, арк. 3; *Золотарьов В. Олександр Успенський. Особа, час, оточення.* – Харків, 2004.

¹⁷⁴ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 233.

¹⁷⁵ Там само, арк. 245 (Трушкин), 261 (Воронин), 262 (Карамышев), 265 (Гарбузов).

¹⁷⁶ Там само, арк. 262 (Карамышев).

¹⁷⁷ См.: Там само, т. 1, арк. 186–186 зв.

управлении общий климат, способствовавший применению физического воздействия, т. е. пыток, он сначала ссылался на разрешение со стороны московского руководства применять меры физического воздействия в отношении отдельных «враждебных элементов»¹⁷⁸. Кроме этого, он лишь пять раз давал своим подчинённым санкцию на применение этих мер, и каждый раз у него были для этого весомые основания, например, когда Деревянченко набросился на следователя¹⁷⁹. Что же касается тех случаев применения «незаконных методов следствия», когда его санкция отсутствовала, то Карамышев объяснял этот недосмотр своей перегруженностью в работе, а также тем, что ему не сообщали об избиениях ни его заместитель, ни другие его подчинённые. Дословно Карамышев показал следующее:

«[...] мои частые отсутствия были использованы в отделах, а, возможно, Поясов больше знал о незаконных методах следствия, но он мне не говорил. Если ещё присовокупить мои депутатские обязанности и обязанности как члена обкома, то я часто отсутствовал»¹⁸⁰.

Обвинение в неправомерных арестах бывший начальник УНКВД также отклонял, ссылаясь в важнейших случаях на прямые приказы Москвы или Киева¹⁸¹.

Карамышев также напрочь отрицал нарушение предписаний директивы № 00606 «Об образовании Особых троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД

¹⁷⁸ Документ, санкционировавший применение пыток, до сих пор не найден. Упоминание о нем приводится только в телеграмме И. В. Сталина от 10 января 1939 г., в которой разъяснялось, что ЦК ВКП(б) санкционировал в 1937 г. применение мер «физического воздействия» в исключительных случаях. Более подробно об этой телеграмме. См.: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР. 1937–1941 гг. / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, И. Е. Смирнова, Р. Биннер, Г. А. Бордюгов, С. А. Кокин, О. А. Довбня. – М., 2010. – Т. 2. – С. 418–420.

¹⁷⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 232.

¹⁸⁰ Там само, арк. 262.

¹⁸¹ Одно из характерных заявлений Карамышева гласило: «Дело Трубия было нам прислано из Москвы для рассмотрения». См.: Там само, арк. 232. По заявлению следователя НКВД, сделанном на суде, дело Гуцина также расследовалось в Николаеве по требованию руководства НКВД УССР.

СССР № 00485 и других» за подписью Н. И. Ежова от 17 сентября 1938 г., согласно которой были учреждены так называемые «национальные» тройки (в источниках также часто именуется судебными тройками)¹⁸². Но у следствия имелись документальные подтверждения того, что Карамышев действовал вопреки предписаниям директивы № 00606 и дополнявшего её циркуляра № 189, согласно которым осуждению «национальными» тройками подлежали только лица, арестованные до 1 августа 1938 г. Кроме того, «национальная» тройка была карательной инстанцией, предусмотренной исключительно для внесудебного осуждения представителей национальных диаспор, однако в Николаевской области её использовали также для осуждения значительного числа русских, украинцев, евреев и представителей других национальностей. Не соблюдалось также ограничение, в соответствии с которым этим тройкам запрещалось осуждать специалистов высокой квалификации.

Карамышев утверждал в свою защиту, что все эти нарушения имели место в исключительных случаях, причём, зачастую с санкции Киева или Москвы. Так, по его словам, Успенский дал разрешение на то, чтобы контингент жертв тройки мог до 30% состоять из представителей «непрофильных» национальностей¹⁸³. Когда в таких случаях тройкой осуждались русские, украинцы и евреи, то речь шла о нарушителях границы и/или о лицах, проходивших по групповым делам. Эти группы, якобы, ни в коем случае нельзя было разделять, «исходя из госуд[арственных] интересов»¹⁸⁴. В итоге Карамышев подчёркивал:

«Я считал и считаю, что судебная тройка действовала вполне правильно и в интересах государственной безопасности»¹⁸⁵.

¹⁸² См.: Приказ № 00606 Народного комиссара внутренних дел СССР «Об образовании Особых Троек для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и др[угих]» 17.09.1938 // Большевицкий порядок в Грузии. Т. 2: Документы о Большом терроре в Грузии / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч. – М., 2015.

¹⁸³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 1, арк. 277–281.

¹⁸⁴ Там само, арк. 100–104, 142–145; т. 13, арк. 263.

¹⁸⁵ Там само, т. 13, арк. 263.

И для Карамышева, и для Трушкина было очень важно дистанцироваться от «врага народа» Успенского. В их показаниях бывший нарком фигурировал исключительно как сторонник крутых мер, в то время как сами эти чекисты пытались «выхолостить» его приказы и поэтому всё время чувствовали себя под дамокловым мечом. При этом Карамышев не упускал возможности выставить своего бывшего заместителя А. Ф. Поясова как доверенного человека Успенского:

«От Успенского же была установка на арест 1000 человек, которую я не выполнил. Он меня ненавидел и на совещания вызывал Поясова, а не меня. [...] Вопрос о наказании по тройке перед нами был поставлен крепко, т. к. там, в директиве, указывалось, что тройка может выносить решение только ВМН или 10 лет лишения свободы и лишь в некоторых случаях – 8 лет лишения свободы, но мы кое в чём брали на себя ответственность. За это мне Успенский звонил и по телефону сказал: “Вы бросьте либеральничать, готовьте сухари к посадке”»¹⁸⁶.

В целом, по заявлению Карамышева, УНКВД по Николаевской области «обработало» под его руководством в 5–6 раз меньше дел, чем в других областях Украины, что свидетельствовало о том, что «мы подходили более осторожно к арестам и только по имеющимся материалам»¹⁸⁷.

Ещё один пункт обвинения гласил, что Карамышев плохо обращался с подчинёнными, а также забросил партийную работу. В ответ на это он приводил следующий аргумент:

«[...] Несмотря на то, что у меня был фонд наградных 12 000 руб., я расходовал в месяц 18 000 руб. Это говорит за то, что я чутко прислушивался к нуждам сотрудников и никогда не слышал упрёка сотрудников»¹⁸⁸.

Со стороны партийных организаций к нему также никогда не было претензий, поскольку даже

«в самый разгар операции я предложил выделить специальный день для политзанятий»¹⁸⁹.

¹⁸⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 231. Речь идёт об аресте, осуждении и отправке в лагерь.

¹⁸⁷ Там само, арк. 232.

¹⁸⁸ Там само, т. 13, арк. 264.

¹⁸⁹ Там само, арк. 113.

Основная мысль, которую Карамышев неоднократно высказывал в свою защиту в разных вариациях и в разных обстоятельствах, сводилась к следующему:

«В течение десяти лет я работал по существу на низовой оперативной работе, работал изо дня в день, [из] ночи в ночь, не пользуясь годами отпуском в натуре [...] и никогда не терял революционные перспективы. [...] ибо я всегда исходил из чистых побуждений – партийных и государственных интересов. Личных интересов у меня не было, нет и не может быть!»¹⁹⁰; «Я не преступник и преступной деятельностью не занимался; наоборот, я всю свою сознательную жизнь боролся с преступниками и врагами, отстаивая позиции партии и совласти [...]»¹⁹¹; «[...] за что меня избрали депутатом Верховного Совета и наградили высшей наградой – орденом Ленина [...]»¹⁹²; «за самоотверженное выполнение правительственных заданий»¹⁹³; «Я – жертва, и партия не нуждается в такой жертве, а поэтому и я прошу меня оправдать»¹⁹⁴.

Остальные обвиняемые, выстраивая линию своей защиты, могли отчасти расставлять другие акценты. Это зависело в первую очередь от специфики тех задач, которые они решали в своё время в качестве следователей. Как правило, по роду своих занятий они были гораздо ближе, чем Карамышев, к следственным делам и подследственным. Поэтому, наряду с главным обвинением в применении «мер физического воздействия», им также вменялась в вину фальсификация следственных дел. Речь шла о датировке документов задним числом, внесении изменений и дополнений в протоколы допросов в отсутствие подследственного, преувеличениях, уничтожении улики и других формальных нарушениях. В качестве главных объяснений «отдельных» ошибок, которые они признавали, чекисты называли давление Киева и Москвы, «занятость» по партийной линии, свою экстремальную загруженность работой¹⁹⁵. Кроме

¹⁹⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 1, арк. 98–99 зв.

¹⁹¹ Там само, т. 13, арк. 46–49 зв.

¹⁹² Там само, арк. 264.

¹⁹³ Там само, т. 1, арк. 98–99 зв.

¹⁹⁴ Там само, т. 13, арк. 264.

этого, они пытались преуменьшить тяжесть совершённых ими «ошибок». Так, Воронин, единственный из обвиняемых, кто не столь последовательно отрицал все предъявленные ему обвинения, признавал, что «мы» в отдельных случаях, особенно тогда, когда загорелась верфь, действительно применяли «выстойки», но обвиняемых ни в коем случае не заставляли стоять на ногах пять суток подряд, речь шла «всего лишь» о двух–трёх днях. При этом к «выстойке» чекисты прибегали лишь потому, что Николаевский обком КП(б)У и ЦК КП(б)У требовали от них быстрых результатов следствия¹⁹⁶. То, что в результате «выстойки» у подследственных чудовищно опухали ноги, Воронин якобы не замечал. Гарбузов, в свою очередь, также утверждал, что длительные «выстойки» подследственных были узаконены «с приездом в командировку в Николаев работников НКВД УССР» и после этого применялись повсеместно. Заключительная часть этого вынужденного признания, тем не менее, свидетельствует, что сам Гарбузов прибегал к выстойкам не только под давлением сверху: «[...] я считал тогда, что это мероприятие вполне законно»¹⁹⁷. Трушкина, Гарбузова и Воронина с Карамышевым объединяло также то, что они ни в коем случае не соглашались с интерпретацией своих ошибок как «нарушений социалистической законности», наотрез отрицая, что их действия заслуживают наказания.

В своём последнем слове на суде Воронин заявил:

«Я хочу сказать чистосердечно, что никогда ни одного [арестованного] не ударил. Я работал честно, добросовестно и то, что мне партия доверяла [...], всё выполнял. [...] был честным большевиком [...] прошу суд дать мне возможность быть полезным для нашего общества»¹⁹⁸.

Трушкин также настаивал на том, чтобы его считали настоящим советским человеком, который «честно и предано» выпол-

¹⁹⁵ О давлении, которое на них оказывалось, см. показания чекистов: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 242 (Воронин), 245 (Трушкин). О перегруженности работой. См.: Там само, арк. 239 (Гарбузов).

¹⁹⁶ Там само, арк. 242 (Воронин).

¹⁹⁷ Там само, арк. 239.

¹⁹⁸ Там само, арк. 261, 262.

нял возложенные на него обязанности. Когда же он узнал о применении незаконных методов следствия, то он принял самые «решительные меры к устранению таких безобразий» и потребовал на оперативном совещании, чтобы следователи «ни в коем случае к арестованным не применяли физические меры воздействия». В заключение он, также как и Карамышев, объявил себя жертвой, которую суд безусловно должен освободить¹⁹⁹.

В своём последнем слове Гарбузов упирал на то, что он «дни и ночи сидел, допрашивая арестованных, каждый факт анализировал, и благодаря моей упорной работы, я добился хороших результатов. [...] Незаконных арестов с моей стороны не было. Фальсификацией следственных дел я не занимался»²⁰⁰.

Подсудимые чекисты с успехом сыграли навязанную им роль собственных адвокатов. Как профессиональные защитники, они вплоть до мельчайших деталей хорошо разбирались в деле и требовали, чтобы обвинение основывалось на неопровержимых уликах и непротиворечивых показаниях свидетелей. Что же касается выдвинутых против них обвинений в политической и личной неблагонадёжности, то они их отметили, заявляя о своих высоких моральных качествах и успехах, которых они добились на чекистском поприще.

Предварительное следствие и суд над чекистами оставляют в целом впечатление корректного формально-юридического действия. Время содержания подсудимых под стражей было соблюдено, пытки не применялись, и только в редких случаях речь шла о психологическом давлении. Подсудимые получили в своё распоряжение все необходимые документы, и за небольшим исключением, суд удовлетворил все их просьбы о вызове свидетелей и предоставлении дополнительных материалов.

Оправдательный приговор

Стратегия Карамышева оказалась успешной. 4 января 1941 г. военный трибунал войск НКВД оправдал его. Кроме того, ос-

¹⁹⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 266.

²⁰⁰ Там само.

вобождён был также Гарбузов. Двухлетний срок лагерного заключения был заменён ему на трёхлетний условный срок, при этом суд отметил, что Гарбузов не представляет опасности для общества. Его «подельник» Воронин был приговорён к 3 годам лишения свободы. Гарбузов и Воронин были осуждены согласно ст. 206-17 УК (должностные преступления), п. «а», хотя изначально им вменялись преступления, которые наказывались согласно п. «б» этой же статьи. Тяжелее всех был наказан Трушкин, но и он смог отделаться сравнительно легко. Согласно п. «б» ст. 206-17 он был приговорён к ВМН – расстрелу, но, учитывая его непрерывную, начиная с 19 лет, службу в органах государственной безопасности и Красной армии, а также то, что преступления были совершены им не из корыстных интересов, трибунал помиловал Трушкина и заменил ему смертный приговор на 8 лет лишения свободы²⁰¹.

Трибунал считал доказанным, что Трушкин проводил аресты рабочих и служащих, не имея достаточных на то оснований, а также путём грубого нарушения порядка судопроизводства и конституционных прав подсудимых, т. е. посредством грубости, оскорблений, выстоек, угроз и непрерывных допросов, искусственно создал на судостроительном заводе № 200 «троцкистскую группу». Далее в приговоре указывалось, что подчинённые Трушкина в его присутствии избивали арестованных, и в одном из случаев он лично приложил руку к избиениям. Важное место в приговоре занимали обвинения в самовольном исправлении протоколов допросов, давлении на заключённых с целью получения требуемых показаний, в поощрении заведомой клеветы со стороны свидетелей, превышении сроков содержания подсудимых под стражей, а также в неправомерном освобождении обвиняемых. Суд смог документально доказать в отношении Трушкина фальсификацию дат арестов, а также хранение у себя на квартире совершенно секретных документов.

Такие же преступления вменялись Воронину и Гарбузову, однако признавалась меньшая степень их виновности. Кроме того, многие из обвинений в отношении Гарбузова трибунал

²⁰¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 305–310.

не смог подкрепить документальными доказательствами. Свою положительную роль сыграло также то, что Гарбузов в своё время выступил с инициативой освобождения арестованных, о чём он неоднократно заявлял в ходе следствия. История с агентурным делом «Ретивые» не повлияла на вынесенный приговор, поскольку Никольский, он же агент «Герд», отказался от своих показаний.

Освобождение Карамышева было обусловлено тем, что трибунал фактически согласился с его защитой по каждому пункту. Дисциплинарные взыскания, наложенные Карамышевым на ряд сотрудников, расценивались в обосновании приговора как решающий вклад в сохранение социалистической законности. Неправомочные аресты были отнесены на счёт Успенского, а не Карамышева. Трибунал также продемонстрировал большое понимание ситуации в случае с запрещённым использованием «национальной» тройки как карательной инстанции для осуждения украинцев, русских и евреев. Судьи заимствовали один к одному аргументацию Карамышева, согласно которой тот имел на это полное право, поскольку эти люди были якобы изобличены в шпионаже, саботаже и терроре, т. е. в преступлениях, тесно связанных с границей. Трибунал в своей солидарности с подсудимыми пошёл ещё на шаг дальше, позволив себе критику директивы № 00606 и дополнительного циркуляра № 189. В частности, в приговоре трибунала говорилось:

«Утверждение акта, запрещающее рассматривать дела лиц этих национальностей, упуская из виду контрреволюционную деятельность этих лиц, расслабляет борьбу органов с к-р элементами»²⁰².

Суд принял на веру интерпретацию Карамышева, согласно которой он не осуждал специалистов высокой квалификации через «национальную» тройку.

Суд со снисходительностью отнёсся ко всему, что также могло расцениваться как служебное преступление, поскольку речь якобы шла об отдельных инцидентах, вызванных оперативной необходимостью. Это в первую очередь касалось непра-

²⁰² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 305–310.

вомерных осуждений тройкой лиц, арестованных после 1 августа 1938 г., а также исправлений протоколов заседаний тройки задним числом²⁰³.

Главным козлом отпущения трибунал выставил Трушкина в двойной роли преступника и организатора нарушений социалистической законности. Зато всё остальное руководство УНКВД по Николаевской области суд щадил всеми возможными способами, при этом дальше всего в этом направлении судьи зашли в отношении Карамышева.

Второй процесс: «Приговорить к ВМН – расстрелу»

Оправдательный приговор в отношении Карамышева был, по его словам, «сочувственно встречен основной массой чекистского коллектива». Самого Карамышева он был призван вернуть «к жизни того коллектива», с которым тот был «органически связан и активно боролся на передовых участках классовой борьбы, отстаивая позиции партии и советской власти»²⁰⁴.

Тем большим был шок, когда спустя пять дней после освобождения, 9 января 1941 г., последовал очередной арест Карамышева. В своём письме секретарю ЦК КП(б) Украины и председателю Верховного Совета УССР М. А. Бурмистенко он писал, что «это выше моих сил», но по-прежнему верит «в торжество большевистской правды»²⁰⁵.

Чего Карамышев не мог знать, так это того, что председателем Военного трибунала войск НКВД Киевского Особого военного округа Гурьев уже 4 января 1941 г., в день вынесения оправдательного приговора, официально изложил своё «особое мнение». В этом документе Гурьев, хотя и не критиковал оправдательный приговор Карамышева, тем не менее охарактеризовал приговор, вынесенный в отношении Трушкина и Воронина, как чересчур «мягкий»²⁰⁶. «Особое мнение» Гурье-

²⁰³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 305–310.

²⁰⁴ Там само, арк. 510.

²⁰⁵ Там само.

²⁰⁶ Там само, арк. 304 а (конверт).

ва, а также соответствующий протест военного прокурора КОВО, вместе с делом были направлены в Москву и стали главной причиной повторного ареста Карамышева и Гарбузова.

Формальное решение о возобновлении судебной процедуры в ходе апелляционного производства было принято только спустя два месяца после завершения первого процесса, 4 марта 1941 г. Это решение принималось на высшем московском уровне – Военной коллегией Верховного суда СССР. Важнейшей новацией по сравнению с первым судебным процессом было то, что оба члена трибунала, которые несли ответственность за неприемлемый приговор, были целенаправленно заменены двумя сотрудниками НКВД, Свирским и Воедило. Кроме этого, был заменён также председательствующий – вместо Гурьева трибунал возглавил военный юрист Фельдман. Это, наряду с немедленным повторным арестом Карамышева, было ещё одним признаком того, что приговор от 4 января 1941 г. вызвал резкое недовольство Москвы. «Особое мнение» Гурьева не спасло ситуацию²⁰⁷.

Второй судебный процесс был организован быстро. Он состоялся с 18 по 23 марта 1941 г., местом его проведения снова стало здание областного управления НКВД в Николаеве²⁰⁸. Второй процесс в целом не отличался от первого процесса. Наряду с уже известными свидетелями было привлечено лишь несколько новых, таких как бывший заместитель начальника УНКВД по Николаевской области А. Ф. Поясов. Однако ни новые свидетели, ни повторно выступавшие «старые» свидетели не придали суду новое качество. Как и ранее, свидетели не только резко критиковали и обвиняли подсудимых чекистов, но и безмерно их восхваляли. Однако, как известно, дьявол кроется в мелочах. Только при повторном рассмотрении становится заметным усиление тенденции, уже свойственной для первого процесса, но не получившей развития из-за «неправильного» состава трибунала. Согласно этой тенденции, суд стремился уличить обвиняемых чекистов в самоуправстве и склонности

²⁰⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 369–369 зв.

²⁰⁸ Там само, арк. 405–458.

к эксцессам. В результате всё больше внимания стало уделяться сознательному пренебрежению чекистами своими обязанностями по надзору за следствием, фактам безответственного обхождения с подсудимыми и их показаниями, а также с уликами.

Свидетель и бывший сотрудник из отдела Трушкина, Ю. С. Лейзеровский, ещё раз повторил свои показания о том, что Трушкин последовательно критиковал его за стремление проявлять умеренность в «разоблачении врагов», однако на этот раз Лейзеровский дословно воспроизвёл заявление Трушкина:

«Ты не чекист, ничего не понимаешь, я заберу от тебя дело»²⁰⁹.

Бывший подследственный, начальник участка корпусного цеха судостроительного завода № 200 Афанасьев, показал в этот раз, что Трушкин прекрасно знал о том, что его подчинённые – Зельцман и Зайкин – избивали его²¹⁰.

Далее Трушкин (и Гарбузов) описывались свидетелями как те, кто запрещал подследственным жаловаться и жестоко наказывал, если жалобы имели место. Так, Трушкин даже не остановился перед тем, чтобы избить арестованного, пытавшегося покончить жизнь самоубийством. Согласно показаниям нового свидетеля, Б. М. Куклинского, короткое время работавшего сотрудником СПО УНКВД, Трушкин повёл себя неправильно после неудачной попытки самоубийства бывшего директора завода № 200 Щербины. Так, Трушкин разорвал прощальную записку, в которой говорилось:

«Ухожу из жизни с чистой совестью. Врагом никогда не был и не буду. Да здравствует Сталин и социализм [...]».

Далее Куклинский показал:

«[Трушкин] её разорвал и с ругательством “мерзавец”, “provokator” бросил её Щербине в лицо. [...] Щербина рассказал, что после попытки к самоубийству его взяли к Трушкину и там избили так, что сейчас сидеть ему больно»²¹¹.

²⁰⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 410–424.

²¹⁰ Там само, арк. 410–424.

²¹¹ Там само, арк. 436.

Кроме того, как выяснилось, Трушкин 16 ноября 1938 г., т. е. за день до принятия постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г., когда «земля уже стала гореть под ногами» у чекистов, получил от арестованного М. П. Дудина, начальника производственного цеха завода им. А. Марти, показания, компрометирующие секретаря Николаевского обкома КП(б)У П. И. Старыгина. Текст показаний был сформулирован Трушкиным заранее, сделал он это в качестве подстраховки или для того, чтобы иметь возможность шантажировать партийного функционера²¹².

Воронин на втором процессе выступал уже не столько в роли жестокого следователя, сколько под сомнение ставилась его верность системе. М. Ф. Гладков, один из тех, кто был арестован по делу о пожаре на судостроительном заводе, рассказал о том, как в ходе допроса он сослался на свои права, гарантированные советской конституцией. В ответ Воронин заявил ему дословно:

«“Она [Сталинская конституция] меня не касается”, – и при этом выразился нецензурно по адресу Конституции»²¹³.

Когда инженер Бондарь сказал, что отзовёт на суде выбитые из него показания и расскажет правду, Воронин якобы ответил:

«Я – тебе следователь, и мы же будем судить тебя»²¹⁴.

Целый ряд показаний свидетелей развенчивал Гарбузова, который ранее утверждал, что поднимал руку на арестованных только в самых исключительных случаях, а в остальном всегда выступал на страже социалистической законности. Теперь свидетели утверждали, что Гарбузов систематически избивал подследственных.

Неоднократные заявления Карамышева о том, что он, будучи начальником УНКВД, ничего не знал об избиениях, в противном случае он бы наказал виновных, было опровергнуто ещё одними показаниями Бондаря. В частности, Бондарь сообщил,

²¹² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 410–424.

²¹³ Там само.

²¹⁴ Там само.

что как-то раз, сразу же после избиения, его привели на допрос к Карамышеву.

«Карамышеву об избиении меня я не говорил, но моё состояние он прекрасно видел и так», – заявил Бондарь²¹⁵.

Оперуполномоченный УНКВД по Николаевской области в 1938 г. Т. Т. Черкес, приглашённый в качестве нового свидетеля, заявил, что Карамышев на оперативных совещаниях настраивал аппарат, по возможности, избегать контроля со стороны партии и прокуратуры в ходе массовых операций и не «щепетильничать» в отдельных случаях. В частности, он призывал

«поменьше ходить в парткомитеты и в прокуратуру. Нам нужно посадить 2000 чел. [...] Не страшно, если ошибаемся при арестах в одном человеке [...]»²¹⁶.

Аналогичные показания дал новый свидетель, также бывший сотрудник Трушкина, А. П. Федотов. Он рассказал:

«Однажды на оперативном совещании один работник высказался, что нужно бы советоваться с секретарём горкома. [...] Карамышев заявил: “Что Вы всё, секретари да секретари: Вы больше, чем секретарь горкома, и сами должны решать вопросы”»²¹⁷.

Д. Ф. Кобцев, бывший 2-й секретарь Николаевского горкома КП(б)У, утверждал, что грубость Карамышева была хорошо известна партии:

«Карамышев был груб в обращении, на заседаниях обкома ругался матом, в связи с чем [ему] даже делались замечания»²¹⁸.

Бывший руководитель УНКВД был единственным из четырёх обвиняемых, кто отметил новые черты в процессе, поначалу не бросавшиеся в глаза, но которые не стоило недооценивать, исходя из нового состава судей. Карамышев вербально на них отреагировал. Он не изменил свою линию защиты, лишь с ещё большим упорством отклонял все обвинения. Куда как более подробно, чем на первом процессе, он описывал свои уси-

²¹⁵ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 410–424.

²¹⁶ Там само. Федотов также почти дословно цитировал это высказывание Карамышева. См.: Там само, арк. 442.

²¹⁷ Там само, арк. 442.

²¹⁸ Там само, арк. 405–458.

лия по наведению порядка при принятии дел в качестве начальника областного управления. Сначала он рассказал о том, что по его приказу были освобождены 600–700 человек из 2000, арестованных ещё его предшественником Фишером, потом подчеркнул свои усилия, направленные на упорядочение работы тройки, а также указал на свой запрет использовать негласных сотрудников в качестве «штатных» свидетелей, что было до этого обычной практикой. В бытность его начальником УНКВД, указал Карамышев, было арестовано в 10 раз меньше людей (на первом процессе он приводил другую цифру – в 5 раз), чем в других областях Украины. В заключение Карамышев указал на инициированную им чистку чекистского аппарата и мобилизацию новых сотрудников, на 30–40% рекрутированных из числа партийных кадров²¹⁹.

После этого Карамышев перешёл к следующему пункту защиты: все осуществлённые им мероприятия напрямую вытекали из приказов московского центра. Как и на первом процессе, он в первую очередь указал на разрешение со стороны ЦК ВКП(б) применять меры «физического воздействия»:

«Так как физические методы были санкционированы ЦК партии и применяются по сей день»²²⁰.

Но на этот раз Карамышев гораздо подробнее остановился на ведущей роли Москвы в репрессиях. В результате тактика, применявшаяся им на первом процессе – щадить Москву, возлагая ответственность за неправомерные действия хороших чекистов на врагов, пробравшихся в руководство государства и партии, – теперь утратила своё значение.

«В тот период директивами центра нам предоставлялось право ареста по оперативным спискам без санкции прокурора. Перебежчики же и харбинцы подлежали аресту даже без наличия на них материалов, и для рассмотрения дел обвинительные заключения были не обязательны. [...] Это порядок был установлен не Карамышевым, а авторитетными вышестоящими органами. Да и судебные инстанции в той обстановке рассматривали дела

²¹⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 448.

²²⁰ Там само, т. 13, арк. 448.

в таком же примитивном порядке и ведь одна очень авторитетная судебная инстанция рассматривала в день 30 дел», – заявлял Карамышев²²¹. Оценивая работу тройки, Карамышев высказался ещё более недвусмысленно:

«По этому пункту обвинения [о работе тройке] прокуратура ссылается на закон, но я считаю, что здесь говорить о законах неуместно, так как сами тройки не были предусмотрены законом»²²².

Однако бывший начальник не допускал малейшего сомнения в том, что репрессии и форма их проведения были правильными. Его беспокоило только то, что теперь обвинение стремилось использовать это для максимального наказания.

«Дела на этих лиц рассмотрены правильно, как по существу, так и по форме, и политике партии действия тройки не противоречат», –

утверждал Карамышев²²³. Его подход критиковать те или иные детали в деятельности московского руководства, но в целом хвалить его, сопровождался старой стратегией, опробованной на первом процессе. Вина за «эксцессы» перекладывалась на украинские республиканские структуры. Так, он сначала признал, что под его руководством в управлении имели место «безобразия» в процессе следствия, но вслед за этим сразу же всю вину за это полностью переложил на Киев:

«[...] безобразия продолжали ещё иметь место, что объясняется тем, что в отдельные периоды я фактически был отстранён от руководства, которое переходило к бригадам, приезжавшим из Киева»²²⁴.

В результате у него оставался только один выход – каким-нибудь образом исправить ошибки, совершенные киевскими «гастролёрами». Жаловаться же Киеву на то, что бригада из НКВД УССР под руководством Злобинского избивала подсудимых, утверждал Карамышев, было бесполезно²²⁵.

²²¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 447.

²²² Там само, арк. 449.

²²³ Там само, арк. 449 зв.

²²⁴ Там само, арк. 448.

²²⁵ Там само.

Трушкин, в отличие от Карамышева, практически уже не защищался. Очевидно, он понял, что пробил его последний час. Он не только отказался от последнего слова, но и предпринял во время суда попытку бежать и был задержан в вестибюле здания УНКВД²²⁶.

Приговор, который был вынесен Карамышеву на втором суде, уже не был оправдательным. Теперь его приговорили к расстрелу. Такая же судьба постигла Трушкина. Наказание Воронина было серьёзно увеличено – десять лет лагерей вместо трёх, а получивший ранее условный срок Гарбузов был теперь приговорён к восьми годам лагерей. Акта о приведении приговора в исполнение в отношении Карамышева и Трушкина в деле не имеется. Вероятно, их расстреляли сразу после приговора в марте 1941 г.

Мотивировочная часть приговора этого процесса оперировала, главным образом, старыми, лишь слегка дополненными материалами, которые уже использовались для обоснования первого приговора, но в этот раз материалы интерпретировал «правильный» состав новых судей²²⁷. Теперь трибунал счёл доказанным, что Карамышев был прекрасно осведомлён обо всех нарушениях «социалистической законности», им же были санкционированы противоправные действия Трушкина, Воронина и Гарбузова в отношении арестованных, а также фальсификация материалов следствия. Суд больше «не видел» никаких аргументов в пользу Карамышева. Внезапно выяснилось, что он действовал вопреки приказам и директивам, т. е. давал распоряжения о том, чтобы специалистов – лиц, имевших профессиональную квалификацию, судила «национальная тройка», при этом были репрессированы люди, арестованные уже после 1 августа 1938 г.

В отношении Воронина и Гарбузова, в сравнении с первым судом, из приговора полностью исчезла формулировка о том, что некоторые факты были «не доказаны» следствием. Все выдвинутые против них обвинения теперь считались полностью

доказанными с помощью свидетельских показаний и документальных материалов.

Что касается Трушкина, то теперь мотивировка приговора была гораздо короче и лапидарней, и в ней больше не упоминалась его многолетняя служба в органах госбезопасности и армии²²⁸.

Смена состава военного трибунала и небольшое изменение в подборе состава свидетелей привели к тому, что двое подсудимых чекистов получили теперь совершенно другой, «расстрельный» приговор, а ещё двое были приговорены к более длительным срокам заключения. Ядро обвинения в должностных преступлениях образовывали халатное отношение к служебным обязанностям, манкирование агентурной работой, внесение исправлений в протоколы допросов и другие материалы следствия, их неполнота и избирательный подбор, нарушение директив и приказов, самовольные действия и применение «мер физического воздействия».

Диктатура воспитания

Процессы над чекистами, в том числе над сотрудниками УНКВД по Николаевской области, имели много общего с «Большим террором». Как и операции НКВД 1937–1938 гг., аресты и суды над «нарушителями социалистической законности» были главной составляющей массовой карательной кампании, осуществлявшейся повсеместно во всесоюзном масштабе. Тем не менее, процессы над чекистами состоялись далеко не во всех республиках и областях Советского Союза. Так, в 1939–1941 гг. не было ни одного суда над сотрудниками НКВД в Грузии. Здесь в результате вмешательства нового народного комиссара внутренних дел СССР Л. П. Берии всё ограничилось лишь расследованием «перегибов». Зато в Украине процессы над чекистами были организованы во всех областях, а также в Молдавской АССР. Суды состоялись также в «новых» областях Украины, выделенных в 1939–1941 гг. из состава «старых», как это было

²²⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 448

²²⁷ Там само, арк. 484–488.

²²⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 484–488.

в случае с Кировоградской областью, выделенной в январе 1939 г. из Николаевской области²²⁹.

Кампанию по восстановлению «социалистической законности» с массовыми репрессиями «Большого террора» также роднило тайное проведение судебных процессов, несмотря на то, что суды над чекистами можно признать «полуоткрытыми», поскольку в них принимали участие многочисленные свидетели из числа бывших подследственных и коллег-чекистов. Одинаковым также было «принуждение» судей к осуждению подсудимых, специально отсортированных в духе кампании. Нам не известно ни одного случая, чтобы кто-либо из отданных под суд чекистов был в конечном итоге оправдан. Характерные совпадения имеются также на уровне деталей. Как и в случае с массовыми операциями 1937–1938 гг., у обвиняемых чекистов не было официальных защитников, хотя они и могли защищать сами себя, в отличие от жертв внесудебных карательных инстанций «Большого террора». При этом подсудимые чекисты лично присутствовали на заседаниях суда, что, в свою очередь, роднило эти суды с Московскими показательными процессами.

Теперь о различиях. Главным отличием в сравнении с «Большим террором» было содержательное «наполнение» кампании. Чекистов осуждали за служебные преступления. Это главное обвинение, выдвинутое в их адрес со стороны советского государства, заменило, начиная примерно с осени 1938 г., обвинения политического свойства, как правило, в троцкизме, которые практически всегда использовались в случае осуждения чекистов и других представителей партийно-государственных элит. Соответственно «политические» статьи УК отступили на задний план. Если сформулировать более абстрактно, то теперь на первом месте у элит должна была находиться не политическая «правотворность», а лояльность по отношению к советскому государству. Ритуальное обвинение в троцкизме (или пра-

²²⁹ В распоряжении коллектива авторов имеются материалы судебных процессов над сотрудниками НКВД, состоявших в Винницкой, Днепропетровской, Донецкой, Житомирской, Каменец-Подольской, Киевской, Кировоградской, Харьковской, Луганской, Николаевской, Одесской, Полтавской, Хмельницкой, Черниговской областях и Молдавской АССР.

вом уклоне), доведённое в 1936–1938 гг. до абсурда и лишённое смысла, было теперь заменено (и, очевидно, не только в случае с чекистами) более рациональной карательной практикой, главным ориентиром для которой выступали интересы советской государственности. Тем самым были усилены тенденции, уже наблюдавшиеся в ходе «Большого террора» в рамках массовых репрессий, когда обвинения политического свойства и соответствующие статьи УК зачастую использовались скорее в качестве вспомогательного средства, с помощью которого следствие стремилось гарантировать осуждение²³⁰.

В таком развитии событий прослеживалась определённая логика. Начиная с середины 1930-х гг., политическая оппозиция в Советском Союзе практически не существовала, а сам СССР уже с начала 1930-х годов переживал фазу последовательного огосударствления, которая сопровождалась унификацией идеологии. Наглядным воплощением унифицированной идеологии стал «Краткий курс истории ВКП(б)». Это означало, что советское государство и коммунистическая партия, всё теснее срастаясь с государством, регулировали экономику и общество преимущественно посредством государственных институтов²³¹.

²³⁰ Карательные и партийные органы продолжали успешно использовать обвинения в троцкизме и далее, но не столь систематически, как в 1930-е гг.

²³¹ Общественные организации, обладавшие вплоть до конца 1920-х гг. определённой автономией, были либо распущены, либо преобразованы в придаток государства. См. напр.: Юнге М. Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1921–1935. – М., 2015.

Усиленное внимание феномену огосударствления СССР уделяет немецкий историк Бенно Эннкер. Он пишет о своеобразном/ненормальном процессе основания сталинского государства на новых условиях не только применительно к новой конституции, но и к формированию нового «советского народа», который в конечном итоге испытал это огосударствление на себе. См.: Эннкер Б. Советский народ, сталинский режим и конституция 1936 г. в политической истории Советского Союза: исследовательские подходы и предварительные выводы // Soviet History Discussion Papers. – 2014. – № 3 (режим доступа: http://www.perspectivia.net/publikationen/shdp/ennker_narod, дата обращения: 18.01.2016). В переписке с автором 17 января 2016 г. Б. Эннкер дополнительно отметил: «Точнее говоря, здесь, без сомнения, должна идти речь о процессе основания имперского государства».

Изменение карательной политики таило в себе существенные преимущества как для следователей УНКВД по Николаевской области и республиканского аппарата НКВД, так и для юристов из состава войск НКВД Киевского Особого военного округа, задействованных в кампании по наказанию «перегибщиков». Теперь для них было ненужным прилагать усилия для того, чтобы доказать участие чекистов в мифической троцкистской организации, чтобы лишь потом, попутно и как бы между делом, наказать их за должностные преступления. Теперь они могли сразу же начинать с уличения подследственных в пытках, фальсификации материалов следствия, коррупции и нарушении приказов. Кроме того, это было тем легче сделать после «Большого террора», чем больше перед этим власть терпела и даже поощряла все эти должностные преступления, а теперь высшее политическое руководство вдруг неожиданно стало требовать покарать их как недопустимые эксцессы. То, что предварительно следствие и сами судебные процессы над чекистами в Николаеве оставляют впечатление относительно «чистых» формально-юридических процедур, объясняется именно отпадением фиктивных «политических» пунктов обвинения, а также предварительным отбором в качестве «козлов отпущения» наиболее запятнавших себя сотрудников госбезопасности.

Внимания заслуживает то, что следственные комиссии, а потом и сами следователи рекрутировались из личного состава того же самого учреждения, которое они должны были подвергнуть проверке. В случае с ними речь не шла о профессиональных юристах. Возможно, за этим обстоятельством скрывалось стремление более удобно манипулировать кампанией по восстановлению «социалистической законности» для достижения целей, намеченных в интересах государства.

Однако непосредственное тесное участие сотрудников НКВД в чистке собственных рядов не имело функцию защитить НКВД от «нападок». Напротив, это можно трактовать как важную программную часть кампании по восстановлению «социалистической законности». Очевидно, на фоне возврата себе московским центром карательной компетенции, делегирован-

ной ранее периферии, следствие и судебные процессы в Николаеве играли важную дидактическо-воспитательную роль.

Таким образом, концепция широкомасштабной «бериевской чистки» сводилась к следующему: НКВД должен был «высечь» сам себя под руководством и надзором политического центра в Москве и военной прокуратуры. Сначала были образованы внутренние следственные комиссии НКВД, задачей которых было «вскрыть» общие проявления нарушений социалистической законности аппаратом и показательно выявить из общей массы чекистов главных «козлиц», в том числе занимавших высокие должностные посты. Речь здесь шла о предварительной селекции и показательности наказания, которое должно было оказать на «органы» воздействие требуемого диапазона. Об этом свидетельствует то, что другие высокопоставленные сотрудники НКВД, в отношении которых имелись материалы, изобличавшие их в пытках, издевательствах и т. п., не были арестованы и судимы. Их лишь понизили в должности, перевели на новое место работы или уволили, как это было в случае с бывшим заместителем начальника УНКВД по Николаевской области А. Ф. Поясовым или бывшим начальником УНКВД по Николаевской области И. Б. Фишером, уволенным ещё в марте 1938 г. Параллельно тема должностных преступлений в обязательном порядке обсуждалась на собраниях сотрудников управлений НКВД, которые проходили в каждой области с участием представителей партии и прокуратуры.

После этого на местах были проведены «полуоткрытые» судебные процессы с участием большого количества свидетелей из числа партийно-советских элит и аппарата НКВД. Местом проведения процессов сознательно выбиралось здание (или клуб) областного управления НКВД. Их целью была критика прежнего стиля работы с помощью конкретных примеров, а также выработка будущих методов деятельности органов госбезопасности. Помимо этого, предполагалось, что выступавшие на процессах свидетели из числа партийной элиты, полностью очищенные от прежних обвинений, послужат для общества неформальным источником информации о том, что сотрудники НКВД, виновные в массовых репрессиях прошлых лет и

обманувшие государство и партию, теперь партией и государством выявляются и наказываются. Триумфальный приём, устроенный освобождённым инженерам и техникам на судостроительном заводе в Николаеве их коллегами, косвенно подтверждает успех этого концепта в рамках всего Советского Союза. Помимо судебных процессов, многие сотрудники НКВД получили выговоры и взыскания, были переведены на другие должности и даже уволены из «органов» по обвинениям в должностных проступках, связанных с нарушением «социалистической законности»²³².

Дидактическая функция кампании по восстановлению социальности была ограничена рамками, установленными Москвой. Она не повлекла за собой массового освобождения *уже осуждённых* жертв «кулацкой» и «национальных» операций НКВД, равно как и *уже осуждённых* представителей советских элит. Речь может идти лишь об отдельных освобождениях²³³. Главное счастье выпало на долю тех *арестованных*, по делам которых ещё не было завершено следствие или вынесенный приговор ещё не был приведён в исполнение. В соответствии с неформальным характером кампании советская пресса, за редким исключением, держалась в стороне. Так, центральный орган ЦК КП(б)У «Коммунист» в течение трёх дней, в конце декабря 1938 – начале января 1939 г., опубликовал на задних стра-

²³² Точные сведения о том, кто был уволен из органов НКВД, а кто «отделался» порицанием за «нарушение социалистической законности», будут получены только в результате систематического просмотра материалов суда и следствия.

²³³ За время между 17 ноября 1938 г. и 10 февраля 1939 г. в Украине было освобождено только 2,8% лиц, репрессированных в рамках операции НКВД по приказу № 00447 и Особым совещанием (3441х100/121994=2,8%). В Николаеве доля освобождённых была ещё ниже – 1,1% (216х100/18930=1,1%). При этом передача дела на рассмотрение суда или Особого совещания существенно повышала шансы на освобождение (по Украине к 10 февраля 1939 г. были доследованы дела на 10 130 чел., из них прокуратуре на предмет освобождения были переданы дела на 3441 чел., по Николаеву были доследованы дела на 853 чел., из них освобождено 216). См.: ГДА СБ України, ф. 16, спр. 324, арк. 65; «Через трупы врага на благо народа»... – Т. 2. – С. 483–487.

ницах отчёт о судебном процессе над чекистами Молдавии, обвинявшимися в нарушении социалистической законности²³⁴. Несмотря на то, что это был единичный случай такого рода в Украине, данная газетная статья сыграла свою роль в дисциплинировании аппарата госбезопасности, поскольку в газете открыто писалось о том, что все четверо обвиняемых были осуждены к смертной казни.

Нельзя также говорить, основываясь на материалах судебных процессов в Николаеве, что целью кампании было уничтожение «ежовского» клана или «клана Успенского», хотя следствие уделяло особое внимание отношениям обвиняемых чекистов с Успенским.

Дидактический концепт кампании по восстановлению «социалистической законности» имел для партии и государства сталинской формации лишь одни преимущества. Осуждение чекистов и освобождение инженеров стали краеугольным камнем для успокоения ситуации, но при этом власть не сделала обществу каких-либо серьёзных уступок. Напротив, путь радикального переустройства экономики и социума, выбранный раз и навсегда, был сохранён без каких-либо корректив. Но стратегия охлаждения горячих голов и понижения градуса репрессий прекрасно функционировала. Даже самые юные и рьяные карьеристы и «благоприобретатели» сталинской системы, такие, как первый секретарь Николаевского обкома ВКП(б) П. И. Старыгин и его преемник С. И. Бутырин, очень быстро осознали, что охота на «врагов народ» (т. е. тех, кто был замечен в нелояльности) ведётся теперь не в массовом порядке, а избирательно. Поэтому необходимо сократить «антивражескую» риторику

²³⁴ Справа групи колишніх співробітників НКВС Молдавської АРСР // Комуніст. – 1938. – 30 декабря. – № 299 (5876). – С. 4; 1938. – 31 декабря. – № 300 (5877). – С. 4; 1939. – 1 января. – № 1 (5878) – С. 4. В прессе Сибири также напечатаны статьи. См.: *Тепляков А.Г.* «Детское дело» в Кузбассе: к вопросу о подоплёке открытого процесса 1939 г. над чекистами – «нарушителями законности» // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сборник материалов франко-российского семинара (Париж, 29–30 ноября 2010 г.) – Новосибирск, 2011. – С. 141–154.

и, что особенно важно, значительно ограничить публичное бичевание конкретных людей²³⁵.

В вину режиму следует поставить затянувшуюся промежуточную фазу кампании после 17 ноября 1938 г., в течение которой производилась селекция «козлов отпущения» и статистов, что значительно продлило страдания арестованных жертв «Большого террора». Сотрудники госбезопасности продолжили их мучить и после 17 ноября 1938 г., на этот раз для того, чтобы защитить самих себя от обвинений в должностных преступлениях.

О том, в какой степени границы между палачами и жертвами были расплывчатыми, свидетельствует реакция на пытки некоторых «настоящих» жертв массовых операций. Так, бывший 2-й секретарь Николаевского горкома КП(б)У Д. Ф. Кобцев, которого самого истязали во время следствия, полагал, что применение к нему мер физического воздействия было незаконным, и в то же время он считал, что их можно и следует применять по отношению «к бандитам и им подобным»²³⁶.

«Верные сталинцы» в годину перемен

Наиболее «горячая» фаза кампании по восстановлению социалистической законности пришлась в Николаеве на осень 1938 и весну 1939 гг. Комиссии, различные особоуполномоченные и оперативные уполномоченные НКВД зондировали поч-

²³⁵ Старыгин находился в мае 1938 г. на «переднем фронте» борьбы с «врагами народа всех мастей», включая своё окружение. Но уже в феврале 1939 г., спустя немногим меньше года, он держался нейтрально и сменил место работы, перебравшись в Киев, в республиканский народный комисариат пищевой промышленности. Бутурин, занявший пост первого секретаря Николаевского обкома КП(б)У, ограничивался в 1939 г. общей риторикой в адрес «врагов народа» и призывами к большевистской бдительности. Такая «умеренность» была свойственна для подавляющего большинства его выступлений, в том числе по поводу дел в «оборонной» судостроительной промышленности. См.: Держархів Миколаївської обл., ф. 7, оп. 1, спр. 3, арк. 1–271, арк. 1–19 (Старыгин); спр. 35, арк. 1–6 (Бутурин), 88–92 (Самарин, директор завода им. А. Марти), 127–135 (М. Г. Пивень, о морском флоте), 163–185 (Филиппов и Максимов о чистке партии в индивидуальном порядке).

²³⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 264.

ву для того, чтобы «отфильтровать» из числа сотрудников госбезопасности конкретных обвиняемых. В УНКВД это было нелёгкой задачей, поскольку «взятые на прицел» чекисты получили полную поддержку руководства управления, которое использовало для их защиты все ресурсы, в том числе агентуру. В свою очередь, потенциальных «козлов отпущения» было не разлить водой, они всячески поддерживали друг друга, сопротивлялись грозившему им аресту и осуждению.

В ходе этой нештучной борьбы выяснилось даже то, о чем чекисты думали, но не могли вслух высказать в свою защиту: в донесениях агентов, которыми они «дирижировали», под видом «вражеских» заявлений освобождённых подследственных на самом деле фигурировала собственная критика чекистов в адрес действий руководства страны. Московский центр представлялся в этих сообщениях наивным и нерешительным, а также звучали косвенные предупреждения об опасных последствиях кампании по наказанию нарушителей «социалистической законности». Речь подспудно заходила о том, что государство и партия сами готовили почву для массовых репрессий. Однако не стоит понимать такого рода пассажи как критику самой системы, чекисты лишь намекали власти на возможность мягкого и корректного обхождения с теми, кто не жалея сил претворял в жизнь директивы государства. Власть не отреагировала на эти предупреждения и призывы, как и не обратила внимания на попытку дискредитации бывших жертв, которая была предпринята чекистами с помощью агентурных сообщений. Поскольку сотрудники НКВД формулировали своё обращение к власти в привычном, но устаревшем стиле борьбы с «троцкизмом», оно так и не было услышано.

И всё же поначалу обвиняемые чекисты имели все основания не отчаиваться. Чувство солидарности, которое испытывало к ним местное николаевское начальство, простиралось настолько далеко, что осенью 1940 г. с помощью местных судей и лояльного судьи военного трибунала они были оправданы или получили сравнительно мягкие наказания. Казалось, что чекистская обязанность защищать советское государство, в крайнем случае, даже пренебрегая законом, смогла, полностью

в духе понимания чекистами собственной роли в «Большом терроре», нейтрализовать обвинение в тяжёлых должностных преступлениях. В результате только вмешательство со стороны Москвы, указавшей на важность задач кампании и её воспитательной цели, привело к вынесению жёстких приговоров в отношении всех четырёх обвиняемых. При этом новое следствие пользовалось «старыми» материалами, но теперь Москва сознательно ограничила свободу суда в их интерпретации. Приговоры, прозвучавшие теперь в адрес Карамышева и его подельников, выглядели особенно суровыми на фоне аналогичных процессов, например, в Одессе. Можно предположить, что новый судья, возглавивший трибунал, равно как и его заседатели, были уверены в пристальном внимании со стороны Москвы. Они показывали особое рвение, чувствуя себя обязанными вынести особенно суровые приговоры. Если рассматривать ситуацию под этим углом зрения, то становится очевидным, что оправдательный приговор, первоначально вынесенный Карамышеву, который являлся результатом специфического стечения обстоятельств и, соответственно, сравнительно мягкие приговоры, вынесенные его подельникам, имели в конечном итоге фатальные последствия для обвиняемых чекистов. То же можно утверждать в отношении организованных и активных тактик самозащиты, к которым прибегли обвиняемые и которые обратили на себя внимание. Всё это теперь было жёстко наказано.

На фоне оправдательных приговоров, вынесенных на первом суде, есть все основания говорить о сильном корпоративном духе чекистов, но не стоит придавать ему особой действенной силы. Напротив, самый главный заступник обвиняемых, начальник УНКВД Юрченко, мобилизованный на работу в «органы» из партийных рядов, из-за своего заступничества, а также дилетантских методов работы, впал в немилость²³⁷. Его взлёт по карьерной лестнице от сотрудника партийной газеты и 1-го секретаря Базарского райкома КП(б)У (Житомирская область) до начальника УНКВД по Николаевской области завершился

крахом. В сентябре 1940 г. Юрченко был снят с поста и в октябре 1940 г. уволен из органов. С февраля 1941 по июнь 1941 г. он работал директором мельницы, а потом его «выручила» война – с октября 1941 г. он служил в системе армейских Особых отделов.

Все это можно также трактовать следующим образом: московский центр провёл кампанию по восстановлению «социалистической законности» и связанный с ней поворот в карательной политике с позиции сильного политического актёра, в интересах консолидации и укрепления системы, не страшась внутренней конкуренции. В пользу этого предположения говорят относительно большие масштабы акции по освобождению «врагов народа» – людей, которые до 17 ноября 1938 г. расценивались как в высшей степени опасные элементы.

Для осуждённых чекистов падение вниз с вершин служебной лестницы психологически было тяжёлым испытанием. Все они без исключения были верными сталинцами, которые в собственных глазах делали всё возможное для достижения целей режима. Их личная цель в ходе судебных процессов сводилась к тому, чтобы доказать свою политическую и моральную лояльность по отношению к власти, что они и делали, в отличие от нацистов на Нюрнбергском трибунале, причём громко и с большим пылом. Они не могли и не хотели ставить под сомнение сталинский режим.

Исходя из этой перспективы, чекисты с полным правом могли настаивать на том, что они стали жертвой внезапного изменения политики государства, которое цинично и успешно использовало их в качестве «козлов отпущения», наказав за свои собственные «грехи». В своём восприятии, которое в целом отвечало действительности, чекисты всегда делали то, что от них требовалось, и даже если при этом допустили «пару ошибок», то полагали, что ошибки легко поддаются исправлению и не заслуживают наказания. В таких условиях не было необходимости демонстрировать раскаяние за совершенные преступления. Поэтому тема преступного приказа как основания их действий («Befehlsnotstand») играла в защитной стратегии подсудимых сотрудников органов НКВД второстепенную

²³⁷ ГДА СБ України, ф. 16, спр. 421, арк. 108–119.

роль. Не возникает впечатления, что они нарушали закон исключительно под давлением начальства, в слепом послушании, руководствуясь конформизмом или стадным чувством, или из страха, и что при этом они переступили через сомнения или моральные убеждения. Чекистов мало интересовала законность приказов и директив, поскольку эти преступные приказы скорее были им близки и понятны²³⁸, и о моральных сомнениях здесь также не было речи. Эти приказы для них были узаконены авторитетом высших партийно-советских органов, или, если говорить словами Ханны Арендт, воля политического руководства имела решающее значение для определения правомерности или противозаконности действия²³⁹.

Но с юридической точки зрения невозможно освободить чекистов от ответственности за совершенные преступления. За редким исключением, ни во время, ни после «Большого террора» они не задумались о преступной стороне своих деяний, как не задумывались они о том, что их кумиры в Киеве и Москве также действовали незаконно и преступно²⁴⁰.

Авангард или «совершенно обычные мужчины»?²⁴¹

Падение чекистов, как показывает в том числе «николаевский случай», было особенно глубоким потому, что НКВД в го-

²³⁸ Дискуссия о виновности индивидуума, см: *Viola L. The Question of the Perpetrator in Soviet History // Slavic Review.* – 2013. – № 1. – Vol. 72. – P. 4.

²³⁹ *Arendt H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Antisemitismus. Imperialismus. Totalitarismus.* – München, 2003. – S. 844.

²⁴⁰ Были те, кто всё понимал. Бывший начальник УНКВД по Челябинской области Ф. Г. Лапшин, арестованный в 1939 г., в своих показаниях выделил особую главу «Как я стал преступником», в которой, в частности, писал: «Были моменты, когда во мне просыпались чувства совести, стыда и раскаяния. Являлось желание рассказать об этом откровенно и прекратить творимые преступления. Но боязнь ответственности останавливала, и я опять уходил в себя. Машина продолжала работать по-прежнему...» См.: *Вепрев О.В., Люттов В.В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале.* – Челябинск, 2002. – С. 311–312. Автор благодарит Алексея Теплякова за указание на эту цитату.

²⁴¹ Калька термина «ordinary men», которым в историографии национал-социализма описывают феномен рядовых исполнителей, являющихся в ру-

ды «Большого террора» стал играть в этой области Украины роль ключевого органа управления и контроля. Политическая полиция с большим рвением брала на себя, наряду с решением социальных задач, также задачи поддержания функционирования наиболее важных отраслей народного хозяйства. В Николаеве УНКВД во главе с Карамышевым усиленно контролировало судостроительные заводы и своими специфическими методами боролось с дезорганизацией производства, коррупцией и халтурой, которые, без сомнения, получили здесь широкое распространение²⁴². При этом Карамышев действовал не по принуждению и не только под давлением из Киева и Москвы, но, главным образом, по собственной инициативе и с большим рвением. Если формулировать абстрактно, то данный сотрудник карательных органов не был лишь жертвой стечения обстоятельств и времени или слепым орудием государственных и партийных мета-структур. Он был тем, кто плечом к плечу со Старыгиным, новым первым секретарём Николаевского обкома КП(б)У, молодым и идеологически подкованным, обвинял на VI городской и на областной партийных конференциях, состоявшихся в мае 1938 г., различные парторганизации области, в первую очередь заводские. Ссылаясь на Сталина, Карамышев потребовал настоящей большевистской бдительности и неприимости к врагу. При этом он отчитал обком КП(б)У и советские структуры – публично и даже с упоминанием конкретных имён – за провалы в области экономики (промышленность и торговля) и народного образования. Резкой критике со стороны Карамышева подвергся второй секретарь Николаевского обкома КП(б)У Д. Х. Деревянченко, который, с его точки зрения, уделил недостаточное внимание кампании по критике и самокритике. Карамышев также публично скомпрометировал начальника корпусного цеха завода № 200 Л. П. Фомина, засту-

ках государства не только послушным, но и добровольным активным инструментом для осуществления массовых карательных акций.

²⁴² См. негативные высказывания свидетелей по поводу методов и организации работы обвиняемых инженеров и специалистов, прозвучавшие на судебном процессе 4–8 апреля 1939 г. ГДА СБ України, Миколаїв, ф. 6, спр. 1192-с, т. 9, арк. 41–57.

пившегося за бывшего директора завода Ф. Я. Плетнёва²⁴³. После этого на первой областной партконференции, состоявшейся 24–29 мая 1938 г., Карамышев был избран членом обкома КП(б)У и его бюро. В газетах его имя упоминалось сразу же вслед за именами трёх секретарей обкома партии²⁴⁴. 25 июня 1938 г. его избрали депутатом Верховного Совета УССР и за заслуги перед партией и государством наградили орденом Ленина – в конечном итоге телеграмма Фриновского не причинила ему вреда²⁴⁵.

Однако Карамышев этим не ограничился. Весной 1938 г. он фактически возглавил в области кампанию по укреплению судостроительной отрасли, начатую по указанию Москвы. Старт этой кампании в Николаеве дала статья под названием «Навести большевистский порядок на водном транспорте», опубликованная в газете «Южная правда» в конце марта 1938 г.²⁴⁶ Целый месяц, начиная с конца мая и по конец июня 1938 г., местная пресса опубликовала с равномерными промежутками пять больших статей Карамышева, каждая из которых занимала около трети газетной страницы. На работе, в публичных выступлениях на партконференциях, в газетах начальник УНКВД преподносил себя как настоящего «ястреба», каждый раз пугавшего всех угрозой «деятельности иностранных фашистских разведок и их троцкистско-бухаринской, буржуазно-националистической и прочей агентуры», инструментом которой служили бесчисленные саботажники²⁴⁷. Его статьи сопровож-

²⁴³ Карамышев П.В. Выше революционную бдительность // Южная правда. – 1938. – 23 мая. – № 110. См. Там само: Держархів Миколаївської обл., ф. 7, оп. 1, спр. 3, арк. 1–7, 167–170.

²⁴⁴ Первая Николаевская партийная конференция закончила свою работу // Южная правда. – 1938. – 30 мая. – № 116. – С. 1.

²⁴⁵ Сегодня все на выборы Верховного Совета Украины! // Там же. – 25 июня. – № 139. – С. 8.

²⁴⁶ Навести большевистский порядок на водном транспорте! // Там же. – 30 марта. – № 67. – С. 1.

²⁴⁷ Именно такое впечатление Карамышев производил на своих подчинённых: «Карамышев прибыл на работу в Николаевское УНКВД в марте м-це 1938 г. В мае м-це 1938 г., выступая на областной конференции КП(б)У,

дались резолюциями и призывами собраний рабочих соответствующих заводов, которые перед лицом грозящей опасности обещали трудиться ещё лучше и больше²⁴⁸. Эти обещания не в последнюю очередь были результатом выступлений Карамышева на массовых собраниях трудовых коллективов²⁴⁹.

Областная парторганизация также внесла весомый вклад в кампанию по укреплению судостроительной промышленности, публично заявив на облпартконференции о чрезвычайных недостатках в работе заводов № 200 и № 198. В первую очередь – о «вражеском саботаже» на заводе № 200, который привёл к взрыву котлов, в результате чего имелись погибшие и раненые, а также стал причиной производственного брака и падения рабочей морали²⁵⁰. Месяц спустя, 22 июня 1938 г. бюро Николаевского обкома КП(б)У приняло постановление, заклеившее плачевное техническое, организационное, идеологическое и политическое состояние завода № 200 и его руководства. В заключительной части постановления говорилось, что

«завод стал на антигосударственный путь невыполнения задания правительства и партии в вопросе создания мощного военного флота для страны»²⁵¹.

В начале июля 1938 г. «Южная правда» опубликовала речь Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Кали-

он в своём выступлении нарисовал довольно мрачную картину, сводящуюся к тому, что всюду и везде кишат враги, шпионы». См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 3, арк. 133–141; Карамышев П.В. О методах и приёмах подрывной работы фашистских разведок и их троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической агентуры // Южная правда. – 1938. – 23 мая. – № 110; 24 мая. – № 111; 4 июня. – № 120; 9 июня. – № 124; 30 июня. – № 144; 4 июля. – № 146; 10 июля. – № 151. Статьи публиковались под одним и тем же названием как продолжение первой.

²⁴⁸ «До конца разгромить вражескую агентуру». Обзор писем и откликов трудящихся на статьи П. В. Карамышева «О методах и приёмах подрывной работы фашистских разведок и их троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической агентуры» // Южная правда. – 1938. – 15 июля. – № 155. – С. 3.

²⁴⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 13, арк. 430 зв.

²⁵⁰ Держархів Миколаївської обл., ф. 7, оп. 1, спр. 4, арк. 87–89; спр. 5, арк. 110.

²⁵¹ Там само, спр. 18, арк. 128–131.

нина «За большой советский морской флот» от 19 июня 1938 г. перед рабочими, инженерно-техническими работниками и служащими Ленинградского завода им. Орджоникидзе. Калинин требовал строить морские суда как можно скорее, как можно дешевле и с максимальным качеством. Он заявил, что советская страна находится в состоянии острой конкуренции с капиталистическими странами, и в этой борьбе необходимо победить. Определённым контрапунктом к выступлениям Карамышева прозвучало заявление Калинина о том, что «все недостатки хотят взвалить на вредителей». Напротив, он призывал к решительной самокритике²⁵².

На этом фоне Карамышев представлял собой уже не подчинённого, действия которого определялись вышестоящей инстанцией, а активнейшего участника кампании по строительству военно-морского флота. Её важность в Николаеве засвидетельствовали в июне и июле 1938 г. телеграмма заместителя наркома внутренних дел СССР Фриновского, визит наркома внутренних дел Украины Успенского, визит первого заместителя наркома оборонной промышленности СССР Тевосяна. Пожар, случившийся на судостроительном заводе в начале августа 1938 г., стал для Карамышева настоящим ударом, который он и его аппарат попытались компенсировать привычными «чекистскими» методами с большим рвением.

В ходе судебных процессов над чекистами выяснилось, что вопреки внешнеполитическим моментам, превалировавшим в идеологической кампании, развёрнутой вокруг военно-морского флота, Карамышева интересовали почти исключительно местные проблемы и он, в тесном симбиозе и сотрудничестве с партийным руководством области²⁵³, при мощной поддерж-

²⁵² Калинин М.И. За большой советский морской флот. Из речи на собрании рабочих, инженеров и технических работников и служащих завода им. Орджоникидзе в Ленинграде от 19 июня 1938 г. // Южная правда. – 1938. – 8 июля. – № 148. – С. 2.

²⁵³ Пиком такого сотрудничества являлось участие первого секретаря Николаевского обкома КП(б)У П. И. Старыгина в допросах членов КП(б)У. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67990, т. 2, арк. 1–9. Кроме того, секретарь обкома регулярно принимал участие в оперативных совещаниях сотрудников УНКВД. См.: Там само, т. 13, арк. 430 зв.

ке республиканского руководства госбезопасности и КП(б)У, а также прокуратуры, боролся с «внутренними врагами» и активно использовал для этого предоставленную ему свободу действий. Уверенной рукой он интерпретировал в нужную для себя сторону расплывчато сформулированные приказы Москвы.

Осуждённые сотрудники СПО УНКВД во главе с Трушкиным действовали с не меньшим энтузиазмом, чем Карамышев, но уже на уровне непосредственного выявления и уничтожения «врагов». Едва ли возможно охарактеризовать этих чекистов, включая Карамышева, как «ordinary men». Хотя они были малообразованными выходцами из социальных низов, фактически именно эти люди являлись «выдающимся элементом» советского общества и именно так они воспринимали сами себя. Они превосходно уживались с системой, продуктом которой они были и внутри которой они сделали головокружительную карьеру. Эта система в период «Большого террора» вновь предложила сторонникам крайних мер и карьеристам из числа чекистов большое поле для деятельности. Осуждённые сотрудники УНКВД ничего не имели против пыток и фальсификации документов в интересах «облегчения» и «ускорения» своей работы, но не были садистами, действовавшими в своих личных интересах. Их цель заключалась в том, чтобы обеспечить на местах безопасность молодой развивающейся социалистической системы. В этих условиях ситуативное²⁵⁴ насилие также играло подчинённую роль. Их преступления нельзя документально обосновать чрезвычайно высоким градусом идеологизации. Скорее, они действовали в условиях чрезвычайно «перегретой атмосферы» беспощадной насильственной стабилизации потрясений, вызванных сталинской перестройкой экономики и общества.

По причине колоссального роста полномочий и масштаба возложенных общественно-политических и экономических задач, органы госбезопасности неминуемо должны были оказаться между молотом и наковальней. Требования, обращённые к

²⁵⁴ Под ситуативным насилием подразумеваются формы насилия, которые невозможно интерпретировать как стратегические действия. Речь, как правило, идёт о локальном, бесконтрольном и спонтанном насилии.

промышленным предприятиям Николаева, были «перегружены» необоснованными ожиданиями, в то время как технические и организационные возможности были крайне ограниченными, а кадры специалистов – недостаточными. На производстве царил нехватка материалов, отсутствовали требуемые специалисты, имевшееся сырье было плохого качества, организация трудового процесса носила хаотический характер²⁵⁵. Решение проблемы, по версии местного управления НКВД – стабилизировать ситуацию с помощью арестов и запугивания, приписывая рабочим и инженерам активный и сознательный саботаж, принесло весьма скромный успех, хотя чекисты таким образом и смогли застраховаться от возможных обвинений в халатности. Пожар на судостроительном заводе № 200 летом 1938 г. был не только огромным фиаско николаевских чекистов, но, в первую очередь, являлся символом плачевного провала государственной политики, направленной на то, чтобы решать насущные проблемы общества и экономики с помощью органов госбезопасности и милиции.

Перевод Андрея Савина

Юнге М. «Цапи відбували» пручаються. Процеси над порушниками «соціалістичної законності» в Миколаївській області в 1939–1941 рр.

Досліджуються обставини обвинувачення співробітників УНКВС по Миколаївській області в масових арештах і вбивствах громадян під час «Великого терору», проведення судових процесів над чекістами.

Ключові слова: органи державної безпеки, Миколаївська область, «Великий терор».

Junge M. The Scapegoats Stand Against. The Processes on the «Socialist Legitimacy Breachers» in Mykolaiv Region in 1939–1940

Author researches the circumstances of accusing the Mykolaiv region NKVD officers of mass arrests and murders during The Great Terror and the court processes on these cases.

Key words: state security bodies, Mykolaiv Region, The Great Terror.

²⁵⁵ ГДА СБ України, Миколаїв, ф. 6, спр. 1192-с, т. 9, арк. 41–57.

УДК 351.746.1-051(477.74):343.1]«1939/1943»(045)

**Андрей САВИН,
Алексей ТЕПЛЯКОВ***

**«Партия может ошибаться, а НКВД – никогда»¹.
Сотрудники УНКВД по Одесской области
на скамье подсудимых (1939–1943 гг.)**

Исследуется деятельность сотрудников УНКВД по Одесской области в период «Большого террора», их дальнейшая судьба. Указывается, что осуждение сотрудников госбезопасности оставалось внутриведомственным процессом и не приводило к отмене приговоров в отношении подавляющего большинства тех дел, которые провели осуждённые чекисты.

Ключевые слова: «Большой террор», Одесская область, сотрудники государственной безопасности.

Поздней осенью 1938 г. новый народный комиссар внутренних дел СССР Л. П. Берия начал широкую чистку среди сотрудников НКВД СССР. Главным методом «бериевской» чистки было увольнение по обвинению в «нарушении социалистической законности». Всего за 1939 г. из органов государственной безопасности было уволено 7372 чел., т. е. почти четверть (22,9%) всех оперативных сотрудников. Из них было арестовано 973 чел. Если же учитывать аресты конца 1938 г., также осуществлённые в рамках «бериевской» чистки, то число оперативных сотрудников, арестованных за «нарушение социалистической законности», увеличится до 1364 чел.² На скамье подсудимых главным образом, оказался руководящий состав органов гос-

* *Тепляков Олексій Георгійович*, кандидат історичних наук, доцент кафедри філософії та гуманітарних наук Новосибірського державного університету економіки і управління, докторант Новосибірського національного дослідницького державного університету; *Савін Андрій Іванович*, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник сектору історії суспільно-політичного розвитку Інституту історії Сибірського відділення РАН.

¹ В заголовке приведено высказывание Я. И. Берензона, одного из осуждённых сотрудников УНКВД по Одесской области. См. ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 3. арк. 109 зв.

² *Petrow N. Die Kaderpolitik des NKWD 1936–1939 // Stalinscher Terror 1934–1941. Eine Forschungsbilanz. Hrsg. von W. Hedeler. – Berlin, 2002. – S. 31.*

безопасности – начальники краевых и областных управлений, оперативных отделов и отделений³. Эту чистку Н. В. Петров охарактеризовал как

«первую кадровую революцию в органах государственной безопасности, направленную на радикальное обновление их личного состава»⁴.

В настоящем исследовании, опираясь на материалы архивно-следственных и личных дел ряда сотрудников УНКВД по Одесской области, арестованных в 1939–1941 гг., а также на документы судебных процессов над ними, предпринимается попытка сформулировать и обосновать научную гипотезу о том, что же послужило главной причиной широкой чистки чекистских кадров сразу же после завершения массовых операций НКВД 1937–1938 гг. и какую роль сыграла эта чистка в контексте взаимоотношений между коммунистической партией и тайной полицией, а также между властью и обществом в целом.

Одесса и Одесская область: специфика региона в контексте массовых репрессий

Специфика проведения массовых операций НКВД СССР 1937–1938 гг. задавалась, в первую очередь, как географическо-хозяйственными особенностями регионов СССР, так и наличием на территории этих регионов различных социальных и этнических групп населения, являвшихся объектами карательных действий органов тайной полиции. Интенсивность репрессий, как правило, была выше в промышленных регионах, чем в сельскохозяйственных, в приграничных областях – чем во внутренних районах страны, в городах, в которых располагались «режимные» объекты военной промышленности – чем в местах расположения «обыкновенных» предприятий. Усилению

³ Для осознания масштабов «бериевской» чистки следует сравнить её с чисткой «ягодинцев», осуществлённой Н. И. Ежовым: с октября 1936 г. по середину августа 1938 г. было арестовано 2273 сотрудника ГУГБ НКВД СССР, в т. ч. 1862 – за «контрреволюционные преступления и 411 – за уголовные. См. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. – М., 1999. – С. 501; *Petrow N.* Die Kaderpolitik des NKWD 1936–1939. – S. 29.

⁴ *Petrow N.* Die Kaderpolitik des NKWD 1936–1939. – S. 31.

репрессий также способствовало наличие «спецконтингентов» и «враждебных» этнических групп, которым отводилась роль потенциальной «пятой» колонны. В случае наложения этих факторов друг на друга карательный эффект неизбежно мультиплицировался⁵. Город Одесса и Одесская область обладали практически всем набором факторов, обуславливавших интенсивные и масштабные репрессии, что и подтвердилось на практике. Некоторые первичные исследования уже проведены украинскими учёными⁶.

Согласно оперативным планам НКВД УССР по изъятию кулаков и уголовников по первой и второй категориям, составленным в середине июля 1937 г., Одесской области отводилась только пятая строка среди семи областей Украины и Молдавской АССР: по имевшимся ориентировочным данным, по «первой категории» здесь подлежали аресту и расстрелу 310 кулаков и 90 уголовников, а по второй должно было быть осуждено 1000 кулаков и 400 уголовников⁷. Но в соответствии с приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. для Одесской области были установлены новые, более высокие, лимиты репрессий, которые неоднократно повышались в результате циничного

⁵ Подробнее см.: *Савин А.И.* Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия. XXI век. – № 3. – 2012. – С. 40–61.

⁶ *Петровський Е.* Методи слідства в період масових репресій 1937–1938 рр. на Одещині // Південний Захід. Одесіка. – 2006. – № 1. – С. 101–119; *Його ж.* Українці як об'єкт репресій органів НКВС на Одещині в 1937–1938 рр. // Там само. – 2007. – № 4. – С. 108–121; *Бажан О., Лошицький О.* Апогей «Великого терору» на Одещині (1937–1938 рр.) // Там само. – 2007. – № 3. – С. 162–174; *Бажан О.* Каральні заходи НКВС проти етнічних меншин Одещини в часи «великого терору» // Там само. – 2011. – № 11. – С. 116–145; *Його ж.* «Великий терор» на Одещині: соціальні, етнічні та регіональні аспекти // Там само. – 2012. – № 14. – С. 181–210; *Його ж.* Реалізація директиви НКВС № 00439 на Одещині (1937–1938) // Там само. – 2013. – № 16. – С. 121–127; *Бажан О., Золотарьов В.* Керівний склад УНКВС Одеської області доби «ежовщини» // Там само. – 2015. – № 19. – С. 124–75. Реабілітовані історію. Одеська область. Кн. 1 / Упоряд. Л. В. Ковальчук, Е. П. Петровський. – Одеса: АТ «ПЛАСКЕ», 2010. – 800 с.

⁷ См. «Через трупы врага на благо народа»: «Кулацкая операция» в Украинской ССР. 1937–1941 гг. В 2-х т. – Т. 1. 1937–1938. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 74.

торга между центром и периферией. В результате завершение первого этапа операции по приказу № 00447 одесские чекисты встретили 1 января 1938 г. на четвёртом месте по Украине (9650 чел. репрессированных) – вслед за Донецкой, Киевской и Харьковской областями⁸. Приблизительно равное соотношение осуждённого городского (4194 чел.) и сельского (5456 чел.) населения показывает, что сотрудники областного управления НКВД приняли самое активное и непосредственное участие в массовой операции⁹. В 1938 г. массовые операции были продолжены, хотя операция по приказу № 00447 постепенно сворачивалась, уступая место операциям по национальным «линиям». На 1 февраля 1938 г. на оперативном учёте в УНКВД по Одесской области состояло 5277 чел. – первые кандидаты на арест.

С 1 января 1938 г. по 1 августа 1938 г. в рамках всех массовых операций по Одесской области было осуждено 4868 чел., из них 4080 – по первой категории; в том числе по приказу № 00447 – 3400 чел., из них 3394 к смертной казни¹⁰. Общее число жертв, осуждённых в рамках операции № 00447, составило по Одесской области 13 054 чел., из них 7044 было приговорено к расстрелу¹¹. В свою очередь, с середины сентября по середину ноября 1938 г. особые тройки активно осуждали лиц, ранее арестованных в рамках «национальных» операций. Так, одесские чекисты арестовали с 1 января 1938 г. по 1 августа 1938 г. 7192 чел., причём, на этом аресты не прекратились. Итог массовых операций по Одесской области составлял, очевидно, не менее 20 тыс. чел., расстрелянных или отправленных в лагерь.

Таким образом, главный удар НКВД в Одесской области был, как и в целом по Советскому Союзу, нанесён по рядовому населению. Тем не менее, численность пострадавших коммунистов также была высокой. В справке, представленной 7 января 1938 г. в НКВД СССР, начальник УНКВД Фёдоров сообщал, что

⁸ «Через трупы врага на благо народа»... – Т. 1. – С. 245.

⁹ В целом по УССР соотношение жертв из городской и сельской местности было равно 1:2 (27.714:55.408). См.: Там же. – С. 319.

¹⁰ Там же. – С. 143.

¹¹ Там же. – С. 385.

по Одесской области с июня по декабрь 1937 г. было арестовано 562 члена ВКП(б) из «правотроцкистского подполья», в том числе 1-й секретарь обкома Е. И. Вегер, 2-й секретарь обкома Ф. Я. Голуб, председатель облисполкома П. Д. Бойко, секретарь горкома С. Ф. Самойленко, председатель горсовета А. Ф. Довбыш, а также 20 секретарей горкомов и райкомов партии, 12 заведующих отделами обкома партии, областной прокурор и его заместитель по спецделам, редакторы газет, ряд директоров МТС и других руководящих работников¹². В 1938 г. разгром Одесской партийной организации продолжился. С 1 января 1938 г. по 1 августа 1938 г. УНКВД по Одесской области арестовало 213 троцкистов и правых, 27 участников военно-фашистского заговора, 44 меньшевика, 15 бундовцев, 96 эсеров, 29 анархистов и 119 сионистов¹³. Подавляющее большинство из этих 545 людей были к моменту ареста членами ВКП(б). Части из них было суждено пережить «Большой террор», выйти на свободу уже в 1939 г. и сыграть значительную роль в кампании по восстановлению «социалистической законности».

Управление НКВД по Одесской области в преддверии и в годы «Большого террора»

Среди руководителей УНКВД по Одесской области преобладали опытные оперативные работники с большим стажем. Аппарат Одесского УНКВД к началу «Большого террора» состоял из креатур многолетнего руководителя ОГПУ–НКВД УССР В. А. Балицкого. Неожиданное падение Балицкого, близко связанного с арестованным командармом И. Э. Якиром, означало переход от относительной кадровой стабильности к двум годам беспрепятственных ротаций, затронувших как все руководящие кадры республиканского наркомата, так и многих рядовых работников. Новые наркомы внутренних дел Украины И. М. Леплевский и А. И. Успенский относились к активистам террора и подвергали широким репрессиям также и аппарат самого НКВД УССР,

¹² Черушев Н. Удар по своим: Красная Армия: 1938–1941 гг. – М.: Вече, 2003. – С. 403–404.

¹³ «Через трупы врага на благо народа»... – Т. 2. – С. 148.

который якобы оставался неблагонадёжным после ареста Балицкого. В годы «Большого террора» Одесским областным управлением НКВД руководил ряд опытных чекистов, быстро сменявших друг друга. Кадровая чехарда была связана с массовыми чистками в аппарате НКВД УССР после следовавших примерно с равными промежутками арестов наркомов внутренних дел республики В. А. Балицкого (июль 1937 г.), И. М. Леплевского (апрель 1938 г.) и бегством А. И. Успенского (ноябрь 1938 г.). В связи с этим, за два года в аппарате НКВД УССР сменилось, включая исполняющих обязанности, 11 заместителей наркома внутренних дел и столько же начальников наиболее крупного в то время оперативного отдела – контрразведывательного. При И. М. Леплевском было арестовано более 200 сотрудников госбезопасности, а А. И. Успенский только с 15 февраля по 5 апреля 1938 г. организовал увольнение из системы УГБ НКВД УССР 558 чел., из которых 154 арестовали¹⁴.

В Одесском УНКВД за полтора года, начиная с лета 1937 г., сменились следующие начальники управления: А. Б. Розанов, Г. А. Гришин-Клювгант (врид), Н. Н. Фёдоров, Д. Д. Гречухин, П. П. Киселёв и С. И. Гапонов (врид). Старый украинский чекист А. Б. Розанов (Розенбардт) после двух лет работы в УНКВД по Одесской области был в июне 1937 г. освобождён от должности, вскоре арестован как принадлежавший к окружению Балицкого и расстрелян.

С июля 1937 г. по февраль 1938 г. УНКВД по Одесской области возглавлял бывший начальник пограничного отряда в Ленинградской области, полковник, потом комбриг, Н. Н. Фёдоров, назначенный по инициативе бывшего командующего пограничными войсками ОГПУ–НКВД СССР М. П. Фриновского, ближайшего помощника Ежова¹⁵. Фёдоров оказался настолько активным проводником террора, что с приездом Успенского был переведён из Одессы на должность руководителя Киевско-

го УНКВД, а вскоре был взят Ежовым на работу в центральный аппарат НКВД, где 20 ноября 1938 г. был арестован и в феврале 1940 г. расстрелян. Из 100 руководящих чекистов Украины при Успенском ни один к моменту бегства наркома из Киева не остался в прежней должности, и только 21 из них сохранил за собой руководящие посты в НКВД УССР. Среди арестованных и расстрелянных по обвинению в заговорщицкой деятельности можно также назвать начальника (в феврале–августе 1937 г.) КРО УНКВД по Одесской области В. Л. Писарева-Фукса¹⁶.

К моменту отзыва Фёдорова (на конец февраля 1938 г.) его заместителем в УНКВД был М. Б. Спектор, помощником – Е. Г. Сквирский, начальником КРО – А. Г. Шнайдер (и. о.), начальником СПО – В. Ф. Калюжный, начальником Особого отдела – Б. С. Глузберг, начальником Оперативного отдела – П. М. Житомирский. Из всей верхушки Одесского управления с карьерой повезло только Спектору – Берия сохранил его в системе особых отделов, и он, выйдя на пенсию в 1946 г., дожил до 1985 г. Сквирский был вскоре понижен в должности, но избежал репрессий, выслужил чин полковника и дожил до 1971 г. Зато Глузберга арестовали уже в марте 1938 г. как одного из доверенных людей прежнего наркома Леплевского и в сентябре расстреляли как участника «террористической шпионско-диверсионной организации». Житомирский был арестован в феврале 1938 г., но в марте следующего года освобождён. Недавний рядовой оперативный работник А. Г. Шнайдер в августе 1938 г. был взят Н. Н. Фёдоровым в систему Особого отдела НКВД СССР, но уже 27 сентября 1938 г. оказался арестован и в апреле 1941 г. был осуждён на 6 лет заключения¹⁷.

На место Фёдорова в Одессе был назначен работавший с Успенским в Сибири опытный чекист Д. Д. Гречухин, который полностью воспринял установки Ежова, данные в начале 1938 г.

¹⁶ Золотарьов В.А. Олександр Успенський. – С. 67; Тумшиш М.А., Золотарёв В.А. Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг. Опыт биографического справочника. – Самара, 2012. – С. 297.

¹⁷ Тумшиш М.А., Золотарёв В.А. Евреи в НКВД СССР... – С. 356–357, 352, 138, 456, 400; Золотарьов В.А. Олександр Успенський. – С. 66, 176, 292.

¹⁴ Золотарьов В.А. Олександр Успенський: особа, час, оточення. – Харків: Фолио, 2004. – С. 165–166.

¹⁵ Золотарьов В., Бажан О. Комбриг Микола Федоров: одеський трамплін в кар'єрі // Південний Захід. Одесіка. – 2007. – № 4. – С. 202–219.

новому руководству НКВД Украины: до 80% украинцев являются буржуазными националистами, а все местные немцы и поляки – шпионами и диверсантами¹⁸. Продолжая раскручивать маховик террора, Гречухин заслужил благосклонность Успенского и уже в мае 1938 г. был выдвинут в заместители наркома. На его место в Одессе был назначен типичный для того времени выдвиженец П. П. Киселёв, бывший начальник Отдела оперативной техники НКВД УССР. С 28 мая 1938 г. он возглавил Одесское УНКВД и оказался в числе деятельных проводников и организаторов террора. Сразу после бегства Успенского, уже 15 ноября 1938 г., П. П. Киселёв был арестован и вскоре расстрелян. С ноября 1938 г. по январь 1939 г. обязанности начальника управления исполнял С. И. Гапонов. Из всей плеяды начальников УНКВД по Одесской области периода «Большого террора» только Гапонову удалось избежать расстрела и выйти на свободу¹⁹.

**Селекция и наказание: кампания по восстановлению
«социалистической законности» в Одесской области
через призму архивно-следственных и
личных дел чекистов**

Вопрос о том, каким образом производилась селекция сотрудников государственной безопасности, оказавшихся на скамье подсудимых по обвинению в «нарушении социалистической законности», является во многом ключевым для адекватной интерпретации «бериевской чистки». Несомненно, часть из них обратила на себя внимание собственного руководства и прокуратуры, нарушая прямые приказы Москвы, например, существенно превысив заданные лимиты или продолжив приводить в исполнение расстрельные приговоры троек уже после завершения массовых операций. Кто-то выделялся на общем фоне «применения методов физического воздейст-

вия» крайним садизмом, вплоть до собственноручного убийства подсудимых. Но основная масса осуждённых сотрудников НКВД всё же попала под суд другим путём – в результате жалоб выживших и освобождённых жертв.

Таких было мало среди лиц, осуждённых решениями троек и двоек, кроме того, как сами жертвы «кулацкой» и «национальных» операций, так и их родственники, мало что знали о материалах следствия и предъявленных обвинениях, а жалобы из лагерей заключённых, избежавших «первой категории», равно как и их близких, как правило, оставались без ответа. Тем более, что, согласно циркуляра прокурора СССР А. Я. Вышинского от 17 апреля 1938 г., прокуратуре приказывалось проводить проверку правильности осуждения лиц на основании приказов НКВД №№ 00447, 00485 и т. п. лишь «в исключительных случаях». Обычно же жалобщикам следовало отвечать, что решение окончательное и дела пересматриваться не будут²⁰.

Таким образом, оставалась лишь одна небольшая группа жертв «Большого террора», обладавших в советском государстве и обществе положением, связями, весом, сплочёнными корпоративными интересами. Как правило, эти жертвы провели под арестом не один месяц, были хорошо осведомлены о нюансах следствия, а массовое освобождение из-под стражи в конце 1938–1939 гг. позволило им добиваться справедливости и требовать осуждения истязавших их чекистов. Речь идёт, главным образом, о членах коммунистической партии, представителях советских политических элит. Именно их жалобы, их стремление к реабилитации определили главный круг обвиняемых на судебных процессах против чекистов в рамках бериевской чистки НКВД.

Сразу же следует отметить, что факт применения пресловутых «мер физического воздействия» мог являться и являлся на деле одним из основных пунктов обвинения по отношению к арестованным чекистам, но не мог быть главным критерием для отбора «козлов отпущения», поскольку в той или иной степени издевательства и пытки в отношении подсудимых

¹⁸ Золотарьов В. А. ЧК–ДПУ–НКВС на Харківщині: люди та долі (1919–1941). – Харків, 2003. – С. 299.

¹⁹ См. ниже раздел статьи, посвящённый непосредственно С. И. Гапонову.

²⁰ «Через трупы врага на благо народа»... – Т. 2. – С. 41–42.

практиковал весь аппарат органов госбезопасности²¹. Знаменитая сталинская телеграмма от 10 января 1939 г. оправдывала принцип пыточного следствия, а многочисленные показания чекистов, и не только Украины, свидетельствуют, что конец истязаниям подследственных не положило даже постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.

Согласно данным внутренней статистики НКВД, по состоянию на 17 ноября 1938 г. в следственном производстве органов НКВД Украины находились дела на 15 143 арестованных. Кроме того, в соответствии с приказом НКВД СССР № 00762 от 26 ноября 1938 г. «О порядке осуществления постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.», на доследование были возвращены дела на 10 808 чел., переданных на осуждение тройкам и Особому совещанию при НКВД СССР. Таким образом, чекистам предстояло доследовать дела почти на 26 тыс. чел. К 11 февраля 1939 г. по Украине были рассмотрены дела на 10 130 чел., из них прокуратуре были переданы на предмет освобождения дела на 3441 чел. По Одесской области к 11 февраля 1939 г. были рассмотрены дела на 1106 чел., из них прокуратуре на предмет освобождения чекисты передали дела на 178 чел. Кроме того, Одесскому УНКВД предстояло доследовать дела в отношении ещё 1030 чел.²² В конце 1938–1939 гг. в НКВД Украины было освобождено около 20%, возможно даже до 30%, жертв массовых операций, которых от приговоров внесудебных инстанций спасло постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 17

²¹ В первую очередь речь идёт о таких функциональных пытках, как «выстойки» и «высидки», являвшихся разновидностью «конвейера» и призванных вынудить подследственных дать требуемые чекистами сведения и признания.

²² ГДА СБ України, ф. 16, оп. 31, спр. 49, арк. 93–96. С. И. Гапонов в своём заявлении от 14 декабря 1940 г. военному прокурору войск НКВД П. В. Лехову писал, что «по приезде в Одессу пришлось столкнуться с огромным количеством дел»: за Секретно-политическим отделом УНКВД числилось 970 подследственных, за областным управлением в целом – 3500 подследственных. По утверждению Гапонова, «за время моей восьмимесячной работы» было освобождено «свыше двухсот лиц неправильно и без основания содержавшихся под стражей. Арестовано же было не более 25 человек». См.: ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 244–247; т. 3, арк. 12.

ноября 1938 г. Среди лиц, выпущенных на свободу, была высока доля бывших членов ВКП(б).

В нашем распоряжении имелись материалы трёх архивно-следственных дел в отношении восьми сотрудников УНКВД по Одесской области, осуждённых в 1939 и в 1943 гг. по обвинениям в «нарушении соцзаконности». По этим делам проходили два начальника Секретно-политического отдела (СПО) областного управления – В. Ф. Калюжный и С. И. Гапонов (причём Гапонов достаточно длительное время исполнял обязанности начальника Одесского УНКВД), а также шестеро их подчинённых – Д. Б. Кордун, Е. А. Абрамович, Я. И. Берензон, Н. М. Тягин, В. А. Машковский и А. Е. Гнесин. В отношении Калюжного и Тягина были заведены индивидуальные дела, Кордун, Абрамович, Берензон, Машковский и Гнесин проходили в качестве обвиняемых по делу Гапонова. Помимо следственных дел, мы также располагали личными делами Машковского и Гнесина. Эти восемь человек были не единственными сотрудниками УНКВД по Одесской области, изгнанными из УГБ или осуждёнными в ходе «бериевской чистки»²³, однако мы полагаем, что материалы их дел тем не менее являются репрезентативным источником для изучения кампании по дисциплинированию НКВД, поскольку СПО был одним из главных оперативных отделов органов госбезопасности.

В полном соответствии с нашей рабочей гипотезой о том, что преимущественно на скамье подсудимых оказались чекисты, имевшие дело с репрессиями в отношении членов ВКП(б), четверо из восьми осуждённых одесских чекистов (Кордун, Абрамович, Берензон и Гнесин) были сотрудниками 1-го отделения 2-го отдела (СПО), отделения, в задачу которого входило

²³ Так, например, были осуждены сотрудники 3-го (Контрразведывательно-го) отдела И. Е. Рыбаков, Б. И. Раев, Я. В. Зислин во главе с начальником отдела А. Г. Шнайдером; с 1939 г. был под следствием начальник отделения КРО Ф. С. Орловский-Гороховский. Известно, что Рыбакову, осуждённому к расстрелу, решением комиссии ЦК ВКП(б) по судебным делам от 11 июля 1941 г. ВМН была заменена 10 годами заключения с отправкой на фронт. Аналогичная судьба постигла Зислина. Раев был осуждён к 10 годам заключения. *Сведения А. Н. Жукова (Москва).*

ло оперативное «обслуживание» лиц, связанных с коммунистической партией. Исключение среди чекистов, проходивших по делам Калюжного и Гапонова, составлял младший лейтенант ГБ, помощник начальника 6-го («церковного») отделения Секретно-политического отдела УНКВД по Одесской области В. А. Машковский и начальник 2-го отделения СПО Н. М. Тягин, чьё отделение занималось преимущественно борьбой с эсерами, меньшевиками, анархистами, бундовцами и сионистами.

**Владимир Машковский и Николай Тягин:
случайный выбор или целенаправленная
селекция «козлов отпущения»?**

Каким же образом эти два чекиста оказались в кампании своих коллег из первого («партийного») отделения СПО? Машковский фактически «руководил отделением по церковникам», лично «вскрыл и ликвидировал контрреволюционную церковно-фашистскую организацию с областным центром, имеющим связь с РОВС», по этому делу «кулацкой» тройкой было осуждено 56 чел.²⁴ Всего с 1 января 1938 г. он провёл самостоятельное следствие в отношении 138 чел., к октябрю эта цифра достигла 180, все они были осуждены²⁵. Тягин, сотрудник органов с 1923 г., в 1937 г. «вёл работу по борьбе с немецкой контрреволюцией и руководил работой периферийных органов по этой линии». Всего по делам «немецких организаций» под непосредственным руководством Тягина было арестовано 545 чел., все они были осуждены тройкой, из них 374 чел. – к расстрелу. В 1937 г. Тягин также принимал участие в следствии по правотроцкистскому и украинско-социалистическому подполью, в результате 16 чел. были осуждены к расстрелу²⁶. В 1938 г., будучи начальником 2-го отделения, Тягин «лично вскрыл подпольные контрреволюционные комитеты сионистско-шпионской, меньшевистско-террористическо-шпионской и дашнакской тер-

²⁴ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 2041, арк. 1, 11–12.

²⁵ Там само, арк. 19–21.

²⁶ Там само, спр. 38299, арк. 356–358.

рористической шпионской организацией». По «сионистам» было осуждено 71 чел., по меньшевикам – 21, по дашнакам – 34 чел. Кроме этого, им была «вскрыта и ликвидирована анархистская организация» в составе 13 чел., причём все они были осуждены²⁷.

Если бы деятельность Машковского и Тягина ограничилась в 1937–1938 гг. только «церковниками» и «сектантами», а также «немецкими контрреволюционерами», дашнаками и анархистами, то они, скорее всего, счастливо бы избежали бериевской чистки и продолжили свою карьеру в органах государственной безопасности. К несчастью для обоих активистов, в числе их подследственных оказались бывшие коммунисты, вышедшие в 1939 г. на свободу. Машковского привлекли к допросам по так называемому «делу КПК», по которому были арестованы и осуждены члены Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б) по Одесской области, большинство из которых было расстреляно²⁸.

Причины того, почему на скамье подсудимых оказался Тягин, причём в числе первых одесских чекистов, не столь однозначны, как у Машковского. Тягина арестовали 19 апреля 1939 г. по обвинению в разглашении методов работы НКВД и фабрикаций дел. Кроме этого, Тягин лично провёл и закончил следствие «на существовавшую в облуправлении НКВД контрреволюционную троцкистско-террористическую группу в составе 7 чел.».

За этой формулировкой скрывались репрессии против чекистов-евреев, сверхпропорционально представленных в НКВД Украины, особенно среди руководящего состава²⁹.

Тем не менее, в случае с Тягиным, пусть не так чётко, также прослеживается «партийный» след. В 1938 г. в Украине произошло смещение центра тяжести репрессий с карательных акций в отношении кулаков и уголовников на репрессии в отношении «других антисоветских элементов», в частности – членов антисоветских партий эсеров, меньшевиков, анархистов,

²⁷ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38299, арк. 356–358.

²⁸ О «деле КПК» см. ниже.

²⁹ Шаповал Ю., Золотарьов В. Євреї в керівництві органів ДПУ–НКВС УСРР–УРСР у 1920–1930-х рр. // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. – 2010. – № 1. – С. 53–93; ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38580, т. 1, арк. 287–288.

бундовцев, сионистов. Аресты в июне–июле 1938 г. эсеров, сионистов и бундовцев вылились в очередные репрессии против одесских коммунистов. Часть обвиняемых по сфабрикованным делам эсеровской, бундовской и сионистских организаций в Одессе была освобождена в 1939 г. и выступила с обвинениями в адрес сотрудников УНКВД по Одесской области, в частности, Н. М. Тягина³⁰. Машковский и Тягин оказались на скамье подсудимых главным образом потому, что против них были выдвинуты обвинения в «нарушении социалистической законности» в отношении представителей советских партийно-государственных элит.

Чекисты «под огнём» партийных функционеров: дело КПК

«Дело КПК», сыгравшее роковую роль в судьбе одесских чекистов-«перегибщиков», чекисты начали фабриковать после того, как в конце января 1938 г. областное управление НКВД посетил секретарь Комиссии партийного контроля (КПК) по Одесской области Г. И. Самарин и, проверяя дела партийной организации управления, потребовал отчёта от парторга УНКВД и начальника СПО В. Ф. Калюжного³¹. Дело было в том, что с конца 1937 г. в областную КПК стали поступать «сигналы» о грубых нарушениях чекистами революционной законности, в том числе от начальника 5-го отделения Дорожно-транспортного отдела НКВД Одесской железной дороги лейтенанта ГБ И. А. Зеликова³². Зеликов, в частности, заявил, что, как чекист, не может сказать всего, но как коммунист

«считает своим долгом поставить в известность КПК о неблагоприятии в Одесском УНКВД, с тем, чтобы Вы заглянули туда».

Заявление Зеликова было отправлено в партколлегию компартии Украины, но чекисты, узнав о попытке контроля над ними, приняли свои меры. «Предатель» Зеликов не позднее мая 1938 г.

был арестован. Его освободили только к апрелю 1939 г., после чего Зеликов был уволен в запас и переехал в Запорожье³³. Как позднее показал ещё один фигурант по делу КПК,

«бывший секретарь партколлегии Самарин неоднократно разговаривал по этому делу с Федоровым, облуправление НКВД знало, таким образом, о всех сигналах, поступавших в КПК, и о мероприятиях, намечавшихся и предпринимавшихся в направлении проверки их»³⁴.

Реакция чекистов на потенциальную угрозу была молниеносной и убийственной. 4 февраля 1938 г. Я. И. Берензон завёл агентурное дело «Нетронутые» на Г. И. Самарина, вслед за чем Калюжный получил от начальника УНКВД Фёдорова санкцию на арест Самарина и ряда уполномоченных КПК. По делу «Нетронутые», кроме Самарина, были также арестованы Канфер-Беркович, Г. А. Александров, А. М. Агранский, В. Ф. Сороковик, А. А. Иванов, Ф. Ф. Васюренко. Аресты работников КПК были проведены в феврале 1938 г., после чего

«никого из работников КПК даже не пускали в Обл[астное] УНКВД, мотивируя тем, что в КПК засилье врагов народа»³⁵.

После продолжительного следствия все они были осуждены Военной коллегией Верховного Суда СССР как члены троцкистской группы: Самарин был приговорён 23 сентября 1938 г. к расстрелу, такая же судьба постигла 10 октября 1938 г. Александрова, Агранского, Канфер-Берковича и Сороковика. Иванова и Васюренко осудили к 15 годам лагерей.

Если бы «дело КПК» ограничилось только арестом и осуждением этих людей, то чекистам очевидным образом не пришлось бы впоследствии отвечать перед судом на самые неприятные вопросы, поскольку обвиняемые были своевременно осуждены, расстреляны или находились в лагерях. Но 29 мая 1938 г. по требованию секретаря обкома партии Г. Г. Телешова был арестован ещё один следователь КПК – С. Я. Шпак. Шпак выдержал 14-месячное следствие, сумел выжить, был освобождён

³⁰ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38580, т. 2, арк. 38–45.

³¹ Там само, спр. 03424, т. 2, арк. 138.

³² Там само, спр. 38580, т. 3, арк. 1–2.

³³ Сведения А. Н. Жукова (Москва).

³⁴ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38580, т. 3, арк. 149–157.

³⁵ Там само, арк. 244 зв.

в сентябре 1939 г. и развил активную деятельность, направленную на изобличение

«шайки врагов, которая методами “гестапо” фабрикует “липовые” к-р организации и превращает честных большевиков во “врагов”»³⁶.

Шпак стал настоящим кошмаром для чекистов и находкой для следствия, которое на тот момент уже велось в отношении бывшего начальника СПО УНКВД по Одесской области Калюжного. Квалифицированный свидетель, он имел возможность в процессе длительного нахождения под стражей общаться фактически со всеми высокопоставленными партийными функционерами, находившимися в тот момент под арестом, и мог свидетельствовать от их имени против следователей НКВД. После освобождения Шпак использовал все свои связи в партии, чтобы первоначально добиться если не осуждения, то хотя бы увольнения и исключения из партии наиболее одиозных сотрудников УНКВД. Его резкая критика ограничивалась «гнилыми» фальсификаторами из НКВД, не затрагивала систему и не ставила под сомнение необходимость репрессий в целом в отношении врагов советской власти.

В этом С. Я. Шпак был далеко не одинок. В производстве 1-го отделения СПО УНКВД по Одесской области к ноябрю 1938 г. находилось несколько дел, сфабрикованных в отношении ряда высокопоставленных партийных функционеров Одессы, следствие по которым ещё не было закончено. В итоге обвиняемые были освобождены в конце 1938–1939 гг. и выступили с обвинениями в адрес НКВД. Речь идёт о деле работников областного финансового отдела во главе с его бывшим начальником И. Ф. Сенкевичем³⁷, деле работников газет «Черноморская коммуна» и «Большевицское знамя» во главе с бывшим заведующим отдела культуры «Черноморской коммуны» М. С. Эйдельманом³⁸, а также о делах бывшего заведующего оргколхозным

³⁶ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38580, т. 3, арк. 244 зв.

³⁷ Был исключён из партии 21 июня 1938 г., арестован 2 июля 1938 г., освобождён спустя год, 4 июля 1939 г.

³⁸ Арестован 8 августа 1938 г., освобождён в июле 1939 г.

сектором Одесского областного земельного отдела М. Б. Баргера³⁹, бывшего председателя Одесского горсовета и депутата Верховного Совета СССР И. И. Черницы, бывшего уполномоченного коммерприбора Одесской области И. Ф. Якубица⁴⁰, бывшего инструктора руководящих органов Одесского обкома КП(б)У А. А. Киценко, бывшего заместителя заведующего Одесского областного собеса Я. Д. Бранта⁴¹, директора пединститута А. О. Луненко⁴² и ещё целого ряда коммунистов среднего и высшего областного звена.

Эти коммунисты в своих письмах, заявлениях и показаниях предоставили следствию массу подробных сведений о «нарушении» сотрудниками НКВД «социалистической законности», которые те, в свою очередь, не могли игнорировать и были вынуждены всячески оправдываться. К подследственным в Одессе применялся практически весь арсенал методов следствия массовых операций – многочасовые «выстойки» и «высидки», «конвейерные» допросы, избиения, матерная ругань, им плевали в лицо, кричали в уши, тушили о тело сигареты, стряхивали за шиворот горячий пепел, лишали еды и воды, запугивали, применяли провокации, шантажировали, угрожали родным и близким, использовали показания штатных свидетелей, в том числе из числа агентов и осведомителей, симулировали расстрелы и т. д.

Но важнее сведений о пытках в заявлениях освобождённых партийцев были свидетельства, которые описывают сотрудников НКВД как лиц, утративших всякие представления о своём реальном месте в иерархии коммунистической власти, уверовавших в свою непогрешимость, фактически возомнивших себя стоящими не только выше формальной законности в лице конституции и прокуратуры, но и партийных органов, старавшихся всячески дискредитировать и «подмять» партию, фактически

³⁹ Содержался под стражей с 6 июля 1938 г. по 4 ноября 1939 г.

⁴⁰ Был арестован в здании Одесского обкома КП(б)У 15 июня 1938 г.

⁴¹ Был арестован 16 июля 1938 г., освобождён из-под стражи 14 января 1939 г.

⁴² Был арестован 10 июня 1938 г.

поставив себя – вне всяческого контроля – над правящей системой. Бывший подследственный Н. А. Мосалев показал о следователе Берензоне:

«При моих ссылах на решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) Берензон ответил “подотрись”»⁴³.

Арестованному «газетчику» Теплицкому на просьбу о свидании с прокурором следователь Абрамович показал на свой половой орган и заявил:

«Вот тебе прокурор», а потом добавил: «Имей в виду, мы не прокуратура и в зубы не смотрим»⁴⁴.

Баргеру следователи неоднократно говорили:

«Что ты сидишь как поц, это тебе не обком», «Фашист, это тебе не обком», «НКВД – не богадельня»⁴⁵,

а Сенкевич утверждал, что Абрамович, когда говорил о партии, слово «секретарь» иначе как «сракатарь» не произносил⁴⁶.

Весь этот «словесный» арсенал отражал фактическое восприятие чекистами новой ситуации, сложившейся в результате «Большого террора», а также своего нового места в системе власти. В результате чекисты весьма болезненно отреагировали на шаги, предпринятые партией для восстановления традиционного положения. Один из «честных» сотрудников УНКВД по Одесской области, оперуполномоченный П. С. Конончук в своём заявлении особоуполномоченному НКВД Баранюку от 17 октября 1939 г. красочно описывал реакцию ряда сотрудников 1-го отделения СПО на действия Одесского обкома КП(б)У по усилению контроля за «органами»:

«... Берензон однажды в кабинете у [Н. И.] Буркина заявил по адресу обкома и КПК: “Приучили всякое говно сюда ходить и требовать дела”. [...] Берензон, оставшись недовольным проведёнными с ним беседами при назначении и утверждении [его] на должность нач. РО НКВД в отделе кадров [обкома] [...], сказал: “Что они ... мать, со мной так разговаривают, – Вы били

⁴³ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 30.

⁴⁴ Там само, т. 1, арк. 39–42.

⁴⁵ Там само, арк. 86.

⁴⁶ Там само, арк. 96–106.

арестованных. – Кто им дал такое право, они же меня все знают, я два состава обкома пересажал, это неверно так со мной разговаривать”»⁴⁷.

Это нарушенное равновесие отразилось также в таком щепетильном вопросе, как сбор чекистами компрометирующих материалов на партийных функционеров с целью дальнейшей вербовки. Несмотря на приказ НКВД СССР «О запрещении вербовки некоторых категорий работников партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организаций» от 26 декабря 1938 г., одесские чекисты продолжали заниматься оперативной разработкой партийно-советских элит. П. С. Конончук писал в собственноручных показаниях 20 декабря 1939 г.:

«Абрамович и Берензон высказывали недовольство тем, что приказом наркома запрещено насаждать агентуру в партийных органах»⁴⁸.

Однако не только рядовые сотрудники не собирались отказываться от привычных методов работы. Гапонов на следствии в феврале 1940 г. признался, что у него имелись данные о морально-бытовом разложении нового начальника УНКВД А. И. Старовойта в бытность его инструктором обкома КП(б)У и секретарём Андре-Ивановского РК КП(б)У. Себе лично в заслугу Гапонов ставил то, что отказался проверять «сигнал» о том, что у нового секретаря Одесского обкома КП(б)У А. Г. Колыбанова отец был «попом», поскольку

«лиц, утверждённых ЦК ВКП(б), местные органы проверять не могут»⁴⁹.

Объективно именно освобождённые представители партийно-советских элит повсеместно сыграли роль главных свидетелей на судебных процессах над чекистами. Практически невозможно представить себе на их месте в качестве свидетелей обвинения репрессированных священников или осуждённых тройкой «националов», судьба которых коммунистов не

⁴⁷ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 1, арк. 123–123 зв.

⁴⁸ Там само, арк. 148.

⁴⁹ Там само, т. 4, арк. 1–10.

волновала. Такая весомая роль вышедших на свободу «партийцев» в бериевской чистке органов НКВД была не случайна – они, не ставя под сомнение главные цели массовых операций, сумели донести до центра серьёзную тревогу мест по поводу повсеместного нарушенного баланса иерархии власти и необходимости кампании по дисциплинированию органов государственной безопасности на всех уровнях. Фактически только партийно-советские функционеры, выжившие в жерновах репрессий, с успехом действовали в унисон положениям постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г., не испытывая серьёзного внутреннего конфликта. Именно они и только они олицетворяли собой восстановленный «советский» порядок и восторжествовавшую законность.

Оборонительные тактики чекистов на свободе

В ходе кампании по «восстановлению социалистической законности» сотрудники НКВД, предполагавшие, что они могут быть изгнанными из органов или очутиться на скамье подсудимых, выработали и применяли три главных тактики защиты. Первая заключалась в том, чтобы как можно больше подсудимых и лиц, дела которых были возвращены на доследование, признали свою вину. В рамках этой же тактики чекисты могли попытаться опорочить и скомпрометировать людей, уже вышедших на свободу, чтобы минимизировать ущерб от их потенциальных обвинений. Вторая заключалась в том, чтобы заблокировать усилия сотрудников прокуратуры, проявлявших служебное рвение и стремившихся уличить чекистов-«перегибщиков». Третья тактика сводилась к тому, чтобы самим выступить в роли «передовиков» акции по «наведению порядка», способствовать освобождению жертв репрессий, а также изобличать наиболее одиозных коллег. В той или иной степени одесские чекисты применяли все эти тактики.

После того, как подсудимым в тюрьмах стало известно в ноябре 1938 г. о «новых ветрах», задувших на советском политическом олимпе, они стали в массовом порядке отказываться от своих показаний и заявлять работникам прокуратуры и судьям о том, что оговорили себя и «подельников» под

моральным и физическим воздействием со стороны НКВД. Это не могло не вызвать ответной реакции со стороны чекистов, которые стремились довести до суда как можно больше дел, тем самым доказывая свою правоту. В результате можно предположить, что давление на подсудимых, в том числе и физическое, в течение ближайших недель и месяцев не только не уменьшилось, но и возросло.

Этому имеется масса свидетельств в материалах архивно-следственных дел. Так, директор совхоза им. Луначарского Суслон сообщил в своём заявлении секретарю Одесского обкома КП(б)У А. Г. Колыбанову от 27 ноября 1939 г. о том, как 16 января 1939 г. заместитель начальника управления НКВД С. И. Гапонов «категорически» потребовал от него подтверждения протоколов, подписанных в 1938 г. После отказа Суслон Гапонов собственноручно избил подсудимого до потери сознания, через 30 минут после отливания холодной водой он был избит начальником отделения Абрамовичем, после этого ещё раз – Абрамовичем и Берензоном⁵⁰. Тремя днями ранее, 13 января 1939 г., Гапонов до такой степени избил бывшего начальника облфинотдела И. Ф. Сенкевича, что был вынужден впоследствии забрать у него окровавленный пиджак⁵¹. Сам Сенкевич 27 апреля 1940 г. показал:

«Приблизительно до мая месяца 1939 г. в стенах областного управления стоял сплошной вопль [избиваемых], беспросветная, грязная ругань. Во взаимоотношениях и разговорах самих этих “работников” между собой господствовал какой-то противный, грязный жаргон, сопровождающийся матом. Словом, бл., была отравлена вся атмосфера»⁵².

Но поскольку волна освобождений ширилась, и часть подсудимых стала выходить на свободу, сотрудниками СПО была изобретена ещё одна защитная тактика. Конончук так описал её:

«Берензон и Абрамович при освобождении из-под ареста обвиняемого, для того лишь, только чтобы предостеречь его от

⁵⁰ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 1, арк. 15–16.

⁵¹ Там само, арк. 47–51.

⁵² Там само, арк. 115.

писанины на них жалоб или заявлений [говорили]: “А то, что с Вами так поступали, на это были указания ЦК ВКП(б)” [...] Абрамович [...] сказал мне: “учтите, если человек честный, но битый, то его освобождать нельзя, и мы его освобождать не будем, потому что он будет дискредитировать органы и партию” [...] Об этом я рассказывал Гапонову, он как будто со мной частично согласился, но сказал, что нас всё же положительное не интересует [...].

Безнаказанность, маниакальная уверенность в своей непогрешимости, соображения корпоративности, а также страх перед возможным наказанием приводили к тому, что сотрудники НКВД, как правило, дружно блокировали любые попытки «опорочить» их со стороны жалобщиков и прокуратуры; при этом чекисты использовали привычные для себя методы. И жалобщики, и прокурорские работники серьёзно рисковали, поскольку от запугивания сотрудники НКВД могли быстро перейти к делу.

Необходимо также отметить, что презрительное отношение к прокуратуре и прокурорским работникам как к бессильным представителям «формальной» законности формировалось у сотрудников НКВД всем их личным опытом «Большого террора». О том, насколько опасным для сотрудников прокуратуры было противостояние с чекистами даже в рамках кампании по «восстановлению социалистической законности» и как далеко они были готовы зайти в этом противостоянии, свидетельствует история с помощником военного прокурора 434-й Военной прокуратуры, полковым комиссаром Я. Т. Новиковым, проводившим опросы подследственных в УНКВД по Одесской области в конце 1938 – начале 1939 г. В конце декабря 1938 г. и 2 января 1939 г. Я. Т. Новиков присутствовал на допросах С. Я. Шпака⁵⁴. Тот, узнав что перед ним прокурор, заявил жалобу на не-

⁵³ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 1, арк. 137–138.

⁵⁴ С. Я. Шпак был освобождён согласно постановления врид военного прокурора 434-й Военной прокуратуры военного юриста 1-го ранга Лапкина от 14 сентября 1939 г. При этом в постановлении ничего не упоминалось о «незаконных методах» следствия. См.: Там само, арк. 62.

законные методы следствия. Новиков пошёл ему навстречу и выслушал жалобу⁵⁵.

Уже 4 января 1939 г. врио заместителя начальника УНКВД Гапонов заступился за своих подчинённых, заявив, что всё следствие проходило в рамках закона, «жалобщик» избалован показаниями других врагов народа, а поведение прокурора было неверным⁵⁶. По-видимому, Гапонов незамедлительно проинформировал о «происках» прокурора своё республиканское начальство, поскольку попытка дискредитировать действия Новикова была предпринята уже на уровне НКВД УССР. В частности, Новиков негативно характеризовался в информационной справке о следственной работе органов УНКВД Украины от 14 февраля 1939 г. Весь пафос документа сводился к тому, что прокуроры на местах

«не только не оказывают помощи местным органам НКВД в следственной работе, но зачастую [...] вносят дезорганизацию в следственную работу», а Новиков «специально занимается сбором компрометирующих материалов на сотрудников НКВД путём допроса арестованных»⁵⁷.

Сотрудники одесского СПО даже решились в мае 1939 г. завести на строптивного прокурора дело-формуляр (досье), что означало взятие в агентурную разработку с перспективой ареста. Конончук сообщил о «деле-формуляре» на Новикова военному прокурору войск НКВД П. В. Лехову, прокуратура этот формуляр нашла и установила, что он «действительно был заведён без всяких оснований»⁵⁸. Но даже на суде в 1943 г. Гапонов упорно отрицал, что его подчинённые завели досье на прокурора.

Агрессивные «оборонительные» тактики, к которым прибегали сотрудники органов государственной безопасности в конце 1938–1939 гг., являлись следствием серьёзного дисбаланса сил, возникшего в результате трансфера власти от партийно-советских органов к органам НКВД в ходе «Большого террора»,

⁵⁵ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 1, арк. 52–53.

⁵⁶ Там само, арк. 54.

⁵⁷ ГДА СБ України, ф. 16, оп. 31, спр. 49, арк. 101–102.

⁵⁸ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38580, т. 3, арк. 31.

причём презрительное и враждебное отношение к прокуратуре было во многом прямым следствием утраты сотрудниками НКВД страха и уважения перед областными и районными партийными организациями.

Оборонительные тактики чекистов под следствием и судом

Кампания по «восстановлению социалистической законности», стартовавшая в ноябре 1938 г., обернулась скорым арестом и осуждением только для двух из восьмерых «героев» нашей статьи. 19 апреля 1939 г. был арестован В. Ф. Калюжный. К моменту ареста бывший начальник СПО УНКВД по Одесской области стал уже и. о. начальника 9-го отдела НКВД УССР. В вину ему вменялись необоснованные аресты, создание несуществующих контрреволюционных организаций, «доведение» до подчинённых контрольных цифр арестов. 23–26 декабря 1940 г. Военный трибунал войск НКВД Киевского военного округа в выездной сессии, состоявшейся в здании УНКВД по Одесской области, приговорил Калюжного к ВМН, но впоследствии расстрел был заменён 10 годами лагерей⁵⁹. Н. М. Тягин, как ближайшее доверенное лицо Калюжного, был арестован с ним в один день по обвинению в разглашении методов работы НКВД, создании искусственных контрреволюционных организаций и фальсификации следственных материалов. 24–25 августа 1939 г. он был осуждён Военным трибуналом войск НКВД Одесского военного округа по ст. 206-17 п. «а» УК УССР к 7 годам ИТЛ без поражения в правах⁶⁰.

Для остальных шестерых «перегибщиков» ситуация обстояла изначально не так уж плохо. Все они были вынуждены покинуть стены Одесского управления НКВД, но оставались на сво-

⁵⁹ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38580, т. 3, арк. 276–277, 285.

⁶⁰ 27 сентября 1939 г. Военный трибунал войск НКВД Киевского военного округа рассмотрел кассационную жалобу Тягина и указал суду «на мягкость меры наказания по данному делу». Однако приговор не был отменён из-за «нецелесообразности» вторичного рассмотрения дела. См.: Там само, спр. 38299, арк. 373.

боде, причём большая часть даже продолжила службу в НКВД. А. Е. Гнесин успешно прошёл две специальные проверки – в августе 1938 г. и феврале 1939 г. Каждый раз комиссия принимала решение о том, что он «может быть оставлен на службе в УНКВД». Лишь 4 апреля 1940 г. постановлением бюро Одесского обкома КП(б)У он был уволен из НКВД

«за применение извращённых методов ведения следствия к арестованным, впоследствии реабилитированным, и фальсификацию следственных дел»,

после чего работал заведующим типографией штаба Одесского военного округа⁶¹. Решением бюро Одесского горкома КП(б)У 27 декабря 1940 г. Гнесин также был исключён из кандидатов ВКП(б). Следует сразу отметить, что в увольнении Гнесина из НКВД главную роль сыграл инструктор Одесского обкома КП(б)У Лайок, который, по выражению Гнесина, целый год буквально «травил» чекиста после получения обкомом жалоб партийцев из числа бывших подследственных⁶².

С. И. Гапонова уволили из органов НКВД распоряжением заместителя наркома внутренних дел УССР А. З. Кобулова от 19 апреля 1939 г. Показательно, что в заключении оперативного уполномоченного аппарата Особоуполномоченного НКВД УССР Помазова от 27 апреля 1939 г., которое содержало формальное решение – «уволить из органов» – главное обвинение в адрес Гапонова сводилось к необоснованному освобождению члена «троцкистской организации» Бугаенко, бывшего инструктора Одесского обкома партии, которого Гапонов завербовал как агента⁶³. После увольнения Гапонов работал начальником телефонной станции г. Одесса. То, что Гапонов остался в Одессе, стало его стратегическим просчётом – 24 июля 1940 г. решением бюро Сталинского РК КП(б)У он был исключён из партии,

⁶¹ В письме на имя Н. С. Хрущева Гнесин называет другую дату увольнения из органов – 3 сентября 1940 г., что указывает на затяжку «органами» исполнения решения партийной инстанции. См. ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 34, арк. 35–38 зв.

⁶² Там само, арк. 35–38 зв.

⁶³ Там само, спр. 03424, т. 3, арк. 22–23.

причём главную скрипку со стороны обвинения сыграл всё тот же Шпак, гневно клеймивший «гапоновщину» и «берензощину» и характеризовавший секретно-политический отдел не иначе как «филиал гестапо»⁶⁴.

Если Гапонова в Одессе исключили из ВКП(б), то Абрамовича, переведённого на службу в системе ГУЛАГа НКВД СССР и оказавшегося, таким образом, вдалеке от репрессированных одесских коммунистов, в 1940 г., наоборот, приняли в партию. Причём, его карьерная ситуация стала выправляться: во второй половине 1939 – начале 1940 г. он работал начальником отделения 3-го отдела Амурского ИТЛ НКВД по Дальневосточному краю, потом, с мая 1940 г. – начальником 2-го отделения УГБ УНКВД по Еврейской автономной области. Кордун являлся сотрудником УНКВД по Одесской области до ноября 1938 г., после чего в декабре 1938 г. был переведён на должность начальника лагучастка Ягринлага НКВД, с 1 января 1940 г. являлся заместителем начальника отдела режима лагеря, с 1 марта 1940 г. – начальником кирпичного завода строительства НКВД № 203, располагавшегося в г. Молотовске (Северодвинске) Архангельской области, где и проработал вплоть до января 1941 г. Берензона уволили из органов НКВД в июле 1939 г., после чего в 1940 г. он стал политруком 15-го автотранспортного батальона, дислоцировавшегося в 1940 г. в г. Станиславе (Ивано-Франковске). В. А. Машковский был уволен со службы 2 июля 1939 г. «за невозможностью дальнейшего использования в органах НКВД» – возможно, как поляк.

Между тем, летом 1940 г. в судьбе бывших сотрудников СПО Одесского УНКВД произошёл крутой поворот. По постановлению помощника военного прокурора войск НКВД Украинского округа военного юриста 3-го ранга Барина 7 июня 1940 г. прокуратура, опираясь на показания освобождённых из тюрьмы коммунистов, выделила из дела Калюжного материалы на бывшего и. о. заместителя начальника УНКВД по Одесской области С. И. Гапонова и группу его подчинённых в составе начальников отделений Е. И. Абрамовича, В. А. Машковского,

⁶⁴ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 3, арк. 24–28.

М. М. Цирульницкого, Д. Б. Кордуна и Я. И. Берензона, бывших оперуполномоченных 4-го отдела А. Е. Гнесина, Х. К. Зарайского и М. М. Мазура⁶⁵.

Однако новое следствие развивалось медленно, а в декабре 1940 г. заместитель наркома внутренних дел СССР И. А. Серов согласился с мнением следователей НКВД в том, что Гапонов не имеет отношения к делу КПК и поэтому достаточно считать его уволенным из органов⁶⁶. Однако непримиримая позиция прокуратуры в тот момент перевесила мнение бериевского зама. В результате Гапонов был арестован 16 января 1941 г. в Таганроге, Гнесин – 25 января 1941 г. в Одессе, Кордун – 28 января 1941 г. в Молотовске, Абрамович – 5 февраля 1941 г. в Биробиджане, Берензон – 3 марта 1941 г. в Станиславе и Машковский – в начале 1941 г. В дальнейшем развитие событий внесла свои существенные коррективы война – все подследственные были этапированы в Сибирь, в тюрьму № 3 г. Томска, где и находились, за исключением Гапонова, до марта 1943 г., а потом были переведены в Новосибирск, в тюрьму № 1, где дожидались суда, состоявшегося только 21–26 апреля 1943 г.

Следует отметить, что материалы судебных разбирательств в отношении Калюжного и Тягина в меньшей степени характеризуют кампанию по «восстановлению социалистической законности», чем материалы суда над Гапоновым и «гапоновцами». Во-первых, В. Ф. Калюжный расценивался следствием как креатура «врагов народа» Д. Д. Гречухина и А. И. Успенского, которые, в свою очередь, дали о нем показания как об участнике заговора в НКВД, что несколько «смазывало» в данном случае главную специфику «бериевской» чистки. Во-вторых, это были процессы над «одиночками», где в качестве обвинительных материалов, главным образом, фигурировали «внутренние» чекистские документы, а не показания свидетелей.

⁶⁵ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 1, арк. 1. Авторам неизвестно, были ли осуждены М. М. Цирульницкий (в мае 1945 г. награждён орденом Красного Знамени, майор ГБ), Х. К. Зарайский и сержант ГБ М. М. Мазур.

⁶⁶ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 5, арк. 21.

Оказавшись под следствием, а потом и под судом, одесские чекисты-«перегибщики» применяли три универсальные для этой чистки защитные стратегии. Первая сводилась к отрицанию личной ответственности, вся вина перекладывалась на вышестоящее начальство, от начальника отделения вплоть до наркома внутренних дел СССР, на друг друга, а также (крайне редко) – на местные партийные органы. Эта стратегия была тем более очевидной, поскольку, ознакомившись с выдвинутыми против них обвинениями, чекисты ощутили себя в некоем Зазеркалье, где им теперь предстояло персонально ответить за выполнение официальных приказов, в том числе напрямую исходивших из Москвы и Киева. Так, например, Калюжный обвинялся в том, что «устанавливал контрольные цифры на аресты граждан». Лимиты репрессий, бывшие ключевым элементом операции по приказу № 00447, неожиданно оказались личной преступной инициативой отдельных чекистских начальников.

Перекладывая вину на вышестоящее начальство, все обвинения рисовали в целом правдивую картину того жёсткого давления, которое оказывалось практически на всех уровнях аппарата госбезопасности в период осуществления массовых операций. Здесь своеобразный «бонус» перед судом был у самых молодых и неопытных сотрудников. Гнесин, который в марте 1938 г. в возрасте 21 года решением Одесского обкома комсомола был мобилизован в органы, описывал в своём обращении к Хрущёву, как проходила его «социализация» в УНКВД: он не видел ничего, кроме ругани и избиений, а «старшие товарищи», начальник отдела Калюжный и начальник отделения Майский, «окружённые ореолом славы»,

«личным примером учили нас, молодых работников, как нужно работать с арестованными, заставляя ругать их, кричать и бить. Они зачастую по несколько раз в сутки звонили, вызывали следователей в кабинет, в том числе и меня, ругая за плохую якобы работу с арестованными. Критерием чему было то, что голос следователя не был слышан по коридору»⁶⁷.

Калюжный, сняв обувь, в носках неслышно подбирался к две-

⁶⁷ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 34, арк. 35–38.

рям кабинетов следователей, и горе было тому чекисту, из кабинета которого не доносились крики⁶⁸.

О роли руководства ВКП(б) в репрессиях чекисты предпочитали не говорить, чтобы не ставить себя под удар, однако время от времени они «проговаривались», демонстрируя, что прекрасно знают, кто санкционировал и контролировал массовые репрессии. Деятельность наркома Успенского поддерживалась на самом верху, о чем неоднократно заявлял своим подчинённым Калюжный:

«Успенский отчитывался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) о своей работе, которая полностью одобрена, и сам тов. Сталин благодарил Успенского»⁶⁹.

Гапонов в начале 1940 г. выразился на эту тему гораздо более резко:

«Разве не обком в лице его секретаря Телешова держал город в страхе и ужасе, разве не он оклеветал Черницу, Шпака и Бергера, а кто давал санкцию на арест коммунистов, в частности и по КПК, и по “Черноморской коммуне”, как не он»⁷⁰.

Однако упоминание партии ограничилось только этими редкими примерами.

Вторая стратегия заключалась в отрицании или минимизации совершенных преступлений, оспаривании подавляющего большинства выдвинутых обвинений, в первую очередь – в применении физического насилия и фальсификации документов следствия. Частью этой стратегии являлись попытки дискредитировать свидетелей из числа освобождённых подследственных, а также стремление выставить себя в качестве борников борьбы с «липахами» в собственных рядах. Так, Гнесин признавал, что применял «длительные допросы арестованных [по] 15–20 часов», но сам всё это время «сидел [с ними] лично»,

⁶⁸ В частности, 10 марта 1939 г. Абрамович показал: «Предлагалось с арестованными в нормальной обстановке не разговаривать, а кричать с таким расчётом, чтобы эти крики доносились до двери начальника отдела. В частности, мне часто звонил Калюжный и спрашивал, почему у вас тихо». См.: ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38580, т. 2, арк. 278.

⁶⁹ Там само, т. 1, арк. 239–245.

⁷⁰ Там само, спр. 03424, т. 4, арк. 1–10.

а также сознавался «в оскорблениях, ругани арестованных», но не больше. Избивал арестованного он якобы только один раз, и то в группе, получив санкцию заместителя начальника 2-го отдела УГБ Н. И. Буркина. Гапонов в своём заявлении от 14 декабря 1940 г. военному прокурору войск НКВД П. В. Лехову также признавался в двух избиениях, произведённых исключительно с санкции вышестоящего начальства⁷¹. По словам Гапонова, с санкции и «по настоянию» нового начальника УНКВД Старовойта им был избит подследственный Чумак, причём Старовойт также принимал участие в его избиении.

Абрамович якобы написал письмо Сталину о безобразиях, творящихся в управлении, ничего не говоря начальству, т. к. боялся, что письмо перехватят. Но пальма первенства в восстановлении соцзаконности безусловно принадлежала Гапонову. В феврале 1940 г. он уверял следствие, что сразу же после постановления от 17 ноября 1938 г., проинформировав секретаря Одесского обкома КП(б)У и Политбюро ЦК КП(б)У о положении дел и «творившихся безобразиях», на второй день после ареста Киселёва «отменил решение двух-трёх троек, возвратив дела на доследование»⁷². Кроме этого, Гапонов

«лично и немедленно занялся разбором группового следственного дела по 3-му отделу на красных партизан в 100 чел. и доказал необоснованность их содержания под стражей [...], сумел разоблачить вредную практику работы Тягина, Макиевского, Айзмана, Рыбакова и Раева и успел некоторых из них отдать под суд»⁷³.

Но, несмотря на такую якобы активную деятельность по освобождению невинно арестованных людей, которую чекисты развили в 1939 г., они не сомневались в правомочности и необходимости массовых операций в целом. В этом смысле характерно следующее заявление Тягина от 10 мая 1939 г.:

⁷¹ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 244–247.

⁷² Там само, т. 4, арк. 1–10. В другом месте Гапонов сообщал, что после ареста Киселева были отменены решения трех заседаний троек, в результате чего от расстрела была спасена часть из 100 человек, приговорённых тройкой к расстрелу. См.: Там само, арк. 335–349.

⁷³ Там само, арк. 1–10.

«Создание фиктивных организаций имело место по церковникам и 3-му отделению под названием “Молодая генерация” [...] Я уже отвечал выше, что выписка справок [на аресты], не соответствующих действительности, является преступлением, но лица, которые были по ним арестованы, антисоветски себя проявляли»⁷⁴.

Тот же Тягин во время одного из допросов сформулировал расхожее заявление, которое повсеместно в разных вариациях повторялось осуждёнными чекистами от Дальнего Востока до Украины – о разнице в проведении массовых операций в 1937 г. и в 1938 г.⁷⁵:

«Аресты по всем антисоветским политпартиям нужно разграничить на два периода: первый с декабря 1937 г. по апрель 1938 г., и второй с апреля 1938 г. Первые аресты проводились на основе крепких агентурных материалов, и в процессе следствия были вскрыты следующие контрреволюционные организации: эсеровская, сионистская, анархистская, дашнакская, меньшевистская, бундовская. Аресты во время второй операции проводились на основе формулярного учёта, причём на некоторых лиц не было данных об участии в подпольных организациях, но в справках на арест об этом писалось»⁷⁶.

Чекисты-«перегибщики» охотно признавали «незначительные» нарушения закона, которые служили благой цели борьбы с врагами народа. Все остальные обвинения дружно отвергались.

Третья стратегия защиты представляла собой стремление продемонстрировать следствию и суду, что они были, есть и продолжают, несмотря ни на что, оставаться верными сталинцами. Здесь главное место занимали апеллирование к своим чекистским заслугам перед партией и советской властью и указания на верную службу, несмотря на всю тяжесть специфической чекистской работы и грозившую им лично опасность.

⁷⁴ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38580, т. 1, арк. 179–188.

⁷⁵ Подробнее см.: Савин А.И., Тепляков А.Г. Показания деятелей массовых операций // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938. Приказ № 00447 / Сост. Г. Д. Жданова, В. Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. – М: РОССПЭН, 2010. – С. 429–526.

⁷⁶ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38580, т. 1, арк. 334–341.

Такого рода заявления делались, как правило, на высокой эмоциональной ноте. Абрамович 22 апреля 1941 г. писал:

«Я прошу сталинской правды. Прощай, моя любимая Родина! Прощай, мой воспитатель комсомол. Прощай, моя дорогая партия, принявшая меня в свои ряды два года тому назад. На смерть с открытыми глазами идёт невинный коммунист – 32-летний рабочий-литейщик. Да здравствует коммунизм! Да здравствует Великий Сталин! Я прошу помнить, что я заслуживаю наказания, но не расстрела»⁷⁷.

Тягин в своём последнем слове на суде сделал всё, чтобы подчеркнуть свою беззаветную преданность системе:

«В период борьбы с бандитизмом у меня был пробит череп, отчего я страдал эпилепсией. Я большой туберкулёзом во 2-й стадии. 15 лет я работал безупречно и вот на 16 год работы в органах НКВД я стал преступником. Преступником я не был. Я проявил только политическую близорукость, такую же близорукость проявляли все работники отдела. По распоряжению нач. 2-го отдела Калужного я выписывал справки [на арест], корыстной цели в этом не преследовал, выдвижения по службе не добивался [...] Прошу дать мне возможность возвратиться к своей семье и честно продолжать работу»⁷⁸.

Массовые операции НКВД 1937–1938 гг. осуществлялись в стиле сталинских массовых кампаний, которым были свойственными следующие характерные черты: формирование определённого дискурса, соревновательный характер происходящего, где планы устанавливались только для того, чтобы их перевыполнить (как и было в случае с «лимитами»), кампании имели всегда своих героев и антигероев, а также конечные сроки. Особенность всех без исключения кампаний заключалась в феномене «перегиба»: сталинская власть сознательно поощряла «перегибщиков», добиваясь, с одной стороны, выполнения с их помощью поставленных задач, будь то «выкачка» хлеба, проведение «раскулачивания», ликвидация церквей или уничтожение «бывших», с другой стороны, с помощью «перегиба» тестировала рамки и границы возможного. Вслед за этим сле-

⁷⁷ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 4, арк. 370.

⁷⁸ Там само, спр. 38299, арк. 355.

довало наказание «перегибщиков» (как правило, относительно мягкое) при разыгрывании карты «эксцессов на местах» и «восстановления законности» центральной властью.

Защитные стратегии сотрудников НКВД под судом и следствием свидетельствуют, что чекисты, оказавшиеся в числе «перегибщиков», в любом случае рассчитывали на то, что «своя» власть никогда не накажет их строго за чрезмерную жестокость к «врагам народа». Так в целом и случилось. Однако жёсткие меры по дисциплинированию сотрудников органов госбезопасности были необходимыми, так как среди них оказалось слишком много сторонников «чрезвычайщины», не желавших отказываться от того нового места, которое чекисты заняли в системе советской иерархии власти в результате «Большого террора».

Гапонов: палач и жертва «Большого террора»

Сергей Иванович Гапонов был «химически чистым» типом чекиста 1930-х годов. Его биография призвана помочь создать коллективный портрет чекистов, которые успешно осуществили «Большой террор». Этот портрет, в свою очередь, также должен внести свою роль в дискуссию о том, как в условиях современных диктатур формировались так называемые «Ordinary Men»⁷⁹ – «совершенно обычные мужчины», которые являлись не только послушным, но и добровольным активным инструментом в руках государства для осуществления массовых карательных акций. Биография Гапонова также призвана помочь выяснить, какую роль играла советская специфика в этом генезисе современных карателей.

Сергей Гапонов родился 9 августа 1908 г. в г. Енакиево Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. Он рос в семье профессиональных революционеров, некоторое время беспризорничал. Первое время Сергей желал получить хорошую рабочую специальность, а затем – высшее образование. После окончания неполной средней школы Гапонов учился на тока-

⁷⁹ Термин ввел в научный оборот американский историк Кристофер Брунинг. См.: *Browning Ch.R. Ordinary Men. Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland*, New York, Harper Collins, 1993.

ря в фабрично-заводском училище Днепропетровска, а с 1926 г. как токарь по металлу поступил на завод «Спартак» и одновременно стал учиться на рабфаке металлургического института. Тогда же он окончил вечернюю партийную школу 2-й ступени, что означало проснувшийся интерес к карьере. В 1928–1929 гг. Гапонов работал токарем по металлу на заводе «Сатурн» в Днепропетровске⁸⁰.

Начало сотрудничества Гапонова с органами госбезопасности относится ко времени его обучения в ФЗУ «Юный металлист», где существовала молодёжная троцкистская группировка. По заданию чекистов Гапонов сначала вскрыл

«несколько десятков троцкистов, которые проводили конкретную троцкистскую работу в г. Днепропетровске, Харькове и Москве»⁸¹,

а с апреля 1928 г. уже работал непосредственно на связи у работников окружного отдела ГПУ и являлся ценным сексотом. Чекисты отмечали, что по их заданию Сергей был исключён из комсомола и кандидатов партии, а также впоследствии арестован в ходе окончательного разгрома троцкистов в Днепропетровске. Исключение и арест Гапонова, как сообщали чекисты,

«были связаны с его зашифровкой как нашего сотрудника [...], чего мы и добились».

После разгрома троцкистского подполья юного сексота почти сразу же взяли на официальную работу в Днепропетровский окротдел ГПУ УССР и помогли восстановиться в партии. Подобное начало чекистской карьеры было типичным для целого ряда высокопоставленных сотрудников ОГПУ–НКВД.

Гласная чекистская работа 20-летнего Гапонова началась в мае 1929 г. в качестве сверхштатного архивариуса Днепропетровского окротдела ОГПУ, с августа его стали привлекать к оперативным мероприятиям, а с 1 января 1930 г. он был назначен практикантом и сверхштатным помощником уполномоченного ИНФО, получив на связь первых агентов. Гапонов не проходил каких-то курсов, а учился чекистской работе на

примере старших товарищей, которые брали его на явки с агентами, объясняли азы агентурной и следственной работы. Согласно характеристике середины января 1933 г., Гапонов «обслуживал» бывших деятелей Украинской Коммунистической партии (УКП) и городское учительство, усвоил основы агентурно-оперативной работы и проявлял добросовестное отношение к своим обязанностям. В актив Гапонову тогда же записали успех громкого политического дела. Командированный в Ореховский район во исполнение жесточайших указаний Сталина и руководства УССР сломить сопротивление непосильным хлебозаготовкам со стороны низовой партийно-советской номенклатуры, Гапонов вскрыл «организованный саботаж» со стороны секретаря райкома Головина, председателя райисполкома Паламарчука и членов бюро райкома КП(б)У, итогом чего стало проведённое Гапоновым следствие, закончившееся лагерными сроками для обвиняемых и расстрелом одного из них⁸². Таким образом, первые шесть лет своей гласной чекистской карьеры Гапонов провёл в Днепропетровском окружном отделе и оперсекторе, а затем областном отделе ОГПУ–НКВД, где прошёл путь от архивариуса и практиканта до уполномоченного секретно-политического отдела – главного элемента в системе политического сыска. Гапонов специализировался на агентурной разработке лиц, которые власть относил к «украинским националистам».

До поры до времени его карьера развивалась обычным темпом. Гапонов, как все старательные чекисты, постоянно получал поощрения. В 1933 г. его премировали двухмесячным окладом «за предотвращение теракта и вскрытие саботажа в хлебозаготовках». В 1934 и 1935 гг. за «хорошую постановку работы и вскрытие контрреволюционного подполья» он дважды награждался деньгами от имени НКВД УССР. Кроме этого, Гапонов также имел благодарность за вскрытие боротьбистской организации (якобы «с обнаружением динамита и баллонов с ядовитыми газами»), а за активную работу с агентурой, обеспечившую «подъём агентурно-оперативной работы», 9 ян-

⁸⁰ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 8 зв., 67 зв.

⁸¹ Там само, арк. 94.

⁸² ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 105, 106, 133.

варя 1935 г. Гапонов получил благодарность и двухмесячную зарплату⁸³. В апреле 1935 г. Гапонова перевели в республиканскую столицу на должность уполномоченного 2-го отделения СПО УГБ НКВД УССР, а 1 декабря 1935 г. назначили оперуполномоченным 3-го отделения СПО.

Подлинное ускорение карьеры молодого, однако уже опытного чекиста, придал 1937 г., когда оперативные работники в условиях чистки кадров стали массово выдвигаться на руководящую работу. 25 мая 1937 г. Гапонов был назначен врид помощника начальника 3-го отделения СПО УНКВД в Виннице, где показал себя эффективным следователем, у которого лично сознались более 10 арестованных⁸⁴. С 1 октября 1937 г. он был с повышением переведён в выделенную из Винницкой Каменец-Подольскую область, где работал начальником отделения и заместителем начальника СПО УНКВД, курируя работу двух отделений СПО. Он успел вскрыть и ликвидировать организацию У КП – 75 чел., которые все были осуждены к расстрелу. По агентурному делу «Прятели» оказалось осуждено 14 «повстанцев»; по агентурному делу «Подрывники» была разработана диверсионная организация в Ярмолинецком районе (10 чел.); по делу «Диверсанты» – «шпионско-диверсионно-террористическая организация в Теофипольском районе» (10 чел.). Гапонов также завёл две агентурные разработки («Просвещенцы» и «Обнаглевшие») по украинской контрреволюции, а также 12 дел-формуляров (досье) «по этой же линии». «Черновой» работы он тоже не избегал и в качестве ответственного дежурного по УНКВД ночью 23 декабря 1937 г. присутствовал при расстреле комендантом Левкиным на городском кладбище 11 осуждённых.

В конце марта 1938 г. чекиста вернули в Киев и он стал заместителем начальника 1-го отделения СПО НКВД УССР, а с 4 апреля являлся врид начальника 6-го отделения СПО, т. е. фигурой, заметной в масштабах наркомата, благодаря чему 13 июля 1938 г. получил должность начальника СПО УНКВД од-

⁸³ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 53, 72, 133.

⁸⁴ Там само, арк. 46.

ной из важнейших областей Украины – Одесской⁸⁵. Именно здесь его ждал пик карьеры: назначение 15 ноября 1938 г. – в обстановке повальной смены начальников областных управлений после скандального бегства наркома Успенского – исполняющим обязанности начальника Одесского УНКВД.

От прежних начальников УНКВД Фёдорова, Гречухина и Киселёва Гапонов получил тяжёлое наследство – не только массу незаконченных следственных дел, но и жуткий пыточный застенок, именовавшийся ЦАД («Центральный арестный дом»). Практически в каждом управлении НКВД по стране имелись особые изолированные комнаты или группы помещений, где специально подобранные следователи с изощрённой жестокостью более или менее тайно избивали и пытали наиболее упорных заключённых. В Одессе ЦАД организовали в 1937 г. по инициативе контрразведывательного отдела в здании уголовного розыска, причем постоянный штат милиционеров этого учреждения занимался «только нанесением физических воздействий арестованным»⁸⁶. Пребывание Гапонова на должности начальника управления оказалось непродолжительным, несмотря на хорошую партийную характеристику от 2 декабря 1938 г.⁸⁷

Новое руководство НКВД УССР выдвинуло с 15 января 1939 г. на должность начальника УНКВД бывшего секретаря райкома партии 32-летнего А. И. Старовойта⁸⁸. Гапонов остался при нём заместителем, а 7 марта 1939 г. был возвращён на должность начальника СПО. Таким образом, ему пришлось активно заниматься процессами прекращения наиболее уязвимых с точки зрения доказательной базы следственных дел на коммунистов. При этом Гапонов всемерно старался не допустить широкой реабилитации арестованных. Несмотря на значительный оперативный опыт, Гапонов был быстро признан нежелательным элементом в системе НКВД. Свою роль сыграло то, что в 1930-е гг. ближайшие родственники Гапонова, вклю-

⁸⁵ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 53.

⁸⁶ Там само, спр. 38580, т. 3, арк. 264.

⁸⁷ Там само, спр. 03424, т. 2, арк. 36.

⁸⁸ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941... – С. 393–394.

чая жену, оказались неблагонадёжными. Именно это обстоятельство подчёркивалось кадровиками при решении вопроса об увольнении, а не роль Гапонова в терроре⁸⁹. Непосредственным поводом к увольнению Гапонова послужила история с освобождением работника Одесского обкома КП(б)У Бугаенко, которого Гапонов представил своим агентом, а также необоснованные аресты партийных контролёров⁹⁰. Можно считать, что Гапонову крупно повезло – его не признали участником «ежовского заговора», он не был сильно скомпрометирован показаниями арестованных коллег и все годы пребывания под прицелом прокурорских и внутренних чекистских расследований оставался исключительно в ранге «перегибщика», дополнительно скомпрометированного родственниками. Приказом замнаркома НКВД УССР А. З. Кобулова от 19 апреля 1939 г. Гапонов был уволен и переведён в систему областной связи.

Но постепенно следствие по делу его предшественника в областном СПО Калужного накопило много претензий к Гапонову, также негативную роль в судьбе Гапонова сыграла жёсткая позиция, занятая партийными властями при разборе его персонального дела. Как человек, отказавшийся на заседании бюро Сталинского райкома КП(б)У Одессы от 24 июля 1940 г. признать вину в истреблении «честных коммунистов», он был исключён из партии за нарушения законности и неискренность при обсуждении его «ошибок». От Гапонова ждали подробного рассказа о своих провалах и соблюдения заведённого ритуала покаяния, но экс-чекист по сути отказался «разоружиться» перед партией. В своём заключительном слове Гапонов пытался представить себя жертвой обстоятельств и честно ошибавшимся коммунистом и чекистом, который почти не нарушал законность, а напротив, массово прекращал необоснованные дела. В ответ инструктор обкома партии Лайок заявил, что абсолютно не следует лишать политического доверия всех чекистов, но конкретно Гапонов должен понести кару:

⁸⁹ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 224.

⁹⁰ Там само, т. 1, арк. 1, 20.

«Гапонов мог на партийном собрании выступить и честно обо всем рассказать, но он не хотел этого сделать. Вместо этого хотел обмануть [членов] Обкома партии»⁹¹.

Одесский горком в декабре 1940 г. утвердил его исключение из КП(б)У, а 16 января 1941 г. Гапонов был арестован по ст. 193-17 УК и более года провёл под стражей. В начале июля 1941 г. ВТ войск НКВД Киевского округа провёл подготовительное заседание по делу, но из-за войны процесс отложили, а Гапонова в итоге эвакуировали в Томскую тюрьму⁹². Там он допрашивался эвакуированным из НКВД УССР начальником следственной группы А. М. Лесным и, вероятно, смог использовать в свою пользу прибытие на должность начальника УНКВД по Новосибирской области Л. А. Малинина, бывшего руководителя Одесского УНКВД, который привёз с собой целую плеяду одесских чекистов, включая знакомого Гапонову замначальника СПО С. И. Дрибинского. По просьбе Гапонова бывшие украинские чекисты, оказавшиеся в Новосибирске, дали ему положительные характеристики⁹³.

По инициативе УНКВД по Новосибирской области Гапонова освободили 14 марта 1942 г. Сразу по освобождении он стал хлопотать о восстановлении на агентурно-оперативной работе в НКВД и просил направить его на фронт. Уже 19 марта 1942 г. на его заявлении появилась резолюция Малинина: «Необходимо собрать все материалы и решить вопрос о реабилитации». В тот же день Гапонов был зачислен в систему УИТЛК УНКВД по Новосибирской области, где занимался организацией розыска беглых заключённых. Семеро его коллег-земляков заверили московское начальство в том, что Гапонов – авторитетный чекист и был арестован по клевете о «якобы искривлении методов следственной работы»⁹⁴. Однако Отдел кадров НКВД СССР предложил отказать ему в переводе на оперативную работу: брат жены осуждён как активист троцкистской террористи-

⁹¹ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 162.

⁹² Там само, арк. 159; т. 3, арк. 201–210.

⁹³ Там само, т. 5 (конверт).

⁹⁴ Там само, т. 2, арк. 325, 331–338.

ческой организации; сам Гапонов незаконно освободил арестованного Бугаенко и допустил искривления в 1938 г.; работает в ГУЛАГе и беспартийный⁹⁵.

Между тем военная прокуратура в Новосибирске не собиралась мириться с прекращением дела на Гапонова и 17 декабря 1942 г. постановила вновь взять чекиста под стражу. Однако военный трибунал войск НКВД Западно-Сибирского округа в г. Томске не смог начать рассмотрение дела Гапонова, Кордуна, Абрамовича, Берензона, Машковского и Гнесина, назначенное на 25 января 1943 г., поскольку с осени 1942 г. Гапонов использовался управлением НКВД как законспирированный агент и находился «в продолжительной и серьёзной оперативной командировке». Берензон был переведён из Томска в ИТК № 6 и тоже не был доставлен на заседание. Дело было приостановлено, однако прокуроры довольно быстро добились присутствия на суде Гапонова и Берензона. Обвинение подчёркивало применение чекистами «средневековых» и «инквизиторских» пыток⁹⁶. Но Гапонов и его поделельники использовали прежнюю тактику отрицания свидетельских показаний, упирая на свою преданность НКВД и советской власти. Как правило, судьи в годы войны отправляли осуждённых чекистов на фронт – так произошло и на этот раз. Получив 26 апреля 1943 г. длительные сроки заключения, подсудимые были тут же амнистированы и направлены в действующую армию. Причём Гапонов отправился туда последним, поскольку считался ценным агентом и руководство УНКГБ по Новосибирской области просило в конце 1943 г. разрешить оставить его в своём распоряжении. Оказавшись в Красной армии в должности интенданта 2-го ранга (подполковника), Гапонов избежал передовой и благополучно дождал до победы. В последующем он спокойно вернулся в Киев и встретил старость на хозяйственной работе. В 1950-х гг. С. И. Гапонов работал в тресте «Киевгорсвет», будучи заслуженным коммунистом и участником войны⁹⁷.

⁹⁵ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 295, 294, 303.

⁹⁶ Там само т. 4, арк. 572, 578, 585–586 зв.

⁹⁷ Там само, т. 2, арк. 595–601.

В течение всей своей чекистской карьеры – негласной, гласной, затем снова негласной – С. И. Гапонов демонстрировал поведение, свойственное сотрудникам советских органов государственной безопасности. Понимание своей роли как бойца «передового вооружённого отряда партии», находящегося на фронте борьбы с классовым врагом, и в то же время как уязвимого винтика огромной карательной машины, обусловило характерные профессиональные деформации личности Гапонова. К ним в первую очередь относились отсутствие сомнений в непогрешимости «органов», жестокость и уверенность в том, что арестованный не может иметь никаких прав, даже после освобождения и реабилитации, крайний карьеризм и изворотливость, готовность идти по трупам.

Фигура Гапонова типична для поколения сотрудников государственной безопасности, руками которых сталинская власть осуществила «Большой террор». Его социализация пришлась на годы Гражданской войны, взросление и возмужание прошли в системе советской тайной полиции, которая сформировала его по своему образу и подобию. В результате он стал не только послушным исполнителем преступных приказов «сверху», но и активно вносил свой собственный вклад в массовые репрессии. В его судьбе профессионального специалиста в области провокации и сыска как в зеркале отразились судьбы значительной части чекистских руководителей образца «Большого террора» – быстрый служебный рост, невзирая на компрометирующие данные о родных и близких, резкое падение с карьерной высоты в качестве «отработанного материала», примерное осуждение за «перегибы» в отношении нескольких десятков коммунистов, а не тысяч «настоящих врагов», сравнительно быстрое освобождение и благополучное существование во «второй» жизни, где уже не было смертельных качелей беспощадного чекистского мира.

Реабилитированные чекисты

Снисходительный подход к уголовным преступлениям, совершённым «своими» в борьбе с «врагами народа», был характерен для советского режима. Чекисты традиционно считались

образцами политической лояльности, поэтому наказания в отношении членов этой кастовой группы советского государственного аппарата всегда были наименее жестокими. Фигура чекиста, осуждённого за тяжкие преступления и затем не только досрочно освобождённого, но и возвращённого в органы госбезопасности, стала привычной уже с начала 1930-х годов, когда на службу в систему ГУЛАГ в массовом порядке стали направлять проштрафившихся сотрудников⁹⁸.

Нападение Германии на СССР предоставило осуждённым чекистам, избежавшим расстрела в 1939–1941 гг., значительно более широкие возможности для реабилитации, чем лагерная система. Массовая амнистия, осуществлённая в отношении бывших работников госбезопасности преимущественно в 1941–1942 гг., стала своеобразным ответом на беспрецедентную чистку «органов» конца 1930-х годов. Уже с первых дней после начала войны Военная коллегия Верховного Суда СССР стала заменять реальное наказание чекистам, даже подлежащим расстрелу, отправкой на фронт. Осуждённых работников НКВД освобождали специальными решениями высшего руководства – указами Президиума Верховного Совета СССР, принятыми по инициативе Л. П. Берии⁹⁹. Освобождения происходили, судя по всему, в два основных потока: в конце 1941 г. и в конце 1942 г. Известно, что в декабре 1941 г. Берия обратился к Сталину с просьбой в связи с нехваткой кадров на фронтах освободить из заключения 1610 сотрудников, отбывавших наказание главным образом за нарушения законности¹⁰⁰. Осенью 1942 г.

⁹⁸ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. – М.: Новый хронограф, 2008. – С. 97, 499.

⁹⁹ Уже в начале войны часть отбывавших сроки чекистов освобождали в соответствии с указом Президиума ВС СССР от 12 июля 1941 г. о досрочном освобождении. Так, О. С. Флейшман, работавший в 1937–1938 гг. начальником Сквирского РО УНКВД по Киевской области, арестованный в феврале 1940 г. и осуждённый за нарушения законности на 8 лет заключения, в августе 1941 г. был освобождён и направлен в РККА. См. РГАНИ, ф. 6, оп. 2, д. 864, л. 9.

¹⁰⁰ Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. – М.: МФД, 2006. – С. 563.

из лагерей и тюрем выпустили ещё одну большую группу бывших работников НКВД, отдельные освобождения предпринимались до 1945 г. включительно. Таким образом, можно предположить, что всего в годы войны было амнистировано около 2 тыс. чекистов. После освобождения их, как правило, направляли как в разведывательно-диверсионные группы и особые отделы, так и в штрафные роты. Значительная часть из них попала в строевые части и не занималась чекистской работой. Но сотни амнистированных сотрудников НКВД смогли попасть во фронтовые особые отделы и возобновить чекистскую карьеру. Они стремились окончательно реабилитироваться в глазах власти, применяя привычный опыт фальсификации крупномасштабных дел и получения от обвиняемых требуемых показаний. В свою очередь, руководство НКВД–НКГБ по-прежнему требовало от чекистов раскрытия «контрреволюционных заговорщицких организаций» и беспощадности к «врагам народа». В ответ на эти установки на фронте широко применялись классические методы сталинских спецслужб: провокации, использование внутрикамерной агентуры, в т. ч. из лиц, приговорённых к расстрелу, обман, шантаж, а также избиения и пытки¹⁰¹. Известно, что за годы войны только органы НКГБ раскрыли около 5 тыс. «антисоветских контрреволюционных организаций»¹⁰². Но нельзя также отрицать того, что часть амнистированных чекистов внесла свою лепту как в боевые успехи на фронтах, так и в диверсионно-разведывательную деятельность.

Судьбы Гапонова и «гапоновцев» во многом типичны для амнистированных сотрудников НКВД. ВТ войск НКВД Западно-Сибирского округа 21–26 апреля 1943 г. приговорил Гапонова, Кордуна, Абрамовича и Берензона к 10 годам, Гнесина и Машковского – к семи годам лишения свободы, при этом было принято решение удовлетворить ходатайство Гапонова, Берензона, Гнесина и Машковского, освободить их из-под стражи и направить всех четверых в действующую армию. Аналогичное

¹⁰¹ Тепляков А.Г. Амнистированные чекисты 1930-х гг. в период Великой Отечественной войны // Клио. – 2012. – № 7 (67). – С. 75–76.

¹⁰² Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946... – С. 575.

решение 1 июня 1943 г. было также принято в отношении Кордуна и Абрамовича.

Освобождённые одесские чекисты действительно были направлены в действующую армию¹⁰³, но не Гапонов. Руководство УНКГБ по Новосибирской области было заинтересовано в его услугах и продолжало использовать уже не в розыске беглецов из ГУЛАГа, а «в качестве агента для разработки антисоветски настроенных лиц». На какое-то время новосибирские чекисты смогли даже саботировать решение вышестоящего московского начальства, приказавшего 21 января 1944 г., «учитывая совершенные Гапоновым преступления», направить его в распоряжение новосибирского облвоенкомата для отправки на фронт¹⁰⁴. На пересыльный пункт облвоенкомата Гапонова откомандировали лишь спустя два месяца, 25 марта 1944 г.:

«задержка в направлении была вызвана – согласно справки за подписью начальника УНКГБ Малинина – ввиду оперативной необходимости»¹⁰⁵.

Судя по последней информации о Гапонове из его архивно-следственного дела, освобождённый чекист не принимал участия в боевых действиях: 23 мая 1944 г. интендант 2-го ранга Гапонов выбыл в распоряжение коменданта города Рославль¹⁰⁶.

Смог вернуться на чекистскую стезю В. А. Машковский. После освобождения он принимал участие в военных действиях на Западном и 3-м Белорусском фронтах, был дважды контужен. Но уже с весны 1944 г. стал работать секретарём фронтowego приёмно-пересылочного лагеря военнопленных № 24 НКВД, где также выполнял обязанности дознавателя. Согласно представлению к медали «За боевые заслуги» от 26 апреля

¹⁰³ В следственном деле Гапонова есть данные, что Гнесин, Машковский и Берензон отбыли на фронт с маршевой ротой 27 мая 1943 г., Кордун – 10 сентября 1944 г.

¹⁰⁴ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 5, арк. 215.

¹⁰⁵ Там само, арк. 244.

¹⁰⁶ Там само, арк. 246.

1945 г., Машковским были «вскрыты преступления, совершенные военнослужащими лагеря»¹⁰⁷.

Такой же награды в августе 1946 г. удостоился А. Е. Гнесин. С августа 1943 г. до сентября 1945 г. он служил снайпером 1-й стрелковой роты 386-го стрелкового полка 60-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД. На фронт он прибыл в мае 1943 г. в составе 219-го гвардейского стрелкового полка 71-й гвардейской стрелковой дивизии, принимал участие в боях на 3-м Украинском фронте, был легко ранен в плечо, в июне участвовал в бою при наступлении на железнодорожный узел Харьков–Полтава, 9 августа 1943 г. контужен, после излечения 25 августа 1943 г. был направлен на службу в 386-й стрелковый полк внутренних войск НКВД, где зарекомендовал себя «дисциплинированным, аккуратным бойцом, исполнительным и требовательным к себе». В наградном листе также присутствует короткая пометка «с 12.45 г. – на службе в НКВД»¹⁰⁸.

Менее счастливой была военная судьба Е. И. Абрамовича. На фронте он находился с 13 июня 1943 г. по 22 сентября 1945 г., служил рядовым 6-й роты 3-го батальона 940-го стрелкового полка 262-й стрелковой дивизии 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта. В ночном бою 18 сентября 1943 г. за деревню Фомино на Витебском направлении Абрамович получил тяжёлое ранение в голову, но тем не менее установил связь между командным пунктом батальона и командирами рот, обеспечив тем самым успех батальона в наступлении на село. До ранения вынес с поле боя двух раненых – младшего лейтенанта и сержанта. После демобилизации Абрамович был признан инвалидом Отечественной войны 2-й группы и 6 ноября 1947 г. удостоился ордена «Красной Звезды»¹⁰⁹.

О дальнейшей судьбе Кордуна и Берензона авторам ничего не известно. Однако из числа десятков амнистированных и отправленных на фронт «украинских» чекистов погибла сравнительно небольшая часть. Те чекисты, которые воевали не в

¹⁰⁷ Материалы сайта «Подвиг народа».

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

рядовых званиях, а также смогли устроиться «по специальности», имели хорошие шансы уцелеть.

Заключение: чистка органов госбезопасности как инструмент восстановления нарушенного равновесия

В историографии существует несколько расхожих интерпретаций «бериевской» чистки 1939–1941 гг., которые, с нашей точки зрения, все имеют право на существование, поскольку каждая из них адекватно объясняет тот или иной сегмент происшедшего. Первое, наиболее распространённое объяснение, сводится к феномену «клановой чистки» – подобной той, какую в конце 1936 г. Ежов инициировал в отношении «ставленников» Ягоды и в результате которой по обвинению в контрреволюционных преступлениях за 1937–1938 гг. были арестованы 1862 оперативных сотрудника¹¹⁰. В свою очередь, Берия в конце 1938 – первой половине 1941 гг. вычистил из НКВД бывших «ежовцев».

Другая точка зрения трактует наказание чекистов как кару за участие в «перегибах», к которым приводило «рвение» и «бездумное выполнение приказов». Несмотря на свою лапидарность, эта интерпретация также имеет право на существование. Особенно адекватно она объясняет мотивацию судей военных трибуналов и обоснование вынесенных чекистам приговоров. Со стороны же руководства НКВД было действительно важно убрать сотрудников, замешанных в мародёрстве, скомпрометированных связями с нелояльными лицами, запустивших оперативную работу, дискредитированных неподходящим социальным или национальным происхождением и т. д.

Ещё одним объяснением, достаточно близким к интерпретации кампании «бериевской» чистки как акции по наказанию «перегибщиков», является утверждение о внезапной, совершенно неожиданной для самих чекистов «криминализации» их действий. Арестованные сотрудники госбезопасности чувствовали себя преданными: они лишь выполняли приказы руко-

¹¹⁰ Ещё 411 сотрудников ГБ были арестованы в 1937–1938 гг. по обвинению в совершении уголовных преступлений. См.: *Petrow N. Die Kaderpolitik des NKWD 1936–1939.* – S. 29.

водства, которые, как им неоднократно заявляли, исходили с самого верха советской политической пирамиды, и вдруг власть поменяла правила игры. «Плавающая» криминализация как принцип была отличительной чертой советского режима, особенно резко проявившись в период «Большого террора». Сначала тройки и двойки стали осуждать людей к смертной казни или длительным срокам заключения за проступки, действия или поведение, которые раньше не подлежали уголовному наказанию или карались сравнительно мягко. А в кампанию чистки 1939–1941 гг. криминализация распространилась на самих чекистов, причём их наказывали не только за эксцессы, но и за вполне «нормальные» с их точки зрения, рутинные следственные действия.

Наша гипотеза опирается на один из главных результатов исследований Марка Юнге, который гласит о том, что в годы «Большого террора» центр отказался от значительной части своих полномочий в пользу периферии, как того требовала специфика проведения массовых операций. Но это положение нуждается в развитии: «трансфер» карательной компетенции затронул не только внесудебные инстанции – тройки и двойки, не только руководство управлений и отделов, но и весь чекистский аппарат, до самого низа, вплоть до рядовых сотрудников госбезопасности, а также приравненных к оперативникам милиционеров и фельдъегерей, активно помогавших в следствии. У исполнителей в ходе «Большого террора» явно произошло «головокружение от успехов». Н. И. Ежов уже в середине 1937 г. так похвалялся лично своим влиянием и влиянием НКВД в целом:

«Я – нарком внутренних дел, я секретарь ЦК, я председатель партконтроля, вот попробуй кто-либо на меня пожаловаться, куда пойдёшь, в НКВД – у меня тут свои люди, пойдёшь в ЦК, там мне сразу же доложат, а в партконтроле я же председателем, как же без меня какое-либо дело решать, вот видишь, как получается, куда ни кинь, всё Ежов [...] Внутренние дела и иностранные у меня сейчас в руках [...] начальники [НКВД] на местах сейчас имеют огромную власть, во многих местах они сейчас первые люди»¹¹¹.

¹¹¹ ЦА ФСБ РФ, д. 975047, т. 1. Показания С. Ф. Реденса от 14 мая 1939 г.

НКВД на местах стал в 1937–1938 гг. организацией, которая фактически терроризировала местные комитеты партии на персональном уровне и являлась главной кадровой инстанцией с точки зрения чистки и пополнения партийно-советской, профсоюзно-комсомольской, военной и хозяйственной номенклатур. В ноябре 1938 г. центр вернул себе свои карательные и кадровые полномочия, но исполнителям из НКВД на местах необходимо было наглядно продемонстрировать, насколько вновь сузились рамки их свободы действий, в первую очередь – в отношении партийных организаций.

Вопрос о взаимоотношениях партийных комитетов и органов НКВД – один из самых спорных в исследованиях массовых операций. Очевидно, не стоит говорить о том, что чекисты вышли из-под контроля высшего руководства партии – все операции жёстко контролировались Центром. Тем не менее, несомненно, что с учётом упоминавшегося выше «трансфера» карательных полномочий, свобода рук у чекистов была весьма большой (вплоть до произвольного увеличения расстрельных лимитов, как в НКВД Туркменской ССР¹¹²), и террор на местах все-таки развил свою собственную динамику, особенно учитывая требования НКВД СССР и лично Ежова, направленные на массовую фабрикации дел как можно более крупных антисоветских организаций. В этом случае из последственных выбивались показания о «сообщниках», в результате чего следовала цепная реакция арестов. Особенно это было распространено в отношении дел партийно-советских элит¹¹³. В свою очередь, партийные комитеты практически повсюду занимались идеологическим и пропагандистским обеспечением «Большого террора». И Украина, и Белоруссия, и Грузия с Азербайджаном, и Сибирь имели партийных лидеров в лице Н. С. Хрущёва, П. К. Пономаренко, Л. П. Берии, М.-Д. Багирова, И. И. Алексеева, Л. Н. Гусева, А. С. Щербакова, которые активно организовывали репрессии. Тем не менее, после ноября 1938 г. в наказании «пере-

¹¹² Hlevnjuk O. Les mecanismes de la «Grande Terreur» des années 1937–1938 au Turkmenistan // Cahiers du Monde Russe. – 1998. – Vol. 39. – № 1–2. – P. 197–208.

¹¹³ Тепляков А.Г. Машина террора... – С. 454–459.

гибщиков» из НКВД принимали деятельное участие как активные проводники террора из числа партийной элиты, так и те, кто дистанцировался от его крайностей.

Истоки судов над «козлами отпущения» из НКВД следует искать не только в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г., но и в другом, не менее известном документе, который появился на свет ещё в начале 1938 г. Речь идёт о постановлении январского Пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключённых из рядов ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Правда, НКВД упоминался в этом документе только лишь четырежды, причём косвенно и сугубо положительно, так что сигнал к более аккуратному проведению кампании по избиению партийно-советской элиты прозвучал достаточно двусмысленно. Как отмечает М. Юнге, сомнения, зародившиеся у сотрудников НКВД

«после [...] январского пленума ЦК ВКП(б) по поводу того, как вести себя в ходе продолжающихся массовых репрессий [...] были задушены в зародыше на партийных собраниях с помощью вынесенных порицаний, выговоров и дисциплинарных взысканий»¹¹⁴.

Хотя на этих собраниях, по мнению М. Юнге, чекистов

«также ориентировали отказаться от огульных арестов, целью которых являлось исключительно выполнение лимитов и призывали соблюдать революционную законность»¹¹⁵,

продолжение террора фактически исключало возможности запуганных им местных партийных инстанций серьёзно влиять на избиение своих кадров. Январское постановление вызвало ряд репрессий в отношении перестаравшихся крупных чекистов, но настоящий террор против выдвиненцев Ежова начался позднее, осенью 1938 г., и был призван сменить всю чекистскую элиту, обвинённую, прежде всего, в «ежовском заговоре» против Сталина.

¹¹⁴ «Через трупы врага на благо народа»... – Т. 2. – С. 13.

¹¹⁵ Там же.

Нарушенное равновесие между партией и органами госбезопасности отнюдь не новая тема для историографии, об этом неоднократно, в разной тональности, писали историки спецслужб. Одесские материалы убедительно свидетельствуют, что нарушение баланса происходило не только наверху, в результате институционального «сращивания» партии и органов в результате назначения руководящих сотрудников НКВД на высокие посты в партии и государственном аппарате¹¹⁶. Одним из главных результатов «Большого террора» стал дисбаланс «внизу», когда сотрудники среднего и даже низшего звена государственной безопасности, фабрикуя в массовом порядке дела на членов коммунистической партии, в первую очередь на номенклатурных работников, стали воспринимать себя ещё большими коммунистами, чем ответственные партийные функционеры.

О том, что высшее партийное руководство усмотрело серьёзную опасность в возникшем дисбалансе, также свидетельствуют постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О порядке согласования арестов» от 1 декабря 1938 г. и приказ НКВД СССР «О запрещении вербовки некоторых категорий работников партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организаций», утверждённый Политбюро ЦК ВКП(б) 26 декабря 1938 г.¹¹⁷ Оба документа были призваны оградить членов ВКП(б) от возможных поползновений со стороны органов госбезопасности. Тем не менее, до самого конца сталинской эпохи партийные комитеты и государственные структуры являлись объектом оперативной работы органов НКГБ–МГБ, подвергаясь слежке, вербовкам, провокациям и выборочным репрессиям¹¹⁸.

¹¹⁶ Ежовские выдвиженцы (сам Ежов был партийным аппаратчиком) стали членами СНК СССР: нарком связи М. Д. Берман, заместитель НКПС Л. Н. Бельский, полпреды и заместители НКВД С. Н. Миронов и В. Г. Деканозов, а также секретарями обкомов ВКП(б) – К. Н. Валухин, Г. Г. Телешев и др.

¹¹⁷ См.: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. – М.: МФД, 2004. – С. 624–625, 631–632.

¹¹⁸ Смирнов Н.Г. Рапава, Багиров и другие. Антисталинские процессы 1950-х гг. – М., 2014; Тепляков А.Г. Шовинизм и национализм в органах

История «бериевской чистки» является наглядным подтверждением того, что главной жертвой «Большого террора» было рядовое население СССР. В условиях нормализации ситуации и дисциплинирования НКВД власть не ставила своей задачей восстановить справедливость в отношении обычных граждан. Даже осуждение сотрудников НКВД, не говоря уже об изгнании из органов госбезопасности, оставалось внутриведомственным процессом и не приводило к пересмотру и отмене приговоров в отношении подавляющего большинства тех дел, которые провели осуждённые чекисты. Кампания по «восстановлению социалистической законности» коснулась основной массы жертв только самым краем. Советский народ стал лишь косвенным благоприобретателем сталинско-бериевской кампании по дисциплинированию НКВД.

Савин А., Тепляков О. «Партия може помилятися, а НКВС – ніколи». Співробітники УНКВС по Одеській області на лаві підсудних (1939–1943 рр.)

Досліджується діяльність співробітників УНКВС по Одеській області в період «Великого терору», їхня подальша доля. Вказується, що засудження співробітників держбезпеки залишалося внутрішньовідомчим процесом і не приводило до скасування вироків щодо переважної більшості тих справ, які провели засуджені чекисти.

Ключові слова: «Великий терор», Одеська область, співробітники державної безпеки.

Savin A., Teplyakov O. «The Party May Be Mistaken, but NKVD – Never». Odessa Region NKVD Executives on the Prisoners' Dock (1939–1943)

Investigated the activity of Odessa Region NKVD officers during the Great Terror period, and their future life. It is pointed out, that judging the NKVD officers was internal process and did not lead to the review of judicial decisions on the cases, held by judged chekists.

Key words: The Great Terror, Odessa region, state security executives.

УДК 351.746.1-051(478)(092)«19371938»(045)

*Игорь КАШУ**

**«Чистка» сотрудников НКВД Молдавской АССР
после «Большого террора» 1937–1938 гг.:
дело Ивана Тарасовича Широкого-Майского**

Исследуется специфика «чистки» сотрудников НКВД МАССР на завершающем этапе «Большого террора» и после официального прекращения массовых репрессий (сентябрь–декабрь 1938 г.) на примере деятельности И. Т. Широкого-Майского и его коллег.

Ключевые слова: политические репрессии, МАССР, НКВД, «Большой террор».

В ноябре 1938 г. И. Сталин приказал остановить «Большой террор». Репрессии на этом не прекратились, однако теперь целью «чистки» оказались сами сотрудники НКВД. Репрессии против сотрудников НКВД имели место и до июля 1937 г., и во время «Большого террора». Тем не менее, на этот раз кампания по «чистке» центрального и регионального аппаратов НКВД, начатая в сентябре–октябре 1938 г., имела свою специфику, свои особые причины и цели. Теперь «вычищали» тех, кто по приказу сверху непосредственно проводил «зачистку» среди разных категорий населения и элит в 1937–1938 гг.

Так что же именно является специфическим для этой кампании репрессий против сотрудников центрального и регионального аппаратов НКВД? Почему одни сотрудники были приговорены к 5–8–10 годам ИТЛ, другие – к ВМН, а третьи отделались выговором, т. е. фактически не ответили за применение насилия, за использование «недопустимых методов расследования» или за «нарушение социалистической законности», как гласила официальная терминология?

Каковы были критерии принятия решений о судьбе сотрудников НКВД: кого наказать, а кого помиловать и даже поощрить? Этот и другие вопросы ещё не обратили на себя должного

* *Кашу Игор* – доктор історичних наук, директор Центру досліджень тоталітаризму факультету історії та філософії Молдавського державного університету (м. Кишинів, Республіка Молдова).

внимания в постсоветской и западной историографии по причине ограниченного доступа к следственным делам бывших сотрудников НКВД. Эти дела являются важным источником для изучения механизмов «Большого террора», а также, в немалой степени, для более глубокого понимания этапов и специфики процесса торможения машины массового террора в конце лета–начале осени 1938 г.¹

Среди жертв «чистки» в рядах НКВД Молдавской АССР (автономия в составе Украинской ССР в 1924–1940 гг.) были также высшие чины местного НКВД. Например, Иван Тарасович Широкий-Майский, нарком внутренних дел МАССР с мая по сентябрь 1938 г.

Кем был И. Широкий-Майский до начала службы в НКВД, каким было его социальное происхождение и образование? И были ли моменты в его биографии, которые привели его в 1938 г. на скамью подсудимых?

И. Широкий-Майский родился в 1903 г. в с. Верблюжка Александрийского округа Херсонской губернии. Его отец был середняком, этническим украинцем. Широкий окончил 2-летнюю местную сельскую школу и потом учился 3 года в военно-фельдшерской школе в Херсоне, которую окончил в 1918 г. Сразу после этого, в возрасте 15 лет, он вступил в местный отряд Красной армии, а в следующем году – в партизанский отряд, а затем был включён в группу по «борьбе с бандитизмом» в Верблюжке. В 1920 г. он становится членом Коммунистического Союза Молодёжи и до 1922 г. в местной комсомольской ячейке был ответственным за политико-просветительную работу. В период с конца 1922 г. до начала 1926 г. Широкий работал инструктором внешкольного образования Верблюжского райОНО. В 1926–1927 гг. он служил в качестве председателя правления Верблюжской районной потребкооперации. Его карьера в органах госбезопасности началась в июле 1927 г. в качестве сотрудника

¹ Эти дела открывают также другие возможности для расширения очень важных тем, такие, как отношение между палачами и жертвами во время «Большого Террора» в отдельности или сталинской эпохи в целом. См. по этому поводу статью *Линн Виолы* (Lynne Viola): The Question of the Perpetrator in Soviet History // *Slavic Review*. – 2013. – Vol. 72. – № 1. – P. 1–23.

Зиновьевского окружного отдела ГПУ УССР. В следующем году Широкий-Майский становится помощником уполномоченного, а позже уполномоченным Информационного отдела ГПУ УССР (1929–1930), старшим уполномоченным, оперуполномоченным 6-го и 3-го отделений Особого отдела ГПУ УССР (1931–1933). С ноября 1933 г. по октябрь 1935 г. Широкий-Майский был начальником Особого отдела 30-й стрелковой дивизии, далее – начальником 5-го отделения Особого отдела Киевского военного округа и Особого отдела УГБ НКВД УССР (октябрь 1935 – январь 1937 гг.).

До прибытия в МАССР он занимал пост начальника 5-го отдела УГБ УНКВД Черниговской области, заместителя начальника УНКВД Черниговской области (январь 1937 – май 1938 гг.)². Всего он отслужил в органах ГПУ–НКВД около 12 лет. Таким образом, в отличие от других сотрудников НКВД МАССР, которые также будут арестованы и осуждены вместе с ним, он был «человеком из органов», чекистом со стажем.

Согласно его официальной биографии, во время гражданской войны Широкий не участвовал в антисоветских организациях или вооружённых отрядах и не примыкал в 1920–1930-х гг. к «антипартийным оппозиционным группам». Его официальная биография была безупречной и, казалось, ничего не предвещало его дальнейшей трагической судьбы.

До ареста он жил в Тирасполе, столице МАССР, в отеле «Палас». Обыск его квартиры провели 27 сентября 1938 г. Среди наименований изъятого и зарегистрированного протоколом обыска, выделяются две улики: *первое* – это «Печатное письмо председателю [комиссии] по чистке партии»; *второе* – «Заключительное постановление Кировской окружной Контрольной Комиссии по делу Широкого»³. По всей видимости, арест Ши-

² Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник / Сост. Н. В. Петров, К. В. Скоркин. – М.: Звенья, 1999. – С. 448–449.

³ Arhiva Serviciului de Informații și Securitate al Republicii Moldova, fostul KGB al RSSM [Архив Службы Информации и Безопасности Республики Молдова (бывший архив КГБ МССР)], далее – ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 10 verso. Речь идёт о постановлении Кировской окружной Контрольной Комиссии ВКП(б) от 29.07.1929 г., согласно которой обвинения в адрес Широкого о

рокого произошёл не без участия партийных органов. Можно предположить, что начало «делу Широкого» положил «сигнал», который был отправлен из Тирасполя в Киев по поводу того, что готовится очередная «чистка» высших партийных кадров МАССР. Последняя «чистка» среди местной партийной элиты пришлось на май–июнь 1937 г., когда были арестованы сотни коммунистов. Среди них – Григорий Иванович Борисов-Старый (расстрелян 11 октября 1937 г.), председатель Совнаркома МАССР (1932–1937), Владимир Захарович Тодрес-Селектор, 1-й секретарь Молдавского обкома КП(б)У в мае–августе 1937 г. (приговорён к 8 годам ИТЛ), Евстафий Павлович Воронович, председатель ЦИК МАССР (расстрелян 13 октября 1937 г.) и др.⁴

Будучи верным слугой партии и НКВД на протяжении всей своей зрелой жизни, Широкий впал в немилость вышестоящего начальства в начале сентября 1938 г. На следующий день после обыска, 28 сентября 1938 г., он был арестован по приказу наркома внутренних дел УССР Александра Ивановича Успенского. Именно он назначил Широкого наркомом в Тирасполь за четыре месяца до ареста. Хотя точно неизвестно, кто инициировал арест, есть основания предполагать, что решение об аресте Широкого было принято совместно Киевом и Москвой. Во всяком случае, 29 сентября 1938 г. был подписан приказ НКВД СССР № 00638 об аресте наркома внутренних дел МАССР. Задержанный был доставлен в столицу Украины и помещён в спецкорпус киевской тюрьмы.

В соответствии со ст. 216-17 п. «а» и ст. 108 УК УССР Широкому-Майскому было предъявлено обвинение в том, что он «занимался вымогательством ложных показаний от задержанных»⁵. Однако история его попадания в немилость была сложнее. В ходе допросов различные недоброжелатели, свидетели и до-

его антисоветской деятельности во времена гражданской войны не подтвердились. Эта говорит о том, что Широкий не только не исключал своего ареста, но также предугадал некоторые факты или доносы, которые могли бы быть использованы против него.

⁴ См.: *Cașu I. Dușmanul de clasă. Represiuni politice, violență și rezistență în R(A)SS Moldovenească, 1924–1956.* – Chișinău: CARTIER. – P. 95–108.

⁵ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 1–3, 5.

носчики выявили другие детали его биографии. Например, Широкий был якобы осуждён в 1925 г. на принудительные работы в течение 2–3 месяцев по неизвестным причинам. Мы же знаем только, что в этом году он был инструктором Верблюжского райОНО и, предположительно, его осуждение было связано именно с этой работой. Прежде чем Широкий стал сотрудником ГПУ УССР в 1927 г., судимость была с него снята⁶.

Далее мы подробно проанализируем пять писем Широкого, которые он прислал наркому внутренних дел УССР Успенскому в течение сентября 1938 г. Эти письма представляют особый интерес, поскольку их автор выражает свою точку зрения случившегося во время «Большого террора». Следует отметить, что протоколы допросов Широкого были очень короткими и не позволяют воссоздать картину того, что случилось с бывшим наркомом внутренних дел МАССР и какие механизмы сделали возможным то, что происходило в 1937–1938 гг. Примечательно, что версия одного из писем диаметрально отличается от версии, изложенной в других письмах. У этого есть объяснение. Предположительно, Широкий просто не знал, от кого ждать милости – от НКВД или от партийных органов.

«Я сделал грубую и непростительную политическую и оперативную ошибку...»

Ещё 5 сентября 1938 г., за три недели до обыска, Широкий, находясь на предварительном следствии в Киеве, написал письмо лично Успенскому. Это произошло сразу после проверки деятельности НКВД МАССР, произведённой комиссией НКВД УССР в начале сентября 1938 г. Широкий начинает письмо с того, что во время своей короткой карьеры в МАССР он совершил «грубую и непростительную политическую и оперативную ошибку». Широкий сожалел, что с мая 1938 г., когда он был командирован в Молдавию на работу по «выкорчёвыванию остатков правотроцкистского подполья», направил на «неправильный путь [...] своё и чекистское внимание» в деле «вскрытия руководящей верхушки». В результате того, что он был «ориен-

⁶ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 10 verso.

тирован неверно», продолжает Широкий, имена честных коммунистов оказались оклеветанными. Речь шла о верхушке руководящего партийно-советского аппарата Молдавии, а именно, о первом секретаре Молдавского обкома КП(б)У Владимире Николаевиче Борисове, председателе Совета народных комиссаров МАССР Георгии Ермолаевиче Стрешном и председателе ЦИК МАССР Тихоне Антоновиче Константинове. Широкий признался, что его ошибки спровоцировали его самоуверенность, зазнайство и отсутствие консультаций с Успенским. При этом Широкий настаивал на том, что эти ошибки были следствием его желания преподнести своему киевскому начальству уже «готовое дело»⁷.

Другим объяснением сложившейся ситуации было то, что «враг попытался ввести следствие в заблуждение». Широкий обвинил в этом арестованных, т. е. жертв «Большого террора». Речь идёт о бывшем наркOME земледелия Абрамовиче, бывшем директоре «Молдторга» Шендеровском и ряде других, таких как Богуш, Кошелев и Дербенцев. Они были ответственны, продолжал Широкий, за то, что в списки «правотроцкистского подполья» в МАССР были включены «ни в чем неповинные товарищи». Занимаясь поисками «козлов отпущения», Широкий не отвергал и свою личную ответственность. Он добавил по этому поводу, что в результате «недостаточно критического подхода», «эти показания были приняты на веру с большой лёгкостью». Широкий выразил уверенность, что эти ошибки могут быть устранены, и он, и весь чекистский аппарат МАССР, извлекают «достаточный урок» на будущее⁸.

Широкий сожалел о том, что после того, как его поставили в известность о выводах комиссии НКВД УССР, он «апеллировал в руководящие партийные органы»⁹. Это очень интересная деталь, которая наводит на мысль, что Широкий был уверен, что он действует строго в рамках партийных указаний. Более того, перемены в НКВД, о которых он узнал из выводов комиссии

⁷ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 11–12, 14–15.

⁸ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 16.

⁹ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 17.

НКВД УССР, побывавшей в Тирасполе, застали его врасплох. Апеллируя к республиканским и союзным партийным органам¹⁰, нарком внутренних дел МАССР, наверное, подумал, что происходящее с ним было либо недоразумением, либо результатом каких-то интриг внутри НКВД или партийных органов, следствием доносов. В последующих письмах Успенскому Широкий высказывал уже другие соображения, которые существенно меняли его первоначальную версию случившегося.

**«Своё заявление снимаю,
как вынужденное угрозами побоя»**

Второе письмо Успенскому Широкий послал в тот же день, 5 сентября 1938 г. По сравнению с первым он назвал здесь больше имён сотрудников НКВД МАССР. Интригует предисловие к письму:

«Наркому Внутренних Дел УССР, Комиссару Государственной Безопасности третьего ранга, тов[арищу] Успенскому. Рапорт: Вторично прошу повторной комиссии проверки работы НКВД МАССР, с моим участием. Своё заявление снимаю, как вынужденное угрозами побоя. [В] противном случае, дайте возможность снова обратиться к партийным инстанциям»¹¹.

Широкий прямо говорит, что он написал первое письмо под угрозами избиения. Кто ему угрожал? Вероятно, это могли быть члены вышеупомянутой комиссии НКВД УССР или следователи из центрального аппарата НКВД УССР. Но скорее всего, речь идёт о высших партийных чинах из Киева, которые могли действовать через следователей НКВД УССР. На эту последнюю версию наводит главный аргумент первого письма, который сводится к тому, что НКВД совершил непростительную ошибку по отношению к высшим партийным органам и невиновным членам партии.

В следующем письме Широкий избрал на этот раз оборонительную тактику. Главные аргументы первоначальной версии

теперь были повёрнуты на 180 градусов. На этот раз Широкий не писал, что Борисов, Стрешный и Константинов невиновны. Напротив, он настаивал на том, что существовали несомненные доказательства их причастности к «правотроцкистской организации». Доказательствами, на которые он ссылался, служили признания разных лиц, которые были опрошены при непосредственном участии Широкого. Последний также настаивал на том, что он дал приказ своим подчинённым строго соблюдать конспирацию. НКВД МАССР получало «сигналы» о причастности Борисова, Стрешного и Константинова к руководству «правотроцкистского подполья» в МАССР, но Широкий якобы запретил доводить эти данные до следователей, которые занимались непосредственно этими делами. Таким образом, последние должны были выяснить у арестованных имена членов антисоветской организации, а не спрашивать их о принадлежности к этой организации того или иного конкретного человека. Широкий настаивал на том, что допросы велись его подчинёнными непредвзято и следователи не навязывали арестованным конкретные имена и не «давили» на них до тех пор, пока те не согласились дать показания по спискам, заранее составленным НКВД¹².

Для того, чтобы эта версия выглядела более правдоподобной и в то же время в целях минимизации своей ответственности в деле «правотроцкистского подполья», Широкий привёл ряд имён сотрудников НКВД, в том числе своих непосредственных подчинённых, некоторые из которых хорошо знали местную ситуацию. Прежде всего, он назвал Лазаря Исааковича Ривлина, который был заместителем наркома, исполняющим обязанности наркома внутренних дел МАССР в марте–мае 1938 г. и являлся непосредственным предшественником Широкого. Именно Ривлин сообщил Широкому, что Борисов и Стрешный (Константинов был добавлен в список позже) не заслуживают политического доверия. Хотя разговор был сравнительно «об-

¹⁰ Об этом речь пойдет ниже, в третьем письме, адресованном Успенскому, в котором будет четко сказано о подаче апелляций в ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У. ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 29–30.

¹¹ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 18.

¹² Согласно показаниям подчинённых Широкого, например, начальника 4-го отдела НКВД МАССР Мягкова, дело обстояло совсем иначе. См. допрос Мягкова в Киеве, который состоялся 19 сентября 1938 г., ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 114, 116.

щим», Широкий понял намёк и добавил, что у него не было оснований не доверять Ривлину. «Ориентацию» в этом же духе Широкий получил и от бывшего наркома внутренних дел МАССР Николая Васильевича Лютого-Шестаковского (декабрь 1937 г. – март 1938 г.). Он посетил Тирасполь, вероятнее всего, в конце июня 1938 г., когда исполнял обязанности заместителя начальника Особого отдела Киевского военного округа. Лютый якобы дословно сказал следующее: «Зачем допустили в партийные органы Борисова, ведь он же враг»¹³. Но если Борисов был «врагом народа» и Лютый знал об этом с самого начала, возникает вопрос: почему он допустил, чтобы тот стал в январе 1938 г. первым секретарём Молдавского обкома, когда Лютый был наркомом внутренних дел МАССР? Это наводит на мысль, что у Лютого теперь были определённые установки сверху, иначе трудно поверить, что инициатива включить Борисова в список «врагов» исходила от него лично.

После разговора с Лютым Широкий познакомился с материалами, непосредственно связанными с Борисовым, а также со следственными делами «по националистическому и частично по правотроцкистскому подполью». Широкий прочёл сводную справку Лютого наркому внутренних дел УССР Леплевскому, датированную январём 1938 г. Согласно этой справке, Котовская районная партийная организация МАССР выразила политическое недоверие Борисову за «связь с разоблачёнными участниками контрреволюционной организации». В это время Борисов уже был секретарём Молдавского обкома. Такая же информация в отношении Борисова была передана (хотя и в устной форме) Широкому заместителем начальника 3-го отдела Кирюшиным и бывшим начальником 4-го отдела НКВД МАССР Григорием Юфой. Широкий считал, что эти сотрудники направили его «на неправильный путь в оперативной оценке положения в Молдавии в этом вопросе». В этой «неправильной ориентировке» был замешан также следователь по важнейшим делам при Прокуратуре СССР Лев Романович Шейнин. Он посетил Тирасполь вскоре после Лютого. Шейнин отметил,

¹³ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 20.

что Борисов был вовлечён в защиту директора Тираспольского элеватора Потребя, когда того обвиняли во «вредительстве». Кроме того, «Шейнин это дело взял с собой с намерением снова возбудить его»¹⁴.

В результате этих ориентировок, полученных от Лютого и Шейнина, Широкий начал присматриваться к связям Борисова по его работе. Среди них были заведующий отделом руководящих партийных органов Молдавского обкома КП(б)У Николай Харитонович Смориго¹⁵, секретарь Молдавского обкома ЛКСМ Кисель, нарком земледелия МАССР Козуб и др. На некоторых из них, по утверждению Широкого, к его приезду в МАССР уже имелись компрометирующие материалы об их принадлежности к антисоветской организации. Кроме того, Широкий отметил, что он лично убедился, что Борисову был присущ «стиль показа».

Показания против Борисова, а также Стрешного были предоставлены также Эростом Илларионовичем Дербенцевым, до 1935 г. занимавшим пост начальника Управления рабоче-крестьянской милиции НКВД МАССР¹⁶. Широкий поверил этим по-

¹⁴ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 21. Л. Шейнин родился в 1906 г. в еврейской семье и стал сотрудником прокуратуры СССР в 1923 г., когда ему было всего лишь 17 лет. Член ВКП(б) с 1929 г., с 1931 г. работал следователем по важнейшим делам при Прокуратуре СССР. Шейнин стал известен в СССР как писатель, его статьи и рассказы публиковались в «Известиях» и «Правде». Его первая книга вышла в 1938 г. под названием «Записки следователя». Позже она была переиздана в Кишинёве в 1987 г. издательством «Лумина». В этой книге, однако, он не пишет о своём опыте работы в МАССР во время «Большого террора». По архивным данным, опубликованным Никитой Петровым, Шейнин был арестован в 1951 г. и только в марте 1953 г. был освобождён, после того как его допрашивал Богдан Кобулов. Последний передоверил дело Райхману и дал ему поручение, перед освобождением завербовать Шейнина в агентурную сеть. См.: *Петров Н.* Палачи. Они выполняли заказы Сталина. – М.: Новая Газета, 2011. – С. 120.

¹⁵ Биографию Смориго до 1941 г. см.: Arhiva Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova [Архив социально-политических организаций Республики Молдова (бывший архив Института Партии при ЦК КПМ)], далее – AOSPRM, f. 51, inv. 1, d. 32, f. 16.

¹⁶ О различиях между советской политической полицией и милицией при Сталине см.: *Shearer D.* Policing Stalin's Socialism. Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. – Stanford, CA: Hoover Institution, Stanford University; New Haven and London: Yale University Press, 2009.

казаниям, несмотря на то, что Дербенцев дал их в качестве арестованного и уже сознавшегося «в участии в антисоветской организации в Молдавии». Кроме того, начальником 3-го отдела Александром Сократовичем Томиным и его заместителем Василием Ивановичем Кирюшиным были получены признания от бывшего директора Котовской МТС Кошелева, где Борисов работал раньше. Показания против Борисова и Константинова также дал Кирюшину и Томину арестованный врач Котовской районной больницы Сорочан¹⁷.

В июле 1938 г. новым заместителем Широкого стал Николай Павлович Малышев, а в начале августа пост начальника 4-го отдела занял переведённый из Одессы Иван Фёдорович Мягков. Они приняли участие в следствии по «правотроцкистскому делу». Мягков преимущественно допрашивал арестованных, принадлежавших к среднему рангу номенклатуры, таких как Боржаковский, Верин, Богуш, Царанов¹⁸, Абрамович, Александров, Стелин и Шендеровский. Широкий признавал, что он также лично допрашивал арестованных, особенно Абрамовича.

Широкий утверждал, что он не давал приказа своим подчинённым собирать компрометирующие показания на Борисова и его «соратников». Наоборот, он якобы очень чётко распорядился на этот счёт, «предупредив о конспирации и категорически запретив использовать эти материалы в следствии»¹⁹. Он признал, что только в протокол допроса Шендеровского были включены два неточных факта. Первая «неточность» состояла в том, что в список участников «националистического и правотроцкистского подполья» был добавлен председатель Верховного Совета МАССР Константинов. О второй «неточности» в показаниях Шендеровского Широкий умалчивает²⁰. Однако ут-

¹⁷ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 24–25.

¹⁸ До ареста Царанов исполнял обязанности заведующего отделом пропаганды, агитации и печати Молдавского обкома КП(б)У. Позже, с 1944 по 1947 г., был секретарём ЦК КП(б) Молдавии. Он рассказал о своём аресте в 1938–1939 гг. только в 1989 г. См.: *Стратиевский К.* Царанов Степан Васильевич. Страницы жизни. – Кишинёв: Elan Poligraf, 2004. – С. 74–86.

¹⁹ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 23, 25, 26.

²⁰ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 28.

верждение Широкого, что он не давал указаний подчинённым собирать показания на Борисова и его соратников, выглядит неубедительно. Представляется немыслимым в атмосфере того времени, чтобы после того, как Широкий получил чёткие приказы от Лютото и Шейнина открыть дело на первого секретаря Молдавского обкома КП(б)У, он бы оставил эти приказы без внимания. Слишком велик был риск для Широкого самому оказаться в числе «врагов». Широкий писал, что

«в конечном итоге получилось, в силу изложенных причин, что я неправильно сориентировал следствие на вскрытие верхушки правотроцкистской организации из-за неверной оперативной оценки мной материалов и всех обстоятельств»,

связанных с этим делом. Он жаловался на «отсутствие достаточного опыта руководящей работы» и на существование «ненормальной деловой обстановки». Так, к его приезду в МАССР имелось свыше 1000 просроченных дел арестованных, из которых 700 человек ещё не были допрошены; из 411 справок по приказу № 00486 ни одна не была оформлена. Также НКВД МАССР испытывал недостаток кадров. Поэтому у него не было времени вникать лично во все дела арестованных. Из этого и последовала его «грубая ошибка» и оценка «с неверных позиций» работы комиссии НКВД УССР по проверке НКВД МАССР, а также апелляция её выводов в ЦК ВКП (б) и ЦК КП(б)У²¹.

«Прошу считать меня единственным виновником в допущенных ошибках»

6 сентября 1938 г. Широкий написал третье письмо Успенскому. Более половины текста здесь составляют данные, уже приведённые во втором письме. Однако Широкий упоминает и новые детали, связанные с делом Борисова, Стрешного и Константинова. Речь идёт в основном о характере личных отношений между ним, Широким, с одной стороны, и вышеназванными руководителями МАССР, с другой. Кроме того, он пишет о времени, когда он начал сомневаться по поводу правдоподобности обвинений против руководства МАССР и мотивах этих

²¹ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 29–30.

сомнений. Так, Широкий встретился с Борисовым и Стрешным сразу после своего первого приезда в Тирасполь в мае 1938 г., прежде чем он был официально назначен наркомом внутренних дел (т. е. до 20 мая 1938 г.). Константинова он встретил позже. Все трое его «встретили тепло и отзывчиво», Широкий «платил взаимностью» и в дальнейшем эти отношения были хорошими.

За несколько дней до официального назначения, Широкий встретился с Борисовым, который предложил наркому стать кандидатом в члены Молдавского обкома КП(б)У и кандидатом на предстоящих выборах в Верховный Совет УССР. Однако Широкий якобы отверг категорически эти предложения, считая «неверным и нескромным» пойти на такое. Позже Борисов предложил Широкому стать хотя бы кандидатом на выборах в Верховный Совет МАССР. Так как это было сделано «почти в обязательной форме», Широкий на этот раз согласился. По словам Широкого, Борисов внёс большой вклад в дело укрепления кадров НКВД, обязав всех первых секретарей райкомов КП(б)У оказать помощь НКВД в пополнении аппарата, особенно отделов милиции. В результате милиция получила 25–30 партийных, советских и комсомольских работников, что было оценено Широким как «оздоровление» милицейского аппарата и положительно сказалось на работе, направленной на выявление «антисоветских элементов».

В свою очередь, председатель СНК МАССР Стрешный предложил Широкому материальную помощь в виде ежемесячной дотации 400–500 руб. из специального фонда, от которой глава НКВД категорически отказался. Это никак не повлияло на их взаимоотношения, напротив – они стали, по крайней мере, со Стрешным, «близкими к приятельским»²². Таким образом, высокопоставленные чиновники МАССР постарались наладить хорошие отношения с новым наркомом внутренних дел МАССР, предложив ему конкретные преференции.

²² ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 58–60.

²³ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 58.

Кроме этих двух аспектов в указанном письме, нарком внутренних дел МАССР указал на ещё один важный факт, который даёт представление о некоторых внутренних взаимоотношениях во время «Большого террора». Дословно Широкий писал следующее:

«Я здесь не говорю о допущенной мною ошибке в связи с выводами Комиссии [НКВД УССР], так как об этом писал в предыдущем рапорте. Эта ошибка явилась следствием, с одной стороны – нажима на меня руководящих работников, которые верили в показания о Борисове, и с другой, – в результате моей непартийной позиции, желая сохранить “честь мундира”. Это так, и я говорю об этом прямо»²³.

Снова возникает всё тот же вопрос: кто нажимал на Широкого, чтобы он написал первое письмо, в котором взял на себя полную ответственность за фабрикацию дел против высших руководителей МАССР? По всей видимости, нажим на Широкого – с целью вынудить его признать невиновность Борисова, Стрешного и Константинова – был осуществлён партийным руководством из Киева, которое в это время стало защищать свои региональные кадры. На этот вывод наводит тот факт, что в последние месяцы «Большого террора» (сентябрь–ноябрь 1938 г.) наблюдалась общая тенденция восстановления авторитета партийных органов по отношению к органам НКВД²⁴. Последние, как известно, с согласия Сталина и политбюро доминировали во всех органах власти, в том числе и в партийных, по крайней мере, с лета 1937 г.²⁵ Кроме того, выражение Широкого о «желании сохранить “честь мундира”» предполагает, по всей вероятности, стремление сохранить престиж органов госбезопасности перед лицом партийного руководства, так как они нередко конкурировали и конфликтовали между собой. Позже, в последнем

²⁴ В это время наблюдается тенденция назначения на руководящие должности в НКВД партийных работников. См. например, в Украине: Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. – М.: МФД, 2006. – С. 13. Однако летом 1937 г. сотрудники НКВД назначались на руководящие партийные должности.

²⁵ Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 349–351.

письме, написанном 16 декабря 1938 г., за два дня до смерти, Широкий скажет об этом прямо, указав на Хрущёва²⁶.

В этом письме есть ещё и другие интересные моменты, которые связаны с первым и вторым письмами. Несмотря на то, что, по словам Широкого, первое письмо было написано под нажимом и главный тезис этого письма сводился к невинности руководства МАССР и полной ответственности наркома за фабрикацию дела «правотроцкистской организации», в третьем письме он снова это подтвердил. Трудно сказать, было ли это написано добровольно или вновь под нажимом. В добавление Широкий писал о том, что он не испытывал личной вражды или обиды на высшее руководство МАССР. То есть, он и на сей раз снова взял на себя полную ответственность за открытие дела на Борисова и других руководителей Молдавии, акцентируя внимание на выполнении служебного долга. Однако, на этот раз, по сравнению со вторым письмом, Широкий не перекладывал частично вину на Ривлина, Лютого и Шейнина за их роль в его «ошибочной ориентации». То же самое происходит и по отношению к другим сотрудникам, таким как Кирюшин, Малышев и Мягков, даже если они непосредственно вели это дело²⁷.

²⁶ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 328. Впоследствии Кирюшин и Малышев были также включены в списки «врагов народа», как отметили участники совещания оперативных работников НКВД МАССР и райотделений, проведённого в Молдавском обкоме КП(б)У 23 ноября 1938 г., а также год спустя, 15 ноября 1939 г. См. ГДА СБ України, ф. 16, оп. 31, спр. 57, арк. 419; оп. 32, спр. 25, спр. 141, 150. Отдельные работники НКВД, как, например, начальник Котовского РО НКВД Великанов, жаловались также на сотрудника центрального аппарата НКВД МАССР Мягкова, за ориентацию «на разработку руководящих работников района». См.: Там само, оп. 32, спр. 25, арк. 412. Нам не удалось пока узнать о дальнейшей судьбе Кирюшина, Малышева и Мягкова. Их дела не числятся в бывшем архиве КГБ МССР в Кишинёве. Критиковалась также деятельность Томина и Лютого. Томина 14 октября 1939 г. Молдавский обком КП(б)У исключил из партии. В январе 1941 г. его осудили на 6 лет ИТЛ, но досрочно освободили указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1942 г., без снятия судимости. См. Там само, оп. 32, спр. 25, арк. 408, 410, 413. См. также: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР. 1937–1941 гг. – М.: РОССПЭН, 2010. – Т. 2. – С. 692.

²⁷ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 53, 60.

**«Обращаюсь к Вам с единственной просьбой –
дать мне возможность исправить допущенную ошибку
на Украине перед переездом в любое место СССР»**

24 сентября 1938 г. Широкий написал четвёртое письмо Успенскому. Он признавал себя виновным, но просил, чтобы ему позволили исправить ошибки и оставили на время работать в НКВД УССР, поскольку он родился в Украине, вырос и работал здесь «безвыездно». После этого он был готов пойти «с чистой партийной совестью» работать в других частях Советского Союза. Широкий напоминал, что за всё время его службы в органах он всегда был примерным работником, участвовал во всех «хозяйственно-политических кампаниях», до конца выполняя даваемые ему поручения. Широкий писал также о том, что он один из первых, будучи начальником 5-го (Особого) отдела Черниговского УНКВД, ещё в апреле 1937 г. «начал вскрывать существование военно-фашистского заговора в РККА». Кроме своей привязанности к УССР, он подчёркивал тот факт, что «в нынешней международной обстановке» эта республика является одним из «важнейших форпостов Советского Союза». В этой ситуации он чувствовал, что его «долг чести работать сейчас на Украине».

В этом письме Широкий впервые дважды упоминает имя Хрущёва в контексте того, что он чувствует себя обязанным не только Успенскому в том, что тот назначил его на руководящую должность, но и первому секретарю ЦК КП(б) Украины. Вероятно, он понял, что его судьба находилась не только в руках Успенского, но и Хрущёва²⁸.

Донос и компромат на Широкого

Доносительство были обычным явлением во время «Большого террора». В следственном деле Широкого фигурирует донос. Он принадлежит младшему лейтенанту госбезопасности, бывшему начальнику Нежинского райотдела УНКВД по Черниговской области Александру Юрьевичу Розумянскому, т. е. быв-

²⁸ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 84–87.

шему подчинённому Широкого. Письмо было адресовано Ежову и написано, по всей вероятности, в конце 1937 г. или в начале 1938 г. Он обвинял Широкого в участии в «антисоветской банде Григорьева» во время гражданской войны. Розумянский также доносил о том, что Широкий происходил из «семьи крупного кулака»²⁹.

Другая компрометирующая информация на Широкого сводилась к тому, что последний был знаком с некоторыми «врагами народа», осуждёнными в 1937 г. Конкретно речь шла о бывшем сотруднике ЧК-ОГПУ с 1921 г. М. К. Александровском – начальнике Особого отдела Киевского военного округа (1933–1936) и начальнике 3-го отдела УГБ НКВД УССР. Непосредственно перед своим арестом в июле 1937 г. он исполнял обязанности заместителя начальника 4-го (разведывательного) управления генерального штаба РККА (расстрелян 15 ноября 1937 г.)³⁰. Упоминались также заместитель начальника 5-го отдела УГБ НКВД УССР Юлиан Игнатьевич Бржезовский (арестован 5 мая 1937 г. и расстрелян 21 августа 1937 г.)³¹ и начальник Черниговского УНКВД (январь–июнь 1937 г.) Пётр Григорьевич Соколов-Шостак (расстрелян 7 сентября 1937 г.)³².

Обвинение в том, что Широкий участвовал в отряде Григорьева, не было новостью для НКВД. В 1929 г. была получена анонимка, в которой указывалось, что Широкий служил на командной должности в Григорьевском полку и «поднимал восстание против Советской власти» и «расстреливал коммунистов». Постановление Кировской окружной контрольной комиссии от 19 августа 1929 г. констатировало, что эти данные не подтвердились³³.

²⁹ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 88.

³⁰ Энциклопедия секретных служб России. – М.: АСТ, 2004. – С. 425.

³¹ Режим доступа: <http://www.knowbysight.info/BBB/12200.asp>.

³² Кто руководил НКВД. 1934–1941. – С. 387–388.

³³ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 191. Как было отмечено выше, копия этого постановления была найдена при обыске квартиры Широкого 27 сентября 1938 г. См.: Там же, f. 10 verso.

Кто виноват?

Широкий и допрос его подчинённых

Донос Розумянского сначала не повлиял на карьеру Широкого в НКВД. Однако в дальнейшем именно этот донос послужил поводом открытия дела на Широкого. Начало следствия в отношении Широкого может быть разделено на две стадии. Первая – начало сентября 1938 г. – знаменовалась проверкой деятельности НКВД МАССР, произведённой специальной комиссией НКВД УССР. Вторая, решающая, продолжалась в Киеве в период с 4 по 20 сентября 1938 г. В Киев были вызваны для повторного допроса не только подчинённые Широкого и сам нарком, но и основные арестованные по делу «правотроцкистской организации». Нам не известны детали проверки комиссии НКВД УССР в Тирасполе. Однако выявлены интересные материалы о допросах в Киеве как жертв, так и сотрудников НКВД МАССР.

Среди лиц, арестованных органами НКВД МАССР и допрошенных повторно в Киеве, были бывший нарком коммунального хозяйства МАССР Занзел Зунделеевич Абрамович, бывший директор «Молдторга» Макар Тимофеевич Шендеровский, бывший директор «Книгокультурга» Андрей Степанович Богуш, бывший служащий Степан Андреевич Кошелев, бывший председатель правления Молдавского союза кооперации инвалидов Николай Лаврентьевич Демус и др. Демус, например, жаловался, что Мягков заставил его дать показания на отдельных лиц³⁴:

«Мягков настаивал и мне пришлось наугад называть фамилии партийных работников [...]. [Мягков:] “Да нет, это мелкие люди [...] ты называй повыше [...] ну самую верхушку знаешь в Тирасполе, называй самую головку, что выше уже нет [...]”. [Демус:] Я стал вслух перебирать фамилии Борисова, Стрешного, Константинова. Здесь Мягков меня оборвал, заявив, что с этих бы и начинал».

14 сентября 1938 г. в Киеве передопрашивали Абрамовича, Богуша, Кошелева и Шендеровского. Абрамович показал, что его допрашивали Мягков, Малышев и Широкий. Однажды Мягков попросил Абрамовича охарактеризовать Борисова, Стреш-

³⁴ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 133.

ного и Константинова, но был разочарован ответами. Он настаивал на версии, что они являлись «лидерами правотроцкистской организации» и требовал признания против них. Абрамович отказался дать показания против трёх руководителей МАССР, но следователи настаивали на том, чтобы он подписывал протоколы допросов, в которые против его воли были включены такие обвинения³⁵. Шендеровским также были даны показания о фальсификации протоколов допросов, в том числе относительно компрометирующих сведений о Борисове, Стрешном и Константинове. В этом случае, показал Шендеровский, Мягков действовал в соответствии с инструкциями, полученными от Широкого. Кроме того, нарком лично заставил арестованного Абрамовича дать аналогичные показания. В принуждении Шендеровского к даче показаний был также замешан заместитель начальника 4-го (секретно-политического) отдела НКВД МАССР И. А. Лощилов³⁶.

Другие задержанные признались в Киеве, что они согласились оговорить руководителей МАССР, с которыми они встречались хотя бы один раз, но отказались показывать против тех, которых никогда в жизни не видели. Например, Кошелев под давлением следователей Кирюшина и Томина согласился подписать признание о Борисове по той причине, что, по крайней мере, он его знал лично, но не стал делать то же самое в отношении Константинова, ссылаясь на то, что он вообще его не знает. Томин, со своей стороны, прямо сказал, что «надо помочь нам, следствию, в этом деле». То же самое повторил заместитель секретаря партийной организации НКВД МАССР Александр Иванович Маглеванный, но Кошелев не согласился и отстаивал свою позицию до конца³⁷. Арестованный Богуш тоже подтвердил использование следователями Мягковым и Лощиловым давления в ходе допросов. В какой-то момент Мягков сказал: «В интересах дела мы должны это записать»³⁸.

³⁵ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 106–107.

³⁶ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 144–146.

³⁷ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 153–155.

³⁸ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 158–164.

Именно начальника 4-го отдела НКВД МАССР Мягкова вызвали на допрос в Киев. 19 сентября 1938 г. он признал, что протоколы допросов по «правотроцкистской организации» были сфабрикованы, а в ходе следствия были использованы «недопустимые методы». Мягков обвинил Широкого в «провоцировании» фальсификации следствия. Однако Мягков признавал и свою долю вины, т. к.

«позволил ему [Широкому] сделать себя послушным орудием в его руках в деле создания этих провокационных показаний по правотроцкистскому центру в Молдавии»³⁹.

Смягчающим обстоятельством в свою пользу Мягков назвал то, что он был лишь недавно прислан на работу в НКВД МАССР. Это произошло 7 августа 1938 г., и он ещё не успел вникнуть в ситуацию на месте. Он также показал, что сразу же по прибытию в Тирасполь Широкий сказал ему, что Борисов, Стрешный и Константинов являются «врагами» (то же самое Ривлин сказал Широкому, когда последний приехал на работу в МАССР в мае 1938 г.) и недвусмысленно намекнул на необходимость получения признаний по этому поводу. Мягков утверждал, что у него не было причин не верить Широкому, так как сказанное им было подтверждено признаниями двух человек, допрошенных ранее (Сорочана и Кошелева). Важно отметить следующие показания Мягкова:

«Широкий передо мной поставил задачу так – бросить все дела и целиком заняться этим правотроцкистским центром и во что бы то ни стало вскрыть его в том составе, в котором он его составил»⁴⁰.

Кроме того, Широкий якобы заставлял подписывать протоколы допросов после того, как он изменял показания. Например, однажды он добавил в протокол допроса Шендеровского информацию об его участии в петлюровском движении и заставил подписать эти показания. Арестованный Кошелев не хотел признаваться в «контрреволюционной деятельности»,

³⁹ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 115.

⁴⁰ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 114, 116. См.: ГДА СБ України, ф. 16, оп. 32, спр. 25, арк. 140, 150.

но после того как с ним провёл разговор Широкий, он решил «сознаться»⁴¹.

Не только у Мягкова можно отметить стремление возложить основную ответственность за фальсификацию протоколов допросов на Широкого. В письме наркому внутренних дел УССР Успенскому, написанном в середине сентября 1938 г., заместитель наркома внутренних дел МАССР Малышев отметил, что сразу же после его прибытия в Тирасполь 13 июля 1938 г. Широкий поручил ему работать по делу «правотроцкистской организации», назвав Борисова, Стрешного и Константинова в качестве её руководителей. Широкий ссылался на тот факт, что все они были связаны с бывшими председателем СНК МАССР Григорием Старым, председателем ЦИК МАССР Евстафием Вороновичем, вторым секретарём Молдавского обкома КП(б)У Николаем Голубем. Последние стали жертвами репрессий во время первого этапа «чистки» местных элит осенью 1937 г. Малышев признался в письме Успенскому, что только в конце августа 1938 г., во время работы комиссии НКВД УССР в Тирасполе, понял, что дело на руководителей МАССР было сфабриковано. Малышев обвинил в этом Широкого, а также Мягкова и Лощилова. В то же время Малышев стремился свести ответственность Мягкова и Лощилова к минимуму на том основании, что первый работал в НКВД МАССР с начала августа 1938 г., а другой – «работал в НКВД всего четыре года» (sic!). Из этого очевидно, что Малышев попытался защитить подчинённых, поскольку аргументы, высказанные им, трудно считать убедительными, особенно в случае Лощилова. Причиной может быть и то, что Мягков, Лощилов и сам Малышев представляли собой типичный пример верных исполнителей приказов Широкого и стремились минимизировать собственную ответственность за фабрикации следственных дел⁴².

На следующий день, 20 сентября 1938 г., Лощилов также признался, что дело так называемой «правотроцкистской организации» было сфабриковано. Он показал, что изначально уча-

⁴¹ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 116–121.

⁴² ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 166–170.

ствовал в допросах по этому делу, но уже на тот момент сомневался в причастности Борисова, Стрешного и Константинова, поскольку никто из ранее допрашиваемых не упоминал эти имена. Ситуация изменилась в начале августа, когда Мягков занял пост начальника 4-го отдела. Последний, совместно с Широким, «нажимал» на арестованных, чтобы те дали показания против руководства МАССР. Следует заметить, что Лощилов не уточнял, о каких конкретных методах «нажима» шла речь⁴³.

Другой подчинённый Широкого, будущий заместитель наркома НКВД МАССР с октября 1938 г. по ноябрь 1939 г. Александр Сократович Томин, будучи начальником 3-го отдела НКВД МАССР летом 1938 г., сообщил на допросе интересные подробности. Он заявил, что Широкий использовал практику передачи арестованных из одного отдела в другой в том случае, если они не давали нужные показания. Например, арестованных, находившихся в распоряжении 3-го (контрразведывательного) отдела, передавали в 4-й (секретно-политический) отдел, как это было в случае с Демусом и Кошелевым. В результате менялись обвинения против этих лиц. Например, если первоначально Демуса обвинили в том, что он был членом «повстанческой организации бывших партизан», то после его передачи 3-му отделу он был обвинён в членстве в «правотроцкистской организации». Кошелев первоначально обвинялся в том, что был «членом правотроцкистской организации» (4-й отдел), а затем – в участии в «националистической подпольной организации» (3-й отдел)⁴⁴.

О происходящем в Тираспольском тюрьме в бытность наркома Широкого проинформировал арестованный Величко:

«Дело в том, что сразу после ареста, сидя в тюрьме, я был свидетелем самых зверских избиений и пыток, применявшихся сотрудниками НКВД МАССР в отношении арестованных, не признававших себя виновными в предъявленных им обвинениях. Я видел, что рано или поздно, но арестованных заставляют признаваться и дать нужные показания. Вот почему, будучи в первый раз вызван на допрос к следователю Шпицу, я, после того,

⁴³ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 94–97.

⁴⁴ ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 171–174.

как он заявил мне, что либо я признаю себя виновным, либо меня будут избивать, – решил, что лучше дать показания, но не мучиться. Я написал все, что подсказал Шпиц, и признал своё участие в несуществующей контрреволюционной фашистской молодёжной организации, а также назвал в качестве участников организации группу своих товарищей, молодых учителей, названных мне Шпицем. Так я оговорил себя и других [...]. Потом следствие перешло к следователю Волкову, который оказался ещё хуже, чем Шпиц. Действуя теми же методами криков, брани и угроз, Волков заставлял меня писать всё новые и новые показания, втягивая и оговаривая всё новых и новых людей и выдумывая новые преступления – террор, шпионаж в пользу румынской разведки, “местный террор”, потом “центральный” террор, повстанческая деятельность, склады оружия, вредительство т. п. Вся эта чушь, весь этот фантастический вымысел диктовались следователем Волковым»⁴⁵.

Это свидетельство арестованного подтверждает то, что говорил на допросе бывший следователь Павел Григорьевич Чичкало. Волков, со своей стороны, на допросе всё «свалил» на Широкого. Он заявил, что последний кричал на него, когда у него появились сомнения в достоверности агентурных данных о численности «фашистской молодёжной организации». По этому поводу Широкий сказал Волкову, что не надо «разводить философию» и приказал ему «садиться на следствие и нажать дальше»⁴⁶. Однако Широкий на допросе 15 декабря 1938 г. отрицал эту версию⁴⁷. Как нарком, так и его подчинённые старались переложить вину друг на друга и избежать личной ответственности за «нарушение социалистической законности».

«Дело Широкого»

К концу сентября 1938 г., несмотря на наличие достаточных обличительных показаний против Широкого, его судьба всё ещё не была предрешена. В конце 1938 – начале 1939 г. в СССР из органов НКВД были изгнаны около 7 тыс. сотрудников. Из них были осуждены только около 1000 человек, в основном к

⁴⁵ ASISRM–KGB, dosar 32904, vol. I, f. 122–123.

⁴⁶ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 217.

⁴⁷ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 235.

расстрелу⁴⁸. Теоретически, Широкий мог бы быть приговорён к 5–10 годам лишения свободы или к ВМН. До начала декабря 1938 г. не было ясно, какие к нему будут применены санкции. Но вскоре ситуация изменилась, так как дело одной из жертв НКВД МАССР оказалось в поле зрения высшего руководства СССР. На заседании политбюро ЦК ВКП(б) от 1 декабря 1938 г. предметом обсуждения стало письмо директора школы с. Ближний Хутор Тираспольского р-на Тимофея Садалюка. Оно было направлено в конце ноября 1938 г. Сталину, Молотову, Ежову, Хрущёву, Коротченко и Успенскому⁴⁹. Садалюк жаловался, что он был арестован НКВД МАССР 10 июля 1938 г., спустя два месяца после того, как получил легковой автомобиль ГАЗ-А по решению 1-го секретаря КП(б)У Хрущёва и председателя Совнаркома Украины Коротченко. Его обвинили в том, что состоял членом «молодёжной фашистской организации». На самом деле, как стало известно позже, причиной ареста стало желание руководства местного НКВД заполучить его автомобиль. Садалюк, кстати, полностью оплатил стоимость машины. Больше трёх месяцев его совсем не допрашивали, и только 22–23 сентября 1938 г. его вызвал на допрос следователь Чичкало. Примерно через 3 недели, в середине октября, его снова вызывали на допрос несколько раз, но следователем был уже Розенфельд. Тот принял решение о немедленном освобождении Садалюка. После освобождения Садалюк, наверное, не планировал жаловаться в ЦК КП(б)У и ЦК ВКП(б). Однако его автомобиль за 3 месяца наездил 17 000 км, в результате чего «мотор, кузов и резина [стали] совершенно непригодны». Садалюк попросил НКВД МАССР отремонтировать автомобиль, но напрасно. В результате Садалюк решил пожаловаться непосредственно Сталину, Хрущёву и Ежову⁵⁰.

⁴⁸ Graziosi A. Histoire de l'URSS. – Paris: Presse Univer. de France, 2010. – P. 138.

⁴⁹ В копии письма, присланном Садалюком, которое легло в основу дела на Чичкало и других работников НКВД МССР (см. ниже), не фигурирует имя Успенского. См. ASISRM–KGB, dosar 32904, vol. I, f. 2. Между тем, Успенский 14 ноября 1938 г. бежал из Киева и скрылся. См. Кто руководил НКВД. 1934–1941. – С. 417.

⁵⁰ Хлевнюк О. Указ. соч. – С. 355–357.

Почему политбюро рассмотрело именно его письмо? Возможно, потому, что это дело было связано с именем Хрущёва⁵¹ (и Коротченко). Согласно письму Садалюка, во время допросов следователь Чичкало намекнул ему на то, что Хрущёв и Коротченко также были замешаны в «молодёжной фашистской организации» – по той простой причине, что они распорядились выдать Садалюку автомобиль:

«[...] Это не все. Садись, фашистская морда, и пиши, что Коротченко и Хрущёв дали тебе машину с целью ездить по Молдавии и производить вербовку в организацию»⁵².

Возможно, свою роль также сыграло социальное происхождение самого Садалюка – выходца из рабочей семьи, а также партийность его отца-коммуниста⁵³. Садалюк писал:

«Отец, рабочий, старый коммунист. Работает по сей час заведующим Немировским райФО. Мне 25 лет. В комсомол вступил с пионерской организации в 1928 г. [...] Благодаря советской власти и товарищу Сталину, я имею высшее образование и работаю директором школы. Партийные и советские организации г. Тирасполя считают меня одним из лучших организаторов и воспитателей школы. Об этом я написал в Киев тт. Коротченко и Хрущёву и, что по призыву Героя Советского Союза т. Водопьянова изучил автоматом, культурно и экономически вырос и желаю иметь автомашину в личном пользовании. Мою просьбу Совет Народных Комиссаров УССР удовлетворил от 7.V.1938 г.»⁵⁴

Расследование этого дела началось с допросов самого Садалюка и его следователя Павла Григорьевича Чичкало 5 декабря 1938 г. в Киеве. Дело вели следователь по особо важным делам

⁵¹ Хрущёв был далеко не единственным партийным руководителем высшего звена, который был замечен в «подозрительных» связях с арестованными. См. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 193. Поэтому нельзя недооценить заинтересованность Хрущёва и партийных выдвиженцев в сворачивании «Большого террора» и желания отомстить сотрудникам НКВД, которые были замешаны в фабрикации такого рода дел.

⁵² ASISRM–KGB, dosar 32904, vol. I, f. 2. Зачёркнуто красным карандашом.

⁵³ *Хлевнюк О.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – С. 355.

⁵⁴ ASISRM–KGB, dosar 32904, vol. I, f. 3.

и начальник следственного отдела при Прокуратуре СССР Л. Шейнин, заместитель наркома внутренних дел УССР (фактически возглавлявший наркомат) Амаяк Захарович Кобулов и оперуполномоченный 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР, лейтенант государственной безопасности Николай Владимирович Ломов.

Чичкало было всего 20 лет, когда его в начале марта 1938 г. направили на работу в НКВД МАССР. До этого он был студентом 2-го курса Черниговского педагогического института. У него не было соответствующего образования или опыта работы в НКВД. Однако, несмотря на это, Чичкало за короткое время стал одним из самых жестоких следователей в Тирасполе. На следствии он обвинил непосредственных начальников, в том числе и Широкого, в требовании «нажима» на арестованных, надеясь, вероятно, что эта стратегия позволит увеличить его шансы на выживание. Также Чичкало дал наиболее ценные показания о подготовке к самостоятельной работе молодых следователей, о реализации «Большого террора» в МАССР весной–летом 1938 г.:

«По прибытии в Тирасполь, Павликов [начальник опергруппы] начал меня учить ставить арестованных на “стойку”, избивать подследственных и, таким образом, как он выражался, “раскалывать” их, т. е. получать у них нужные показания [...]. В дальнейшем Павликов, как мне известно, сам оказался врагом и был репрессирован. В процессе моей последующей работы в НКВД я от руководства в лице Юфы и Мягкова получал аналогичные установки следствия. Также ещё мне говорили, что от арестованных [показаний] надо добиваться криком, “стойками” и т. п. Вместе с тем, меня не учили, как нормально вести следствие, как собирать улики, анализировать их и сопоставлять и т. п. Вообще, обстановка при Наркоме Широком была нездоровая. Массовые аресты, арестованные часто подолгу сидели без допроса, неизвестно, за какими следователями числились, применялись незаконные методы следствия и т. д. Широкий, Юфа и др. работники меня учили, что раз человек попал в НКВД, то он должен дать признание, он враг и должен дать показание. При мне тогда ни одного человека не освободили. Вторая установка: побольше брать людей, а кончать дела не так важно. И главное, если люди взяты из одного места, то обязательно всех пропускать через протоколы опроса каждого. И, наконец, главное, что»

бы в протоколах назывались не 5–6 чел., как участники организации, а 30–50 чел. Эту установку давал Юфа и Широкий»⁵⁵.

Чичкало описывает также атмосферу всеобщей паранойи и недоверия по отношению ко всем, кто не работал в НКВД. Соответственно, все были под подозрением, что являются врагами. Сотрудникам НКВД была внушена идея, что если они не будут действовать соответственно, они сами рискуют стать жертвами организованных антисоветских элементов. Чичкало так описывал решающую роль Широкого и его непосредственных подчинённых в создании атмосферы всеобщей подозрительности:

«Широкий, Юфа приучали и прививали сотрудникам, в частности мне, то, что на Молдавии – сама[я] контрреволюция. Работал всё время в Наркомате, в массы почти никогда не шёл, отстал от всей общественной политической жизни, занятий никаких не было, собраний тоже, и я жил исключительно показаниями [...] Не верить в то, что перед тобой не враг, нельзя было потому, что таких сотрудников считали как симпатизирующими врагам. Поэтому я так внушил себе, что все враги, что ночью сонный схватывался и начинал допрашивать спящих возле меня товарищей. Больше того, когда приходилось со своими товарищами сталкиваться с людьми, то не только я, но и другие молодые работники, [в адрес] попадающихся навстречу людей говорили, что и этот должен быть враг и завтра будем [его] допрашивать. Дальше на оперативных совещаниях Широкий наводил панику, тогда я и другие воспринимали как действительность, что вокруг нас множество врагов, что существуют всякие параллельные центры, что нас могут всякую минуту забросать бомбами, что нужно нажимать на арестованных и требовать от них оружия, центры и проч. [...] Ещё практика Широкого была такая. Когда требовалось санкция на арест из Киева, то Широкий так делал – арестует, добьётся сознания, а потом уже берут санкцию, такой-то сознался в своих преступлениях, и Киев не мог не дать санкции»⁵⁶.

Чичкало, как и ранее Малышев⁵⁷, также опроверг показания Широкого о том, что тот не давал подчинённым никаких указа-

ний по поводу получения показаний против Борисова, Стрешного и Константинова:

«Через начальника 4 отделения Мягкова от б[ывшего] Наркома Внудел МАССР Широкого мне давалась категорическая установка получить от арестованного Борзаковского показания о наличии в МАССР областного правотроцкистского центра, в который должны были входить Борисов, секретарь обкома ВКП(б), Стрешный, Пред[седатель] СНК АМССР, и др. При этом мне было известно, что на указанных мною лиц бывшим Наркомом Широким, Зам[естителем] Наркома Малышевым и нач[альником] 4 отдела УГБ НКВД Мягковым от арестованных Абрамовича, Верина, Кошелева и др. были получены клеветнические показания об якобы к[онтр]-р[еволюционной] правотроцкистской деятельности»⁵⁸.

В свою очередь, помощник оперуполномоченного и секретарь 4-го отдела УГБ НКВД МАССР Семён Кальманович Розенфельд (следователь, который освободил Садалюка) 6 декабря 1938 г. показал:

«Чичкало – молодой работник, но был у Юфы на хорошем счету, так как умел быстро получать от арестованных признание. Я слышал, что он больше брал криком и побоями. Юфа таких следователей поощрял»⁵⁹.

Среди методов, которые применялись к арестованным, не всегда значилось прямое и грубое физическое насилие. Использовались непрерывные допросы по несколько суток подряд. Например, Чичкало упоминает допрос заместителя наркома социального обеспечения МАССР Анны Николаевны Варварецкой. После ареста её допрашивали пять суток без перерыва. В конечном итоге она так и не призналась в предъявленных обвинениях и была освобождена⁶⁰. Стоит отметить, что это произошло в конце ноября 1938 г., после принятия постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), которое положило конец массовым операциям.

⁵⁸ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 223.

⁵⁹ ASISRM–KGB, dosar 32904, vol. I, f. 101.

⁶⁰ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 222; См.: Дело Варварецкой. Arhiva Națională a Republicii Moldova (Национальный архив Республики Молдова), f. R-3401, inv. 1, dosar 2701.

⁵⁵ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 218, 220; dosar 32904, vol. I, f. 31–32.

⁵⁶ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 222.

⁵⁷ См.: ГДА СБ України, ф. 16, оп. 31, спр. 57, арк. 408, 418.

Шейнин, Кобулов и Ломов допрашивали не только Чичкало. В «деле 58» «по обвинению бывших сотрудников НКВД Молдавской АССР», кроме Чичкало, также фигурировали бывший начальник 4-го отдела УГБ НКВД МАССР, лейтенант госбезопасности Григорий Наумович Юфа, бывший оперуполномоченный УГБ НКВД МАССР, младший лейтенант госбезопасности Иван Васильевич Волков, бывший помощник оперуполномоченного УГБ-НКВД МАССР, сержант госбезопасности Исаак Аронович Шпиц, внештатный сотрудник НКВД МАССР Степан Порфирьевич Кузьменко. Все они были приговорены 31 декабря 1938 г. Военным трибуналом пограничных и внутренних войск к высшей мере наказания. Осуждённые просили о помиловании, но Военная коллегия Верховного суда СССР отклонила кассационную жалобу «вследствие того, что обвинения, предъявленные Юфе, Волкову, Шпицу, Чичкало и Кузьменко, полностью подтверждены на судебном заседании». Все пятеро были расстреляны 11 января 1939 г.⁶¹

В ходе допросов этой «пятёрки» бывших сотрудников НКВД МАССР выяснились дополнительные детали массового террора. Так, для искусственного создания дел были использованы фиктивные агентурные рапорты. Например, для фабрикации дела «контрреволюционной фашистской молодёжной организации в МАССР», якобы ставившей своей задачей подготовку вооружённого свержения советской власти, в состав которой был впоследствии включён молодой учитель Садалюк, был использован фиктивный доклад агента «Фокус». Под этой кличкой скрывался Кузьменко, один из пяти приговорённых к ВМН. Во время процесса было вскрыто, что агент «Фокус» использовался Юфой с тех пор, когда последний, ещё до перевода в Тирасполь, работал начальником Балтского РО НКВД МАССР. Юфа лично перевёл Кузьменко в Тирасполь сразу после своего назначения на руководящую работу в НКВД МАССР. Кроме того, в фабрикации рапорта агента был замешан сам бывший нарком Широкий, который, по заявлению Юфы и других подчинённых, лично выправил доклад в «сторону заострения вопроса о нали-

⁶¹ ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. III, f. 54–58 verso, 81–82, 87, 89–90.

чии контрреволюционной троцкистской организации, фашистской молодёжной организации»⁶².

Приговор по «обвинению бывших сотрудников НКВД Молдавской АССР» содержит одну очень важную деталь. В нем сказано, что «дело в отношении Широкого прекращено за смертью его до суда»⁶³. Это значит, что разбирательство в отношении Юфы, Волкова, Шпиц, Чичкало и Кузьменко было составной частью дела, начатого в конце сентября 1938 г. против бывшего наркома внутренних дел МАССР Широкого. Или, точнее, Широкий должен был стать одним из главных обвиняемых на процессе над работниками НКВД МАССР⁶⁴.

Постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 1 декабря 1938 г. в отношении директора школы с. Ближний Хутор Тираспольского района Садалюка предопределило не только судьбу «пятёрки», но и самого Широкого. 1 декабря 1938 г., как отмечает О. В. Хлевнюк, политбюро приняло решение выдать Садалюку новую легковую машину ГАЗ М-1⁶⁵ и обязало Берию привлечь к ответственности следователя, который вёл это дело и его «вдохновителей». Более того, «в случае же подтверждения заявления Садалюка» политбюро потребовало

«организовать открытый суд, расстрелять виновных и опубликовать в печати (центральной и местной)».

Ведущую роль в принятии этого решения играли Сталин и Молотов⁶⁶. Партия нуждалась в такого рода публичных демонстративных жестах, позволявших отмежеваться от НКВД и поддержать имидж власти. Тем не менее, несмотря на решение политбюро от 1 декабря 1938 г. о публикации в печати ин-

⁶² ASISRM-KGB, dosar 31233, f. 224; ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. III, f. 1–2.

⁶³ ASISRM-KGB, dosar 32904, vol. III, f. 57 verso; Кто руководил НКВД, 1934–1941. – С. 449.

⁶⁴ См.: Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – С. 357, а также: Кто руководил НКВД, 1934–1941. – С. 449.

⁶⁵ Автомобиль ГАЗ М-1 («Эмка») производился на Горьковском автомобильном заводе с 1936 по 1943 гг. и представлял собой улучшенную модель по сравнению с ГАЗ-А, которым владел до ареста Садалюк.

⁶⁶ Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – С. 357.

формации о суде над «виновниками и вдохновителями» дела Садалюка, в газетах так ничего и не было опубликовано⁶⁷.

С другой стороны, наказывать сотрудников НКВД поголовно – так как практически все они были замешаны в «использовании недопустимых методов следствия» – не было для режима ни желательным, ни возможным. Это бы парализовало всю деятельность карательного ведомства, от которого во многом зависела судьба сталинского режима⁶⁸. О том, что репрессии против бывших карателей НКВД в МАССР были выборочными и демонстративными, говорят также следующие факты. В фальсификации дел и «использовании недопустимых методов следствия» были замешаны все предыдущие начальники НКВД МАССР, не только Широкий, но и Ривлин, Лютый и другие. Ривлин, например, с самого начала «Большого террора» участвовал во всех операциях, направленных против разных социальных и национальных групп. С сентября 1937 г. по июль 1938 г. он был заместителем наркома и исполняющим обязанности наркома НКВД МАССР. Ривлин был арестован 7 октября 1938 г. и осуждён Военным трибуналом войск НКВД Киевского военного округа 28 декабря 1939 г. по ст. 206-17 УК УССР к 8 годам ИТЛ. Решением ГКО СССР от 27 июля 1942 г. он был освобождён из лагеря и отправлен на передовую в составе штрафной роты. Позже, в октябре 1943 г., судимость с него была снята, но Ривлину отказали в возвращении на службу в «органы»⁶⁹.

⁶⁷ Просмотр газеты «Соціалістична Молдавія» за сентябрь 1938 – февраль 1939 г. не выявил информацию о судебных процессах над Широки, Юфой, Волковым, Шпицем, Чичкало, Кузьменко и другими сотрудниками НКВД МАССР.

⁶⁸ О роли международного фактора в сворачивании «Большого террора» см.: Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. – М.: РОССПЭН. – С. 304–309.

⁶⁹ Кто руководил НКВД. 1934–1941. – С. 361–362; *Тепляков А.* Амнистированные чекисты 1930-х годов во время Великой Отечественной войны // Клио. – 2012. – № 7(67). – С. 70. В начале октября 1938 г. Ривлин был переведён на должность врид помощника начальника 3-го отдела 1-го управления НКВД УССР. Согласно данным В. Золотарёва, в 1944 г. Ривлин служил в Красной армии и находился в г. Калуга, в сентябре 1944 г. КПК при ЦК ВКП(б) отказала ему в восстановлении в партии.

Совсем по-другому сложилась судьба Лютого (Шестаковского). Он был наркомом внутренних дел МАССР с 29 декабря 1937 г. по 11 марта 1938 г. Именно в этот период происходили массовые аресты, а в Тирасполе была создана пыточная камера⁷⁰. Как упоминалось выше, находясь с визитом в Тирасполе в июне 1938 г. в качестве заместителя начальника Особого отдела ГУГБ НКВД Киевского военного округа, Лютый настойчиво «ориентировал» Широкого на то, что 1-й секретарь Молдавского обкома Борисов «есть враг»⁷¹. Однако Лютый не был репрессирован как Широкий или Ривлин, в то время как одним из главных обвинений против Широкого была фабрикация дела против Борисова и других руководителей МАССР. Правда, и Лютый понёс наказание, но намного позже, и мы не знаем пока, было ли это связано с его участием в «Большом терроре». За месяц до войны, 20 мая 1941 г., он был уволен из НКВД, однако с началом войны увольнение было отменено, и Лютый стал начальником приёмного пункта ОСНАЗ ГУЛАГА НКВД СССР. После 1945 г. он работал в разных должностях в МВД СССР. Примечательно, что в 1949 г. в качестве заместителя начальника отдела спецпоселений МВД СССР был командирован в Кишинёв в качестве эксперта по Молдавии для участия в подготовке операции «Юг» – самой массовой депортации с территории Молдавской ССР. В марте 1951 г. Лютый был всё-таки уволен из «органов», но за полгода до этого он занимал должность заместителя начальника 9-го управления МГБ СССР⁷². По всей видимости, его увольнение из МГБ не было связано с делом Абакумова (арестованного позже, 14 июля 1951 г.), но также не было связано с той ролью, которую он сыграл во время «Большого террора». Возможно, он лишился поддержки своего покровителя в МГБ, имя которого мы ещё не знаем.

Другой видный деятель НКВД УССР конца 1930-х гг., бывший заместитель начальника Каменец-Подольского областно-

⁷⁰ ASISRM–KGB, dosar 32904, vol. I, f. 198.

⁷¹ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 20.

⁷² Кто руководил НКВД. 1934–1941. – С. 279–280; AMAIRM–MVD (Архив Министерства внутренних дел Республики Молдова), f. 16, inv. 1, d. 105, f. 82–83, 89.

го УНКВД в 1937–1938 гг., который станет бессменным главным молдавским чекистом в 1940–1941 и 1944–1955 гг. – Иосиф Лаврентьевич Мордовец – тоже будет только «уволен» в середине 1950-х гг. Постановление ЦК КП Молдавии от 29 мая 1955 г. на его счёт было очень скудным, в нем лишь указывалось о «нарушении советской законности в бытность министром государственной безопасности Молдавской ССР». Но и этот символический выговор был снят с Мордовца 4 сентября 1973 г. постановлением № 53 бюро ЦК КП Молдавии⁷³. Это говорит о том, что не только в сталинские времена, но и в хрущёвские и брежневские годы отдельные каратели из высшего эшелона, в том числе те, кто участвовал непосредственно в самых массовых репрессиях, сохранили свои посты, звания и привилегии.

Заключение

Эта статья посвящена, главным образом, судьбе наркома внутренних дел МАССР в период с мая по сентябрь 1938 г. И. Т. Широкого-Майского. Но в заключение нас интересует не столько его судьба *per se*, сколько общие моменты, связанные с механизмом «Большого террора», как в СССР, так и в МАССР. Нас интересует также ещё один вопрос о том, как проходил процесс торможения машины массового террора осенью 1938 г. Но сначала остановимся на последних днях жизни Широкого и на том, как сложилась его судьба.

В последнем письме, написанном 16 декабря 1938 г., за два дня до смерти, Широкий признался, что честные страницы его жизни оборвались очень рано, на 35-м году жизни, т. е. в 1938 г. На этот раз он признал себя виновным в совершении тяжких преступлений – «незаконные аресты граждан», «перегибы и извращения в следствии», «искусственное создание следственных дел». Однако и здесь он перекладывал большую часть ответственности на Успенского, который создал, по его словам, «обстановку официального, безудержного нажима» и требовал

«проводить и проводить больше и больше арестов антисоветского элемента, особенно в приграничной полосе, для его чистки на случай войны».

⁷³ AOSPRM, f. 51, inv. 13, d. 335, f. 2, 4; inv. 34, d. 56, f. 220.

Однако в это время Успенский уже был «в бегах», его поймают 15 ноября 1939 г. и расстреляют 27 января 1940 г.⁷⁴

Широкий писал, что не знает, какой приговор объявит суд, но он «готов умереть в любую минуту за дело партии Ленина–Сталина» и, несмотря на допущенные ошибки и совершенные преступления, считает себя «честным [хотя уже] непартийным большевиком»⁷⁵.

Бывший нарком внутренних дел МАССР не дожидаясь суда. Он умер 18 декабря 1938 г. в камере внутренней тюрьмы НКВД УССР. Официально, он

«покончил жизнь самоубийством путём введения себе в горло комка марлевого бинта»⁷⁶.

Версию о самоубийстве Широкого 30 декабря 1938 г. докладывал лично Л. Берии заместитель наркома внутренних дел УССР А. Кобулов⁷⁷.

Почти 20 лет спустя, 27 апреля 1956 г., его брат Григорий Широкий обратился с письмом к Прокурору СССР Р. Руденко с просьбой о реабилитации имени «честного чекиста». Григорий был уверен, что брат «погиб от [рук] подлых врагов нашего государства». Вероятно, он не знал о версии самоубийства или если даже и знал, то не поверил. Григорий также не знал о том, что его брат не дожидаясь суда. Примечательно, что хотя Григорий Широкий был уверен в невиновности своего брата, он всё-таки на всякий случай добавил в ходатайстве, что «если он [всё же] был осуждён, то правильно ли было решение суда»⁷⁸. Последнее добавление было очень кстати. После пересмотра архивно-следственного дела И. Широкого и дополнительной его проверки помощник военного прокурора Одесского военного округа подполковник юстиции Гончарук 31 января 1958 г. сделал вывод, что «данных для реабилитации не имеется». Поэтому «жалобу брата Широкого» «как неосновательную, оставить

⁷⁴ Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – С. 438.

⁷⁵ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 193, 237–238.

⁷⁶ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 323–324.

⁷⁷ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 193.

⁷⁸ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 204.

без удовлетворения». Дополнительная проверка в 1956–1958 гг. лишь подтвердила, что

«Широкий, будучи Наркомом Внутренних Дел МАССР, допускал грубые нарушения социалистической законности, необоснованные аресты и создавал мнимые контрреволюционные организации»⁷⁹.

Архивно-следственные дела И. Широкого и других пятерых сотрудников НКВД МАССР, которые были приговорены к ВМН, являются важнейшим источником для исследования почти неизвестных аспектов «Большого террора». Так, из этих двух архивно-следственных дел, хранящихся в архиве бывшего КГБ МССР, ныне архиве Службы информации и безопасности Республики Молдовы, следует, что механизм «Большого террора» был запущен в Москве и в МАССР координировался из Киева. То же самое касается остановки этого механизма – И. Сталин предпочёл это сделать с помощью отдельных «сигналов», таких как назначение Ежова по совместительству наркомом водного транспорта в апреле 1938 г.⁸⁰ Вторым значимым «сигналом» можно считать назначение 22 августа 1938 г. Берии первым заместителем наркома внутренних дел СССР. Проверка деятельности НКВД МАССР, как и других УНКВД, может рассматриваться и как начало карательной операции против «клана Ежова». Ведь Успенский являлся назначенцем именно Ежова. Широкий, даже если не в прямом смысле, тоже был «человеком Ежова». По всей видимости, логика Берии состояла в том, что сначала сделать акцент на арестах подчинённых республиканского наркома, которые должны были дать показания на своего непосредственного «шефа», а все их «ошибки», «эксцессы» и «липовые дела» автоматически засчитывались в вину руководителю республиканского НКВД. Арест Широкого был также свидетельством того, что партийные структуры Киева и лично Хрущёв начинали в это время добиваться возвращения доминирующей позиции по отношению к НКВД. Ведь главному молдавскому чекисту в первую очередь инкриминирова-

⁷⁹ ASISRM–KGB, dosar 31233, f. 323–325.

⁸⁰ Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – С. 156–157.

лась фабрикация дела «правотроцкистской организации», т. е. дела Борисова-Стрешного-Константинова. Только после того, как письмо Садалюка стало предметом обсуждения политбюро ЦК ВКП(б) 1 декабря 1938 г., бывшему наркому внутренних дел МАССР было предъявлено дополнительное обвинение в фабрикации «дела молодёжной фашистской организации».

«Большой террор», кроме прочего, начался с нажима и демонстративных репрессий против тех сотрудников НКВД, которые пассивно относились к выполнению приказов о развёртывании массовых репрессий⁸¹. И, как бы это не звучало парадоксально, он закончился теми же мерами, но в этот раз уже в отношении тех, кто был слишком «увлечён» репрессиями и не мог или не знал, как остановиться. Даже в том случае, если сигналы к свёртыванию массового террора были ими услышаны. С одной стороны, Широкий наверняка был информирован о том, что в январе 1938 г. пленум ЦК ВКП(б) принял решение о «бережном отношении» к членам партии. С другой стороны, он знал, что высшее партийное руководство во многих республиках и областях было «вычищено» уже несколько раз с весны–лета 1937 г., а в МАССР «зачистка» была проведена только один раз и, следовательно, он был обязан продолжить работу в этом направлении. Более того, цель его назначения в МАССР в мае 1938 г. было чётко ориентирована на «выкорчёвывание остатков правотроцкистского подполья», то есть на репрессии против партийно-советского актива. Бывшие руководители МАССР, которые были приговорены осенью 1937 г. как «главарь правых и троцкистских элементов», были знакомы со своими преемниками, и вывод напрашивался сам собой. То есть, Борисов, Стрешный и Константинов являлись продолжателями дела разоблачённых «врагов народа», соответственно Тодреса-Селектора, Борисова-Старого и Вороновича⁸².

⁸¹ Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – С. 99–101; То же самое относится и к работникам юстиции, которые были репрессированы в 1936–1937 гг. См.: Соломон П. Советская юстиция при Сталине. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 226–230.

⁸² Здесь напрашивается одно уточнение. Председатель СНК МАССР Борисов-Старый, а не 1-й секретарь Молдавского обкома КП(б)У Тодрес-Селектор

Подобная логика прослеживается и в деле о деятельности «молодёжной фашистской организации», где «вымагали ложных показаний от задержанных». На последнем допросе от 15 декабря 1938 г. Широкий признал, что он сделал вывод о существовании этой организации в МАССР на основе того, что она «была вскрыта» в Одессе, Киеве и других городах.

Видно также, что в МАССР «система лимитов» работала по следующей схеме: Широкий, по показаниям Чичкало, сначала «арестует, добьётся сознания, а потом уже берут санкцию, такой-то сознался в своих преступлениях, и Киев не мог не дать санкции».

Однако Широкий и его подчинённые шли уже по проторённой дороге. Так, Леплевский, побывав с визитом в Тирасполе в феврале 1938 г., потребовал от наркома внутренних дел МАССР Лютого, чтобы тот перевыполнил план лимитов на 3000 человек. Следует также заметить, что методы «нажима» и «физического воздействия» в МАССР были широко задействованы уже за год до назначения Широкого. Тогда насилие применялось по отношению к руководящим советским и партийным работникам (Борисов-Старый, Воронович, Голуб и др.). На этот счёт имеются сведения из других следственных дел, а также из протоколов «Комиссии Молдавской ССР по пересмотру уголовных дел осуждённых за контрреволюционные преступления», работавшей после смерти Сталина в 1954–1955 гг. Согласно этим данным, в начале 1938 г. Леплевский присутствовал на допросах в Тирасполе и через своего личного помощника показал, как добиваться показаний⁸³. То есть Широкий, с одной стороны, унаследовал систему всеобщего насилия в НКВД МАССР от предыдущих наркомов, с другой стороны, он привнёс свой собственный опыт профессионального чекиста, добытый в течение 12 лет службы «в органах». Поэтому он старался, с одной стороны, примерно исполнять свой долг, а с другой –

был обвинён в том, что являлся руководителем «националистического и троцкистского центра» в МАССР. См.: ASISRM–KGB, dosar 09680, vol. 1–2 (дело Борисова-Старого).

⁸³ *Memei A. Teroarea comunistă on RASSM (1924–1940) și RSSM (1944–1947). – Chișinău, Editura Serebia, 2012. – P. 584–585.*

принял несколько мер предосторожности. Например, он лично добился нужных показаний от некоторых заключённых, но не подписывал протоколы этих допросов, а приказывал сделать это своим подчинённым – Мягкову, Малышеву и другим.

Дела на бывших сотрудников НКВД МАССР также дают возможность почувствовать атмосферу, которая царила среди сотрудников советской политической полиции во время «Большого террора». Из показаний Чичкало следует, что дух всеобщего подозрения и недоверия к близким или знакомым людям эффективно воздействовал на сотрудников НКВД, убеждал их в том, что они делают «правое и нужное дело». Тех, кто не выполнял приказы и не получал требуемое количество признаний, считали «слабыми», зато «передовики» террора служили примером для подражания.

В заключение следует констатировать, что по-прежнему остаётся не вполне ясным, как происходила селекция «козлов отпущения» среди сотрудников НКВД. Например, почему Лютый, при котором система террора в МАССР была усовершенствована до уровня «стандартов» массовых операций, отделился сравнительно мягким приговором по сравнению с Широким, которого явно приговорили бы к расстрелу, если бы он не совершил самоубийство?

Кашу І. «Чистка» співробітників НКВС Молдавської АРСР після «Великого терору» 1937–1938 рр.: справа Івана Тарасовича Широкого-Майського

Досліджується специфіка «чистки» співробітників НКВС МАССР на завершальному етапі «Великого терору» і після офіційного припинення масових репресій (вересень–грудень 1938 р.) на прикладі діяльності І. Т. - Широкого-Майського і його колег.

Ключові слова: політичні репресії, МАССР, НКВД, «Великий терор».

Kashu I. «Housecleaning» of the Moldova ASSR NKVD Officers after The Great Terror 1937–1938: The Case of Ivan Shyrokyi-Majskyi

In the article author examines the key features of the «housecleaning» of the MASSR NKVD executives on the finishing period of the Great Terror and after the official stop of the mass repressions (September–December 1938). The cases of the Ivan Shyrokyi-Majskyi and his colleagues were used.

Key words: political repressions, MASSR, NKVD, The Great Terror.

УДК 351.746.1-051(477.46-21Умань)(09)(045)

Линн ВИОЛА*

Дело Уманского районного отдела НКВД

Исследуются преступления сотрудников районного отдела НКВД г. Умани в период «Большого террора», а также осуждение некоторых из них на закрытых судебных процессах. Указывается, что действия чекистов были порождением большевистской практики насилия. Их деятельность в 1937–1938 гг. стала для них рутинной работой.

Ключевые слова: Умань, НКВД, «Большой террор», сотрудники госбезопасности.

«Если бы я активно выступал против тех методов следствия, которые были в то время, и ещё в дополнение, если бы получился у меня какой-нибудь казус, то меня уже давно не было бы в живых [...]».

«Был, действительно, случай, когда ко мне прибежал Абрамович, он был испачкан в крови, и сказал: “Сукин сын – меня испачкал”. Я ему предложил руки вымыть спиртом или одеколоном, указав ему на его некультурность тем, что он вытирался платком [...]».

С. И. Борисов, бывший начальник Уманского райотдела НКВД УССР.

«В то время всякое корректное отношение к арестованным считали либеральным [...]».

А. С. Томин, бывший начальник отделения 4-го отдела УГБ УНКВД по Киевской области, руководил осуществлением «польской операции» в Умани.

«Да, так выходило, что я был следователем с кулаком, а другие были следователи с пером, но как система арестованных всех не избивали [...]».

Г. Н. Петров, бывший помощник следователя Уманского райотдела НКВД УССР, начальник Маньковского райотдела милиции.

«Среди этих трупов были случаи убийств, и я писал, что смерть наступила от паралича сердца. Истинную причину смерти писать нельзя было... Я вполне сознаю, что это является сделкой с моей совестью [...]».

А. М. Лебедев, врач и судмедэксперт.

«Почему я знаю, что делалось в 21 комнате [...] мне кажется, что не только я об этом знал, но, по-моему, и половина населения г. Умани тоже знали об этом [...]».

И. А. Мышко, бывший следователь Уманской межрайонной следственной группы НКВД УССР¹.

Кошмар творился в Умани. Местный районный отдел НКВД создал специальную «лабораторию» в комнате № 21 для допросов и выбивания признаний. Заключённые умирали от удушья в переполненных камерах. О главном палаче – старшем по приведению в исполнение расстрельных приговоров – говорили, что он стволом револьвера выбивал золотые зубы у расстрелянных. Начальник местной тюрьмы был арестован и осуждён на закрытом судебном заседании, в числе прочего, за разграбление имущества расстрелянных граждан. Следствие оказалось незавершённым. За ним последует ещё два судебных разбирательства, фигурантами которых станут не только начальник тюрьмы, но и руководство местного отдела НКВД. Обвинения в обоих случаях касались «нарушения революционной законности» и должностных преступлений, совершенных в застенках расстрельных камер.

Уголовное дело Уманского райотдела НКВД составляет почти две тысячи страниц, объединённых в семь томов пожелтевших от времени документов. Недостатка в свидетельствах нет. В изобилии ордера на арест и обыск, списки конфискованного имущества, протоколы допросов и очных ставок, а также стенограммы трёх судебных процессов. В этих материалах в избытке – ложь, выдуманные показания, самооправдания и моль-

¹ В качестве эпиграфа использованы материалы из протокола судебного заседания от 5–10 мая 1940 г. и протокола судебного заседания от 31 января – 6 февраля 1941 г. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 143, 147, 319, 321 зв., 328–329 зв., 315–315 зв.

* Виола Линн – профессор университета г. Торонто (Канада).

бы о пощаде. Однако, прочтённые критически, с пониманием их предвзятости и субъективности, эти документы раскрывают кошмарные реалии массового террора в Умани.

В «уманском деле» было три судебных процесса и шесть обвиняемых. Разумеется, что ни один из подсудимых не отличался «либерализмом» во время проведения террора, но все они, как один, переложили вину за «искривления» на вышестоящие власти, главным образом, Киевское областное УНКВД. Наверно, это имело основания, однако, именно областное УНКВД инициировало процесс, который выявил всю мерзость коррумпированности работников Уманского районного отдела НКВД, их пьянство и насилие.

Часть 1

Умань была сонным провинциальным городком в центральной Украине, со смешанным населением, состоявшим из украинцев, русских и евреев. Городок, находящийся приблизительно в 180 км к югу от Киева, в то время являлся частью Киевской области². Местный райотдел НКВД располагался в двухэтажном здании из 20 комнат, часть окон которых выходила во внутренний двор. В том же здании, на 1-м этаже, находилась и милиция, активно участвовавшая в проведении репрессий. Расстрельные камеры были в подвале под клубной комнатой. Тюрьма, расположенная по соседству, поставляла заключённых на допросы и расстрел. Её здание, рассчитанное на 400, максимум 450 заключённых, в разгар «Большого террора» вмещало порядка двух с половиной тысяч человек. А по некоторым свидетельствам и того больше: камеры забивали до отказа³.

Здание райотдела НКВД служило штабом массовых репрессий в Умани. То, что творилось в его стенах, неоднократно было описано обвиняемыми, свидетелями и жертвами. Полезно, однако, начать рассказ с «заключений», составленных всеобщим НКВД по итогам проведённых им расследований. «Зак-

² В настоящее время г. Умань входит в состав Черкасской области.

³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 148, 312, 337 зв., 340 зв. Начальник тюремной санчасти Гольденштейн утверждал, что число заключённых в Умани составляло 4 тыс. человек. См.: Там само, арк. 331.

лючения» были основаны на многомесячных допросах обвиняемых и широкого круга свидетелей. Они представляют собой сжатое сухое изложение событий, которое может послужить предисловием к рассказу о массовых злодеяниях в Умани⁴.

«Заключения» НКВД СССР свидетельствуют, что в июле 1937 г., по распоряжению управления НКВД по Киевской области, в Умани, как и в других крупных городах – районных центрах, была создана межрайонная оперативно-следственная группа. Она действовала на территории, по разным сведениям, от 12 до 18 районов. Через месяц руководство областного УНКВД назначило её начальником Соломона Исаевича Борисова-Лендермана. С осени 1936 г. он был начальником Уманского райотдела НКВД и, по совместительству, начальником Особого отдела ГУГБ НКВД 99-й стрелковой дивизии. Практически одновременно руководителем следственной работы по линии 3-го (контрразведывательного) отдела назначили Александра Сократовича Томина. Этот человек впоследствии заменит Борисова, который уедет в Комсомольск-на-Амуре, став начальником одного из лагерей ГУЛАГ НКВД СССР. В 1938 г. и Томин покинет Умань, получив назначение начальником 3-го (контрразведывательного) отделения УГБ НКВД АМССР. Позднее он стал врид заместителя наркома внутренних дел Молдавии. Борисов и Томин были среди основных обвиняемых на втором и третьем судебном процессе по делу руководителей Уманского райотдела НКВД⁵.

Следствие, проведённое сотрудниками НКВД СССР, выявило нарушения «революционной законности» в Умани: необоснованные аресты, массовую фальсификацию следственных дел,

⁴ Эта часть статьи основана на компиляции двух документов: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 5, арк. 1–8 (Заключение...) и арк. 277–302 (Обвинительное заключение...).

⁵ Там само, арк. 1–2, 277–278. В протоколе заседания от 31 января – 6 февраля 1941 г. Борисов говорил, что группе подчинялось 18 районов. Изначально был ещё один подследственный, некто Василий Корнеевич Козаченко (в других документах Казаченко), который являлся начальником Уманского райотдела НКВД после Томина. Однако его имя после первого упоминания, которое предшествовало второму судебному процессу, исчезло из документов. См.: Там само, т. 6, арк. 339 зв. – 340 зв.

в ходе которой для получения признательных показаний использовались избиения и пытки.

Согласно «заключениям» НКВД СССР:

«Для того, чтобы от арестованных быстрее получить показания, в помещении РО НКВД в комнате 21, под руководством Борисова и Томина была организована так называемая “лаборатория”, работой которой ведал бывш[ий] нач[альник] Маньковского РО милиции Петров Г.Н. На эту так называемую “лабораторию” Борисовым и Томиным было возложено добиваться от арестованных признания об их якобы контрреволюционной деятельности, не останавливаясь ни перед какими жертвами. Несознавших арестованных почти не было. По указанию Борисова и Томина все арестованные подвергались первоначальному допросу в комнате 21. На допрос вызывали в комнату одновременно по 20–30 чел. Перед допросом Петров получал от Борисова и Томина списки арестованных, подлежащих допросу, в которых указывалось, какие показания должен дать тот или иной арестованный: кто его завербовал, в какую контрреволюционную организацию и кого он в свою очередь завербовал. Огласив предъявляемые к (sic) арестованному обвинения, Петров ставил вопрос: “Кто будет писать показания, подними руку”. Некоторые арестованные, боясь подвергнуться пыткам и издевательствам, писали собственноручные показания. К арестованным, не желавшим дать требуемых от них показаний, Петров с неоднократным участием Томина применяли физические меры: избивали, заставляли простаивать непрерывно по 10–15 суток, устраивали так называемые “концерты”, принуждали арестованных друг друга избивать, петь и танцевать, применяли метод так называемого “термометра” – вкладывали арестованному палку подмышку и заставляли держать, а затем избивали. Как следствие всех этих извращений, явился результат массовых ложных вымышленных показаний [...]»⁶.

Главным «помощником-лаборантом» в комнате № 21 был сотрудник органов госбезопасности Григорий Николаевич Петров, которого с указанными выше лицами обвиняли на втором и третьем судебных процессах.

Далее в «заклучениях» НКВД СССР обращалось к ещё одному из двух основных обвинений: нарушения революционной

⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 5, арк. 1–4.

законности, которые происходили в застенках расстрельных камер. В частности, указывалось, что Самуил Моисеевич Абрамович, начальник тюрьмы в Умани и третий из главных обвиняемых, руководил расстрельной командой:

«Кроме грубого извращения в следственной работе, с санкции Борисова и Томина в бригаде по приведению приговоров в исполнение над осуждёнными, старшим которой являлся бывш[ий] нач[альник] Уманской тюрьмы Абрамович (арестован), имело место мародёрство, хищение ценностей осуждённых. Денежные суммы, подлежащих (sic) расстрелу, перед приведением приговоров в исполнение изымались и присваивались Абрамовичем. Таким образом, было присвоено денег 42 485 руб. Из этих денег, с ведома Борисова и Томина, Абрамович неоднократно выдавал участникам бригады по 30–40 руб. Также неоднократно из этих денег Томин получал от Абрамовича крупные суммы для личного пользования. Ценное имущество осуждённых – пальто, костюмы, сапоги и др. присваивались Абрамовичем, Щербиной и другими сотрудниками. Особенно в этом отличился Щербина. Абрамович в присутствии Томина стволом револьвера из рта расстрелянных выбивал золотые челюсти, золотые зубы и различные протезы»⁷.

По сравнению с названными выше, другие обвинения казались «пустяковыми». Леонид Семёнович Щербина (бывший оперуполномоченный Особого отдела ГУГБ НКВД 99-й стрелковой дивизии), который упоминался в связи с мародёрством в расстрельных камерах, был к тому же обвинён в интимной связи с женой заключённого, а Томин – в нарушении процедуры обыска в тюрьме в Тирасполе. Абрамович в дополнение ко всему обвинялся в нарушении секретности расстрелов, а руководство Уманского райотдела НКВД – в смерти четырёх заключённых от удушья по причине перенаселённости камер⁸.

Шестым обвиняемым по «уманскому делу» проходил водитель местного НКВД Николай Павлович Зудин, который «работал» преимущественно, на расстрелах. Он также обвинялся в хищении имущества расстрелянных и, согласно официально-

⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 5, арк. 4–5.

⁸ Об обвинении Абрамовича в нарушении секретности см.: Там само, арк. 300. О других обвинениях см.: Там само, т. 6, арк. 172–176.

му отчёту, присвоил «не более 200 руб.», 5 пар сапог, кожаный пиджак и 3 пары нижнего белья⁹.

Так вкратце было представлено дело Уманского райотдела НКВД. В действительности, однако, оно было далеко не столь кратким и сухим, как это следовало из официальных «заключений». Прежде всего, потребовалось целых три судебных процесса, чтобы вынести окончательные обвинения. Первый процесс состоялся в июле 1939 года¹⁰. Его единственным обвиняемым был Абрамович, начальник тюрьмы и старший по приведению приговоров в исполнение. Хотя вина Абрамовича, судя по стенограмме судебного заседания, была очевидной, Военный трибунал войск НКВД Киевского особого военного округа отказался вынести приговор, отправив дело в военную прокуратуру для объединения его с делами Томина, Зудина и «других»¹¹. Второй процесс против Борисова, Томина, Абрамовича, Петрова, Зудина и Щербины закончился вынесением обвинительных заключений всем, кроме Зудина. Он был освобождён. Абрамович получил 3 года исправительно-трудовых лагерей, Томин – 3 года лишения свободы в «общих местах заключения», Борисов и Петров – 2 года лишения свободы условно, а Щербину суд приговорил к году принудительного труда по месту работы с отчислением 15% его заработка¹². Военная коллегия Верховного суда СССР, однако, вмешалась, послав дело на пересмотр. В результате последнего, третьего по счету, судебного процесса все обвиняемые получили более суровое наказание. Борисов был приговорён к наиболее длительному заключению – 8 лет, Абрамович – к 6, Томин и Петров – к 5, а Щербина и Зудин – к 3 годам исправительно-трудовых лагерей¹³.

В ходе судебного процесса обвиняемые документировано доказали роль не только руководителей областного, но и республиканского, и всесоюзного НКВД в создании целостной сис-

⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 5, арк. 292.

¹⁰ Там само, т. 1, арк. 180–216.

¹¹ Там само, арк. 219, 231, 233.

¹² Там само, т. 6, арк. 96–16, 172–176, 225.

¹³ Там само, арк. 476.

темы, которая способствовала «нарушениям революционной законности» в Умани. Вначале Томин, особенно на первых допросах, уклонялся от показаний, но Борисов был откровенным как на допросах, так и в показаниях на суде. Кроме того, свидетели и подсудимые, в том числе и Томин, поддержали Борисова, припомнив визиты руководителей областного, республиканского и всесоюзного НКВД в Умань, а также ряд приказов и «поворотных моментов» в развитии массовых репрессивных операций. Конечно, Борисов преследовал собственные интересы, переложив вину за «нарушения» на областное начальство. Но, делая это, он, похоже, представил правдивую картину массовых операций в Умани, где роль «дирижёра» выполняло областное НКВД. Эти факты суд проигнорировал.

Часть II

Борисов имел длительный стаж оперативной работы. Родился в 1899 г. в Киеве в семье портного-еврея. Прочувшись всего несколько лет в школе, работал портным по найму до революции 1917 г. Вступив в 1919 г. в Красную армию, участвовал в боях, затем получил назначение в ЧК. В 1928 г. вступил в Компартию. С осени 1936 г. занимал пост начальника районного отдела НКВД в Умани, где он проживал с женой и сыном-подростком. Как уже указывалось, уехал из Умани в феврале 1938 г. в связи с назначением на Дальний Восток начальником Ново-Тамбовского исправительно-трудового лагеря в Комсомольске-на-Амуре. В этом городе его и арестовали в октябре 1939 г.¹⁴

По словам Борисова, всё началось в июле 1937 г., когда НКВД СССР издал приказ о начале массовых операций. Тогда же начальник 4-го отдела УГБ УНКВД по Киевской области Исай Яковлевич Бабич (1902–1948) прибыл в Умань с заданием создать межрайонную оперативно-следственную группу для борьбы с «контрреволюцией»¹⁵. До своего приезда в Умань Ба-

¹⁴ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 5, арк. 1–8; т. 6, арк. 96, 141–144, 308–308 зв.

¹⁵ Биографию И. Бабича см.: Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник / Ред. Н. Г. Охотин и А. Б. Рогинский. – М.: Звенья, 1999. – С. 95–96.

бич, сын еврея-сапожника, получивший лишь начальное образование, был одним из опытных сотрудников УНКВД по Киевской области. Прибыв в Умань, он созвал оперативное совещание для обсуждения предстоящих задач. По словам Бабича, политика бывшего главы НКВД СССР Генриха Ягоды в отношении врагов народа – так называемая «ягодовщина» – «зажимала инициативу чекистского аппарата» и «либерально относилась к арестованным». Времена, однако, изменились. Бабич поведал оперативникам, что в «предвоенный период», в котором находился Советский Союз, необходимо всячески искоренять либерализм. Если потребуются, продолжал он, следователи НКВД должны кричать, оскорблять и делать всё возможное для уничтожения контрреволюции¹⁶. Парторг Уманского райотдела НКВД Антон Андронович Данилов скажет позже, что

«с приездом Бабича тон следователей к арестованным стал хуже, чем было до него»¹⁷.

Бабич запустил маховик массовых репрессивных операций в Умани. Он организовал и в течение двух месяцев направлял деятельность межрайонной оперативно-следственной группы. В состав группы входили в общей сложности 70 человек, включая начальников районных отделов милиции, а также около сорока курсантов Киевской межкраевой школы Управления государственной безопасности (УГБ). В конце лета 1937 г. Бабича отозвали в Киев. С ним уехал и Борисов. На встрече начальник Киевского областного УНКВД Николай Давыдович Шаров (1897–1939) приказал Борисову возглавить межрайонную группу в Умани¹⁸. По словам Борисова, заместитель начальника УНКВД по Киевской области Лев Иосифович Рейхман (1901–1940) распорядился усилить нажим и, если необходимо, выбивать признания из арестованных по согласованию с вышестоящими органами¹⁹. Борисов вспоминал:

¹⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 141–144.

¹⁷ Там само, арк. 313–313 зв.

¹⁸ Биографию Шарова см.: Кто руководил НКВД, 1934–1941... – С. 444–445.

¹⁹ Биографию Рейхмана см.: Там само. – С. 358–359.

«Когда я это услышал, я остолбенел и, приехав в Умань, никому ни слова об этом не сказал»²⁰.

Перед тем как Борисов уехал из Киева обратно в Умань, Шаров приказал ему:

«Я оставляю у вас Томина, и будете с ним разрешать все необходимые вопросы»²¹.

Томин, в то время лейтенант государственной безопасности, родился в 1901 г. в Киеве, в украинской семье. Как и Борисов, Томин воевал в Красной армии, затем служил до 1924 г. После войны закончил Коммунистический университет им. Артёма в Харькове²², получив, по его словам, «высшее политическое образование». На работу в НКВД он пришёл в 1931 г. Хотя у него была семья, жена и четверо детей, Томин жил отдельно от них. Как и многие другие сотрудники Уманского райотдела НКВД, по причине частых служебных переводов и местных трудностей с жильём, он проживал в гостинице. Томин находился в Умани примерно с мая 1937 г. и был тесно связан с Бабичем. Хотя впоследствии Томин будет отрицать это, Борисов был уверен, что именно Томин являлся представителем областного УНКВД в Умани. Томин руководил следственной работой 3-го (контрразведывательного) отдела, где одной из главных оперативных линий была ликвидация «польской контрреволюции». По словам Борисова, этот отдел «фактически был филиалом» УНКВД Киевской области²³. С точки зрения Борисова, именно Томин являлся настоящим руководителем операций в Умани. По словам Борисова:

«Томин себя вёл так, как ему самому захочется. На работу приходил, когда захочет, и уходил, когда он считал для себя удоб-

²⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 96, 141–144, 308–308 зв., 320–320 зв.

²¹ Там само, арк. 141–144.

²² Коммунистический университет им. Артёма – создан в Харькове 1 апреля 1922 г., назван в честь советского партийного деятеля Ф. А. Сергеева (Артём). Университет готовил кадры для партийных, профсоюзных и советских органов. 7 октября 1932 г. университет был реорганизован в Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу.

²³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 4, арк. 6–11; т. 6, арк. 97, 141–144, 146, 308–308 зв.

ным. Кроме того, он вмешивался буквально во все дела группы, часто бывал в Киеве».

Во время допросов Борисов сказал следователю, что Томин «подгонял» его, что задание Томина в Умани состояло в том, чтобы форсировать следственную работу²⁴.

Борисов также припомнил и другие случаи вмешательства «свыше». В один из декабрьских дней в Умань прибыло 5 или 6 машин. Он не мог поверить своим глазам, когда из машин вышли высокопоставленные чины НКВД из Москвы и Киева: И. М. Леплевский (1896–1938) и М. П. Фриновский (1898–1940)²⁵. По словам Борисова, «в эти два дня, что они здесь были, тут была целая свистопляска». Понаблюдав за работой Уманского райотдела НКВД, прибывшие высокие чины заключили, «что так работать нельзя». Затем «взяли в работу» одного арестованного, «шпиона», и избili его.

«Они его ругали такой руганью, что я подобной ругани в жизни нигде не слышал», –

рассказывал Борисов. Ночью, сидя в кабинете Борисова, Фриновский и Леплевский говорили о том, что «нужно нажать» и что, «если в комнате у следователя – шум, то значит он – хороший работник»²⁶.

Рейхман тоже побывал в Умани²⁷. Борисов утверждал, что Рейхман приезжал, потому что он, Борисов, не смог добыть показаний у некоего Доброховского, который, предположительно, был ключевой фигурой в одном из следственных дел. В Умани

²⁴ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 4, арк. 6–11, 27–31; т. 5, арк. 170; т. 6, арк. 146.

²⁵ Леплевский в то время был наркомом внутренних дел УССР, а Фриновский – первым заместителем наркома внутренних дел СССР. Биографии Леплевского и Фриновского см.: Кто руководил НКВД, 1934–1941... – С. 270–271, 425–426. Приказ НКВД от 7 июня 1937 г. о командировании Фриновского, Леплевского, Дерибаса в НКВД УССР см.: Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1991. Справочник / Под ред. А. И. Кокурина, Н. В. Петрова. – М.: Материк, 2003. – С. 586.

²⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 339 зв.– 340 зв.

²⁷ С 6 августа 1937 г. Рейхман руководил УНКВД по Харьковской области. Поэтому его приезды в Умань относятся к июлю – первым числам августа 1937 г.

Рейхман созвал совещание сотрудников местного НКВД, где буквально набросился на Борисова и парторга Данилова, угрожая им арестом, если они не будут применять методы давления на заключённых²⁸.

Борисов назвал приезжавших «сверху» сотрудников НКВД «гастролёрами». Он утверждал, что если в Умани и были случаи физического воздействия на арестованных, то это был результат пагубного влияния этих самых «гастролёров»²⁹. Этот чекист заявил, что всегда запрещал своим сотрудникам использовать физическую силу в работе с заключёнными. Другие свидетели на судебном процессе по делу Уманского райотдела НКВД это подтвердили. Даже Томин и Петров позже отрицали, что Борисов когда-либо приказывал избивать заключённых³⁰.

Но проведение массовых репрессивных операций делало неизбежным применение физического насилия. В момент пика террора в Умани в «разработке» сотрудников госбезопасности находилось не менее 2500 заключённых, по каждому из которых требовалось составить определённое количество документов, включая подписанные признательные показания. По одной лишь «польской операции» Шаров требовал провести тысячу арестов. Борисов должен был ежедневно докладывать по телефону в Киев об «уманских достижениях»³¹.

«Телеграммы, звонки из Киева не давали возможности нормально работать», –

вспоминал Борисов³². В какой-то момент сотрудникам Уманского райотдела НКВД даже пришлось украсть заключённых из другого района, чтобы выполнить свою разнарядку на аресты³³.

Комната № 21, известная среди местных чекистов как «лаборатория», появилась именно для того, чтобы справиться со шквалом арестов. Это был «полигон» массового добывания

²⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 311, 340.

²⁹ Там само, арк. 339–340 зв.

³⁰ Там само, арк. 113–114, 116, 118, 145–151, 334 зв., 348; т. 4, арк. 51–57.

³¹ Там само, т. 6, арк. 340.

³² Там само, т. 4, арк. 27–31.

³³ Там само, т. 3, арк. 142–145.

признательных показаний, просуществовавший примерно с ноября до 5–6 декабря 1937 г. Хотя Борисов утверждал, что он специально не создавал комнату № 21. Томин доказывал, что комната № 21 возникла «стихийно». Однако факты указывают, что, очевидно, Томин организовал и возглавил «лабораторию», возможно, под прямым влиянием Шарова. Борисов назначил несколько руководящих сотрудников милиции в отдел Томина в качестве помощников следователей. Милиционеры, будучи малограмотными, не годились для других заданий. Они были не в состоянии справиться с бумажной работой, выполняемой следователями. Поэтому Томин использовал некоторых из них в качестве «ассистентов-лаборантов»³⁴.

Главным среди этих милиционеров был Петров. Он родился в 1896 г. недалеко от города Купянска Харьковской области в рабочей украинской семье. Сначала служил солдатом в царской армии, а затем воевал в Красной армии. Вступил в Компартию в 1928 г., когда начал работать в милиции. К 1935 г. он дослужился до начальника милиции Маньковского района, откуда в августе 1937 г. был мобилизован на проведение массовых операций в Умани³⁵.

Комната № 21 служила для предварительной обработки арестованных, в ходе которой проходил отбор тех, кто сразу или вскоре после применения силы соглашался подписать ложные признательные показания, а также отказавшихся клеветать на себя. В комнате стоял длинный стол, на котором были разбросаны карандаши и бланки документов. Стульев хватало, чтобы посадить лишь часть арестованных. Петров обычно начинал с того, что просил поднять руки тех, кто признавал себя виновным. Тем, кто соглашался «быть виновным», задавали несколько общих вопросов, а затем передавали следователям для индивидуального детального допроса. Тех, кто не признавал вину, унижали, избивали, наказывали долгим изнурительным стоянием³⁶.

³⁴ ГДА СБУ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 142–144, 145, 147–148; т. 5, арк. 170.

³⁵ Там само, арк. 97, 308 зв.

³⁶ Там само, арк. 141–144, 340–340 зв.

Петров изворачивался, давая показания на допросах и двух судебных процессах. То утверждал, что Борисов и Томин не давали ему указаний избивать заключённых и отрицал, что он кого-либо избивал, то соглашался – избивал, но не «систематически». В конце концов, признался в избиваниях, объяснив, что ему «не давали указаний бить арестованных, но говорили, что надо дать 100 признаний в день»³⁷.

Борисов показал, что единственной целью «лаборатории» было получать признательные показания с применением физической силы, если это было необходимо³⁸. Он не отрицал того, что знал о том, что происходило в комнате № 21, но утверждал, что был удивлён, когда услышал, что Петров получает так много признательных показаний. Поэтому спросил у Томина, не связано ли это с каким-то «художеством», а тот ответил:

«Ведь Вы же знаете, что я – сильный человек и, если ударил бы, то убил бы человека; мне достаточно только накричать на арестованного»³⁹.

Это означало, что «нарушений» в следственной работе не происходило. Кроме этого, Борисов заявил, что Томин не допускал его к проведению допросов.

Конечно, Борисов был хорошо осведомлён о расстрелах. По приказу областного УНКВД именно он организовал местную расстрельную команду. Это была группа, состоявшая, по крайней мере, из семи человек, включая водителя местного НКВД, фельдъегеря и вахтера, которые помогали милиционерам⁴⁰. Борисов назначил начальника тюрьмы Абрамовича старшим по приведению приговоров в исполнение. Этот человек, как и Борисов, был сыном еврея-портного. Родился в 1903 г. в Харькове, служил в Красной армии с 1923 г. до назначения в ГПУ УССР в 1926 г. Членом Компартии стал в 1930 г. Он был женат, имел двух детей. Известно, что страстно любил автомобили⁴¹. По его

³⁷ ГДА СБУ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 145, 150.

³⁸ Там само, т. 4, арк. 27–31.

³⁹ Там само, т. 6, арк. 141–142.

⁴⁰ Там само, т. 1, арк. 45–53, 180–216; т. 4, арк. 6–11.

⁴¹ Там само, т. 6, арк. 97, 151–153, 308 зв., 336 зв.

словам, согласился на работу в ГПУ из чувства «партийного долга»⁴².

Расстрелы групп, общей сложностью около 40 человек, проходили каждую ночь в трёх подвальных комнатах Уманского райотдела НКВД, располагавшихся под клубом⁴³. В первой комнате Борисов проверял фотографии и другие документы, удостоверявшие личность приговорённых к смерти. Во второй комнате Абрамович обыскивал заключённых под предлогом, что они должны идти в баню перед отправкой в исправительно-трудовой лагерь. Ни один из смертников не знал о своей судьбе до самого последнего момента. В третьей комнате их расстреливали⁴⁴. Водитель Зудин заводил мотор своей машины во дворе, чтобы заглушить звук выстрелов. После экзекуции Зудин и Абрамович вывозили трупы, скрытые под брезентом в кузовах машин, к месту захоронения⁴⁵.

Вначале трупы хоронили в одежде. По словам Борисова, не было никаких инструкций о том, что делать с деньгами и другим имуществом расстрелянных. Когда Абрамович предупредил Борисова, что члены расстрельной команды роются в карманах у мёртвых, тот приказал Абрамовичу прекратить мародёрство. Но через несколько дней, находясь в Киеве, он поинтересовался у Шарова, что делать с имуществом расстрелянных. Начальник дал разрешение членам расстрельной команды, «в связи с тяжестью этой работы», делить имущество убитых между собой⁴⁶. После этого осуждённых перед расстрелом стали заставлять раздеваться, якобы для бани, а после экзекуции члены расстрельной команды делили деньги и вещи.

Такая практика продолжалась до тех пор, пока жена одного из расстрелянных не сообщила о том, что увидела одежду убитого мужа в продаже на местном базаре. Борисов утверждал, что после этого он немедленно прекратил эту практику.

⁴² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 151–153.

⁴³ Там само, арк. 320–320 зв.

⁴⁴ Там само, т. 4, арк. 39–47; т. 6, арк. 320–320 зв.

⁴⁵ Там само, т. 6, арк. 332.

⁴⁶ Там само, арк. 143.

Вскоре после этого приехала комиссия административно-хозяйственного отдела областного УНКВД во главе с неким Мищенко, который приказал Борисову вернуть имущество расстрелянных, а все вещи «порубить и закопать». Краденное было собрано, «уничтожено и предано земле»⁴⁷.

Борисов знал, что творилось в Умани, но, по его словам, всем «заправлял Томин». В ходе суда без конца доказывал, что уважал революционную законность, за исключением нескольких незначительных случаев, никого не избивал и на оперативных собраниях неоднократно предупреждал не использовать физическую силу. Однако, в конце концов, Борисов признал, что в существовавших обстоятельствах смирился с реалиями массовых операций. На суде он сказал:

«Если бы я активно выступал против тех методов следствия [...], то меня уже давно не было бы в живых»⁴⁸.

Он утверждал, что принимал «все необходимые меры для соблюдения ревзаконности». Но он не мог отдать под суд ни одного нарушавшего закон, так как его самого бы «по обстановке того времени могли предать суду за контрреволюционный саботаж»⁴⁹. Это было правдой.

Его версия событий перекладывала ответственность за создание условий к «нарушению революционной законности» в Умани на вышестоящее руководство и его представителя – Томина. Большинство свидетелей подтвердили его показания. Тем не менее, несмотря на детальность и чёткость версии событий в изложении Борисова, она не раскрывает *всей* истории. Вновь необходимо расширить рамки повествования, на сей раз – привнеся в него показания ряда ключевых свидетелей. В этом случае станет очевидно, что «местные художества» в сочетании с приказами «сверху» привели к созданию ужасных обстоятельств осуществления массовых репрессий в Умани.

⁴⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 4, арк. 6–11; т. 6, арк. 143.

⁴⁸ Там само, т. 6, арк. 143.

⁴⁹ Там само, арк. 144.

Часть III

Как во время досудебного разбирательства, так и в своих показаниях на суде, свидетели признавали широкое распространение нарушений в работе Уманского райотдела НКВД. Хотя бывшие среди свидетелей следователи НКВД, как правило, отрицали свою собственную причастность к этим нарушениям. Многие представили дополнительные свидетельства в поддержку заявлений Борисова о том, что областное НКВД создало условия для нарушений. Отдельные чекисты дали свидетельские показания о «художествах», творившихся в комнате № 21. Но свидетельства о разграблении имущества во время расстрелов вылились в споры, обвинения во лжи и давлении на свидетелей. Самые нелюбимые показания были о разложении расстрельной команды. Именно в этих показаниях можно проследить как приказы, поступавшие «сверху», соотносились с настроениями сотрудников местного райотдела НКВД.

Парторг Уманского райотдела НКВД Данилов (1906 г. р.) в 1937 г. работал оперуполномоченным в Умани, поэтому представил некоторые убедительные доказательства ключевой роли сотрудников областного НКВД в «установлении параметров» террора в Умани. Именно Данилов дал показания о том, как Бабич изменил «тон» в практике сотрудников Уманского райотдела НКВД⁵⁰. Данилов подтвердил показания Борисова о роли Рейхмана. На третьем судебном процессе Данилов заявил:

«На оперативном совещании Рейхман на меня кричал за то, что я либеральничаю с арестованными [...], тогда же от Рейхмана попало и Борисову тоже. Рейхман меня довёл до плача, он меня ругал и угрожал, говоря, что надо будет ко мне присмотреться, и я вынужден был ему пообещать, что изменю методы своей работы»⁵¹.

По словам Данилова, после этого совещания стало ясно, что «Томин начал задавать тон в работе»⁵². Данилов также утверждал, что положение в областном НКВД было «ещё хуже», чем в

⁵⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 313–313 зв.

⁵¹ Там само, арк. 311.

⁵² Там само, арк. 311. Следователь М. И. Белов утверждал на суде о существовании общего мнения о том, что Томин не подчинялся Борисову и при раз-

Умани, и, главное, что была «прямая установка» из областного НКВД бить арестованных⁵³. Он припомнил, что сам Борисов не давал указаний применять пытки,

«шёпотом говорил, что надо позвонить в Киев в УНКВД и получить санкцию»⁵⁴.

Наконец, этот сотрудник решительно свидетельствовал, что Борисов был против применения силы в добывании показаний, но находился под сильным давлением Шарова и Рейхмана⁵⁵.

Данилов утверждал, что он никогда не был в комнате № 21, но от других следователей слышал о её существовании и избивениях в ней⁵⁶. Периодически он присутствовал на расстрелах. Он припомнил переполюх в кабинете Борисова, когда они узнали, что жена члена расстрельной команды Кравченко продаёт на базаре одежду расстрелянных. Позже, когда он говорил об этом с Борисовым, тот сказал, что «якобы имеется какая-то договорённость с областью», что лучше пусть члены расстрельной команды берут вещи себе, «чем чтобы всё это шло в землю», мотивируя это решение тем, что работа у них «очень адская». Данилов также вспомнил, что Абрамович и другие исполнители расстрельных приговоров жаловались на плохое поведение Щербины и его ссоры с Абрамовичем. В целом, однако, Данилов не мог сказать ничего отрицательного об Абрамовиче и утверждал, что никогда не видел его пьяным⁵⁷.

Другой свидетель, Борис Наумович Нейман, в большей части подтвердил то, что Данилов сказал про Борисова, но имел совершенно другое мнение об Абрамовиче. Рождённый в 1907 г., Нейман работал в Уманском райотделе НКВД с середины октября до конца декабря 1937 г., а затем с 13 марта 1938 и до конца апреля 1939 г. Ранее он занимал должность следователя транс-

ногласии их мнений все следовали указаниям Томина. См.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 116–117.

⁵³ Там само, арк. 312.

⁵⁴ Там само, арк. 312.

⁵⁵ Там само, арк. 311–312.

⁵⁶ Там само, арк. 311.

⁵⁷ Там само, арк. 113–115.

портной прокуратуры станции Христиновка. Его работа в Умани состояла в том, чтобы писать обвинительные заключения и подшивать дела⁵⁸.

Нейман заявил суду, что он слышал от других сотрудников НКВД, что ответственность за организацию комнаты № 21 несёт Шаров. Более того, работники областного УНКВД Роголь, Шарбурин и Рейхман посещали «лабораторию» и были хорошо осведомлены о том, что там происходит⁵⁹. Нейман также утверждал, что ему «приходилось лично слышать категорическое запрещение Борисова бить арестованных»⁶⁰. Показания Неймана о расстрелах были основаны на его личном присутствии в расстрельных камерах, хотя Абрамович утверждал, что он выгнал Неймана оттуда из-за угрозы рикошета пуль⁶¹. Нейман, однако, смог описать процедуру расстрела, отметив, что работа Борисова состояла в том, чтобы проверять удостоверения личности осуждённых, сообщать им о том, что их готовят к транспортировке. Затем он должен был уйти. После ухода Борисова, осуждённые по одному шли к Абрамовичу, который забирал у них деньги в обмен на квитанции. Только после этого заключённых расстреливали⁶².

Нейман утверждал, что вначале он думал, что деньги осуждённых отдавали государству, а их имущество закапывали. Позже, однако, он оказался в кабинете Борисова в тот момент, когда тот отчитывал членов расстрельной команды Кравченко и Карпова за то, что те допустили продажу вещей расстрелянных на базаре. Именно тогда Нейман, по его словам, обнаружил, что расстрельная команда делила краденное. Нейман также сказал, что видел, как Абрамович выбил золотые зубы у расстрелянно-

⁵⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 124–128.

⁵⁹ Биографию Марка Павловича Роголя (1905–1941) см.: Кто руководил НКВД, 1934–1941... – С. 363–364. М. Роголь в августе 1937 – апреле 1938 г. – начальник 3-го отдела УГБ УНКВД по Киевской области. Шарбурин в 1937 – апреле 1938 г. – помощник начальника 3-го отдела УГБ УНКВД по Киевской области.

⁶⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 124–126.

⁶¹ Там само, арк. 322.

⁶² Там само, арк. 124–125.

го и утверждал, что якобы написал об этом случае в донесении за период с 28 февраля по 28 марта 1938 г. начальнику областного УНКВД Н. Н. Федорову. Он добавил, что Абрамович присвоил шинель расстрелянного начальника Монастырищенского райотдела НКВД Соболя и уже на следующий день после расстрела её носил⁶³. Абрамович в ответ назвал показания Неймана «вымышленными». Он утверждал, что Григорий Пименович Сагалаев, занимавший с августа 1938 г. пост начальника Уманского райотдела НКВД, сговорился с Нейманом, чтобы его «угробить»⁶⁴. Позже Абрамович заявил, что Нейман возненавидел его после того, как он выгнал Неймана из расстрельных камер⁶⁵.

Вопрос о выбивании золотых зубов у расстрелянных не раз возникал во время трёх судебных процессов. Член расстрельной команды, охранник Уманской тюрьмы Емельян Фёдорович Кравченко (его жена, предположительно, продавала вещи на базаре) на втором судебном процессе показал:

«Перед исполнением приговоров у арестованных отбиралась одежда, из коей: плохая одежда уничтожалась, а лучшую одежду брал себе Абрамович, частично раздавал он одежду и сотрудникам – участникам его бригады».

Кравченко также подтвердил, что видел, как Абрамович выбивал золотые зубы⁶⁶. В ответ Абрамович вновь обвинил Сагалаева в том, что он заставил Кравченко дать ложное показание⁶⁷. Член расстрельной команды, фельдъегерь Уманского райотдела НКВД Пётр Михайлович Верещук подтвердил, что Абрамович брал лучшее себе и именно он выбивал золотые зубы. Он утверждал, что Сагалаев сказал ему и Кравченко только то, что они должны давать показания, но что именно говорить, он им

⁶³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 1, арк. 42– 53, 106–111; т. 6, арк. 124–128, 320–323.

⁶⁴ Там само, т. 1, арк. 180–216; т. 6, арк. 128, 326, 337–337 зв.

⁶⁵ Там само, т. 6, арк. 322–322 зв.

⁶⁶ Там само, арк. 104. См.: Там само, т. 1, арк. 106 а–110 а. Тут Кравченко утверждает, что его жена продавала только его личные вещи. Кравченко также сказал, что он получил от Абрамовича две пары сапог, костюм, три рубашки, два пиджака и несколько пар нижнего белья.

⁶⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 337–337 зв.

не указывал⁶⁸. Два других члена расстрельной команды Григорий Константинович Блинкин и Степан Николаевич Пиванов, которые давали показания только на первом судебном процессе, утверждали, что не видели, как Абрамович выбивал золотые зубы. Блинкин добавил, что расстрелы были подобны конвейеру, и что

«не было даже минуты свободной, чтобы заниматься извлечением золотых зубов у осуждённых».

Кравченко возразил, что

«можно было найти время, несмотря на то, что все очень были заняты»⁶⁹.

Шофёр Зудин также участвовал в расстрелах. На первом судебном процессе, когда он ещё не был обвиняемым, утверждал, что Абрамович забрал большинство ценностей – 200 золотых зубов. Он обвинил Абрамовича: тот заставлял его возить мешки с одеждой на личную квартиру⁷⁰. На втором и третьем судебном процессах, где он уже был подсудимым, Зудин изменил свои показания, сказав, что никогда не видел, чтобы Абрамович выбивал золотые зубы⁷¹. Зудин объяснил, что это Сагаляев заставил его лжесвидетельствовать против Абрамовича⁷².

Возможно, ещё более показательным для понимания «теневой экономики» преступного мира работников НКВД, чем вопрос о золотых зубах, было отношение к вещам расстрелянных. Сотрудник Тихон Семёнович Калачевский, выходец из крестьянской семьи, который был допрошен перед первым судебным процессом, но не давал показаний на суде, сказал:

«Необходимо отметить, что в то время в оперследгруппе было создано мнение о том, что приведение в исполнение приговоров – это тяжёлая работа и, если участники этого берут вещи, то нет ничего страшного, что они, мол, заслуживают этого».

Калачевский был потрясён, когда увидел Абрамовича в шине-

⁶⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 129–131.

⁶⁹ Там само, т. 1, арк. 180–216.

⁷⁰ Там само, арк. 54–61.

⁷¹ Там само, т. 6, арк. 155, 332.

⁷² Там само, арк. 333.

ли расстрелянного Соболя на второй или третий день после его казни⁷³. По словам Калачевского, он осуждал подобное воровство и поднял этот вопрос у Борисова, на что тот ответил, что областное НКВД дало понять ему и Данилову, который, похоже, тоже был расстроен этими действиями, что это нормальная практика. Похоже, областное НКВД разделяло мнение уманских сотрудников, считая, что, выполняя «трудную» работу, они имели право присваивать имущество расстрелянных⁷⁴.

Из показаний Неймана ясно, что расстрелов ждали с нетерпением. На одном из своих ранних допросов Нейман вспомнил случай, произошедший в декабре 1937 г., когда во время расстрелов отключили электричество. Он попросил шофёра Зудина немедленно отвезти его на электростанцию, но тот ответил, что отвезёт его позже, а то у него «пропадёт запал». На вопрос Неймана, что такое «запал»⁷⁵, Зудин объяснил, что это полагающаяся ему

«при разделении Абрамовичем часть денег, отобранных при расстрелах у осуждённых»⁷⁶.

Ещё один вопрос, который вызвал разногласия на суде, касался роли Томина и «запала». В показаниях Томин утверждал,

⁷³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 3, арк. 129–131. Младший лейтенант государственной безопасности Василий Спиридонович Соболев 3 апреля 1937 г. уволен в запас с должности начальника Монастырыщенского РО НКВД Киевской области. Расстрелян в Умани 4 или 5 ноября 1937 г.

⁷⁴ О практике расстрелов см.: *Тепляков А.Г.* Процедура: Исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. – М.: Возвращение, 2007. – С. 33–59.

⁷⁵ На блатном жаргоне ворованное называют «палёным». Использование мародёрами однокоренного с «палёным» слова «запал» – симптоматично. Оно на уровне языка и мышления связывает членов расстрельной команды с криминальным воровским миром.

⁷⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 1, арк. 45–53. По вопросу о присвоении денег, в отличие от присвоения имущества заключённых, тюремный бухгалтер и кассир являлись свидетелями и предоставили «экспертные» показания о том, как деньги заключённых возвращались им перед отправкой в лагерь или, в данном конкретном случае, перед расстрелом. Бухгалтер Виктор Григорьевич Гольдгубер вёл очень детальные записи и смог рассказать суду – сколько карманных денег заключённым позволялось взять с собой на этап, а также о разрешении Абрамовича им брать с собой больше положенных инструкцией 100 руб. См.: Там само, т. 6, арк. 131–132, 331–331 зв.

что только трижды участвовал в расстрелах. Он указал, что Роголь, бывший начальник третьего отдела областного УНКВД, запретил ему туда ходить, так как это негативно сказывалось на следовательской работе. Тем не менее, по собственному признанию, он продолжал время от времени на несколько минут заходить в расстрельные камеры⁷⁷. Этот чекист заявил:

«Я лично от Абрамовича ни одной вещи и ни одной копейки денег [...] не получил»⁷⁸.

Он припомнил, что члены расстрельной команды вели «нездоровые разговоры» о дележе имущества расстрелянных, и смысл разговоров, в особенности, слов Зудина, состоял в том, что «они много работают, но не получают» материального поощрения⁷⁹. Томин придерживался этих показаний в ходе двух судебных процессов.

Шофёр Зудин сказал своему следователю, что Томин и Борисов иногда заходили в комнаты для расстрела. Однако в их присутствии Абрамович не заставлял осуждённых раздеваться и не забирал их вещи⁸⁰. Нейман показал, что Борисов и Томин приходили на расстрелы и даже видели, как Абрамович выбивал золотые зубы⁸¹. Абрамович же на первом судебном процессе утверждал, что Томин и Данилов получали свою долю добычи, но изменил свои показания на втором процессе, не сумев вспомнить, получал ли Томин что-то из ворованного⁸². В конце первого процесса члены Военного трибунала пришли к заключению, что Томин знал о преступлениях Абрамовича, и поэтому постановили расширить следственное дело⁸³. К концу второго процесса, однако, Военный трибунал заключил, что не было достаточных доказательств грабежа во время расстрелов⁸⁴. Вполне

⁷⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 4, арк. 41–42.

⁷⁸ Там само, арк. 47.

⁷⁹ Там само, арк. 43–44.

⁸⁰ Там само, т. 1, арк. 54–56.

⁸¹ Там само, арк. 106–111.

⁸² Там само, арк. 128–131.

⁸³ Там само, арк. 154, 219, 231, 233.

⁸⁴ Там само, т. 6, арк. 172–176.

вероятно, что именно это заключение заставило Москву вмешаться и потребовать провести третье судебное разбирательство.

Свидетели также обвинили Томина в перенаселённости тюремных камер, что привело к смерти четырёх заключённых. Уманский следователь Иван Андреевич Мышко свидетельствовал, что ему было «известно со слов сотрудников НКВД» о тюремном режиме, о перегруженности камер и отсутствии воздуха⁸⁵. Вряд ли Томин сознательно создавал эти смертоносные ловушки. Перенаселённость тюрьмы была общеизвестным фактом и достигла кризисного состояния при наличии 2,5 тыс. человек в здании, рассчитанном только на 400–450 заключённых⁸⁶. Томин утверждал на суде, что он не помнит случаев смерти от перенаселённости камер. Борисов согласился с тем, что, возможно, Томин мог и не знать об этом, но, утверждал: перенаселённость камер в «коронном владении» Томина, третьем отделе, вызывалось тем, что в разработке было слишком много дел. В то же время Борисов подтвердил, что он, как начальник Уманского райотдела НКВД, нёс за это полную ответственность⁸⁷.

Начальник санчасти Уманской тюрьмы Соломон Наумович Гольденштейн служил источником самой надёжной информации о том, что творилось в тех камерах:

«Не помню когда, меня вызвал Абрамович в НКВД. Когда я туда прибыл, я застал следующую картину: 4–5 человек заключённых лежали голые, 2 или 3 из них уже были мертвы, а двух приводили в чувство путём искусственного дыхания. Мне предложили отправиться в КПЗ, где я увидел, что содержащиеся там арестованные задохнулись от перегрева воздуха. Всем потерпевшим мною была оказана медицинская помощь. Один из задохнувшихся арестованных ожил, но впоследствии умер уже от другой болезни».

Продолжая, Гольденштейн сказал, что у него нет информации о тех четырёх, кто умер от удушья, потому что их не доставили в тюремную санчасть, где обычно оформлялась документация. Далее Гольденштейн показал, что в то время он не рекомендо-

⁸⁵ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 99.

⁸⁶ Там само, т. 5, арк. 1–8, 277–302.

⁸⁷ Там само, т. 6, арк. 103, 109, 144.

вал проводить вскрытие в тех случаях, когда смерть наступила от удушья⁸⁸.

Александр Михайлович Лебедев (47 лет) был врачом Уманской тюрьмы. Он проводил вскрытия трупов. Хотя ему нечего было сказать конкретно о случаях удушья, он свидетельствовал, что трупы, которые доставляли ему, не имели при них объяснений обстоятельств смерти. Когда он спросил Борисова об этом упущении, тот ответил, что это «не важно», и Лебедев понял: об этом расспрашивать не следует⁸⁹. Он знал – некоторые заключённые были убиты, но писать об истинных причинах смерти нельзя. На процессе недоумевал, зачем вообще было делать вскрытие, заявляя:

«Цель вскрытия этих трупов мне не известна». Врач боялся, что будет арестован, если назовёт убийство убийством, хотя и вполне сознавал, что такая позиция «является сделкой с совестью[...]»⁹⁰.

Лебедев и без приказов из области хорошо понимал, что следует и чего не следует делать.

Показания пострадавших на суде были немногочисленны, за исключением тех, что касались работы Томина в Тирасполе, где он впоследствии служил заместителем наркома Молдавского республиканского НКВД. Тем не менее, среди жертв были те, кто, пройдя комнату № 21, выжил и дал показания или написал жалобы в вышестоящие инстанции. Перед тем, как обратиться к ним, полезно отметить, что стало первым «сигналом» о нарушениях «соцзаконности» в Умани. Курсант, мобилизованный для работы в Уманской оперативно-следственной группе из школы НКВД в Киеве, послал заявление прямо в «Правду»:

«В школе, где учили нас вежливому обращению с людьми и арестованными, и чекистской выдержке, и ловкости в следствии (sic). На практике оказалось противоположное, и мы, курсанты, этим были поражены, сочли свою учёбу напрасной и лишней [...]. Томин сказал, что наши курсовые знания отстали

⁸⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 112–113.

⁸⁹ Тамсамо, арк. 110–112.

⁹⁰ Тамсамо, арк. 328–329 зв.

от практики, здесь вам придётся изменить их и при допросах применять физические методы воздействия»⁹¹.

Не ясно, был ли этот «сигнал» связан с началом судебного разбирательства по делу Уманского райотдела НКВД, но заявление курсанта оказалось среди документов, и следователи, которые допрашивали бывших уманских начальников, ссылались на конкретные факты, изложенные в этом заявлении⁹².

Поступали и другие «сигналы». Они шли от пострадавших жителей Уманского и других районов, которые писали лично Сталину, в Комиссию советского контроля при СНК СССР⁹³, политбюро ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У, НКВД, уманскому и всесоюзному прокурорам, рассказывая о пережитой трагедии. В общей сложности в «Уманском деле» сохранилось восемь подобных писем и заявлений. Бывший председатель сельсовета Даниил Алимпиевич Деликатный 24 мая 1939 г. написал в Комиссию советского контроля из Пермского лагеря. Он утверждал, что два якобы «кулака» превратились из обвиняемых в разоблачителей. Они ложно обвинили Деликатного и всё сельское руководство в принадлежности к контрреволюционной повстанческой организации. Его арестовали 15 апреля 1938 г. и на следующий день доставили в Уманский райотдел НКВД. Оказавшись в комнате № 21, он отрицал все обвинения, за что его заставили стоять пять дней подряд. На шестой день Петров избил его и сказал, что, если Деликатный хочет жить, он должен признать обвинения. Этот сотрудник объяснил, что именно нужно написать. После этого Деликатного отправили к следователю, который написал признательные показания и заставил их подписать:

«Я, боясь избиений, ещё подписал, не зная что».

⁹¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 3, арк. 227–228.

⁹² В частности, курсант сделал несколько заявлений о сексуальных домогательствах в расстрельных камерах. Следователи неоднократно спрашивали об этом свидетелей, но безрезультатно.

⁹³ Орган государственного контроля в СССР. Создан 11 февраля 1934 г. вместо наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР. Реорганизован 6 сентября 1940 г. в союзно-республиканский наркомат государственного контроля.

Далее бывший арестованный сообщил:

«До этого времени я никогда в жизни не мог себе представить, что при Советской власти могут происходить допросы в таких условиях»⁹⁴.

31 января 1939 г. Евгений Филиппович Зайончковский написал Сталину из лагеря в Карелии. Он рассказал, что происходило в печально известной комнате № 21, где практика групповых пыток прикрывалась эвфемизмами: «Езда к Гитлеру», «Езда в Польшу», «Качание керосина». Одних арестованных заставляли избивать других арестованных. Он поведал Сталину, что в Умани массовые беспочвенные аресты совершались без санкции прокурора. В частности, он упомянул Томина и Петрова. Братья Зайончковского в январе также послали жалобы в политбюро ЦК КП(б)У и прокурору УССР⁹⁵.

Иван Григорьевич Кондратко 4 июня 1938 г. написал в НКВД СССР, рассказав о пережитом в Умани. Следователь Белый пытал его «методом парашюта», при котором:

«[...] Садят на конец высокой скамейки, вытягивают ноги, и руки ложат (sic) на колени, после чего у меня выбивают скамейку»⁹⁶.

Аврумберг Мошкович Клейтман подал «заявление-жалобу» прокурору Украины. Он писал:

«Меня 25 раз вызывали на допрос, и каждый раз меня били до полусмерти».

Клейтман отказался подписать ложное признание, потому что считал себя «честным гражданином». Он отмечал, что следователь Владимир Семёнович Крикленко

«меня заставлял молиться богу по-еврейски, давши мне две свечи в руки и револьвер до рта, он же заставил меня ехать в Польшу и лил мне холодную воду в затылок».

Крикленко угрожал семье Клейтмана, в частности, его 15-летней дочери. Когда Клейтман писал письмо, он был уже на свободе, но не смог примириться с клеветой и пытками, которым он подвергался⁹⁷.

⁹⁴ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 3, арк. 231–235.

⁹⁵ Там само, арк. 237–239, 243–244, 247.

⁹⁶ Там само, арк. 251–255.

⁹⁷ Там само, арк. 256.

Заключённый «Федя», учитель математики, в письме жене попросил её найти в Киеве управу на мучителей. Одним из главных «героев» его истории был Петров.

«[...] Мне приходилось, – писал “Федя”, – видеть людей, вышедших с допроса черными от побоев».

Он описал условия своего пребывания в камере, где находилось 42 человека:

«Это небольшая комната, не больше нашей кухни, без окон, с маленьким отверстием в двери».

«Федя» отказывался лжесвидетельствовать против себя, но после того, как с 20 до 28 июля 1938 г. его допрашивали каждую ночь до 6 часов утра, он подписал признание, хотя потом мучился от того, что ему пришлось врать⁹⁸.

Сидор Викторович Когут проходил свидетелем на втором и третьем судебных процессах. Когуту было тридцать лет, он работал в сельской кооперации. 24 апреля 1938 г. после ареста его привезли в Умань и немедленно доставили в «лабораторию». Там он увидел пьяного Петрова и 15–18 заключённых. Петров ударил его в ухо, а когда Когут заявил, что у него нет на это права, Петров избил его и бросил в камеру. В результате избиений Когут оглох. Он объяснил, что

«“качать керосин” это значит непрерывно делать приседания», а «“айда до Гитлера в гости” – это значит, что заставлял на четвереньках ездить и я ездил» (sic).

Когут также показал, что Петров бил заключённых палкой, в том числе и самого Когута⁹⁹.

Когут был единственным потерпевшим из Умани, свидетельствовавшим на суде, но двое других дали показания на допросах. М. И. Смерчинский сказал, что его силой заставили признаться в принадлежности к контрреволюционной организации. Он описал издевательства и пытки:

«Мне приходилось наблюдать так званные (sic) “концерты”. Заключались они в том, что арестованные друг друга избивали по предложению следователя – танцевали, пели. Руководил этими

⁹⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 3, арк. 263–270.

⁹⁹ Там само, т. 6, арк. 128–129, 323–323 зв.

концертами Фомин, Петров, Томин, Куратов. Помню, директор уманской школы Козак 16 суток стоял, опух, его жестоко избил Куратов [...]. Лично слышал, как из комнаты, где были арестованные старики – евреи, вызванные на допрос, слышались песни еврейские и пляски. Арестованный старик – еврей Штраус говорил мне, что их заставляли петь и танцевать»¹⁰⁰.

Во время следствия допросили и Дмитрия Ефимовича Дубиняк, которого в комнате № 21 пытал Петров. Он вспомнил, что Петров и следователь Чумак по очереди «заправляли там делами» (в комнате № 21. – Л. В.), причём Чумак был нетрезв. Дубиняк отказался подписать признательные показания и, в конце концов, был освобождён¹⁰¹.

Среди других потерпевших, давших показания, были женщины, которых, как и в Умани, в Тирасполе обыскивал Томин, заставляя раздеваться догола. Главным свидетелем была Лидия Иосифовна Павлик, экономист и жена бывшего сотрудника НКВД в Тирасполе. Их с мужем арестовали. В камере, где содержали Лидию Павлик, находилось ещё 25 женщин. 10 ноября 1938 г. туда зашёл Томин в сопровождении начальника тюрьмы и других сотрудников НКВД. По слова Павлик, обыск был проведён с нарушением всех правил. Томин заставил женщин полностью раздеться. Когда некоторые из женщин стали протестовать, он заявил:

«Не стесняйтесь, ведь вы в кабинете врача раздеваетесь».

Другая свидетельница, Любовь Владимировна Стаценко, бухгалтер из Одессы, также запомнила этот обыск. Она говорила, что заключённая А. Н. Варварецкая протестовала, отказавшись раздеться в присутствии мужчин. Томин обматерил Варварецкую и заставил её снять бюстгальтер и нижнее белье. Софья Моисеевна Пикгольц, врач по профессии, также запомнила протест Варварецкой. Она сама протестовала против действий Томина, который кричал на неё:

«Что же ты, б.., не хочешь раздеваться! Снять рубашку!».

Продолжая, она сказала:

¹⁰⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 3, арк. 57–58.

¹⁰¹ Там само, арк. 1–8, 45–48.

«Я стояла абсолютно голой, а надзиратель Ангелуша ощупывала грудь, тело и половой орган».

Когда она отказалась разрешить Ангелуше проверить влагалище, Томин пригрозил бросить её в карцер.

Сама Ангелуша вначале «забыла» об этом обыске, однако затем, в результате повторных допросов, призналась. Она служила надзирательницей с 1932 г. Вместе с другой, более молодой надзирательницей, Натальей Моисеевной Спогушевой, она подтвердила показания пострадавших женщин и призналась, что ранее обыски с раздеванием догола никогда не проходили в присутствии мужчин¹⁰². Томин позднее высказал сожаление, что «не знал» правила проведения обысков женщин¹⁰³.

Действия Томина в Тирасполе были продолжением беззакония, которое творилось в Умани. Там оно не ограничилось стенами Уманского райотдела НКВД. Томин проживал в городской гостинице, где он часто развлекал Абрамовича, Щербину и других сотрудников НКВД. По словам заведующей гостиницы Елены Александровны Соболевой (24-х лет), все они там выпивали. Она сказала, что Абрамович был особенно неприятным, всё время что-то требовал и придирился. Когда она призвала Абрамовича к ответу за сломанный телефон, тот сильно ударил её по лицу. Она пожаловалась на это Борисову и лишилась работы. Соболева также показала, что Щербина приходил в гостиницу, чтобы переспать с некой Аносовой, чей муж был арестован¹⁰⁴. Софья Мефодиевна Морозенко жила в одном доме с Аносовой, которая ей призналась, что Щербина «хочет за ней ухаживать» и что он передавал записки её мужу в тюрьму¹⁰⁵.

Ночные развлечения сотрудников НКВД, вероятно, стали причиной того, что, как утверждал следователь Мышко, весь

¹⁰² Протокол их допроса см.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 3, арк. 188–209, за которым следует протокол очной ставки между Томиным и Стаценко: арк. 210–214. Их показания см.: Там само, т. 6, арк. 118–122, 324–325.

¹⁰³ Там само, т. 6, арк. 149.

¹⁰⁴ Там само, арк. 132–133, 325.

¹⁰⁵ Там само, арк. 133, 325.

город знал, что творится в уманском застенке¹⁰⁶. Пьяное беспутство в местной гостинице, продажа на базаре вещей расстрелянных, принуждение женщин к сожительству – всё это тоже были проявления террора.

Часть IV

Какие доводы в своё оправдание привели сами уманские подсудимые? И какие выводы о мотивах их поведения можно сделать на основе анализа их показаний? На первый вопрос ответить легче, чем на второй. Главным самооправданием действий подсудимых стало то, что историк Холокоста Рауль Хилберг назвал «доктриной приказов свыше» («the doctrine of superior orders»)¹⁰⁷. Подсудимые и многие свидетели доказывали, что вышестоящее Киевское областное УНКВД примером и приказом создало условия для правонарушений и ошибок, совершенных в ходе массовых репрессий в Умани. Однако в Умани были вопросы и другого, второстепенного, значения: кто руководил, Борисов или Томин? Кому именно и что именно было известно? В какой степени Петров был «самоучкой» в его действиях в «лаборатории»?

Что касается преступлений в ходе расстрелов, следствие муслировало проявления мародёрства, хотя и в этом случае становится ясно, что областное руководство, разрешив расстрельной команде присваивать деньги и имущество расстрелянных, способствовало злодеяниям.

История Борисова ясна. Он отрицал свою вину, однако не отказался от ответственности за то, что творилось в подчинённом ему райотделе НКВД. Он утверждал, что Томин, как неформальный представитель областного руководства НКВД в Умани, оттеснил его:

«Я не был в состоянии бороться с Томином потому, что знал, что с этого ничего не получится, ибо руководство области и дальше на это реагировать не будет, только нарвёшься на большие

¹⁰⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 315–315 зв.

¹⁰⁷ *Hilberg Raul. The Destruction of the European Jews.* – New York: Holmes and Meier, 1985. – P. 288.

неприятности, вплоть до ареста и предания суду за срыв “оперативной” работы”¹⁰⁸.

Он утверждал, что неоднократно предупреждал своих сотрудников о недопустимости применения физического насилия. Все его подельники, как и многие свидетели, подтвердили его слова, хотя эта поддержка вполне могла быть обманчивой и результатом круговой поруки, которая сложилась под покровительством Борисова в Умани. Борисов заявил суду:

«Ни один свидетель не показал, что я давал указания применять физметоды следствия»¹⁰⁹.

В своём последнем слове на втором судебном процессе Борисов сказал:

«Я – старый оперативный работник, полжизни я отдал делу революции, анализируя настоящее дело и читая обвинительное заключение, я сам себя не узнаю. Обвинительное заключение не соответствует материалам дела»¹¹⁰.

«Я сам – рабочий-швейник, – продолжал он, – отец мой тоже портной. С 1914 до 1919 г. я работал по найму и в 1919 г. я бежал от мобилизации гетмана, поступил в Красную гвардию, затем был в Красной Армии, впоследствии перешёл в органы ЧК и работал по день ареста. Я за всё время своей работы ликвидировал очень много различных контрреволюционных группировок и банд. Я нахожусь под стражей уже 8 месяцев и осознал уже все. Прошу трибунал разобраться и возвратить меня в партию и семью трудящихся»¹¹¹.

Борисов просил о снисхождении, как и все его подельники. Но, в отличие от других, Борисов с самого начала признал, что так называемые «нарушения революционной законности» действительно были нарушением закона. Он видел все, что происходило. Он не оправдывал своих действий, а *объяснял* их как следствие страха, а также того, что Томин оттеснил его от руководства. Возможно, что его непротивление действиям Томина объясняется «компрометирующими материалами», кото-

¹⁰⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 4, арк. 27–31.

¹⁰⁹ Там само, т. 6, арк. 349 зв.

¹¹⁰ Там само, арк. 158–159.

¹¹¹ Там само, арк. 158–159.

рые на него были в НКВД. В обвинительном заключении о преступлениях Борисова упоминалась проведённая в его отношении спецпроверка, в ходе которой выяснилось, что у Борисова были родственники в США¹¹².

Томин представлял совершенно другой случай. Как и Борисов, он на обоих судебных процессах отрицал вину, но отказался признать, что какие-либо правонарушения вообще вершились в Умани. С самого начала допросов он вёл себя уклончиво. На вопрос, почему его уволили из НКВД, Томин утверждал, что ему это не известно. На вопросы о «лаборатории» он ответил, что об «искривлениях» не знает. Он также отрицал, что Борисов фактически находился у него в подчинении¹¹³. На первом судебном процессе Томин сказал:

«Я не понимаю своей вины, говорят, что был приказ о назначении меня начальником группы, но я этого сам не знал [...]. В Умань я прибыл с Бабичем в качестве рядового следователя, с Бабичем я был в плохих взаимоотношениях»¹¹⁴.

Томин считал, что он действовал исключительно в соответствии с приказами, идущими «сверху», т. е. от областного начальства¹¹⁵. На допросах и на обоих судебных процессах Томин утверждал, что никогда не давал приказов применять к арестованным физическую силу¹¹⁶. Более того, он вообще отрицал, что видел что-то противозаконное в комнате № 21 и что, якобы, он предупреждал следователей не бить арестованных¹¹⁷. Вместе с тем, явно противореча себе, он утверждал, что

«в то время всякое корректное отношение к арестованным считали либеральным, угрожали, что самому придётся за это идти в подвал»¹¹⁸.

¹¹² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 5, арк. 32–33.

¹¹³ Там само, т. 4, арк. 36–37, 39–47, 48–50, 62–64, 76, 110–116.

¹¹⁴ Там само, т. 6, арк. 146.

¹¹⁵ Там само, арк. 147, 346.

¹¹⁶ Там само, арк. 148, 343 зв.

¹¹⁷ Там само, арк. 343 об. –344.

¹¹⁸ Там само, арк. 146–147, 346.

По словам Томина

«Рейхман, приезжая из Киева, продемонстрировал, как надо работать с группой арестованных»¹¹⁹.

Томин старался свести к минимуму ответственность за происходившее на расстрелах. Он утверждал, что всего лишь несколько раз бывал там и ничего не брал из «запала». Он позволял другим присваивать вещи расстрелянных, потому что Шаров дал на это разрешение¹²⁰. По поводу незаконного обыска в Тирасполе, где женщин заставили догола раздеться в присутствии мужчин, Томин сказал:

«Моя ошибка заключается в том, что я, не зная инструкции о порядке производства обыска, зашёл в женский корпус»¹²¹.

Он также не мог припомнить, что кто-то в тюрьме умер от удушья из-за переполненности камер¹²². Заключительные слова Томина на втором судебном процессе могут в определённой степени дать представление о его менталитете. Он сказал:

«Я – не преступник, я всегда стремился отдать себя делу партии. Я – доброволец Красной армии, в 18-летнем возрасте я принял участие в гражданской войне, все годы пребывания в ВКП(б) я не имел взысканий и не стоял в стороне от активной борьбы с врагами партии, никогда не допускал искривлений [...]»¹²³.

Вслед за этим довольно стандартным автобиографическим «приукрашиванием» он продолжал:

«Я не мог разобраться в обстановке 1937 г. и не понимал тогда того преступного, что было, не понимал вражеской сущности. Считал, что все эти мероприятия должны быть направлены только против врага»¹²⁴.

Другими словами, Томин, по всей вероятности, верил в правоту того, что он делал. Он поверил в «правду» 1937 г. Это может объяснить слухи, которые появились во время допросов

¹¹⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 147.

¹²⁰ Там само, арк. 149.

¹²¹ Там само.

¹²² Там само, арк. 103.

¹²³ Там само, арк. 159.

¹²⁴ Там само.

свидетелей, о том, что Томин пытался покончить с собой¹²⁵. Возможно, поэтому в начале заключительного судебного процесса он говорил о своём сложном физическом и психическом состоянии¹²⁶. В то же время в его поведении в Тираспольской тюрьме и Уманской гостинице, где собирались сотрудники НКВД, проявились высокомерие, презрение к людям и пристрастие к излишествам – характеристики, которые были свойственны его работе в «лаборатории». Он настолько был уверен в себе, что несколько раз подавал апелляцию по своему делу. В конце концов, его освободили и мобилизовали на фронт¹²⁷. Он пережил войну и в 1977 г. подал безуспешное прошение прокурору о реабилитации¹²⁸.

Петров, по сравнению с Борисовым и Томиным, был второстепенным персонажем, милиционером из «глубинки». На допросах и в суде он говорил, что являлся рядовым исполнителем, к тому же малограмотным. Заявил следователю, что только «теперь» ему стало понятно, что в «системе следствия были нарушения»¹²⁹, а вину за «нарушения» возлагал на Томина. После длительного уклонения от ответа Петров частично признал вину, сказав, что для получения признательных показаний он избивал заключённых в «лаборатории»¹³⁰, однако, никого не покалечил¹³¹. На втором суде он заявил:

«Мне не давали указаний бить арестованных, но говорили, что надо дать 100 признаний в день. Я всё время отчитывался перед Томиным и указания получал только от Томина»¹³².

Петров так для себя уяснил суть проблемы 1937–1938 гг.: если получение признаний было формальной целью, а не действительным доказательством вины, то при огромном коли-

¹²⁵ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 3, арк. 145, 155–157.

¹²⁶ Там само, т. 6, арк. 309 зв.

¹²⁷ Там само, арк. 476, 488.

¹²⁸ Там само, арк. 488–491.

¹²⁹ Там само, т. 4, арк. 122.

¹³⁰ Там само, арк. 131.

¹³¹ Там само, т. 6, арк. 99.

¹³² Там само, арк. 145.

честве арестованных иного выхода, как избивать, выбивать показания не было. По крайней мере, в рамках своего понимания проблемы Петров действовал «честно». Он ни раскаялся, ни признал своей ответственности. Более того, один из его коллег, который не привлекался к суду, показал на процессе, что Петров был «знаменитым колуном», т. е. был известен своим умением «расколоть» арестованного, заставить его давать показания на допросах¹³³. У него было рекордное число признательных показаний и, по его собственным словам, он был «следователем с кулаком»¹³⁴. Он также свидетельствовал о применении к арестованным специфических видов пыток, скрывавшихся под эвфемизмами «температура», «езда к Гитлеру», «езда в Польшу» и т. д.¹³⁵ В своём последнем слове на суде Петров заявил:

«Перед Вами стоит батрак–рабочий–красногвардеец–партизан, я всю жизнь боролся за восстановление нашей страны. Я лично у гроба тов. Ленина давал клятву бороться с врагами Советской Власти. Я член ВКП(б) с 1918 г. Не имел ни одного взыскания. Я пришёл работать не с целью наживы и мародёрства. Клянусь оправдать себя трудом, прошу, чтобы это было для меня последним уроком»¹³⁶.

Как и его подельники, Петров использовал риторику преданности партии, убеждая Военный трибунал в своей идеологической и политической преданности.

Так же поступил и Абрамович. Он был единственным обвиняемым, которому пришлось пройти все три судебных процесса. В первый раз Абрамовича арестовали 6 апреля 1938 г. по ст. 54, п.п. 6, 7 и 10 УК УССР по обвинению «в шпионской деятельности». Его следователь пригрозил Абрамовичу, «что будут либо показания, либо куски мяса». Во время допроса он оскорблял, избивал Абрамовича и, якобы, даже назвал его «красногвардейской сволочью». По словам Абрамовича, в тот момент ему показалось, что он «попал в руки фашистов». Когда он

¹³³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 3, арк. 165–166.

¹³⁴ Там само, т. 6, арк. 319.

¹³⁵ Там само, т. 4, арк. 130–133.

¹³⁶ Там само, т. 6, арк. 160.

возразил следователю, что предан «партии Ленина», тот якобы ответил:

«О том, что ты предан партии Ленина мы знаем, а вот партии Сталина ты изменил»¹³⁷.

Абрамович объявил голодовку, и его делом стал заниматься заместитель начальника областного УНКВД. Видимо, было достигнуто соглашение: Абрамович прекратил голодовку и подписал признательные показания, и вскоре после этого его дело переквалифицировали на ст. 206 п. 17. 2 января 1939 г. он вернулся в Умань.

«Я считал, что драма моей жизни закончена, – вспоминал Абрамович, – но, прибыв домой в Умань, началась новая история».

Его преемник на посту начальника тюрьмы, некто Стахурский, выгнал жену и детей Абрамовича из их квартиры, поселив в маленькой десятиметровой комнате. Сотрудники НКВД конфисковали его имущество, включая и его любимую машину. Абрамович обратился к новому начальнику Уманского райотдела НКВД Сагалаеву, который также занимался допросами «уманских подозреваемых». По словам Абрамовича, Сагалаев был пьян. Абрамович пригрозил Сагалаеву, что напишет официальную жалобу, если его имущество не будет возвращено. На что Сагалаев ответил:

«Пиши, что хочешь и куда хочешь».

Жалобы Абрамовича не принесли никаких результатов, наоборот, 29 марта 1939 г., следователь Огородник вызвал его на допрос по поводу выбивания золотых зубов у расстрелянных:

«Я ему заявил, что это неверно, что зубы – это из моего рта, это можно проверить путём экспертизы».

21 мая Абрамовича повторно арестовали. Он утверждал, что этот арест был результатом «провокации» шофёра Зудина, Кравченко и Неймана¹³⁸.

Абрамович заявлял, что Сагалаев заставил Зудина, члена расстрельной команды Верещука и Кравченко свидетельствовать

¹³⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 335–335 зв.

¹³⁸ Там само, арк. 335–336.

вать против него. Он также считал, что Нейман и Сагалаев были друзьями и что, якобы, Сагалаев сказал Щербине, что «сегодня угробит Абрамовича». Зудин, который вначале показал, что Абрамович присвоил двести золотых зубов, на втором судебном процессе отказался от своих показаний, сказав, что он никогда не видел, чтобы Абрамович брал золотые зубы и что Сагалаев заставил его лжесвидетельствовать. Сагалаев, конечно, отрицал факт своего давления на кого-либо. Абрамович обвинил обоих, Зудина и Сагалаева, в том, что они завидовали, что у него есть машина. Машину конфисковали на основании, что Абрамович получил её незаконно. Однако в одной из жалоб Абрамович утверждал, что с 1933 г. копил деньги на машину. Он пояснил, что одни мужчины любят женщин, а он любит машины. Он обвинил Зудина, Сагалаева и одного из начальников Уманского межрайонной оперативной следственной группы – Василия Корнеевича Козаченко – в присвоении его машины¹³⁹.

Абрамович сознался в мародёрстве, но только в некоторой степени. Как и Борисов, он рассказал историю о том, что разрешение присваивать вещи расстрелянных пришло «сверху». Он также настаивал, вопреки показаниям других членов расстрельной команды, что поровну делил деньги и другое имущество. Абрамович настаивал, что ни он, ни другие члены расстрельной команды не выпивали до или после расстрелов, и категорически отрицал, что выбивал золотые зубы у расстрелянных¹⁴⁰.

По словам Петрова, после ареста Абрамовича Томин распорядился скрытно вывезти все ценности из квартиры Абрамовича¹⁴¹. Таким образом, невозможно точно разобраться в деле с золотыми зубами. Кроме того, обращает на себя внимание, что Военный трибунал на втором судебном процессе не обвинял сотрудников Уманского райотдела НКВД в мародёрстве¹⁴². Тем не менее, в мародёрстве Абрамовича не приходится сомне-

¹³⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 137, 160, 335–337 зв.; т. 7, арк. 10 зв.

¹⁴⁰ Там само, т. 1, арк. 2–3, 180–216; т. 6, арк. 110, 130, 151–153, 160, 335–337 зв.

¹⁴¹ Там само, т. 4, арк. 131; т. 1, арк. 7.

¹⁴² Там само, т. 6, арк. 172–176.

ваться. В ходе следствия и на процессе было высказано достаточно обвинений Абрамовича в том, что он брал имущество – шинель для себя, пальто – для своей жены. О том, как Абрамович относился к своей работе, свидетельствует одна из его встреч с Борисовом. В присутствии начальника, увидев, что его шинель замарана кровью, Абрамович сказал:

«Сукин сын – меня испачкал»¹⁴³.

«Сукиным сыном» был человек, которого Абрамович только что расстрелял. Кроме того, как и в случае с Томином, на репутации Абрамовича сказались его ночные застолья в гостинице и, если верить словам заведующей гостиницей, то, что он ударил женщину по лицу¹⁴⁴.

Абрамовича также обвинили в разглашении государственной тайны. Он утверждал, что не выносил секретов за стены тюрьмы¹⁴⁵. Косвенно, подобное нарушение свидетельствует об определенной степени уверенности Абрамовича в своих действиях в 1938 г. и потере осторожности. Наконец, уместно отметить, что докладная записка, посвященная Абрамовичу, ссылается на материалы спецпроверки НКВД 1935 г., в которых говорится, что Абрамович мог быть сыном торговца и вёл антисоветские разговоры¹⁴⁶. Не ясно, сыграл ли этот компромат какую-либо роль при предъявлении обвинений и повлиял ли он на характер ответов Абрамовича. В конечном итоге, Абрамович в основном «выполнял приказы», но ясно, что он сыграл важную роль в атмосфере безнравственности, коррумпированности и тех зверствах, которые вершились в Умани.

Двумя последними подсудимыми были шофёр Зудин и следователь Щербина, который по совместительству порой выполнял функции могильщика. Николай Павлович Зудин родился в Москве в 1912 г. в рабочей семье. Образование получил лишь начальное. Годы юности Зудин провёл в Красной армии. С 1934 г. он работал шофёром в Уманском райотделе НКВД.

¹⁴³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 321 зв.

¹⁴⁴ Там само, арк. 132, 325–325 зв.

¹⁴⁵ Там само, арк. 154.

¹⁴⁶ Там само, арк. 49–50.

Комсомолец, он был женат и имел на содержании мать и двух сестёр¹⁴⁷. Зудин был неупоминимым работником: в течение двух месяцев он присутствовал на расстрелах почти каждую ночь¹⁴⁸. На допросах и первом судебном процессе он дал показание против Абрамовича: тот выбивал золотые зубы у расстрелянных. Но позже от такого свидетельства отказался¹⁴⁹. Несколько свидетелей вспомнили, как Зудин спорил по поводу своей доли из имущества расстрелянных¹⁵⁰. Он был обвинён в присвоении 200 руб., пяти пар сапог, кожанки и трёх пар нижнего белья из «запала»¹⁵¹. Зудин утверждал, что Абрамович брал лучшее себе¹⁵². По большому счету, роль Зудина в «нарушениях» была незначительной. Военный трибунал по результатам второго процесса оставил его безнаказанным, чего не повторилось на заключительном судебном разбирательстве¹⁵³.

Леонид Семёнович Щербина родился в 1901 г. в крестьянской семье. Он был коммунистом с 1925 г., сотрудником органов госбезопасности с 1930 г. На работу в Умань его назначили в 1937 г.¹⁵⁴ Как и Зудин, Щербина выступал ключевым свидетелем по вопросу о мародёрстве во время расстрелов. Его тоже уличили в том, что он ссорился из-за «запала». По словам Борисова, Щербина был «жадный»¹⁵⁵ и склонил к сожительству жену одного из заключённых¹⁵⁶, хотя он и отрицал эти обвинения на том основании, что был женат¹⁵⁷. Щербина утверждал, что брал деньги расстрелянных только с одной целью и только с санкции Абрамовича: чтобы купить еду на завтрак для рас-

¹⁴⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 97, 308 зв.

¹⁴⁸ Там само, арк. 332.

¹⁴⁹ Там само, арк. 137–138, 155–156, 332.

¹⁵⁰ Там само, т. 1, арк. 129–131; т. 4, арк. 41–43.

¹⁵¹ Там само, т. 5, арк. 292.

¹⁵² Там само, т. 6, арк. 156.

¹⁵³ Там само, арк. 172–176.

¹⁵⁴ Там само, арк. 97, 308 зв.

¹⁵⁵ Там само, т. 4, арк. 12–22.

¹⁵⁶ Там само, т. 6, арк. 132–133, 325.

¹⁵⁷ Там само, арк. 338–339.

стрельной команды. Щербина утверждал, что его оклеветали, и на обоих процессах настаивал на своей невиновности¹⁵⁸.

Уманские преступники оправдывали свои действия, главным образом, тем, что получали приказы «сверху», имея в виду в большинстве случаев областное руководство УНКВД в Киеве. Борисов и Томин также ссылались на последствия неподчинения приказам из области, хотя не ясно, значило ли это, что они действительно боялись, или просто, осознавая «откуда ветры дули» в 1937 г., знали, что именно следует говорить в данной политической ситуации. Областное УНКВД, в их видении, было главным виновником преступлений в Умани, однако этот факт Военный трибунал предпочёл проигнорировать. Действительные мотивы преступников вряд ли когда-либо смогут быть установлены со всей определённой ясностью. Однако, более чем вероятно, что некоторые или все уманские обвиняемые верили в то, что делали; безоговорочно, за исключением Борисова, выполняя приказы. Одобрение и публичные в своей среде похвалы «художествам», которые Петров творил в «лаборатории», могли способствовать тому, что попытки становились ещё более жестокими. Абрамович, Зудин и Щербина, без всякого сомнения, были корыстными людьми. Они ждали от расстрелов добычи, как справедливую компенсацию за то, что считали тяжёлой работой. Ожидание вознаграждения было частью (а)моральной экономики расстрелов. Алкоголь, возможно, облегчал совершение противоправных действий, но свидетельства на этот счёт слишком скудны, чтобы можно было делать определённые выводы. Завершая исследование, будет справедливо сказать, что сотрудники Уманского райотдела НКВД работали в атмосфере безнравственности, высокомерия и неограниченности власти.

Заключение

Обвиняемые по «Уманскому делу» ни в коей мере не были особенными людьми. Все они происходили из простых семей и слыли «хорошими семьянинами». Связав свою судьбу с револю-

¹⁵⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38195, т. 6, арк. 156, арк. 350.

цией, большинство из них воевали в гражданскую войну в Красной армии, а потом поступили на работу в органы госбезопасности. То, что их биографии не были особенными, однако, не значит, что они были «обычными людьми», в том смысле в каком этот термин – «ordinary men» употребляет Кристофер Браунинг (Christopher Browning) в отношении членов нацистской айнзацгруппы (Einsatzgruppen)¹⁵⁹. Долгие годы, проведённые этими людьми в замкнутой обособленной атмосфере НКВД с её культурой насилия, цинизма и коррупции, не позволяет принять трактовку Браунинга. Более того, маловероятно, что жертвы репрессий классифицировали бы этих преступников как «обычных людей».

Уманские подсудимые были порождением революции, гражданской войны и, особенно, ЧК. Они работали в чрезвычайных обстоятельствах, но, тем не менее, многое из того, что они вершили в 1937 и 1938 гг., стало для них нормальной рутинной. Практика террора стала их работой, и в коридорах НКВД каждый из них открыто обсуждал то, что, как документы будут убеждать нас, было «строго секретно». Насилие было их общей системой координат, а массовые репрессии конкретным полем деятельности¹⁶⁰. Хотя террор был санкционирован «свыше» и его оперативная структура была определена областным начальством, сотрудники Уманского райотдела НКВД не были

¹⁵⁹ «Einsatzgruppen» (айнзацгруппа) – нацистские подразделения служащих полиции безопасности СД, полиции порядка и войск СС. Осуществили массовые убийства евреев в Польше, Украине и РСФСР в годы Второй мировой войны. Называя этих карателей «обычными людьми», Браунинг подчёркивает, что в них не было ничего особенного, ничего, что ранее позволило бы идентифицировать их как убийц. В гражданской жизни они были обыкновенными людьми. См.: *Browning Ch.R. Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland.* – New York: Harper Perennial, 1992.

¹⁶⁰ См. интересную работу: Neitzel Sonke and Welzer Harald. *Soldaten: On Fighting, Killing, and Dying. The Secret World War II Transcripts of German POWs.* – Toronto: McClelland and Stewart, 2011. – P. 8–10. С целью «понять предпосылки, при которых психически нормальные люди делают то, что в противном случае они никогда бы не сделали», авторы книги обсуждают как немецкие солдаты говорили о совершении преступлений как об обыденном событии, норме поведения.

только хорошими рядовыми исполнителями. В (а)моральной экономике расстрелов, в сочетании с «лабораторией» пыток, ложь, эвфемизмы и разрядки на убийство вершили судьбы людей. Вдобавок ко всему, перегруженность работой, постоянная текучесть кадров и разношёрстный состав мобилизованных сотрудников, включавший водителей, тюремных надзирателей и милиционеров, создавали нестабильную ситуацию, чреватую насилием.

Насилие перекинулось в город вместе с ночными дебошами сотрудников НКВД в местной гостинице и появлением имущества расстрелянных на местном базаре или на плечах палачей. Ян Томаш Гросс и Ирена Грудзинска Гросс (Jan Tomasz Gross and Irena Grudzinska Gross) в книге «Золотой Урожай», «рискуя сказать очевидное», относительно Холокоста в Польше, утверждают, что

«конкретные люди были убиты в этой рукотворной трагедии, и конкретные люди исполняли расстрельные приговоры [...] исполнители не были простыми винтиками в машине, которая функционировала в соответствии с predetermined правилами»¹⁶¹.

И в Умани исполнители преступных приказов не были «простыми винтиками». Они работали в рамках более обширной культуры насилия НКВД, сформированной войной, революцией и террором, которая не только облегчила и сделала возможным нарушения закона, но и санкционировала, по крайней мере на время, масштабный спектр преступных действий, исполнителями которых стал столь же широкий круг конкретных людей.

Перевод Е. А. Осокиной

Віола Л. Справа Уманського районного відділу НКВС

Досліджуються злочини співробітників районного відділу НКВС у м. Умані в період «Великого терору», також засудження деяких із них на закритих судових процесах. Вказується, що дії чекістів були породженням більшовицької практики насилля. Їх діяльність у 1937–1938 рр. стала для них рутинною роботою.

¹⁶¹ Gross Jan Tomasz with Grudzinska Gross Irena. Golden Harvest. – New York: Oxford University Press, 2012. – P. 65, 67.

Ключові слова: Умань, НКВД, «Великий терор», співробітники держбезпеки.

Viola L. The Case of Uman' Regional NKVD Office

The crimes of the executives of the Uman' NKVD office during the Great Terror were examined, as well as closed processes on some of them. It is pointed out, that chekists' actions were the result of Bolshevik's practice of violence. Their deeds during 1937–1938 became for them routine.

Key words: Uman', NKVD, The Great Terror, state security executives.

УДК 351.746.1-051(479.22)(092):343.1]«1957»(045)

*Тимоти БЛАУВЕЛЬТ**

«Какова была музыка, таков был и танец»: дело Серго Давлианидзе

Предпринимается попытка «населить макроисторическое пространство», исследуя деятельность сотрудника НКВД Грузии Серго Давлианидзе в период «Большого террора» и материалы судебного процесса 1957 г. По мнению автора, появилась возможность достичь «баланса между макро- и микро- историей», а также понимания того, как люди, работавшие в институтах сталинского общества, оказались способны совершать акты насилия в значительных масштабах против невинных людей.

Ключевые слова: Серго Давлианидзе, «Большой террор», политические репрессии, НКВД.

В недавних исследованиях по советской истории звучат призывы творчески применять выводы, содержащиеся в обширной литературе о преступлениях нацизма в Германии, для изучения схожих массовых преступлений сталинизма в СССР, обращая особое внимание на то, как «обычные люди» становились карателями, а также, каким образом следователи карательных орга-

* Блаувельт Тимоти К. (Timothy K. Blauvelt) – ад'юнкт-професор радянських і пострадянських досліджень Державного університету Іллі (Тбілісі, Грузія).

нов «вписываются» в сталинское общество и являются воплощением этого общества.

Каратели в контексте сталинизма

Масштабы репрессий, совершенных нацистским и коммунистическим режимами, ставят фундаментальные вопросы об особенностях человеческой природы и о том, как и при каких обстоятельствах люди могут вести себя столь бесчеловечно. Как и в ранних исследованиях Холокоста и Нюрнбергского суда, пока в историографии основное внимание в изучении сталинского террора обращается на Сталина и высшее руководство СССР. Большинство историков рассматривают руководителей среднего звена, чьими руками в действительности вершился террор, либо как «простых винтиков в сталинской машине», либо как садистов и психопатов, чья склонность к уголовщине проявилась в соответствующих условиях. Без сомнения, приказы, поступавшие сверху, играли центральную роль в репрессиях, а среди следователей советских карательных органов были садисты, но как «обычные люди» становились карателями?

Обширные фонды бывшего архива КГБ Грузинской ССР¹ о судебных процессах над сотрудниками грузинского НКВД, которые прошли в Тбилиси в период «десталинизации», последовавшей после XX съезда партии в 1956 г., дают возможность исследовать карьеру, мотивации и взгляды руководителей с тем, чтобы «изменить перспективу исследования» с целью «создания дифференцированного образа сотрудников карательных органов СССР»². Как следует из новаторских исследований Петера Лонгериха (Peter Longerich), значительное число свидетельских показаний, комментариев, апелляций и личных заявлений, содержащихся в этих фондах, позволяют исследовать взаимоотношения личности и государства, изучить влияние таких факторов, как предрасположенность и обстоятельства, идеология и рациональность, взаимодействие и взаимное уси-

¹ Архив бывшего КГБ Грузии сейчас официально называется Сакартвелос шинаган сакмета саминистро (шсс) аркиви (I) [I-ая секция Архива Министерства внутренних дел Грузии] (далее – Сакартвелос шсс аркиви (I)).

ление этих факторов³. По словам Линн Виолы, важно выяснить на микроуровне «экосистему насилия», тот контекст, в котором «обычные люди» становятся карателями, ту роль, которую совпадение определённых обстоятельств, культуры и идеологии играет в инициировании и экспансии насилия, и то как личные мотивы могут определять действия людей⁴. Например, предпосылками могли служить тот опыт насилия, который будущие сталинские каратели получили в период Первой мировой войны, революций и гражданской войны в России 1914–1921 гг., особенности их личной психологии и понимания законности, ведомственная среда и давление со стороны сослуживцев, расширение их полномочий, а также приказы по НКВД, массовая психология и идеология, которую режим насаждал в обществе (официальный дискурс), наличие альтернативных дискурсов или ценностных норм.

В данной статье автор обращается к этим вопросам и, перефразируя высказывание Линн Виолы, предпринимает попытку «населить макроисторическое пространство» («to populate the macro historical»), исследуя материалы судебного процесса 1957 г. над Серго Семёновичем Давлианидзе, сотрудником среднего и высшего звена НКВД Грузии в период наивысшего разгула массовых репрессий, активно участвовавшего в арестах и допросах того времени. Двадцать четыре тома сопроводительных документов, материалов допросов, писем и апелляций, стенограмм судебных заседаний и свидетельских показаний репрессированных, бывших коллег и самого Давлианидзе дают возможность достичь «баланса между макро- и микроисторией»⁵ и понимания того, как люди, работавшие в институтах сталинского общества, оказались способны совершать акты насилия в столь значительных масштабах против, в большинстве своём, невинных людей.

² Юнге М. Советские «каратели». Историография, методы и источниковая база // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. – 2015. – № 1 (44). – С. 17–48.

³ Там же.

⁴ Viola L. The Question of the Perpetrator in Soviet History // Slavic Review. – 2013. – № 1 (72). – P. 1–23.

⁵ Ibid. – P. 22.

Обычная биография сотрудника органов безопасности

Серго Давлианидзе, как представляется, идеально соответствует определению «типичного» сотрудника НКВД сталинского времени. В разгар массовых репрессий, с середины 1937 до середины 1938 гг., он служил заместителем начальника 4-го отдела НКВД Грузии, а в период 1938–1948 гг. занимал руководящие должности в центральном аппарате и органах наркомата на железнодорожном транспорте, Северном Кавказе и в Закавказье.

Давлианидзе родился в 1904 г. в Кутаисской губернии Грузии в семье, как он утверждал, бедного крестьянина, который позднее вступил в колхоз⁶. Как и многие из его коллег, он не получил хорошего образования, окончив лишь 4 класса начальной школы, хотя в течение жизни в автобиографиях Давлианидзе старался «улучшить» образовательный статус, заменив «неполное начальное» на «неоконченное среднее», а иногда даже и на «неоконченное высшее»⁷. Давлианидзе знал русский язык, по-видимому, понимал грузинский, но не мог читать и писать на родном языке. Поэтому, несмотря на деревенское происхождение, изъяснялся, в основном, на русском. Он заявлял, что в рядах Красной армии в гражданскую войну на Северном Кавказе он принял участие в обороне Минеральных Вод в 1919 г., хотя, как позднее покажет следствие, это было маловероятно, так как ему в то время было 15 лет. Согласно официальным материалам его личного дела, Давлианидзе стал сотрудником милиции в Тбилиси в феврале 1921 г., когда город заняла 11-я армия РККА, а в конце года вступил в комсомол. В 1923–1924 гг. служил во 2-м Грузинском стрелковом полку в Батуми⁸. По окончании службы, в апреле 1924 г., был назначен секретарём районного комитета комсомола в Манглиси – сельском районе Грузии, где проработал до октября 1925 г., после

⁶ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643–58, т. 24/21, л. 244.

⁷ В одной из автобиографий Давлианидзе указал, что два года учился в Тифлиском высшем гидротехническом училище.

⁸ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643–58, т. 24/1, л. 98.

чего был командирован на работу в аппарат ГПУ. В органах государственной безопасности Давлианидзе сделал карьеру. Отметим, что до 1937 г. Давлианидзе работал в районных органах госбезопасности в разных местах Грузии (преимущественно на западе в Чиатури в 1928–1931 гг.), а также в экономическом отделе (ЭКО) ГПУ в Тбилиси.

Следственное дело Давлианидзе содержит описания его карьеры во множестве заявлений, апелляций и автобиографий, а также свидетельствах государственных и партийных проверок, инспекций, мнениях коллег, соперников и других свидетелей. Согласно более позднему заключению Института Маркса–Энгельса–Ленина (ИМЭЛ), Давлианидзе был освобождён с должности секретаря райкома комсомола в Манглиси в июне 1925 г. за некомпетентность, «абсолютное отсутствие руководства с его стороны» и по причине многих «крупных дефектов в работе комсомольской организации». По заключению комиссии ИМЭЛ,

«райком и, в первую очередь, секретарь Давлианидзе, совершенно не были знакомы с политикой и постановлениями партии и комсомола о работе в деревне»⁹.

Несмотря, а может быть как раз по причине¹⁰, столь негативной оценки его деятельности, Давлианидзе был отослан в Тбилиси на кратковременную работу секретаря экономического отдела ЦК ЛКСМ Грузии, а затем переведён в ГПУ. Оценки работы Давлианидзе в органах госбезопасности в начальный период его карьеры были низкими. В 1926 г., будучи полномочным представителем ГПУ в Шоропани, он получил такие характеристики:

«проявлял мальчишество, авторитетом не пользовался», «выполнял только задания, другой работы не вёл, инициативы не проявлял, с ограниченным кругозором, на самостоятельной работе не соответствует [должности]», но «под хорошим руководством даст положительные результаты».

В течение службы Давлианидзе продолжали критиковать за неумение работать в команде и за то, что он «часто дерётся с

⁹ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643–58, т. 24/1, л. 95.

¹⁰ Из документов не ясно, было ли новое назначение повышением по службе или попыткой избавиться от Давлианидзе.

сотрудниками»¹¹. В апелляции, посланной Лаврентию Берия в 1953 г., Давлианидзе описал ряд конфликтов того времени с местным партийным руководством и коллегами по органам госбезопасности, которые, видимо, поддерживали соперника Берия – Тите Лордкипанидзе. В частности, в 1926 г. с секретарём комсомола в Манглиси; 1927 г. в Шоропани с Михейлом Дидзигури, ставленником Лордкипанидзе; 1929 г. с местным райкомом в Чиатури; 1930 г. с Кавтеладзе, сторонником Лордкипанидзе в Чиатури; 1930–1931 гг. с Дидзигури, Лордкипанидзе и первым секретарём ЦК КП (б) Грузии Самсоном Мамулия. Именно тогда, по словам Давлианидзе, Мамулия заявил в его адрес, что слишком «смело бросает обвинения и превышает свои полномочия». Проводившая проверку комиссия ЦК Компартии Грузии заключила, что между Давлианидзе в ГПУ и местным райкомом развернулась «беспринципная борьба», в которой Давлианидзе «совершенно недопустимым образом» собирал материалы, зачастую тенденциозные, «с помощью аппарата ГПУ для дискредитирования руководящих работников»¹². Из письма Давлианидзе 1953 г. следует, что в каждом из этих конфликтов он напрямую обращался, лично или письменно, к Берия, защитой которого он пользовался, чтобы избежать негативных последствий¹³.

В 1933–1934 гг., во время работы в экономическом отделе ГПУ Грузии в Тбилиси, Давлианидзе вновь оказался вовлечённым в конфликт с Лордкипанидзе. Одновременно это был и ведомственный конфликт между ПП ОГПУ ЗСФСР, начальником которого в то время был Лордкипанидзе, и грузинским ГПУ, который без санкции ПП ОГПУ ЗСФСР арестовал нескольких «известных экспертов», якобы вовлечённых в контрреволюционный заговор¹⁴. По этому делу Давлианидзе был арестован и в октябре–ноябре 1934 г. заключён в тюрьму, откуда он

вновь послал апелляцию Берия и его ставленнику Соломону Мильштейну – заместителю заведующего особого сектора ЦК КП(б) Грузии. После месячного тюремного заключения в ноябре 1934 г. Давлианидзе был вызван из камеры на встречу с начальником ПП ОГПУ ЗСФСР. Ожидая предстать перед Лордкипанидзе, Давлианидзе был приятно удивлён, увидев ставленника Берия С. А. Гоглидзе, назначенного на этот пост. Лордкипанидзе был снят с должности и позже направлен в Крым, в 1937 г. расстрелян как «враг народа». Гоглидзе освободил Давлианидзе и восстановил в должности.

В течение двух последующих лет, в 1935–1937 гг., Давлианидзе был вновь послан на работу в Чиатури начальником райотдела НКВД. В июле 1937 г. его вернули в Тбилиси и назначили заместителем начальника 4-го отдела грузинского НКВД. Этот отдел, известный также как секретно-политический (СПО), который в то время возглавлял один из ставленников Берия – Богдан Кабулов, отвечал за сбор агентурных материалов и занимался разоблачением «враждебной деятельности»

«членов антисоветских партий и групп, бывших белогвардейцев, священников и националистов, не связанных с иностранными националистическими организациями»¹⁵.

Так как принадлежность к этим категориям составляла главный повод для обвинений «врагов народа», именно 4-й отдел стал центральным в НКВД при проведении массовых репрессий в Грузии. Кобулов лично руководил первыми тремя из семи отделений 4-го отдела, тогда как Давлианидзе отвечал за работу остальных четырёх отделений, которые, в основном, занимались отдельными районами Грузии¹⁶. В отсутствие Кобулова или его занятости, Давлианидзе, как заместитель, имел право подписывать документы и отдавать приказы. С декабря 1937 до февраля 1938 гг., когда Кобулов исполнял обязанности заместителя наркома НКВД Грузии, Давлианидзе также часто замещал его в качестве начальника отдела¹⁷. Регулярно Дав-

¹¹ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/1, л. 206–16.

¹² Там же, л. 97.

¹³ Там же, л. 228–31.

¹⁴ Там же, л. 232. Также см.: Газарян С.О. Это не должно повториться (Документальная повесть). – Ереван, 1988. – С. 22.

¹⁵ Контрразведывательный словарь. – М. 1972.

¹⁶ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/1, л. 3–7.

¹⁷ Там же, т. 24/18, л. 98; т. 24/21, л. 62.

лианидзе напрямую отчитывался перед главой НКВД Грузии Гоглидзе.

По свидетельству бывшего коллеги Давлианидзе, перевод с должности начальника районного НКВД в Чиатури на должность заместителя начальника 4-го отдела НКВД Грузии

«во второй половине 1937 г., в разгар репрессий, было большим скачком, и это назначение не могло обойтись без покровительства НКВД, в том числе и Кобулова, и, конечно, особой активности со стороны Давлианидзе»¹⁸.

Повышение по службе давало и материальные привилегии. Давлианидзе с семьёй получил просторную квартиру в элитном доме 5/7 по улице Саджая (ныне Киачели), известном как «генеральский дом». В нем жили высшие партийные, военные чины и верхушка НКВД¹⁹. Давлианидзе преуспел в новой должности и в августе 1938 г. был назначен сначала заместителем, а затем начальником 3-го отдела (контрразведка) грузинского НКВД. В 1939 г. он возглавил транспортный отдел НКВД Закавказской железной дороги. В течение двух периодов времени, в марте-августе 1941 г., а затем с мая 1944 по ноябрь 1945 г., Давлианидзе был заместителем наркома госбезопасности Грузии²⁰. Кроме того, в 1945 г. он стал кандидатом в члены ЦК Компартии Грузии и получил звание генерал-майора.

Массовые репрессии и война представляются апогеем карьеры Давлианидзе. В 1945 г., после того, как он «создал нездоровую склочную обстановку в аппарате НКВД Грузинской ССР», испортив отношения с главой этого ведомства А. Н. Рапава, ещё одним назначенцем Берия²¹, Давлианидзе был переведён в Северную Осетию в Джауджикау на должность начальника транспортного отдела МГБ Орджоникидзевской (Северокавказской) железной дороги. С этого момента Давлианидзе вновь стал получать негативные характеристики. Его обвиняли в том, что

¹⁸ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/18, л. 74.

¹⁹ Берия тоже жил в этом доме в бытность наркомом внутренних дел Грузии.

²⁰ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/1, л. 181.

²¹ Там же, л. 203.

«с первых же дней своей работы» он «создал нездоровую и склочную обстановку в отделе», «окружил себя лицами, подобранными не по деловым качествам, а по признакам родства или знакомства по прежней работе»,

что он использовал своих приближенных для

«сбора сведений о настроениях и мнениях сотрудников отдела, что породило среди оперсостава недоверие и боязнь друг друга».

Кроме того, «под видом служебных командировок Давлианидзе неоднократно организовывал поездки в Тбилиси его приближенных», тогда как действительная цель этих командировок «была связана с доставкой продуктов для его семьи». Давлианидзе также обвинялся в расходовании на личные цели 9317 руб. из «оперативных средств» (позже он вернул деньги), а также в том, что он оформил занимаемую им лично квартиру как конспиративную и оплачивал её из государственных средств. Его высокомерие, чванливость служебным положением и званием генерал-майора возмущала сотрудников. Публично красуясь, он разъезжал по городу в сопровождении специальной охраны. В течение первых одиннадцати месяцев работы этот генерал арестовал более трети своих сотрудников (36% или 51 чел.), а более половины (51% или 72 чел.) перевёл на другую работу без объяснения причин. Как отмечалось в документах, это стало причиной «низких результатов в агентурно-оперативной работе» в 1946 г.²² Вскоре после перехода на работу в Джауджикау, в августе 1946 г., Давлианидзе послал партийному руководству доносы на своих коллег по работе в обкоме Северо-Осетинской автономной республики. Однако в ноябре 1947 г., к его огорчению, эти жалобы были отправлены обратно в Северо-Осетинский обком для рассмотрения. В результате вспыхнула резкая конфронтация с руководителями Северной Осетии на пленуме обкома. Они требовали объявить Давлианидзе выговор и отстранить от занимаемой должности, что в итоге и было сделано приказом МГБ СССР в 1948 г.

Давлианидзе провёл остаток сталинского правления и последующие годы, рассылая апелляции высокопоставленным

²² Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/1, л. 201.

руководителям: сначала Абакумову, затем Берия, а позже Булганину и Хрущёву. Он просил пересмотреть его дело и восстановить на работе или, по крайней мере, платить ему пенсию. Однако после его конфликта с Рапава в 1945 г. никто в окружении Берия не хотел заступаться за Давлианидзе. Его апелляции не только оставили без внимания, но они имели отрицательные последствия. В 1951 г. вновь отменили выплату половинчатой пенсии (огромная сумма в 4350 руб. в месяц), которую ранее ему удалось восстановить, а в июле 1953 г. его лишили звания генерал-майора за

«поведение, дискредитирующее высокое звание начальствующего состава органов МГБ»²³.

После ареста Берия Давлианидзе вызвали в Москву в качестве свидетеля на суде над Берия, Гоглидзе и Кобуловым в декабре 1953 г. и судебное заседание по делу его бывших коллег К. С. Савицкого, Н. А. Кримиана, А. С. Хазана и Г. И. Парамонова в мае 1954 г. Несколько подсудимых и свидетелей дали обвинительные показания против самого Давлианидзе. В июле 1956 г., когда Давлианидзе работал директором продуктового магазина в Тбилиси, его арестовали. Прокуратура Закавказского военного округа возбудила против него дело по обвинению в контрреволюционной деятельности в период работы в НКВД во время массовых репрессий и после них.

Ведомственный контекст: практика сталинизма в НКВД Грузии

Материалы судебного дела Давлианидзе дают возможность увидеть «изнутри», на микроуровне, отношения между сотрудниками грузинского НКВД во время массовых репрессий, а также систему покровительства (клиент-патронских отношений) в действии. Кроме самого Давлианидзе, ключевыми фигурами в НКВД Грузии в 1937–1938 гг. (все были следователями в 4-м отделе) являлись Александр Самойлович Хазан – начальник 1-го отделения 4-го отдела, Константин Сергеевич Савицкий – заместитель начальника 1-го отделения, Никита Аркадьевич

²³ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/1, л. 204.

Кримиан – начальник 2-го отделения (для «особо важных дел»). В мае 1954 г. они предстали перед судом (а также Г. И. Парамонов) и были приговорены к расстрелу²⁴. Представляется, что через Кобулова они были связаны с более обширной группой, которой покровительствовал Берия. Бывший сотрудник НКВД В. Н. Гульц свидетельствовал в 1953 г.:

«В 1937–1938 гг. Кобулов сыграл зловещую роль. Он стал убирать с дороги своих потенциальных конкурентов. Одновременно с этим Кобулов таким же путём парализовал всех лиц, которые, по мнению его и его шефа Берия, могли помешать им в их карьерных и авантюристических намерениях. Для этой цели Кобулов сгруппировал вокруг себя верных людей, способных на любое грязное дело: Савицкого, Кримиана, Хазана»²⁵.

Хазан начал служебную карьеру в одесском ГПУ в 1928 г. В 1933 г., после того как он потерял место преподавателя в Высшей школе ОГПУ в Москве, Гоглидзе забрал его в ГПУ Грузии, несмотря на очевидную связь Хазана в 1920-х гг. с известными сторонниками Троцкого. В 1935 г. НКВД СССР издал приказ об отстранении Хазана от работы «в силу абсолютной непригодности», однако Гоглидзе отказался его выполнить, вместо этого назначив Хазана начальником 1-го отделения 4-го отдела. Кроме того, в дополнение к этим обязанностям Хазан был назначен в 1937 г. помощником Кобулова. По-видимому, Хазан в это время получил поручение от Кобулова и Гоглидзе собирать компрометирующие материалы на других сотрудников НКВД. Бывший следователь НКВД Барский позже свидетельствовал, что

«если ему (Хазану) кто-либо не так поклонился или задал вопрос: “Как дела?”, он делал вывод, что [тот] интересуется следствием по делам правых и троцкистов, и сейчас же делал соответствующую заметку в наблюдательном деле сотрудника, задавшего вопрос или не так посмотревшего на Хазана»²⁶.

Другой бывший коллега Г. А. Мовсесов свидетельствовал, что

²⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 171, д. 474, д. 148–196. Опубликовано в: Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит / Сост. В. Н. Хаустов. – М., 2012. – С. 461–485.

²⁵ Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. – С. 465.

²⁶ Там же. – С. 468.

«Я и другие сотрудники НКВД видели в лице Хазана опасного человека, могущего арестовать любого сотрудника, пользуясь большой поддержкой Гоглидзе и Кобулова»²⁷.

Всё это способствовало столь крайней «непопулярности» Хазана среди коллег, что Гоглидзе был вынужден его арестовать в феврале 1938 г. (арест произвёл Давлианидзе). Однако Кобулов защитил Хазана от уголовной ответственности и только отстранил от оперативной работы. Во время войны, в 1942 г., при поддержке Гоглидзе и Кобулова, Берия перевёл Хазана в центральный аппарат НКВД СССР. Но в 1945 г., по решению В. Меркулова, Хазана уволили с действительной службы и отправили в резерв из-за продолжавшихся слухов о его бывшей связи с троцкистами.

Савицкий, как и Хазан, в 1930-е гг. поднимался по службе в грузинском НКВД при поддержке Кобулова. Был уволен с действительной службы в НКВД в 1939 г. В 1941 г. по приказу Кобулова его отозвали с фронта и назначили заместителем начальника 4-го отдела НКВД СССР. В 1943 г., когда Кобулов стал замнаркома внутренних дел СССР, он назначил Савицкого личным секретарём, а после войны забрал его с собой на работу в Главное управление советского имущества за границей (ГУСИМЗ). Весной 1953 г. Берия, во время борьбы за власть после смерти Сталина, вернул Савицкого в Москву в качестве помощника Кобулова, который стал первым заместителем министра внутренних дел СССР. Как сказано в обвинительном акте:

«Таким образом, все продвижения Савицкого по службе были обусловлены его близостью к Кобулову, который неизменно при всех своих перемещениях переводил с собой и Савицкого как своего особо доверенного и надёжного соучастника»²⁸.

Кримян, по-видимому, был близким другом Савицкого (в среде, где дружба явно не поощрялась) и тоже быстро продвигался по службе в НКВД в 1930-е гг. Предшественник Давлианидзе на посту начальника 4-го отдела НКВД Грузии С. О. Газарян в мемуарах написал, что

²⁷ Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. – С. 469.

²⁸ Там же. – С. 466.

«странным и непонятным образом Кримян, очень молодой работник, вскоре занял ведущее положение в следственной группе вместе с Савицким»,

и, несмотря на причастность ранее к хищению средств в экономическом отделе грузинского НКВД, его «почему-то не отдали под суд»²⁹. Ещё один из сослуживцев Гульст говорил:

«Кримян был нечистоплотным человеком, фальсификатором. Авторитет ему был создан Кобуловым»³⁰.

С окончанием массовых репрессий Кримяна направили из Грузии во Львов, где после советского отторжения этой территории от Польши в 1939 г. он стал начальником одного из районных отделов НКВД УССР. В 1945 г. он возглавил органы госбезопасности в Армении, однако, как и Давлианидзе, из-за конфликта с местным партийным руководством в 1947 г. его разжаловали, а затем в 1951 г. уволили.

Карьера этих чекистов, по моему мнению, демонстрирует функционирование сети ставленников Берия в среднем звене НКВД Грузии. Прямые контакты самого Берия с ними были минимальными. Позже Хазан признается, что за всю свою карьеру он был на приёме у Берия три раза. Все следователи, как и Давлианидзе, когда попадали в беду, обращались к Берия письменно. Берия был в курсе того, кто, где был и что делал, но контакты осуществлял через посредника, имевшего более высокое звание и приближенного к нему, в данном случае через Кобулова, и в меньшей степени через Гоглидзе. Таким образом, иерархия в сети ставленников Берии определялась принципами протекционизма и ответственности. Будучи первым секретарём ЦК Компартии Грузии, Берия был информирован о текущих делах и часто отдавал приказы, иногда напрямую, но чаще через Кобулова и Гоглидзе. Кроме того, он просматривал протоколы допросов и писал на их основе резолюции с приказами арестовать людей, упомянутых в признательных показаниях. Он часто приезжал в НКВД и тюрьму, порой ночью, и лично участвовал в допросах, избивениях подследственных.

²⁹ Газарян С.О. Это не должно повториться. – С. 22.

³⁰ Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. – С. 465.

Представляется, что Давлианидзе находился на периферии этой группы. В начале карьеры он извлёк пользу из покровительства Берия, был в подчинении и хороших отношениях с Кобуловым и Гоглидзе. В мемуарах Газанов объединил Давлианидзе в группу с Савицким и Кримяном, как «будущих заправил беззаконий 1937 г.»³¹, считая, что они

«оказались в роли первых скрипок в страшном шабаше беззакония и произвола в Тбилиси»³².

Однако Давлианидзе не был полноправным членом этой группы, как в собственном восприятии, так и других участников группы. Позже он свидетельствовал, что его не приглашали на кутежи, которые Хазан, Савицкий, Кримян и секретарь 4-го отдела Милова устраивали на квартирах друг у друга³³. Практически сразу после начала работы в 4-м отделе Давлианидзе послал Гоглидзе доносы на своих новых коллег, указав на их подозрительное классовое происхождение³⁴. Кроме того, Давлианидзе непосредственно участвовал в аресте и увольнении Хазана в 1938 г.

«Тогда была такая обстановка, что сотрудники друг друга боялись и поэтому они не делились друг с другом», –

свидетельствовал бывший следователь НКВД Барский³⁵. Хазан, Савицкий и Кримян, как начальники отделений, формально были ниже по рангу, чем Давлианидзе, который занимал пост заместителя начальника отдела. Однако их отделения подчинялись напрямую Кобулову, так что порядок субординации был не вполне ясен. Поэтому Давлианидзе утверждал, что не несёт ответственности за действия этой тройцы.

«Хазан, Кримян и Савицкий в 1937 г. пользовались большим авторитетом, чем Давлианидзе и, возможно, он с ними даже боялся говорить и тем более возражать. Это мои наблюдения», –

утверждал А. Г. Галаванов – бывший подчинённый Давлианидзе³⁶. Он также показал:

³¹ Газарян С.О. Это не должно повториться. – С. 21.

³² Там же. – С. 23.

³³ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 236.

³⁴ Там же, л. 43.

³⁵ Там же, л. 62.

«Кримян, Савицкий и Хазан по своему служебному положению должны были подчиняться Давлианидзе, но на самом деле они находились на непонятном для всех, привилегированном положении, и, мне кажется, сам Давлианидзе их побаивался»³⁷.

Энтузиазм, энергия и жестокость этих троих приобрели особую репутацию. Как свидетельствовал Бабалов:

«Им [Хазану, Савицкому и Кримяну] доверялось ведение следствия по наиболее крупным ответственным делам»³⁸.

Такого же мнения был и Квиркадзе:

«В особенности большую активность в избиении арестованных проявлял начальник 1-го отделения Хазан и следователи Кримян и Савицкий»³⁹.

Барский утверждал в своих показаниях:

«Кримян и Савицкий проявляли большое рвение к работе, находились на службе до 5-6 часов утра. Поэтому были на виду и пользовались привилегиями у руководства»⁴⁰.

Подобная обстановка способствовала соперничеству между следователями грузинского НКВД в том, кто проведёт больше арестов и добьётся большего числа и более обстоятельных признаний. Это, в свою очередь, становилось стимулом к тому, чтобы санкционировать или проводить аресты даже при минимуме доказательств и использовать насилие, чтобы выбивать у арестованных имена новых потенциальных жертв. Как показал свидетель В. Н. Васильев:

«В тот период среди следователей развивался невероятный ажиотаж – кто больше наберёт показаний о новых людях и арестует»⁴¹.

³⁶ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 59.

³⁷ Там же, л. 21.

³⁸ Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. – С. 465.

³⁹ Там же. – С. 464.

⁴⁰ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 62.

⁴¹ Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. – С. 464. Также см.: Сухомлинов А. Кто Вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. – М., 2003. – С. 167. Обратим внимание на характерный момент: «Бывшие следственные работники, Кварикашвили, Кримян и Хазан, осуждённые в 1955 г. за подобные преступления, показали, что издевательства и

Подобными действиями следователи демонстрировали эффективность своей работы и лояльность по отношению к начальникам, а в обмен получали защиту и официальное признание как «герои в борьбе с контрреволюцией».

Ряд исследователей указали на то, что, с точки зрения отношений между центром и периферией, одной из основных целей массовых репрессий было разрушение глубоко укоренившейся в партии системы патронажа, а также удар по влиятельным местным начальникам в регионах и ведомствах⁴². Репрессии в Грузии, несомненно, преследовали ту же цель. Например, ликвидацию многих членов семьи и назначенцев Серго Орджоникидзе, а также региональной патронажной сети Нестора Лакобы в Абхазской автономной республике⁴³. Роль группировки, созданной Берия в партии и НКВД в Грузии и в Закавказье в целом, функционирование которой прослеживается в деле Давлианидзе, интересна для анализа постоянной конфликтной ситуации в структурах управления, в которой одна местная группировка способствовала разгрому других патронажных групп⁴⁴.

Суд

Серго Давлианидзе предстал перед судом в Тбилиси в октябре 1957 г. по обвинению в контрреволюции в соответствии со статьёй 58-7 и 58-8 Уголовного кодекса Грузинской ССР. На подготовку обвинительного заключения дела, состоявшего из двадцати четырёх томов сопроводительных документов и показаний свидетелей, ушло больше года. Давлианидзе обвинял-

пытки над арестованными проводились с ведома Гоглидзе. Шло соревнование сотрудников – кто больше разоблачит врагов народа. Это же подтвердил работник следственного аппарата Савицкий, также осуждённый в 1955 г».

⁴² См. *Getty A. Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars and the Persistence of Tradition.* – Yale, 2013.

⁴³ *Blauvelt T. Abkhazia: Patronage and Power in the Stalin Era // Nationalities Papers.* – 2007. – № 2 (35).

⁴⁴ *Blauvelt T. March of the Chekists: Beria's Secret Police Patronage Network and Soviet Crypto-Politics // Communist and Post-Communist Studies.* – 2011. – № 1 (44).

ся в подрыве экономической мощи советского государства и террористической контрреволюционной деятельности в интересах капиталистических государств, а также в пособничестве уже ранее осуждённой группе Берия, Кобулова, Гоглидзе и «их сообщников». В обвинительном заключении, в частности, говорилось:

«В целях истребления честных, преданных Коммунистической партии и Советской власти кадров, заговорщики, производя массовые аресты невинных людей, избивали и пытали их. Добившись заведомо ложных показаний в совершении государственных преступлений и заставив арестованных оговорить других невинных людей, заговорщики совершили террористические расправы с честными советскими людьми под видом осуждения их за контрреволюционную деятельность. [...] Для осуществления преступных замыслов против Советского государства и народа, Берия и его сообщники специально подбирали лиц из числа враждебных элементов, а также карьеристов, для которых интересы народа были чужды»⁴⁵.

В ходе расследования этого дела следствие пришло к заключению, что:

«Осуществляя вражеские замыслы Берия, Гоглидзе и Кобулова, осуждённых изменников Родины, попирая и грубо нарушая законы Советского государства, Давлианидзе совершил целый ряд тяжких преступлений против Советского народа»⁴⁶.

В ходе трёхнедельных слушаний показания дали 19 свидетелей, включая некоторых бывших коллег и подчинённых Давлианидзе, а также некоторых потерпевших. Давлианидзе был предоставлен адвокат, и оба они получили разрешение оспаривать заявления обвинения и задавать вопросы свидетелям. Ряд свидетелей, включая некоторых бывших коллег Давлианидзе, против которых он выступал на суде и кто ранее уже был осуждён и приговорён к расстрелу, как например, А. С. Хазан, Н. А. Крымян и А. Н. Рапава, дали показания заранее. Эти показания были включены в обвинительное заключение и зачитаны на суде.

⁴⁵ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/18, л. 70.

⁴⁶ Там же, л. 71.

Прокурор рассмотрел каждый из случаев, представленных в обвинительном заключении, и утверждал, что Давлианидзе фальсифицировал дела, производил аресты при отсутствии необходимых доказательств и с нарушением процессуальных норм, применял запрещённые меры физического воздействия для получения признаний и подписывал фальсифицированные обвинительные заключения. В результате 456 чел., в том числе 156 коммунистов, были осуждены. Из 456 чел. – 222 – расстреляны⁴⁷.

Крымлян в показаниях назвал Давлианидзе одной из главных фигур в массовых репрессиях в Грузии:

«[...] в период 1936–1938 г. Давлианидзе являлся одним из самых жестоких следователей, практиковавшихся, главным образом, на районных делах. Там, где в районах было мало арестов или признаний, обычно появлялся Давлианидзе для “наведения порядка”»⁴⁸.

Бывший секретарь 4-го отдела НКВД Грузии Милова свидетельствовала:

«Давлианидзе, будучи зам[естителем] начальника секретно-политического отдела НКВД ГрузССР, сам лично вёл следствие по делам, а также неоднократно ходил по кабинетам следователей, где проводились допросы арестованных, и когда Давлианидзе участвовал в допросах арестованных или допрашивал арестованных сам, то из всех этих комнат, где проводились допросы, доносились крики арестованных, к которым применялись допрашивающими репрессии»⁴⁹.

Давлианидзе был признан виновным в фабрикации дела так называемого «контрреволюционного центра», якобы существовавшего среди студентов «технического университета», в репрессиях против жён осуждённых «врагов народа», в фабрикации дел в районах Гори, Нижней и Верхней Сванетии, деревне Мукино, в «нарушениях законности» в период его работы на Закавказской и Орджоникидзевской железных дорогах. В большинстве случаев Давлианидзе подписывал ордера на арест и

⁴⁷ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/18, л. 73.

⁴⁸ Там же, л. 71.

⁴⁹ Там же, л. 72.

обвинительные заключения, а также составлял резолюции в поддержку действий своих подчинённых. По некоторым эпизодам его обвиняли в избиении арестованных или отданных приказах избивать.

Свидетели указывали, что Давлианидзе был беспринципным карьеристом и интриганом, который всячески использовал свои связи с Берия и его ставленниками – Кобуловым, Гоглидзе и Рапава. Бывший подчинённый Давлианидзе А. Г. Галаванов утверждал:

«Давлианидзе считали склочником и интриганом. Поэтому его недолюбливали[...]», но «[...] у начальства он был на хорошем счету»⁵⁰.

Другой бывший сотрудник НКВД свидетельствовал, что Давлианидзе «видимо, страдал самомнением»⁵¹. Ещё один бывший подчинённый Давлианидзе по НКВД показал, что:

«Давлианидзе [...] был [...] по характеру замкнутый, грубый, но это может быть потому, что у него такое лицо [...] многие боялись Давлианидзе, так как он был груб с работниками. На всех написал кляузы в Москву и тем самым стремился выдвинуться, [...] обращался грубо с сотрудниками и всегда был хмурый, угрюмый и важный. Особенно тогда, когда к нему ходили в кабинет»⁵².

Таким образом, Давлианидзе, по мнению обвинения, был карьеристом, который, чтобы угодить своим начальникам Берии, Кобулову и Гоглидзе, и продвинуться по службе, злоупотреблял своим положением для фальсификации следственных дел и запрещёнными методами выбивал признания и доносы, в результате чего сотни невинных советских людей, включая и членов партии, были лишены свободы или расстреляны.

Генерал защищается

В своих показаниях в ходе предварительного следствия, в ответах на вопросы и свидетельские показания на суде, как и в тридцатидвухстраничном рукописном «последнем слове», ко-

⁵⁰ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/18, л. 72.

⁵¹ Там же, л. 62.

⁵² Там же, л. 98.

торое ему разрешили зачитать при завершении суда и включили в официальный протокол, Давлианидзе, а также его сослуживцы по НКВД, обвинённые в пособничестве, утверждал, что он был лишь «винтиком» и лишь слепо следовал приказам. Это похоже на поведение многих обвиняемых нацистов в ходе Нюрнбергского процесса.

Главным доводом Давлианидзе было то, что практически во всех делах, по которым он обвинялся, он действовал в соответствии с инструкциями Кобулова, Гоглидзе и Берия, а также то, что он ничего не знал об их контрреволюционных планах. Якобы он не практиковал насилие и редко приказывал подчинённым применять физические методы воздействия (а в тех случаях, когда он отдавал такие приказы, он выполнял инструкции вышестоящего руководства). Он утверждал, что лично не фальсифицировал улики, не принимал решения по заведению дел, не проводил аресты, а также не имел возможности влиять на вынесение приговоров. По его словам, у него не было ни намерений, ни причин причинить кому-либо вред. Те же свидетели, которые утверждали, что он превысил свои полномочия и применял насилие, лгут по причине личной неприязни к нему. Не он создал систему, в которую оказался вовлечён, и даже, если бы он в то время понял незаконность получаемых им приказов, он всё равно не смог бы изменить существовавший порядок или отказаться исполнять эти приказы:

«Никакой моей вины нет в том, что мне пришлось работать в этих органах в период, когда они на протяжении четверти века, в разное время, поочерёдно возглавлялись, впоследствии разоблачёнными во вражеской деятельности – Ягодой, Ежовым, Берия, Меркуловым, Абакумовым и др., которых, я признавал как руководителей и начальников, поскольку они выдвигались, назначались и утверждались руководством КПСС и Советского правительства. В их правах было по усмотрению устанавливать и вносить изменения в систему, методы и формы работы в органах. В их правах было издавать руководящие приказы, инструкции и указания, я же, как сотрудник, зависящий по службе от них, обязан был выполнять таковые и подчиняться установленным ими порядкам работы в органах»⁵³.

⁵³ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 255.

Давлианидзе упорно отказывался признать, что и до 1936 г. сотрудники НКВД применяли насилие на допросах. Но заявил, что вскоре после назначения его заместителем начальника 4-го отдела, Берия в конце июля – начале августа 1937 г. собрал руководство республиканского НКВД в ЦК КП(б) Грузии. На встрече огласили решение, в соответствии с которым «руководством органов было введено применение незаконных мер физического воздействия к арестованным», обвиняемым в государственных преступлениях, хотя в понимании Давлианидзе «санкции на применение этих незаконных мер к арестованным сотрудниками органов в каждом случае [...]» должны были быть получены от партийного руководства или руководства НКВД⁵⁴.

«Избиения арестованных начались в июле–августе 1937 г., но не в 1936 г. Я помню, на совещании в ЦК партии Грузии, где присутствовали также Хазан, Крымян, наркомы автономных республик и начальники РО НКВД, Берия зачитал директиву руководства Москвы о применении репрессий к арестованным за государственные преступления. На основании этого Гоглидзе и Кобулов давали письменные распоряжения об избиении арестованных», –

указывал Давлианидзе⁵⁵. Заключительный вывод этого чекиста на суде был основан именно на этих доводах:

«Я несу ответственность за то, что незаконно арестовывал людей, но я считал, что выполняю указания партии и правительства. Протестовать против того порядка было невозможно [...], даже сами члены правительства ничего не говорили тогда об этом»⁵⁶.

Аналогичным образом свои доводы на суде изложил и адвокат Давлианидзе:

«Необходимо учесть обстановку того времени, преступную систему ведения следствия, [а также то,] что в действиях подсудимого Давлианидзе не было цели свержения советской власти, что нет никаких данных о том, что Давлианидзе находился в сговоре с врагом народа Берия и его сообщниками и что в его действиях не усматривается контрреволюционный умысел»⁵⁷.

⁵⁴ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 259–60.

⁵⁵ Там же, л. 78.

⁵⁶ Там же, л. 238.

⁵⁷ Там же, л. 239.

Утверждая, что был лишь «слепым орудием» исполнения приказов в период беззакония, Давлианидзе в апелляции суду также утверждал, что «разоблачение» Берия в 1953 г., процесс десталинизации и критика культа личности Сталина, начатые Н. С. Хрущёвым на XX съезде КПСС в феврале 1956 г., дали ему возможность понять противоположность системы, существовавшей в органах госбезопасности в сталинский период:

«До разоблачения в 1953 г. провокатора Берия и его сообщников, я ничего не знал [о беззаконии] и не смог бы распознать этого. Степень своей виновности, как член КПСС и бывший сотрудник органов НКВД-МГБ, я понял лишь после моего ознакомления с материалами 20-го съезда КПСС [...]. Я же тогда всего этого, как исполнитель, не сознавал, а если бы осознал, то никакого влияния не смог бы оказать и ничего не смог бы изменить. Кроме того, мне вообще никто бы не поверил, и я подвергся бы только привлечению к уголовной и партийной ответственности за невыполнение приказов, инструкций и указаний НКВД-МГБ Грузинской ССР и СССР, а также решений ЦК КПСС и быв[шего] руководства СССР»⁵⁸.

Давлианидзе подчёркивал, что у него не было ни юридического образования, ни соответствующей подготовки до того, как он начал работать в органах:

«В 1952 г. я начал самостоятельно изучать юридические науки. Специального юридического образования я не имею. С этого момента я стал подкованным человеком. До этого же в органах работали люди, не имеющие юридического образования»⁵⁹.

Дискурсивный подход к анализу сталинизма или «сталинская субъективность» в НКВД

Вместе с оправданиями, что он только исполнял приказы свыше, ничего не знал о противозаконности этих приказов и что всё равно не смог бы отказать их исполнять или сделать что-либо ещё против существовавшей системы, даже если бы он понимал незаконность действий, Давлианидзе также апеллировал к менталитету или «духу времени», царившему в то

⁵⁸ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 263.

⁵⁹ Там же, л. 40.

время в НКВД, в частности, и в советском обществе в сталинский период в целом. То есть к тому феномену, который недавно стали называть «сталинской субъективностью» (Stalinist subjectivity)⁶⁰. Под феноменом «сталинской субъективности» исследователи подразумевают намерения и мотивы к действию в историческом контексте сталинского общества, а также способы, с помощью которых с целью легитимации режим инкорпорировал/консолидировал население посредством политики социальной идентификации и мобилизации, а также способы, которыми население перенимало (усваивало, присваивало) официальный дискурс.

Учитывая «чрезвычайный характер времени», как утверждал Давлианидзе, он верил в безотлагательность борьбы с «классовыми врагами» и их агентами, а также в то, что его приказы были правильными и морально оправданы⁶¹.

«Как меры, диктуемые духом времени и его требованиями, в связи с чрезвычайной для СССР международной и внутренней обстановкой и близостью войны капиталистических стран против СССР, таким выступлениям [классовых врагов], как я, так и другие не имели никаких оснований не верить тогда», –

указывал бывший генерал⁶². Далее он вновь акцентировал внимание на своей «скромной» участии в маховике массовых политических репрессий:

«Я выполнял указания ЦК партии Грузии и Москвы, а также и наркома ГССР, и, как говорится, какова была музыка, таков был и танец»⁶³.

Отметим, что всевластие партийного руководства и начальства НКВД вместе с постоянными и массовыми пропагандистскими кампаниями против врагов народа, вредителей и т. д., соз-

⁶⁰ Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization. – Berkeley, 1996. – P. 22–23; Hellbeck J. Speaking Out: Languages of Affirmation and Dissent // The Resistance Debate in Russian and Soviet History / ed. David-Fox M., Holquist P., Poe M. – Bloomington, 2003. – P. 103–37. Критику этого подхода см.: Edele M. Stalinist Society: 1928–1953. – Oxford, 2011. – P. 237–8.

⁶¹ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 254.

⁶² Там же, л. 261.

⁶³ Там же, л. 194.

давали ситуацию, в которой обычный (среднестатистический) человек волей-неволей, но принимал для себя доминирующую официальную трактовку событий. Так, Давлианидзе говорил:

«Бывший нарком Ежов был вторым секретарём ЦК КПСС, и ему верили. Об аресте людей и применении к ним незаконных методов следствия имелось указание за подписью Ежова. Я, как и все, находился под мнимым психозом борьбы с контрреволюцией. Теперь я, конечно, на всё смотрю другими глазами [...]. Все специальные пособия и литература, газеты и статьи шумели о контрреволюции и тем самым делали из нас послушных автоматов»⁶⁴.

Всеохватывающий и непрерывный характер официального дискурса во времена опасности войны, внешней и внутренней угрозы, заговора и паранойи позволяет предполагать, что слова Давлианидзе значат больше, чем просто попытку формально оправдаться. Официальный дискурс, как представляется, фундаментально определил категории его мышления и взгляд на реальность, так что для человека, подобного Давлианидзе, было бы очень трудно, если вообще возможно, в этой ситуации думать вне официального дискурса и независимо от него. И хотя он приводит в свою защиту довод о том, что в то время не понимал истинного смысла событий, но из смысла его утверждений, прежде всего то, что он продолжал называть реабилитированных людей «врагами народа», а также считал классовое происхождение объективной основой вины, следует, что его мировоззрение даже во время суда всё ещё оставалось сталинским.

НКВД Грузии в разгар массовых репрессий

Документы следственного дела Давлианидзе позволяют увидеть внутренний ведомственный «климат», царивший в разгар массовых репрессий в органах госбезопасности Грузии, а, вероятно, и в органах НКВД всего СССР. Суд, в частности, вы-

⁶⁴ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 226–227. Сотрудник госбезопасности Хазан сделал похожее заявление в более ранних показаниях, которые были использованы на суде над Давлианидзе: «В 1937 г. я был воодушевлён директивами партии по борьбе с врагами народа». См.: Там же, т. 24/3, л. 32.

явил материалы, полученные от самого Давлианидзе и других свидетелей, о процессуальных нарушениях, которые приняли угрожающие масштабы. В числе таких нарушений были производство арестов без предварительного получения на то санкции прокурора и проведение допросов без санкции на арест и предъявления официально оформленных актов обвинения⁶⁵. Ещё одним нарушением было составление протоколов допроса *post factum*. Согласно правилам, следователи должны были во время допроса вести рукописные протоколы вопросов и ответов, которые затем следователь и арестованный обязательно подписывали, после чего протоколы перепечатывались и официально подписывались. Когда обвинители на суде поинтересовались, почему в архивированных личных делах арестованных не было рукописных оригиналов протоколов допроса, Давлианидзе и другие свидетели признались, что в то время, якобы, из-за недостатка времени, следователи во время допроса лишь делали заметки (которые после выбрасывали), а затем диктовали протокол допроса машинистке⁶⁶. В действительности следователи часто составляли протоколы, руководствуясь своими прихотями, выбирая обвиняемых и обвинения по своему усмотрению и желанию⁶⁷. Затем следователи избивали арестованных, пока те не соглашались подписать заранее составленный протокол допроса. Один из бывших сотрудников НКВД показал, что так называемые «заговоры» с целью убийства Берия и высших чинов НКВД были популярны у начальства, поэтому следователи старались как можно чаще включать подобные «признания» в протоколы⁶⁸. В 1953 г. Л. Ф. Цанава свидетельствовал:

«Террор против Берия настолько вошёл в быт, что считалось необходимым в каждом деле иметь признание арестованных, что они готовили теракт против Берия [...]. Арестованные говорили

⁶⁵ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 54, 259.

⁶⁶ Там же, л. 69.

⁶⁷ Там же, л. 12, 108.

⁶⁸ Показания К. С. Савицкого в: Записка Р. А. Руденко в ЦК КПСС // Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит... – С. 463.

только то, что хотел Кобулов, который заранее намечал нужные ему показания, вызывал к себе своих помощников Кримиана, Хазана, Савицкого, Парамонова и др., распределял среди них, какие показания должны им дать арестованные, и начиналась работа по выколачиванию показаний. Избивали просто до тех пор, пока арестованный не давал нужных Кобулову показаний»⁶⁹.

Во многих случаях, и вновь в нарушение процессуальных норм, арестованным вообще не разрешалось прочитать протокол допроса, который их заставляли подписать. Кроме того, были случаи, когда арестованным, которые не говорили по-русски, не предоставляли перевода протокола их допроса, им просто говорили, что это «не их дело» знать, что там написано⁷⁰. Ещё одним «нарушением», которое Давлианидзе признал на суде, было неправомерное использование, по его собственной терминологии, «альбомного порядка», при котором следователи собирали материалы в виде обобщающих справок, где перечислялись обвинения и приговоры. Эти комбинированные обобщающие списки затем отсылались вышестоящему руководству для окончательного утверждения⁷¹. Все эти действия составили то, что Давлианидзе и другие сотрудники органов называли «упрощённым методом» ведения следствия, который использовался в НКВД, особенно с 1937 г.⁷²

Несколько раз на суде упоминалось ещё одно процессуальное нарушение, а именно «расчленение дел», при котором следователи заводили новое дело на арестованных или обвиняемых по другим, в том числе и «групповым делам»⁷³. По словам бывшего подчинённого Давлианидзе – Асланикашвили, это облегчало следователям фальсификацию дел, позволяло увели-

⁶⁹ Показания Цанава в: Записка Р. А. Руденко в ЦК КПСС // Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. – С. 465.

⁷⁰ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 38.

⁷¹ Там же, л. 13. См.: Большевицкий порядок в Грузии / Отв. ред. Юнге М., Тушурашвили О., Бонвеч Б. – М., 2014. – Т. 1: Большой Террор в маленькой кавказской республике. – С. 26. Также см.: Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/18, л. 71.

⁷² Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 64, 118, 259.

⁷³ Там же, л. 40.

чить число показаний, как и общее число дел, которые находились у них в разработке⁷⁴.

Вина Давлианидзе

Хотя Давлианидзе упорно настаивал на том, что у него не было контрреволюционных намерений и он лишь исполнял приказы свыше, некоторые свидетели на суде оспорили его утверждения о том, что он не избивал арестованных и не отдавал приказаний избивать. По их словам, Давлианидзе лично бил их во время допроса, в том числе и рукояткой пистолета⁷⁵. Да и бывший генерал признал, что применял насилие по приказу из Москвы в отношении трёх русских инженеров, арестованных в Верхней Сванетии⁷⁶. Его бывший сослуживец Кримиан считал, что Давлианидзе отличался «исключительной свирепостью при избиениях арестованных»⁷⁷. Другие бывшие сотрудники также обвиняли Давлианидзе в том, что он отдавал им устные распоряжения бить арестованных⁷⁸. По словам одного из них, Давлианидзе упрекал его, что

«били [арестованного] мало, добейте его до конца»⁷⁹.

Сам Давлианидзе признался несколько раз, что писал резолюции «крепко допросить», но в показаниях на суде неоднократно настаивал, что, с его точки зрения, это означало лишь «тщательно допросить». Несколько человек из его бывших подчинённых (Галаванов и Лазарев) оспорили это, утверждая, что они понимали такие резолюции, как приказ применять насилие, и что все их сослуживцы понимали это таким же образом⁸⁰.

Против Давлианидзе свидетельствовали и его собственные слова на предварительном следствии, когда он объяснил, что

⁷⁴ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 66.

⁷⁵ Там же, л. 73, 157.

⁷⁶ Там же, л. 158.

⁷⁷ Там же т. 24/18, л. 72.

⁷⁸ Там же, т. 24/21, л. 171-2.

⁷⁹ Там же, л. 87.

⁸⁰ Там же, л. 64, 106.

«крепко допросить» – означало избить арестованного⁸¹. К концу суда этот чекист вынужден был признать, что в ряде случаев применял физические меры воздействия⁸². Показательно, что на одном из допросов, который он проводил во время службы в транспортном отделе Закавказской железной дороги, Давлианидзе заявил задержанному, что для него он является судом и трибуналом и что захочет, то с ним и сделает⁸³.

Но более существенно, что Давлианидзе был вынужден признать халатность и небрежность при подписании десятков ордеров на арест и обвинений без достаточных доказательств вины. Он сказал, что его ошибка состоит в том, что он

«подписал обвинительные заключения по недоследованным делам»⁸⁴

и что он признает себя виновным

«в том, что дал своё согласие на обвинительном заключении [...], не имея достаточных обвинительных материалов»⁸⁵.

В ходе суда возникли разногласия по вопросу о роли должностных лиц НКВД, которые проводили расследования и представляли дела в «тройки», которые состояли из прокурора, представителя партии и сотрудника НКВД, утверждавших окончательные решения по приговорам. Давлианидзе и некоторые его бывшие коллеги настаивали на том, что тройки не советовались со следователями при вынесении приговоров и не спрашивали мнения следователей по делам арестованных⁸⁶. Однако бывший нарком внутренних дел Грузии А. Н. Рапава в своих показаниях, зачитанных на суде над Давлианидзе, утверждал:

«[...] сначала мы спрашивали мнение у следователя, доложившего дело, а затем кто-нибудь из членов тройки предлагал меру наказания. Случалось, что я первым предлагал меру наказания»⁸⁷.

⁸¹ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 7.

⁸² Там же, л. 197, 226.

⁸³ Там же, л. 200.

⁸⁴ Там же, л. 10.

⁸⁵ Там же, л. 79.

⁸⁶ Там же, л. 160, 258.

⁸⁷ Там же, л. 131.

Это заявление сразу же поставило под сомнение утверждение Давлианидзе о его непричастности к вынесению приговоров по сотням утверждённых им дел. Кроме того, факты, что он подписал столь много ордеров и разрешений на арест и проведение следствия, не могло не повлиять на мнение суда, показав, что у Давлианидзе было гораздо больше власти в принятии решений, чем он признал на суде.

В результате 31 октября 1957 г. Давлианидзе был признан виновным по всем статьям обвинения и осуждён на 25 лет исправительных работ в Дубравном ИТЛ с конфискацией имущества и лишением всех государственных наград и званий. Он умер в августе 1967 г., находясь в заключении в Мордовской автономной республике.

Заключение

Материалы судебного дела создают нелицеприятный портрет Давлианидзе: он предстаёт коварным, тщеславным, корыстным, порой высокомерным, очень подозрительным и часто мстительным человеком. Давлианидзе был груб с подчинёнными и постоянно писал доносы на коллег, возможно, ожидая того же от них. Однако в этом он, пожалуй, вёл себя как типичный советский человек сталинского времени. Свидетели и бывшие коллеги по НКВД неоднократно характеризовали Давлианидзе как интригана, но не садиста или психопата, тогда как его противники Хазан, Крымян и Савицкий получали такие характеристики⁸⁸. Хотя и были случаи, когда Давлианидзе явно злоупотреблял своим положением, а в начале карьеры превышал полномочия. Однако, представляется, что его приобщение к насилию началось только в период массовых сталинских репрессий 1937–1938 гг. В разное время он утверждал, что воевал в гражданскую войну в 1919 г., участвовал в подавлении антисоветского восстания в Грузии в августе 1924 г., но это кажется весьма сомнительным. Даже если Давлианидзе говорит правду, не этот, а последующий опыт сформировал его характер.

⁸⁸ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/16, л. 30.

Таким образом, в отличие от коллег по НКВД в других регионах СССР, Давлианидзе, находясь в относительно спокойной Грузии, имел небольшой, а то и вовсе не имел никакого опыта применения жестокости и зверств времён Первой мировой войны, революций 1917 г., гражданской войны. Поэтому аргумент Линн Виолы об обусловленности «экосистемы насилия» предшествующим опытом участия в репрессиях, похоже, не применим к случаю Давлианидзе.

До того, как Давлианидзе летом 1937 г. был переведён с периферийной должности в Чиатури в 4-й отдел НКВД Грузии, ставший центром проведения массовых репрессий в Грузии, он, похоже, не знал о новой политике применения методов насилия на допросах для выбивания признаний и доносов, а также использовании полученной таким путём информации как единственного и достаточного основания для вынесения обвинений и проведения дальнейших арестов. Возможно, он вначале был даже удивлён, столкнувшись с подобной практикой. Начав работу в 4-м отделе, Давлианидзе, в первую очередь, доложил главе НКВД Грузии Гоглидзе об использовании подобных методов его сослуживцами Хазаном, Кримяном и Савицким⁸⁹, и только после обращения Берия к сотрудниками органов госбезопасности с разрешением использовать методы физического воздействия на допросах, Давлианидзе понял «сигнал» и сам стал их применять⁹⁰.

Привыкнув к новой ситуации, Давлианидзе, видимо, быстро освоился и стал преуспевать. Его склонность к подозрительности и доносительству оказалась в благоприятной среде. Дело Давлианидзе показывает, как сама ведомственная атмосфера в НКВД подталкивала к нарушениям законности. Защищённые покровительством руководства органов госбезопасности и партии, а также властью, данной им этим руководством, следовате-

⁸⁹ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 73.

⁹⁰ В показаниях Хазан сказал, что подобный «сигнал» в том же году, но ранее, поступил сотрудникам, работавшим в Тбилиси, от Берии после февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б), и что он, Хазан, начал применять меры физического воздействия на допросах в мае того же года. См.: Там же, т. 24/3, л. 30.

ли уверовали в свою всесильность, что ещё более усиливалось осознанием «непрозрачности», то есть закрытости процессуальных действий для контроля, а также отсутствием подотчётности. Соперничество и взаимная подозрительность, в сочетании с тем фактом, что именно такое поведение было критерием оценки их работы, поощряло следователей к использованию любых методов и уловок для достижения быстрого роста числа арестов и признаний. К этому следует добавить, что Давлианидзе и его современники не были знакомы с концепциями «верховенства закона», даже с их советской интерпретацией как одной из основ «социалистической законности». Как сам Давлианидзе доказывал на суде, ни он, ни его коллеги не имели юридического образования или иной подготовки. Только значительно позже он стал задумываться о смысле и значении подобных концепций⁹¹. Хотя Давлианидзе не уклонялся от использования методов насилия, но, в отличие от Берия и некоторых других своих коллег, он, видимо, не усердствовал в избиваниях и пытках задержанных и не получал от этого особого удовольствия, предпочитая вместо этого подписывать приказы и заставляя это делать своих подчинённых.

Тем не менее, Давлианидзе явно процветал в подобной среде, так что время массовых репрессий и советско-немецкой войны, стало пиком его карьеры. До этого времени, в ранний период своей службы, Давлианидзе добился в лучшем случае посредственных результатов в карьере, а после 1945 г., когда политические условия в стране стали меняться, присущие ему подозрительность и доносительство на коллег привели к увольнению из органов госбезопасности. Таким образом, те же самые свойства характера, которые столь хорошо послужили ему во время репрессий, позже превратились в помеху⁹².

Успешная карьера в НКВД принесла Давлианидзе звание генерал-майора, множество медалей и хорошую квартиру в прес-

⁹¹ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 58.

⁹² Дело Давлианидзе также показывает, что те же факторы – сочетание подозрительности, недоверия и амбиций – способствовали проникновению и увеличению масштабов репрессий в рядах НКВД.

тижном районе Тбилиси. Давлианидзе, как и большинство его коллег в НКВД Грузии, был чужаком в грузинской столице, без хорошего образования, семейных связей, престижа и другого «социального капитала». Это слишком опасное несоответствие большой власти и низкого социального престижа, вместе с отсутствием подконтрольности, видимо, также добавило рвения, с которым следователи НКВД допрашивали бывших высокопоставленных партийных руководителей Грузии и их жён, а также студентов, преподавателей институтов и университетов, составивших значительное число жертв⁹³.

Стремление показать своё «трудолюбие» и исполнительность при выполнении приказов могли лишь усиливаться интeриоризацией официального дискурса, то есть «усвоением» и, в конечном итоге, принятием людьми неустанно пропагандируемой идеологии классово-борьбы, страха и угрозы контрреволюционной вражеской деятельности и вредительства. Следователи, видимо, были глубоко уверены в истинности этих угроз, в том, что обстановка в стране была критической, а заговоры и преступления, в которых признавались их жертвы, реальны. Хотя Давлианидзе в разные моменты суда утверждал, что позже, после разоблачений на XX съезде партии, пришёл к пониманию незаконности методов, которые использовало НКВД во время массовых репрессий, однако ряд его замечаний свидетельствует, что он по-прежнему считал, что многие из его жертв были виновны и заслуживали понесённого наказания. Зачастую он с презрением отзывался о репрессированных, и несколько раз на суде ему напоминали о том, что арестованные, которых он всё ещё считал врагами, уже были официально реабилитированы⁹⁴. Он также заявлял, как о само собой разу-

⁹³ Например, репрессии против группы студентов, обвинённых в создании «Молодёжной Организации», директора Медицинского института в Тбилиси К. В. Цомая (умер во время допроса) и его сотрудников, студентов и научных сотрудников Грузинского индустриального института, группы юристов. См.: Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/18, л. 75-82, 85, 93-95; т. 24/21, л. 121-129.

⁹⁴ Там же, т. 24/21, л. 216. Во время суда он сказал: «Теперь свидетели пользуются моментом и говорят всё, что им вздумается [...], такая болтовня комп-

меющемся факте, что взаимная неприязнь с рядом коллег коренилась в классовом конфликте, так как их родители в царское время были офицерами или чиновниками, или же их родственники были заграницей⁹⁵.

В конечном итоге, в деле самого Давлианидзе, как, возможно, и в отношении других его сотоварищей-карателей в НКВД сталинского времени, видна комбинация факторов, определивших мотивацию и поведение этих людей: приспособление к ведомственной обстановке, царившей в НКВД; моральное давление со стороны коллег, страх и амбиции в атмосфере соперничества с соратниками и противниками в погоне за результатами, которые приносили награды, признание начальства; упоение силой и властью, которое они черпали из своего положения и полномочий; вера в правильность и моральную оправданность того, что они делали; неведение о незаконности (и, в конечном итоге, тщетности) методов, которые они использовали при отсутствии представления о законности как таковой; невозможность даже вообразить, что однажды высшее политическое руководство государства, которое приказывало и поощряло противозаконные действия, привлечёт их к уголовной ответственности за эту практику.

Обвинения в контрреволюции и антисоветской деятельности, выдвинутые против Давлианидзе и других карателей НКВД Грузии, скрыли главнейшую цель судебного разбирательства. Вместо того, чтобы признать, что причины преступлений, совершённых в период массовых репрессий 1937-1938 гг., в частности, и в период сталинского правления, в целом, коренятся в тоталитарной партийно-советской системе при характерном для неё отсутствии верховенства закона, обвинители вынуждены были сформулировать обвинения как злой умысел и проступки тех, кто извратил ленинские нормы. В Грузии это подразумевало «осуждённого провокатора Берия и его сообщников». Давлианидзе и другие каратели, привлечённые к ответственно-

рометирует только советскую власть [...], пострадавшие стремятся сгустить краски». См.: Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 226.

⁹⁵ Там же, л. 43-44, 243

ности, были официально обвинены в контрреволюции как пособники в заговоре Берия, с целью подрыва основ советской государственности и экономики. Однако основной упор в аргументах обвинения был сделан не на контрреволюционные намерения и участие в заговоре, а на умышленное и преднамеренное нарушение законодательных и процессуальных норм. В конечном счёте, обвинители, видимо, старались подчеркнуть не столько те преступные деяния, которые совершили каратели, а то рвение, с каким они выполняли приказы. Поскольку почти всегда каратели были исполнителями общих или конкретных приказов, поступавших сверху, в данном случае от Кобулова, Гоглидзе и Берия, обвинители на суде старались доказать, что каратели были хуже, чем правонарушители, они были плохими, порочными людьми. Для этого необходимо было показать рвение, злобный энтузиазм и порочность, с которыми каратели приводили приказы в исполнение.

Давлианидзе мог по праву возразить, что не знал ни о каких заговорах, что он не был напрямую связан с Берия и его ставленниками, в отличие от некоторых других своих сослуживцев, и что его намерения никогда не были контрреволюционными. Любой может почувствовать то неизбежное раздражение (возмущение), которое Давлианидзе и его сотоварищи-каратели испытывали от парадоксальной ситуации, когда их судили и наказали именно за те преступления, которые те же самые власти раньше поощряли. Показания Хазана, включённые в дело Давлианидзе, точно выразили это противоречие:

«Таким образом, получилось для меня и для всех опер[ативных] работников страшное положение. В 1937 г. руководство НКВД обязало, как нам сказали, по указанию высших органов избивать арестованных, уклонение от этого рассматривалось как вражеская к[онтр]р[еволюционная] работа, а спустя много лет за выполнение этого же предписания обвиняешься также в к[онтр]р[еволюционном] преступлении»⁹⁶.

В конечном итоге, несмотря на то, что Давлианидзе до конца судебного процесса бурно протестовал против официальных

обвинений, он вынужден был с неохотой признать себя виновным в тех деяниях, за которые на самом деле негласно и был преследован по закону, а именно: небрежность в ведении дел и подписании приказов, что привело к необоснованным приговорам и расстрелу сотен невинных людей.

Блаувельт Т. «Яка музика, такий і танець»: справа Серго Давліанідзе

Робиться спроба «населити макроісторичний простір», досліджуючи діяльність співробітника НКВД Грузії Серго Давліанідзе в період «Великого терору» і матеріали судового процесу 1957 р. На думку автора, з'явилася можливість досягти «балансу між макро- і мікроісторією», а також розуміння того, як люди, які працювали в інститутах сталінського суспільства, виявилися здатні здійснювати акти насильства в значних масштабах проти невинних людей.

Ключові слова: Серго Давліанідзе, «Великий терор», політичні репресії, НКВС.

Blautwelt T. «The Dance Depends on Music»: The Case of Sergo Davlianidze

The author tries to settle the space of makrohistory by the studying the activity of the Georgian NKVD executive Sergo Davlianidze during the Great Terror and the materials of his court process in 1957. From the author's point of view the possibility to reach the balance between micro- and macro- history at least appeared. There is also a chance to understand the way people worked the institutions of Stalin's society and turned out to be able to commit numerous acts of violence against innocent people.

Key words: Sergo Davlianidze, The Great Terror, political repressions, NKVD.

⁹⁶ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/3, л. 30.

Притягнення співробітників УНКВС по Ворошиловградській області до кримінальної відповідальності за порушення «соціалістичної законності» під час «Великого терору»

Проведено комплексний аналіз механізму притягнення співробітників органів НКВС до відповідальності за порушення «соціалістичної законності» у період «Великого терору». На основі нових джерел досліджені дії партійно-радянського апарату, стратегії захисту обвинувачуваних співробітників державної безпеки, організація й методи слідства щодо співробітників НКВС.

Ключові слова: НКВС, органи державної безпеки, УНКВС, міжрайонні слідчі групи, судовий процес.

Запропоноване дослідження пов'язане з проблемою кадрової чистки¹ органів державної безпеки після припинення масових операцій «Великого терору». У сучасній історіографії у центрі уваги істориків опинилися наступні проблеми: причини кадрових чисток органів НКВС, реакція їх співробітників на припинення масових репресивних акцій та відновлення «соціалістичної законності», кадрові зміни в органах державної безпеки упродовж 1939–1941 рр.² Зокрема, окреме дослідження було

* Довбня Ольга Анатоліївна – кандидат історичних наук, докторант Інституту історії України НАН України.

¹ Кадрова чистка – звільнення з роботи, а іноді й засудження співробітників НКВС за порушення соціалістичної законності.

² Бажан О., Золотарьов В. Висуванець Миколи Єжова або Траєкторія злету та падіння капітана державної безпеки Олексія Долгушева // Краєзнавство. – 2013. – № 4. – С. 233–246; Золотарьов В. Керівний склад НКВС УРСР під час «великого терору» (1936–1938 рр.): соціально-статистичний аналіз // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. – 2009. – № 2 (33). – С. 86–115; Його ж. Начальницький склад НКВС УСРР напередодні «єжовщини»: соціально-статистичний аналіз // Україна в добу «великого терору». 1936–1938. – К.: Либідь, 2009. – С. 60–83; Його ж. Олександр Успенський: особа, час, оточення. – Харків: Фоліо, 2014. – С. 158–205, 222–248; Подкур Р. Реакція співробітників органів державної безпеки УРСР на припинення «великого терору» (листопад 1938–1939 рр.) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. – 2009. – № 2 (33). – С. 136–167; Філіпчук Н., Бантишев О. Велика чистка в НКВС, або

присвячене діяльності Г. І. Коркунова під час його перебування на відповідальних посадах в УНКВС по Київській області³.

У контексті кадрових чисток органів НКВС дослідники виділили наступні аспекти: ліквідація безпосередніх виконавців каральних акцій; усунення потенційних критиків у лавах органів НКВС; перекидання провини за порушення «соціалістичної законності» з партійних органів на органи державної безпеки; послаблення соціального невдоволення, викликаного масовими репресивними акціями та свавіллям співробітників НКВС. Також упродовж 1939–1941 рр. в органах держбезпеки відбулося оновлення особового складу підрозділів⁴. У першу чергу, в республіканському та територіальних апаратах НКВС УРСР були усунені креатури М. Єжова.

Щодо реакції співробітників органів держбезпеки на припинення «Великого терору» та відновлення «соціалістичної законності», то, за влучним висловом історика Р. Подкура, більшість з них спробувала «прослизнути між Сциллою та Харибдою», тобто, з одного боку, співробітники НКВС задля уникнення покарання засуджували порушення «соціалістичної законності», з іншого, вони не розуміли звинувачень на свою адресу, що висунули проти них керівники держави, й були невпевнені у своїй подальшій долі⁵. Тому вищому і місцевому партійному керівництву чекісти намагалися донести тезу, що, як військово-зобов'язані, сумлінно виконували накази, дотримуючись субординації.

правда із задзеркала // Голос України. – 2010. – 16 жовтня; Шевцова Н. Кадровые изменения в НКВД Крымской АССР в 1939–1940 гг. // Радянські органи державної безпеки в Україні (1918–1991 рр.): історія, структура, функції: Мат. круглого столу, 19 грудня 2013 р., м. Київ / Упоряд.: О. Г. Бажан, Р. Ю. Подкур – К.: Ін-т історії України НАН України, 2014. – С. 197–204.

³ Бажан О., Золотарьов В. Луганський прокуратор (штрихи до біографії капітана державної безпеки НКВС Григорія Коркунова // Краєзнавство. – 2015. – № 3/4. – С. 257–267.

⁴ Див. праці: Золотарьов В. Керівний склад НКВС УРСР під час «великого терору»... – С. 111–115; Шевцова Н. Кадровые изменения в НКВД Крымской АССР в 1939–1940 гг. – С. 197–204.

⁵ Подкур Р. Реакція співробітників органів державної безпеки УРСР на припинення «великого терору»... – С. 149.

Іншим типом реакції стало невдоволення спробами партійних вождів перекласти провину за спрощене ведення слідства на органи держбезпеки. При цьому історики акцентували увагу, що співробітники НКВС ставали заручниками режиму⁶.

Виявлення й уведення до наукового обігу нових джерел із фондів Галузевого державного архіву Служби безпеки України дозволило комплексно дослідити механізм кадрових чисток чекістського середовища у період так званого «відновлення соціалістичної законності». Тому метою дослідження є комплексний аналіз механізму притягнення співробітників НКВС до відповідальності за порушення «соціалістичної законності» у період «Великого терору» на прикладі УНКВС по Ворошиловградській області.

Географічні рамки дослідження охоплюють територію Ворошиловградської (нині Луганської) області, що була утворена 3 червня 1938 р. шляхом відокремлення від Донецької області⁷.

Хронологічні рамки дослідження – період з 17 листопада 1938 р. по 17 серпня 1941 р. Перша дата пов'язана із появою постанови РНК СРСР та ЦК ВКП(б) «Про арешти, прокурорський нагляд і провадження слідства», що санкціонувала кадрову «чистку» НКВС СРСР. Вибір другої дати пояснюється закінченням судового процесу стосовно співробітників Управління НКВС по Ворошиловградській області.

Основу дослідження складають різні за змістом і характером архівні джерела, у тому числі й опубліковані. Автором використано матеріали трьох фондів Галузевого державного архіву Служби безпеки України (далі – ГДА СБ України): ф. 5 (кримінальні справи на не реабілітованих осіб), ф. 8 (відділ кадрів та

⁶ Шевцова Н. Кадровые изменения в НКВД Крымской АССР в 1939–1940 гг. – С. 203–204.

⁷ До складу Ворошиловградської області увійшли 3 міста – Ворошиловград (Луганськ), який став обласним центром, Ворошиловськ (Алчевськ), Серго (Стаханов) та 28 районів. У жовтні 1938 р. статус міст отримали селища Сорокіно (Краснодон), Лисичанськ, Первомайськ, Сватове, Свердловськ. Переважну більшість населення новоутвореної області склали селяни. Так, на січень 1939 р. в області мешкало 1 млн. 837 тис. осіб, з яких 68,5 % становило сільське населення, а 34,2 % – міське.

управління кадрів КДБ УРСР), ф. 12 (особові справи колишніх співробітників органів державної безпеки).

Використані історичні джерела можна розподілити на п'ять груп. До першої групи віднесено документи ЦК ВКП(б) і КП(б)У та їх місцевих партійних комітетів, оскільки її лідери у досліджуваний період зосереджувала в своїх руках усю повноту влади. Ухвалені політбюро ЦК ВКП(б) рішення визначали основні принципи діяльності законодавчої, виконавчої та судової гілок влади. Так, при аналізі партійних зборів співробітників УНКВС по Ворошиловградській області у рамках дослідження з'ясувалися наступні питання:

- взаємодія органів державної безпеки, прокуратури й представників Компартії;
- реакція співробітників УНКВС УРСР по Ворошиловградській області на припинення терору та відновлення «соціалістичної законності».

До другої групи залучено законодавчі акти та рішення виконавчих органів влади, насамперед, це постанови РНК СРСР, ЦВК СРСР та Кримінальні кодекси РРФСР й УРСР, що стали правовою базою для реалізації державного терору.

Третю групу джерел становлять скарги засуджених осіб під час проведення масових каральних акцій. Цінність даної групи джерел полягає у виявленні методів провадження спрощеного слідства конкретними співробітниками УНКВС по Ворошиловградській області.

До четвертої групи входять документи організаційно-розпорядчого характеру, рапорти, протоколи, заяви, матеріали службового розслідування. Ця група джерел відображає механізм діяльності органів НКВС усіх рівнів у період відновлення так званої «соціалістичної законності».

У п'яту групу джерел об'єднано матеріали слідства та судових процесів над порушниками «соціалістичної законності». Під час опрацювання цієї групи джерел основна увага приділялася вивченню:

- мотивів притягнення до кримінальної відповідальності співробітників НКВС;
- методів проведення слідства та судових процесів;

- ролі судових органів у засудженні співробітників НКВС;
- виявленню різниці покарання співробітників НКВС, зокрема керівників і рядових чекістів;
- втручання у процес засудження та реабілітації центральних судових органів (Верховний Суд СРСР, Військова Колегія Верховного Суду СРСР), Генеральної Прокуратури СРСР і Головної військової прокуратури СРСР;
- важелів, що були задіяні задля проведення кадрових чисток.

У контексті аналізу поведінки притягнених до кримінальної відповідальності співробітників НКВС основна увага акцентувалася на наступних моментах:

- причини порушення «соціалістичної законності» під час «Великого терору»;
- стратегії захисту під час слідства та судового засідання.

Цінність даної групи джерел полягає у комплексному дослідженні матеріалів на порушників «соціалістичної законності» усіх рівнів – від начальника обласного управління НКВС до рядового співробітника.

Управління НКВС УРСР по Ворошиловградській області було сформовано 11 червня 1938 р. Керівний склад УНКВС:

- начальник:
 - а) до 25 червня 1938 р. посаду обіймав колишній начальник Макіївського міськвідділу УНКВС по Донецькій області старший лейтенант держбезпеки О. Д. Баличев;
 - б) з 25 червня 1938 р. до 8 січня 1939 р. виконував обов'язки колишній начальник 4-го відділу УНКВС по Київській області капітан держбезпеки Г. І. Коркунов⁸. Але наказ про призначення був оголошений по НКВС УРСР тільки 14 лип-

⁸ Україна в добу «Великого терору»: 1936–1938 роки / Авт.-упоряд. Ю. Шаповал та ін. – К.: Либідь, 2009. – С. 132. Г. І. Коркунов був призначений на посаду за рекомендацією наркома внутрішніх справ УРСР О. І. Успенського. Так, під час оперативної наради у Ворошиловграді Успенський заявив: «Я надіслав Вам своїх висуванців, яких особисто перевірів, це люди надійні й з ними можна працювати». Окрім Коркунова, пролунали прізвища Соколова та Калганова. Див.: Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937–1938 рр.: У 2-х ч. / Упоряд. С. Кокін, М. Юнге. – К.: ВД «КМА», 2010. – Ч. II. – С. 374. Авторами дослідження «Україна в добу “Великого терору”: 1936–1938 роки» допущена помилка у даті зняття з посади Коркунова. Так,

- ня 1938 р. – у день, коли нарком О. І. Успенський перебував у Сталіно⁹;
- заступник начальника: з 11 червня до 27 жовтня 1938 р. – капітан держбезпеки О. Д. Баличев;
- начальники 3-го (контррозвідального) відділу УДБ УНКВС:
 - а) з 4 червня до 31 жовтня 1938 р. тимчасово виконував обов'язки лейтенант держбезпеки В. В. Калганов;
 - б) з 15 жовтня 1938 р. – колишній начальник Рубежанського райвідділу УДБ УНКВС по Ворошиловградській області сержант держбезпеки В. А. Врублевський¹⁰;
- начальник 4-го (секретно-політичного) відділу УДБ УНКВС: з 11 червня 1938 р. до 20 квітня 1939 р. лейтенант держбезпеки М. Г. Соколов¹¹;
- начальник 6-го відділу УДБ УНКВС: з 15 жовтня 1938 р., відповідно до наказу НКВС УРСР за № 677, призначений колишній виконуючий обов'язки начальника відділку 3-го відділу УДБ УНКВС по Ворошиловградській області молодший лейтенант держбезпеки К. І. Бельський;
- начальник 1-го спецвідділу УНКВС: з 15 жовтня 1938 р., відповідно до наказу НКВС УРСР за № 677, виконуючим обов'язки призначений колишній інспектор 8-го (обліково-статистичного) відділу УДБ УНКВС по Ворошиловградській області В. П. Попов;
- начальник 2-го спецвідділу УНКВС: з 15 жовтня 1938 р., відповідно до наказу НКВС УРСР за № 677, виконуючим обов'язки призначений колишній оперуповноважений Боково-Антра-

згідно з рішенням політбюро ЦК КП(б)У від 8 січня 1939 р., Г. Коркунов був звільнений з посади й на його місце призначений Михайло Іванович Череватенко. Див.: Центральний державний архів громадських об'єднань України (далі – ЦДАГО України), ф. 1, оп. 16, спр. 32, арк. 3. Але у біографічних даних на Г. Коркунова у книзі М. Петрова та К. Скоркіна фігурує дата 14 січня 1939 р. – дата наказу № 98 НКВС СРСР по особовому складу про звільнення Г. Коркунова із посади начальника УНКВС по Ворошиловградській області. Див.: *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. – М.: Звенья, 1999. – С. 244.

⁹ *Бажан О., Золотарьов В.* Луганський прокуратор... – С. 261.

¹⁰ Україна в добу «Великого терору»: 1936–1938 роки. – С. 132.

¹¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 2.

цитівського райвідділу УДБ УНКВС по Ворошиловградській області сержант держбезпеки В. С. Бредіхін¹².

Новоутворене УНКВС на чолі з Григорієм Івановичем Коркуновим розгорнуло активну боротьбу із «ворогами народу». Її методи описав у доповідній записці «Про проведення масової операції» від 14 січня 1939 р. заступнику наркома внутрішніх справ УРСР М. Д. Горлинському заступник начальника 3-го відділу УДБ УНКВС по Ворошиловградській області М. Г. Гнутов¹³. Так, для кожного району і навіть шахти, без урахування оперативних обліків та засміченості «ворожими елементами», були встановлені так звані «ліміти», що, у свою чергу, призвело до необґрунтованих арештів.

Для прискорення виконання «лімітів» Коркунов особисто їздив по місцях дислокації міжрайонних слідчих груп і районних апаратів НКВС. Наприклад, у Ворошиловському районі, продивляючись обліки, наклав резолюцію про негайні арешти, спираючись лише на соціальний стан фігурантів. Для оформлення документації були мобілізовані співробітники міліції.

Одним із документів, що був підставою для арешту і спрощеного слідства, була довідка сільради або свідчення, що особа за своїм соціальним походженням є куркулем або сином куркуля, яка погано працює або веде антирадянські розмови. Слід також додати, що Коркунов зобов'язав райони подавати по 30–40 і більше довідок на арешти, а тих, хто не виконував вимогу, карали. Наприклад, був знятий з посади та заарештований начальник Краснодонського райвідділу Ф. О. Космін. Поспіх в оформленні документації призвів до фальсифікації слідчих справ, особливо серед співробітників міліції Сергівського, Кагановицького та Ворошиловського районів. Також від міжрайонних слідчих груп вимагали вибивати із заарештованих не менше 3–4 зізнань щодня¹⁴.

¹² Україна в добу «Великого терору»: 1936–1938 рр. – С. 132–133.

¹³ Див.: Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937–1938 рр. – Ч. II. – С. 374–375.

¹⁴ Під час «Великого терору» були організовані наступні міжрайонні слідчі групи: Сергівська, Старобільська, Краснолуцька, Краснодонська, Ворошиловградська. Див.: Рапорт заступника начальника 3-го відділу УДБ УНКВС

Таким чином, Коркунов брав безпосередню участь в оперативно-слідчій роботі, недоліки якої, як зазначав у рапорті начальник 3-го відділу УДБ УНКВС по Ворошиловградській області Гнутов, покривала обласна «трійка». Остання функціонувала з 9 до 27 вересня 1938 р. та провела десять засідань, на яких засудили до розстрілу із конфіскацією майна 1226 осіб¹⁵.

Очільником «трійки» 9 та 10 вересня був начальник УНКВС по Сталінській області П. В. Чистов¹⁶, а з 13 вересня її роботу очолив Г. І. Коркунов. Усі протоколи «трійки» підписані також секретарем Ворошиловградського обкому КП(б)У П. М. Любавінін¹⁷, прокурором області П. Ф. Нощенком та секретарем «трійки» В. П. Поповим¹⁸. За час головування Коркунова «трійкою» було засуджено до розстрілу з конфіскацією майна 845 осіб¹⁹.

по Ворошиловградській області Гнутова заступникові наркома внутрішніх справ УРСР Горлинському про проведення масової операції від 14 січня 1939 р. // Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937–1938 рр. – Ч. II. – С. 375.

¹⁵ *Никольский В.Н.* «Кулацкая операция» НКВД 1937–1938 гг. в украинском Донбассе и ее статистическая обработка // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – М.: РОССПЭН; Герм. истор. ин-т в Москве, 2009. – С. 806.

¹⁶ Слід зазначити, що навіть прокурор Ворошиловградської області П. Ф. Нощенко не міг пояснити, чому начальник УНКВС по Донецькій області Чистов деякий час залишався головою «трійки» по Ворошиловградській області. Див.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 60.

¹⁷ Петро Митрофанович Любавін обіймав посаду першого секретаря Ворошиловградського обкому КП(б)У з 7 червня до 12 листопада 1938 р., з 12 листопада 1938 р. до 4 серпня 1941 р. перебував на посаді першого секретаря Сталінського обкому КП(б)У. Першим секретарем Ворошиловградського обкому КП(б)У став Михайло Єгорович Квасов (13 листопада 1938 р. – 21 грудня 1940 р.).

¹⁸ *Никольский В.Н.* «Кулацкая операция» НКВД 1937–1938 гг. в украинском Донбассе и ее статистическая обработка. – С. 789.

¹⁹ Там само. – С. 806. При цьому Коркунов на відкритих загальних зборах парторганізації УНКВС по Ворошиловградській області від 17 січня 1939 р. заявив про 321 заарештовану особу. Підраховано за: Копія протоколу за № 1 відкритих загальних зборів парторганізації УНКВС по Ворошиловградській області від 17 січня 1939 р. Див.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 10.

Але постановою РНК СРСР і ЦК ВКП(б) «Про арешти, прокурорський нагляд і провадження слідства» від 17 листопада 1938 р. і наказом НКВС СРСР № 00762 від 26 листопада 1938 р. було скасовано низку оперативних наказів щодо проведення масових репресивних акцій та встановлено порядок передачі завершених слідчих справ для судового розгляду²⁰.

Згідно з постановою РНК СРСР і ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р., органам НКВС і прокуратурі заборонялося проведення будь-яких масових операцій, пов'язаних з арештами й виселенням, поновлювалася дія ст. 127 Конституції СРСР, за якою арешт відбувався за постановою суду або за санкцією прокурора, ліквідовувалися позасудові «трійки». Органи держбезпеки та прокуратура повинні були дотримуватися вимог Кримінально-процесуального кодексу. Кандидатури на посади прокурорів затверджувалися в ЦК ВКП(б) за поданням обкомів, крайкомів, ЦК національних компартій й прокурора СРСР, до слідчих частин НКВС спрямовував найбільш кваліфікованих, перевірених членів партії. При цьому усі кандидатури на посаду слідчих у центральному та територіальних апаратах держбезпеки затверджувалися наказом наркома внутрішніх справ СРСР. У свою чергу, наказ НКВС СРСР № 00762 від 26 листопада 1938 р. регламентував процедуру спрямування завершених слідчих справ до суду.

Відновлення «соціалістичної законності» супроводжувалося переглядом справ заарештованих, але не засуджених осіб поза судовими або судовими органами, а також перевіркою діяльності співробітників НКВС.

Для опрацювання механізму виконання постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) «Про арешти, прокурорський нагляд і провадження слідства» від 17 листопада 1938 р. і відповідних наказів НКВС СРСР нарком внутрішніх справ СРСР Л. П. Берія запропонував наркомам союзних й автономних республік, начальникам територіальних апаратів УНКВС провести оперативні наради.

Перша нарада оперативного складу УНКВС по Ворошиловградській області відбулася 23 листопада 1938 р. На жаль, оз-

²⁰ Див: Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937–1938 рр. – Ч. II. – С. 342–344, 349–354.

найомитися з протоколом немає можливості²¹, тому основним джерелом є лист начальника УНКВС Г. І. Коркунова секретарю ЦК КП(б)У М. С. Хрущову від 19 січня 1939 р., в якому він стверджує, що на нараді активно лунала самокритика²².

Наступна нарада працівників УДБ УНКВС по Ворошиловградській області відбулася 6 січня 1939 р.²³ Обговорювалося лише одне питання – практична побудова роботи УДБ у відповідності з рішенням ЦК ВКП(б) і РНК СРСР. На нараді були присутні: перший секретар Ворошиловградського обкому КП(б)У М. Є. Квасов, обласний прокурор П. Ф. Нощенко й заступник обласного прокурора Берегулько. Наряду відкрив Коркунов, який закликав присутніх «шляхом критики та самокритики» викрити усі недоліки. Першим виступив начальник Старобільського райвідділу Старков, який, зокрема, указав на утримання у в'язниці 14 заарештованих без порушень стосовно них справ, погану організацію роботи із агентурою, відсутність практичної допомоги обласного управління²⁴. Начальник Ворошиловського міськвідділу І. І. Зачепа також акцентував увагу на поганій організації роботи з агентурою й зізнався у побитті заарештованих, при цьому перекинувши відповідальність на колишнього заступника наркома внутрішніх справ СРСР Л. М. Бельського, який «приїздив і давав установки»²⁵.

Начальник Серговського міськвідділу П. М. Баранов, окрім недоліків в агентурній роботі, згадав про випадки підробки протоколів. Серед причин він назвав брак кадрів (апарат не був укомплектований на 50%) й мляву роботу прокуратури. В якості доказу навів той факт, що у прокуратурі одна зі справ

²¹ У справі Г. Коркунова, що знаходиться у фонді за № 5 ГДА СБ України, протокол наради відсутній, а м. Луганськ, де знаходиться Державний архів Луганської області, тимчасово окуповане РФ.

²² Див. ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 127–126.

²³ На нараді були присутні 96 осіб, з яких 56 осіб – працівники обласного апарату, 40 осіб – периферії.

²⁴ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 34.

²⁵ Серед тих, хто бив заарештованих, також назвав Гнутова, Колісниченка й Купріянова. Див.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 42.

перебуває понад три тижні замість того, щоб її відправили до суду й провели показовий процес²⁶.

Нарада відбувалася мляво, співдоповідачі фактично повторювали вищевикладене, тому в роботу втрутився секретар партійного комітету УНКВС – начальник 4-го відділення 3-го відділу І. С. Гудков. Зокрема, він акцентував увагу присутніх на відсутності критики й самокритики у доповідях, зауваживши, що останні мають характер оперативного звіту, а необхідно викривати недоліки оперативно-слідчої роботи. Гудков вимагав визнання, що в оперативно-слідчій роботі є дві крайнощі: фальсифікація справ й розгубленість. При цьому, другу крайність пояснив хибною поведінкою заступника обласного прокурора Берегулька, який у розмовах із заарештованими цікавився поведінкою слідчих, а також поганою допомогою з боку міськпарткому²⁷.

Після втручання Гудкова до викриття недоліків в оперативно-слідчій роботі долучилися начальник відділення 9-го відділу УДБ УНКВС П. Г. Кітченко й начальник відділення 4-го відділу УДБ УНКВС М. О. Пекарев. Кітченко зазначив, що саме постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) «Про арешти, прокурорський нагляд і провадження слідства» від 17 листопада 1938 р. покладає край усім неподобствам, але звернув увагу присутніх, що викривлення в оперативно-слідчій роботі беруть свій початок «згори». Зокрема, в м. Сталіно приїздив заступник наркома внутрішніх справ СРСР Л. М. Бельський і «давав явно шкідницькі настанови й вимагав бити заарештованих»²⁸. Пекарев, у свою чергу, згадав, що деякі довідки склалися механічно, від слідчих вимагали добиватися зізнань шляхом «майже вбивства» заарештованих, тому й сам застосовував «фізичні дії». Але при цьому на репліку 1-го секретаря Ворошиловградського обкому КП(б)У Квасова про помилки в роботі відповів:

«У справах помилок у мене немає, і справи, які у мене – це заарештовані вороги»²⁹.

²⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 45.

²⁷ Там само, арк. 51.

²⁸ Там само, арк. 54.

²⁹ Там само, арк. 56.

Начальник Краснодонського райвідділу Колобов викривлення у оперативно-слідчій роботі пов'язав з поганим керівництвом з боку УНКВС. Начальник відділення 9-го відділу УДБ УНКВС Афанасьєв покаявся у тому, що припустився недбалості у слідчій справі Комашка³⁰, а також виступив із критикою на адресу начальника Старобільського райвідділу Старкова, який не надав йому можливості ознайомитися з обліками агентури та архівами³¹.

До обговорення перебудови оперативно-слідчої роботи долучився обласний прокурор Петро Хомич Нощенко. Він зазначив, що співробітники УНКВС продовжили працювати «по-старому», їх доповіді мали абстрагований характер. Нощенко вимагав розуміння, що фальсифікація слідства є злочином, за який треба судити, відзначивши при цьому, що позитивним у перебудові роботи УНКВС є організація Коркуновим бюро скарг³². На ці закиди відреагував начальник 4-го відділу УДБ УНКВС Соколов, зазначивши, що окремі працівники бояться самостійно вирішувати питання, тому звертаються з усілякими дрібницями, а деякі труднощі у слідчій роботі пов'язані з прокуратурою³³. У свою чергу, начальник 1-го відділення 3-го відділу УДБ УНКВС Суд в усіх викривленнях в оперативно-слідчій роботі звинуватив «ворога народу» Успенського, який «давав настанови антирадянського характеру»³⁴.

Отже, співробітники УНКВС у виступах поклали відповідальність за «викривлення» на керівництво НКВС СРСР й УРСР як викритих «ворогів народу». Натомість, критика на адресу начальника УНКВС Коркунова майже не лунала, єдиним звинуваченням була слабка допомога обласного управління районним апаратам. При цьому лунала критика на адресу прокуратури та міського комітету КП(б)У. Першу звинувачували у тому,

³⁰ Див: Реабілітовані історією. Луганська область. – Луганськ, 2005. – Т. 2. – С. 297.

³¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 56–58.

³² Там само, арк. 58–60.

³³ Там само, арк. 61.

³⁴ Там само, арк. 62.

що не перевіряє справи в процесі слідства, мляво працює, заграє із заарештованими, а міськком КП(б)У – у відсутності належної уваги до партійної організації співробітників УНКВС.

Відсутність у доповідях і виступах самокритики й критики викликала негативну реакцію Квасова. Він заявив:

«[...] я не чую [...] критики на адресу керівництва, чому не вистачає сміливості прямо сказати про недоліки. З цим також треба боротися і викоренити таку практику. [...] Нічого в роботі УНКВС не змінилося, висновки присутніми ніякі не зроблені, необхідно відмовитися від старих методів роботи, але пам'ятати про них, щоб виправити, [...] практику побиття заарештованих необхідно викоренити, шляхом критики та самокритики боротися та не допускати викривлень у роботі»³⁵.

Суб'єктивною причиною втручання Квасова у роботу УНКВС було бажання поквитатися з Коркуновим. За словами Коркунова, конфлікт між ними розпочався ще у липні 1938 р. Причиною стали компрометуючі матеріали на Квасова щодо його роботи на посаді начальника політвідділу Лозо-Олександрівського району Старобільської округи під час виборів до Верховної Ради УРСР³⁶. У подальшому загострення стосунків між Квасовим і Коркуновим навіть призвело до того, що працівники обкому КП(б)У три дні приховували від Коркунова телеграму Й. В. Сталіна від 10 січня 1939 р., в якій роз'яснювалося, що ЦК ВКП(б) у 1937 р. дозволив у виняткових випадках застосування «фізичної дії»³⁷.

Не знайшовши підтримки у прокуратурі, Квасов 7 січня 1939 р. викликав до себе начальника 1-го відділення 3-го відділу УДБ УНКВС сержанта держбезпеки Юхима Матвійовича Суда, який і став основним обвинувачем Коркунова на партійних зборах працівників УНКВС по Ворошиловградській області³⁸.

На наступних відкритих загальних зборах парторганізації УНКВС по Ворошиловградській області, згідно протоколу від

³⁵ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 65–66.

³⁶ Там само, арк. 121–122.

³⁷ Там само, арк. 123.

³⁸ Там само.

17 січня 1939 р., брали участь 79 осіб, з них 65 осіб – члени ВКП(б), 14 осіб – кандидати у члени ВКП(б). Пропонувалося обговорити два питання: прийом у члени та кандидати у члени партії й затвердження рішень партійного комітету. Однак, за пропозицією Ю. Суда, до порядку денного внесли ще одне: «Проставлеників ворога народу Успенського»³⁹. При цьому третє питання було розглянуто на закритій частині партійних зборів, де основним доповідачем і став Ю. Суд.

Він заявив, що із початку організації УНКВС по Ворошиловградській області приглядався до діяльності Коркунова й дійшов висновку:

«Коркунов є недбалим як людина і комуніст. Успенський викритий як ворог народу, а Коркунов – його ставленик. 6 січня ц[ього] р[оку] Коркунову необхідно було у порядку самокритики викрити усі недоліки в агентурно-слідчій роботі з його ж вини, він цього не зробив. Він, навпаки, удав, що він молодий начальник, що був залишений Успенським напризволяще, а насправді він мав з ним зв'язок не тільки телефоном, але й нерідко за його викликом їздив до Києва»⁴⁰.

Далі Суд відзначив, що у зв'язку з обмеженням регламенту не зміг 6 січня викрити недоліки в оперативно-слідчій роботі, тому тільки зараз може висунути обвинувачення на адресу Коркунова:

«В оперативно-слідчій роботі була штурмівщина, наскоки на райони, масові необґрунтовані арешти, Коркунов давав завдання кожному слідчому закінчити по 7 справ щодня. Були настанови Успенського заарештувати 1000 осіб, і ми це робили. Ми виконували ліміти. За вказівками Коркунова ми заарештовували [людей] паками без усіляких підстав. Знайдемо у багатьох районах пусті теки із санкцією Коркунова “заарештувати й розкрутити”, яких потім звільняли. Що собою уявляє Коркунов як комуніст – затискав критику, не давав можливості викривати недоліки й розгорнути партійно-масову роботу, давав шкідницькі настанови з агентурної роботи, настанови завербовувати по 20 осіб з розрахунком, якщо залишиться один гарний агент, то добре»⁴¹.

³⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 1.

⁴⁰ Там само, арк. 4.

⁴¹ Там само, арк. 5.

Згадав Ю. Суд й про те, що Коркунов залучив на документування співробітників міліції, яких згодом заарештували й звинуватили у викривленні слідства, при цьому відзначивши, що заарештували правильно⁴². Не оминув й «шкідницьку роботу» з кадрами:

«У Ровеньки був призначений Іванов, але поки він їхав, йому надіслали телеграму про те, що він повинен повернутися, і він отримує нове призначення»⁴³.

Гучною заявою на адресу Коркунова та його ставлеників стало звинувачення в арештах 50 осіб із числа старих більшовиків і вбивстві під час допитів арештованих Максименка й Епштейна⁴⁴. Цікавим видається той факт, що, Ю. Суд не сумнівався, що Максименко – ворог, провокатор, але акцентував увагу:

«[...] наше завдання викрити ворогів, але ніхто не давав права під час слідства вбивати людей»⁴⁵.

Наприкінці виступу Ю. Суд не тільки виказав сумніви щодо соціального походження Коркунова, а й звинуватив його у втручанні в роботу партійної організації⁴⁶, в оточенні себе підлабузниками (серед них – Воскобойніков⁴⁷, Соколов, Гетьман, Брук, Чорноусов), незаконній витраті на власні забаганки до 30 тис. руб. державних коштів⁴⁸. Усе вищевикладене, на думку Ю. Суда, ставило під сумнів подальше перебування Коркунова у партійних лавах. Слід зазначити, що партійні збори відбувалися за відсут-

⁴² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 5.

⁴³ Там само.

⁴⁴ Разом з Коркуновим участь у вбивстві Максименка, за словами Ю. Суда, брали Соколов і Воскобойніков, а провину за вбивство Епштейна поклав на Удовенка. Див.: Там само, арк. 7.

⁴⁵ Там само.

⁴⁶ Йдеться про те, що всупереч рішення ЦК ВКП(б), Коркунов скликав партійний комітет разом з активом й відмінив рішення зборів. Виступаючи на зборах 6 січня 1939 р., не був самокритичним, не давав можливості виступати іншим, чинив тиск на секретаря парторганізації працівників УНКВС Гудкова. Див.: Там само, арк. 8.

⁴⁷ Зокрема, Воскобойніков склав довідку «Про характерні реагування співробітників». Див.: Там само, арк. 8.

⁴⁸ Там само.

ності останнього, який знаходився на виїзді у районі⁴⁹. Втім, звинувачення були настільки гучними, що було ухвалене рішення про запрошення 1-го секретаря обкому КП(б)У М. Квасова та виклик Г. Коркунова. Замість Квасова на засіданні були присутні секретарі міськкому Тульнов й Костенко⁵⁰, а Коркунов виступив із заявою, що бажає дати пояснення й виступ Суда вважає тенденційним і непартійним.

Коркунов заперечив зв'язок із Успенським:

«Ставлеником Успенського не був. Я був призначений наркомом внутрішніх справ СРСР Єжовим. Я зі всією партійною рішучістю відкидаю звинувачення про мої зв'язки з Успенським. Успенського не знав до приїзду в Київ»⁵¹.

При цьому зазначив, що ставлення до управління і до нього особисто з боку Успенського було хамським. Він хотів доповісти про це неподобство Єжову, але не вистачило хоробрості, тому зайвий раз не звертався до Успенського. Всі настанови з наркомату отримував через начальника УНКВС по Сталінській області П. В. Чистова, а до Києва їздив тільки за викликом⁵².

Також Коркунов визнав практику «штурмівщини» як ворожий метод оперативно-слідчої роботи, який застосовував відповідно до настанов «згори» і підтвердив виправлення цієї помилки. Зокрема, у Старобільську було переглянуто 250 справ, отриманих з м. Сталіно, ухвалено рішення про звільнення заарештованих, тому що «вороги посадили 250 калік, без очей, ніг і т. п.»⁵³. Далі він зазначив, що після утворення УНКВС по

⁴⁹ Коркунов 8 січня 1939 р. був звільнений з посади начальника УНКВС по Ворошиловградській області й направлений у розпорядження НКВС СРСР, але повинен був передати усі справи новопризначеному наступнику. Саме тому він їздив по районах із ревізією.

⁵⁰ Квасова тричі запрошували на засідання, але той категорично відмовився й заявив, що його присутність є необов'язковою й дав настанови через секретаря міськкому КП(б)У припинити засідання. Але було ухвалене рішення продовжити засідання («за» – 56 осіб, проти – 6 осіб, при цьому не зрозуміло, чому замість раніше присутніх 79 осіб на закритій частині залишилося 62 особи). Див.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 97.

⁵¹ Там само, арк. 9.

⁵² Там само, арк. 12–13.

⁵³ Там само, арк. 9.

Ворошиловградській області перебудував усю роботу, зокрема, переглянув облікові картки, ліквідував списки та запровадив прокурорську санкцію, без обґрунтування причин нікого не заарештовував, якщо й вимагав виконувати «ліміти», то тільки за наказом «згори», тому що зобов'язали звітувати за кожну п'ятиденку⁵⁴. При цьому визнав, що інколи був метушливим і невитриманим, пояснивши таку поведінку завантаженістю й браком досвіду⁵⁵.

Разом з тим, він вважав правильним звільнення 8 начальників райвідділів, оскільки вони не відповідали займаним посадам⁵⁶. Були також відкинуті усі закиди щодо втручання в роботу парторганізації. Коркунов визнав тільки, що доручав Соколову вносити корективи в протоколи, що стосувалися агентурної роботи й відправлялися для ознайомлення заступникові наркома внутрішніх справ УРСР А. З Кобулову⁵⁷. Він зазначив, що особисто перевіряв довідки на арешти членів партії і спростував заяву про арешти 50 старих більшовиків:

«Є у нас заарештовані колишні старі більшовики, їх можна перелічити по пальцях, 3 або 4 особи, один член партії з 1904 р., а з 1908 р. – провокатор царської охорони, другий, Богданов, член партії з 1910 р., кадровий троцькіст»⁵⁸.

Коркунов заперечив жахливі звинувачення про участь у вбивстві під час слідчих дій:

«Максименка не допитував, його допитували спочатку в 3-му відділі, а потім Київська бригада. Останні допитували жахливо, але я, як начальник управління, знаходився осторонь. Заяви Суда, що Максименка вбили під час слідства – брехня. [...] Щодо Епштейна, то звертаюсь із проханням перевірити»⁵⁹.

⁵⁴ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 9–10.

⁵⁵ Зокрема, у листі до Хрущова Коркунов зазначав, що через місяць після організації області залишився без помічника, начальника 3-го й 8-го відділів, заступника та 25 співробітників апарату УНКВС. Див.: Там само, арк. 10, 126.

⁵⁶ Там само, арк. 12.

⁵⁷ Там само.

⁵⁸ Там само, арк. 11.

⁵⁹ Там само.

При цьому застосування під час слідчих дій фізичного впливу до заарештованих визнав, але, за його словами,

«[...] били з партійним сумлінням, тому що це були вороги народу»⁶⁰.

Звинувачення про розтрату державних коштів також відкинув, зазначивши, що гроші витрачав за необхідності:

«Більше, ніж потребує мій шлунок, не брав. Звертаюсь із проханням перевірити»⁶¹.

Наприкінці заяви Коркунов розповів про соціальне походження:

«Народився в 1904 р., господарство батька до революції і після революції середняцьке. Родина складалася з 13 осіб. Старший брат, комуніст, розстріляний білими. Батько та другий брат переховувалися, були заарештовані білими. Згодом батька відпустили, брата мобілізували білі й відправили на фронт. Через деякий час брат повернувся. У 1919 р. я проживав у селі із родиною. У 1920 р. навчався, а в 1921 р. навчання залишив і пішов працювати у Свердловську політпросвіту, потім за наймом. В 1923 р. вступив до Свердловського інституту, провчившись 2 роки, захворів, більше не навчався. У 1927 р. пішов служити в армію, був прийнятий у партію, з армії пішов працювати у ДПУ. Третій брат був кандидатом у члени ВКП(б), працював головою сільради, але за якусь провину був знятий з посади. Приїхав до мене у Житомир, за місцем моєї служби, але не був знятий з партійного обліку, тому направив його до секретаря КРК і начальника райвідділу НКВС. Але, як потім мені стало відомо, він не поїхав, через рік я дізнався, що він був заарештований та засуджений на 3 роки. Згодом його звільнили достроково»⁶².

Після того, як заслухали заяву Коркунова, було ухвалено рішення завершити засідання. У зв'язку з тим, що Ю. Суд вису-

⁶⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 11. Цікавим видається той факт, що заступник начальника 3-го відділу УДБ УНКВС по Ворошиловградській області Гнутов замість того, щоб на партійних зборах виступити зі звинуваченнями на адресу Коркунова, відправив 14 січня 1939 р. рапорт заступнику наркома внутрішніх справ УРСР Горлинському. Він перерахував частину фактів, наведених Судом, але не згадав про вбитого Максименка, в чому їхній відділ звинуватив Коркунов. Див.: Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937–1938 рр. – Ч. II. – С. 374–375.

⁶¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 13.

⁶² Там само.

нув звинувачення не лише кримінального, а й політичного характеру, ухвалили рішення викласти їх письмово. Присутнім нагадали, якщо хтось має також факти злочинних дій Коркунова, то необхідно надати їх обкому або міськкому КП(б)У письмово. Такі факти надав начальник адміністративно-господарчого відділу (далі – АГВ) Я. І. Нерозін. Зокрема, він написав у заяві секретарю обкому КП(б)У М. Є. Квасову про нецільове використання Коркуновим 28 460 крб. 06 коп. й про вбивство заарештованого Максименка, зазначивши, що останнє не тільки відомо Коркунову, але його можуть підтвердити співробітники Патрат'єв, Беркович, Ступницький⁶³.

Заяви щодо злочинних дій Коркунова були розглянуті 19 січня 1939 р. на закритій частині засідання бюро Ворошиловградського обкому КП(б)У. Відповідно до протоколу за № 54, на засіданні були ухвалені наступні рішення: спрямувати усі матеріали на членів партії Коркунова й Суда до ЦК КП(б)У та НКВС УРСР; просити терміново розглянути матеріали, після чого вирішити питання на бюро обкому⁶⁴.

Про рішення бюро обкому можна дізнатися з протоколу за № 2 загальних зборів парторганізації УНКВС по Ворошиловградській області від 8 лютого 1939 р. Так, перший секретар Ворошиловградського обкому КП(б)У М. Є. Квасов довів до відома присутніх:

«[...] Факти, на які вказував Суд, обвинувачуючи Коркунова й інших членів партії, не підтвердилися. Комісією обкому встановлено, що Коркунов безконтрольно використав кошти з особливого фонду й допустив окремі помилки в оперативно-слідчій роботі. Заява Нерозіна є тенденційною, тому що Нерозін сам несе відповідальність за ці кошти, знав про неподобство й не вжив заходів»⁶⁵.

⁶³ Підраховано за: Заява члена КП(б)У парторганізації НКВС Нерозіна про злочинну кримінальну діяльність члена партії Коркунова. Нерозін у заяві вказав, що відповідний рапорт відправив Кобулову. Див.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 94.

⁶⁴ Там само, арк. 93.

⁶⁵ На загальних зборах парторганізації були присутні 103 особи, з них: 75 членів ВКП(б), 28 кандидатів у члени ВКП(б). Див.: Там само, арк. 14.

Тому бюро обкому ухвалило:

«Члена КП(б)У Суда виключити з партії, Коркунову оголосити догану, Нерозіну – догану й запропонувати Череватенку (новопризначений начальник УНКВС) з посади начальника АГВ звільнити»⁶⁶.

У дебатах брали участь Нерозін, Патрат'єв, Коркунов, Захаров, Афанасьєв, Писаренко, Сєдих, Суд, Чорноусов, Шершер, Носовський, Куниця, Толмачов, Воронов, Коробчанський, Локотков, Гетьман, Федорчук, Вінніков, Геллер, Удовенко, Кітченко, Соколов.

Нерозін, захищаючи себе, наполягав на тому, що Коркунов не за призначенням витратив кошти, тероризував підлеглих, зокрема, майже довів його до самогубства⁶⁷. На захист Нерозіна виступив Патрат'єв:

«[...] т. Нерозін своєчасно заявив про розтрату, комісія Обкому підійшла до розгляду питання неправильно. Там, де утискають критику й самокритику, там не буде роботи, [...] ми помилилися, що не вигадали тоді з партійного комітету Хорошилова й Соколова. Коркунов є великим бюрократам, 11 разів ремонтував кабінет. [...] Як це можна закріпити 5 машин? Моя пропозиція – членів парткомітету Хорошилова й Соколова з П[артійного] К[омітету] вивести й оголосити догану»⁶⁸.

Коркунов, навпаки, стверджував, що довів ревізору, що кошти витратив за призначенням⁶⁹. Захаров заявив, що треба перебудувати усю роботу, а Сєдих не підтримав постанову бюро обкому⁷⁰.

Ю. Суд виступив на свій захист, аргументуючи тим, що не був запрошений на обком, а також заявив про тиск з боку Коркунова й прояви антисемітизму⁷¹. У свою чергу, Афанасьєв розповів про хамську поведінку Коркунова, Шершер, Носовський та Куниця – про «нечуле, варварське ставлення до підлеглих із

⁶⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 14.

⁶⁷ Там само, арк. 15.

⁶⁸ Там само.

⁶⁹ Там само.

⁷⁰ Там само, арк. 17.

⁷¹ Там само, арк. 17–19.

боку керівництва», Геллер підтримав Суда, заявивши про утиски з боку Соколова, Хорошилова, Коркунова; Вінников – про гноблення з боку Коркунова⁷².

Чорноусов виступив на свій захист, заявивши що робив Суду зауваження, тому той і вважає його ставлеником Коркунова⁷³. Воронов, навпаки, підтримав заяву Суда й негативно відгукнувся про роботу Гетьмана й Воскобойнікова, обізвавши останнього «марафетником»⁷⁴.

Локотков, Гетьман, Писаренко, Толмачов, Коробчанський підтримали постанову бюро обкому, а Соколов заявив, що у Суда старі рахунки із Воскобойніковим⁷⁵. Федорчук, Кітченко й Удовенко у виступах підтримали постанову бюро обкому, звинувативши Суда у наклепах, при цьому визнавши, що «партійна робота є занедбаною»⁷⁶.

Наприкінці засідання виступив 1-й секретар обкому КП(б)У М. Є. Квасов:

«Нашим завданням було викрити недоліки, виправити й почати працювати краще. Провели два відкритих засідання, але так, як говорили зараз про недоліки, не говорили. Суд заявив про те, що він виклав зараз, я запропонував написати, але Суд навмисно не написав⁷⁷ і вніс дезорганізацію своїми наклепницькими заявами. Даних, що Коркунов є ставлеником ворога народу Успенського, немає. У Коркунова помилок багато, за це він поніс відповідне покарання. Заява Суда зроблена навмисно з метою внести дезорганізацію в роботу. Парторганізацію оздоровимо, колектив буде працювати як треба. Тим неподобствам, що чи-

⁷² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 16, 19, 21.

⁷³ Там само, арк. 20.

⁷⁴ Там само, арк. 22. Начальник 3-го спецвідділу УНКВС по Ворошиловградській області сержант держбезпеки Іван Тихонович Воронов свої звинувачення на адресу Коркунова та його прибічників також виклав у рапорті. Див.: Там само, спр. 38810, т. 6., арк. 92.

⁷⁵ Там само, спр. 67462, арк. 21, 23–26.

⁷⁶ Там само, арк. 27–28, 29–30.

⁷⁷ Незрозумілим залишається вчинок Суда, який не захотів письмово надати обкомові КП(б)У докази провини Коркунова, у цей же час надіславши відповідний рапорт заступнику наркома НКВС УРСР М. Д. Горлинському. Див.: Там само, спр. 38810, т. 6, арк. 89–93.

нилися, покладемо край, залишимо в апараті НКВС тих, хто відповідає завданням, віддано й чесно працює»⁷⁸.

У результаті було ухвалене наступне:

«Схвалити рішення обкому КП(б)У про виключення Суда з членів партії як наклепника, накласти партійні стягнення на Коркунова та Нерозіна – оголосити догану першому за відсутність контролю за використанням грошей з особливого фонду, другому – за відсутність контролю й незастосування заходів щодо своєчасного викриття неподобств із використанням коштів. Переобрати партійний комітет, який не забезпечив відповідну настанову партійно-масової й виховної роботи»⁷⁹.

Таким чином, період після завершення масових операцій характеризується приборканням карального завзяття працівників НКВС і міліції, перебудовою оперативно-слідчої роботи відповідно до постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) «Про арешти, прокурорський нагляд і провадження слідства» від 17 листопада 1938 р. та відновленням норм «соціалістичної законності». Порівняльний аналіз стенограми наради оперативного складу і протоколів загальних зборів парторганізації УНКВС по Ворошиловградській області надав змогу виявити наступну тенденцію: спочатку критика на адресу керівництва й самокритика мала загальний характер, але згодом процес обговорення недоліків в оперативно-слідчій роботі став динамічнішим, а тон – гострішим, лунали закиди на адресу прокуратури й місцевого комітету партії.

Критика, що лунала на нарадах оперативного складу і загальних зборах парторганізації УНКВС на адресу керівників, підтримувалася партійним керівництвом та відіграла провідну роль на початковому етапі відновлення «соціалістичної законності». На другому етапі до справи долучилася прокуратура, матеріали перевірки якої стали підставою арештів і за суджень, перш за все, керівних співробітників УНКВС.

Подальша доля колишнього начальника УНКВС по Ворошиловградській області Григорія Івановича Коркунова була виз-

⁷⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 31.

⁷⁹ Там само, арк. 32.

начена у Москві. Він був відкликаний у розпорядження НКВС СРСР, а 5 червня 1939 р. заарештований за «членство у змовницькій організації О. І. Успенського»⁸⁰. На жаль, ознайомитися з організацією й методами слідства немає можливості, оскільки кримінальна справа зберігається у фондах архіву ФСБ РФ. Єдине, що маємо у розпорядженні – витяг з протоколу допиту заарештованого О. І. Успенського від 20 травня 1939 р., що зберігається у архівно-кримінальній справі за № 67462, та витяг із протоколу очної ставки між заарештованим О. І. Успенським та Г. І. Коркуновим від 11 червня 1939 р. із архівно-кримінальної справи за № 38810.

Так, на допиті від 20 травня 1939 р. колишній нарком внутрішніх справ УРСР О. І. Успенський стверджував, що Г. І. Коркунов фальсифікував справи на колишніх червоних партизан із групи загиблого командира 14-ї кавалерійської дивізії О. Я. Пархоменка, ігнорував обком КП(б)У та ЦК КП(б)У. Зокрема, не надав матеріали справ на заарештованих членів партії другому секретареві ЦК КП(б)У М. О. Бурмистенку під час його приїзду до Ворошиловграда⁸¹. Ігнорування керівництва партії призвело до того, що, за словами Успенського, перший секретар ЦК КП(б)У М. С. Хрущов заявив про необхідність перевірки діяльності Коркунова⁸². Під час очної ставки, що відбулася 11 червня 1939 р., Успенський підтвердив свої свідчення від 20 травня 1939 р.:

«[...] відразу після приїзду до Ворошиловградської області Коркунов розгорнув ворожу роботу з фальсифікації справ, причому настільки широко, що навіть я вимушений був його сварити за брутальну фальсифікацію, за яку могли викрити [...]»⁸³.

На жаль, які свідчення на свій захист надав Коркунов під час очної ставки, невідомо, але наявні у справі за № 67462 листи Коркунова першому секретарю ЦК КП(б)У М. С. Хрущову від 19 січня 1939 р. та виконуючому обов'язки наркома внутрішніх справ УРСР А. З. Кобулову від 19 січня 1939 р. заперечують свід-

⁸⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38810, т. 6, арк. 137.

⁸¹ Там само, арк. 99.

⁸² Там само, арк. 100.

⁸³ Там само.

чення Успенського. Коркунов писав, що тісно співпрацював з Бурмистенком, а конфлікт з Ворошиловградським обкомом КП(б)У мав суб'єктивний характер⁸⁴.

Справа Г. І. Коркунова розглядалася 24 липня 1940 р. на закритому судовому засіданні Військової колегії Верховного Суду СРСР у складі бригавійськюриса Сусліна (голова), бригавійськюрисів Кандибіна й Детістова (члени), при секретарстві військюриса 3-го рангу Шури. Підсудний, колишній начальник УНКВС по Ворошиловградській області, 1904 р.н., уродженець с. Горевея Мехненського р-ну Свердловської обл, колишній член КП(б)У з 1929 р., був звинувачений у злочинах за ст.ст. 58-1 «а», 58-7 та 58-11 КК РРФСР⁸⁵.

Попереднім і судовим слідством було встановлено:

«Коркунов, перебуваючи на посаді начальника УНКВС по Ворошиловградській області у період з липня 1938 р. до січня 1939 р., здійснював масові необґрунтовані арешти невинних громадян і шляхом фальсифікації слідчих матеріалів порушував судові справи за звинуваченнями у тяжких державних злочинах. Коркунов культивував серед підлеглих провадження слідства із застосуванням викривлених методів, наслідком чого були смертельні випадки арештантів. Завдяки фальсифікації слідчих справ у великих обсягах, окремі справи розслідувалися неповно, й справжні вороги народу залишилися невикритими. Злочинна діяльність мала важкі наслідки, тому що велика кількість невинних громадян була репресована»⁸⁶.

Таким чином, Військова колегія Верховного Суду СРСР визнала Коркунова винним у скоєнні злочину за ст. 58-7 КК РРФСР, натомість звинувачення за ст.ст. 58-1 «а» й 58-11 КК РРФСР – виключила. Керуючись ст.ст. 319 та 320 КПК РРФСР, Військова колегія Верховного Суду СРСР ухвалила:

«Коркунова Григорія Івановича позбавити спеціального звання капітана держбезпеки й піддати вищій мірі покарання – розстрілу з конфіскацією майна, яке особисто йому належить. Вирок остаточний та оскарженню не підлягає»⁸⁷.

⁸⁴ Див.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 117–136.

⁸⁵ Там само, арк. 137–138.

⁸⁶ Там само.

⁸⁷ Там само, арк. 138.

Згодом Коркунов був розстріляний у Москві.

У березні 1940 р. до Ворошиловграда для перевірки справ прибула повноважна комісія з військового трибуналу Харківського військового округу (ХВО) для перевірки діяльності співробітників УНКВС по Ворошиловградській області. Її робота тривала 3 місяці. Члени комісії з'ясували, що співробітники УНКВС, «виконуючи настанови Успенського, під керівництвом колишнього начальника УНКВС по Ворошиловградській області Коркунова штучно створили правотроцькістську контрреволюційну організацію у Ворошиловграді»⁸⁸.

Зокрема, за свідченнями Юхима Матвійовича Суда під час приїзду до Ворошиловграда колишнього наркома УРСР О. І. Успенського Коркунов викликав до себе колишнього заступника начальника 4-го відділу (до 1939 р. секретно-політичний відділ називався 4-м, а потім – 2-м) Воронова й зобов'язав надати списки старих більшовиків – учасників громадянської війни, орденоносців та депутатів Верховної Ради УРСР. При цьому санкцію на арешт двох депутатів Верховної Ради УРСР, директорів паровозобудівного та заводу № 60, помічника директора і начальника 13 будуправління заводу № 60, головного металурга, інженера металографічної лабораторії, інженера конструкторського відділу, начальника ковальсько-пресувального цеху та начальника котельно-зварювального цеху паровозобудівного заводу особисто надав нарком внутрішніх справ СРСР М. І. Єжов⁸⁹.

Заступник військового прокурора ХВО Ніколаєв, перевіряючи справи щодо контрреволюційної організації у Ворошиловграді, установив факти систематичних і жахливих тортур, свавілля, фальсифікації. Така завзятість військового прокурора викликала протидію співробітників УНКВС по Ворошиловградській області. Зокрема, Воскобойніков подав рапорт Череватенку, в якому засудив дії Ніколаєва⁹⁰. Череватенко, захищаючи підлеглих, скликав бюро парторганізації УДБ УНКВС по Ворошиловградській області. Він піддав жорсткій критиці дії

Ніколаєва та заявив, що у слідчій роботі за 1939 р. не було виявлено порушень. Щодо оперативно-слідчої роботи за 1937–1938 рр., то усі помилки виправляються:

«[...] т. Воскобойніков не випускає з рук постанову РНК СРСР та ЦК ВКП(б) від 17 листопада 1938 р., те ж саме можу сказати про тт. Соколова, Пекарева, Терещенка. Усі вони будують свою роботу у відповідності до постанов РНК СРСР та ЦК ВКП(б)»⁹¹.

Після обговорення рапорту Воскобойнікова ухвалили рішення:

«1. Партбюро вважає, що поведінка заступника військового прокурора ХВО Ніколаєва у період його перебування в УНКВС заслуговує на засудження, тому що його дії є аполітичними, сповненими тенденційності й бажання звести наклеп не тільки на тт. Соколова, Воскобойнікова, Пекарева, Терещенка, а й на все УНКВС загалом;

2. Партбюро вважає, що висунуті у своїх постановах обвинувачення заступника військового прокурора ХВО Ніколаєва проти низки співробітників, які займають керівні посади в УНКВС, є необґрунтованими й наклепницькими;

3. Партбюро констатує, що тт. Соколов, Воскобойніков, Пекарев, Терещенко за 1939–1940 рр. усю свою оперативно-чекістську роботу будували й організували у повній відповідності до рішень РНК СРСР та ЦК ВКП(б) від 17 листопада;

4. Партбюро, враховуючи те, що тт. Соколов, Воскобойніков, Пекарев, Терещенко є співробітниками, які займають керівні посади, хоча й необґрунтовані звинувачення можуть внести елементи нездорових настроїв у середовище співробітників УНКВС і негативно відобразитися на оперативній роботі УНКВС, тому вважають за необхідне доручити тт. Череватенку та Корнеєву негайно доповісти обкому КП(б)У про хибну поведінку заступника військового прокурора ХВО Ніколаєва й висунуті звинувачення на адресу тт. Соколова, Воскобойнікова, Пекарева, Терещенка із подальшим інформуванням КП(б)У та НКВС УРСР»⁹².

Таким чином, у період відновлення «соціалістичної законності» органи НКВС фактично опинилися в лещатах прокуратури. Наказ прокурора А. Я. Вишинського від 26 листопада 1938 р. визначав її повноваження, зокрема, прокуратура повин-

⁸⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38810, т. 6, арк. 99–101.

⁸⁹ Там само.

⁹⁰ Там само, т. 7, арк. 185.

⁹¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38810, т. 7, арк. 185.

⁹² Там само, арк. 207.

на була довести, що органи НКВС систематично порушували закон. Тому рішення партбюро УНКВС по Ворошиловградській області не змогли загальмувати процес, а матеріали перевірки УНКВС Николаєвим стали підґрунтям арештів Олексія Дмитровича Баличева, Миколи Герасимовича Соколова, Лева Рувимовича Воскобойнікова, Леоніда Михайловича Павличева й Лева Ароновича Тарасовського⁹³ за санкцією військового прокурора військ НКВС по Сталінській та Ворошиловградській областях військюриса 2-го рангу Шулепіна⁹⁴.

У ході слідства була встановлена низка цікавих фактів щодо методів провадження слідства співробітниками НКВС. Зокрема, свідчення оперуповноваженого 3-го відділу Дрогобицького облуправління НКВС УРСР В. І. Зініна допомагають дослідити механізм фальсифікації справи «правотроцькістської контрре-

⁹³ М. Г. Соколов, 1905 р.н., уродженець м. Іваново, росіянин, з 11 червня 1938 р. до 20 квітня 1939 р. працював на посаді начальника 4-го відділу УДБ УНКВС по Ворошиловградській обл., з 20 квітня 1939 р. до 1 грудня 1940 р. – на посаді начальника 2-го відділу УДБ УНКВС по Ворошиловградській обл.; Л. Р. Воскобойніков, 1910 р.н., уродженець м. Умані, єврей, з 2 липня 1938 р. до 1 травня 1939 р. – на посаді начальника 3-го відділення 4-го відділу УДБ УНКВС по Ворошиловградській обл., а потім був призначений начальником слідчої частини УНКВС по Ворошиловградській обл. Див.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 2. Л. М. Павличев, 1908 р.н., уродженець м. Ярославля, росіянин, упродовж 1936–1938 рр. був помічником начальника 4-го відділу УДБ УНКВС по Горьківській обл., з 1 травня до 7 листопада 1938 р. – начальником відділення 4-го відділу УДБ НКВС УРСР, з 7 листопада 1938 р. до 19 червня 1940 р. – заступником начальника 2-го відділу УДБ НКВС УРСР. Л. А. Тарасовський, 1906 р.н., уродженець Вінницької обл., єврей, упродовж 1937–1938 рр. займав посаду оперуповноваженого 4-го відділу УДБ НКВС УРСР, 1938–1939 рр. – помічник начальника відділення 2-го відділу УДБ НКВС, 1939–1940 рр. – тимчасово виконуючий обов'язки начальника відділення 2-го відділу УДБ УНКВС по Станіславській обл., з 1940 р. й до арешту тимчасово виконуючий обов'язки заступника начальника ЕКВ УНКВС по Станіславській обл. О. Д. Баличев, 1900 р.н., уродженець м. Воронежа, росіянин, упродовж 1938–1940 рр. займав посаду тимчасово виконуючого обов'язки заступника начальника УДБ УНКВС по Ворошиловградській області та виконуючого обов'язки начальника Управління пожежної охорони НКВС УРСР. Див.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38810, т. 4, арк. 210–212, 234–235; ф. 12, спр. 3186, арк. 45.

⁹⁴ Там само, ф. 5, спр. 38810, т. 1, арк. 5–6.

волюційної організації у Ворошиловграді». За його словами, підставою для порушення справи стали свідчення секретаря Ворошиловградського міськкому КП(б)У Шаца⁹⁵. Спочатку довідки на арешт у справі «правотроцькістської контрреволюційної організації у Ворошиловграді» склалися відповідно до свідчень Шаца, а з появою нових заарештованих – за їхніми свідченнями⁹⁶. Але заарештовані не завжди давали необхідні свідчення, тому протоколи допитів спочатку коректували співробітники УНКВС Соколов, Воскобойніков, Пекарєв, Удовенко, Воронов, Ушаков, а потім їх віддавали на підпис заарештованим⁹⁷. У разі, якщо заарештовані особи не підписували протоколи, їх піддавали тортурам⁹⁸. Задля цього у старій будівлі УНКВС існувала окрема кімната (архів)⁹⁹. Уночі слідчі дії із застосуванням тортур відбувалися у в'язниці¹⁰⁰. У результаті від тортур, за свідченнями Зініна, померли арештовані Епштейн та Максименко¹⁰¹.

Свідчення співробітника УНКВС П. Г. Кітченка доповнюють картину фальсифікацій. За його словами, застосовані тортури стосовно Т. І. Терехова й С. Є. Стеценка надали можливість заарештувати у справі «правотроцькістської контрреволюційної організації у Ворошиловграді» 40 осіб¹⁰². Під тортурами Стеценка змусили заповнити схему, накреслену Пекарєвим, записавши до неї прізвища осіб, зазначених у списку Коркуновим¹⁰³.

⁹⁵ Див.: ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38810, т. 3, арк. 279. Шаца заарештували співробітники УНКВС по Донецькій області у справі «правотроцькістської контрреволюційної організації». Після створення Ворошиловградської області матеріали справи передали співробітникам 2-го відділу УНКВС по Ворошиловградській області.

⁹⁶ Там само, арк. 279.

⁹⁷ Там само, арк. 280.

⁹⁸ Там само.

⁹⁹ Там само.

¹⁰⁰ Там само, арк. 281.

¹⁰¹ Там само.

¹⁰² Там само, арк. 104.

¹⁰³ Там само, арк. 212–213. На нашу думку, ця схема була розроблена особисто наркомом внутрішніх справ УРСР Успенським, а потім лягла в основу справи. Див.: Там само, спр. 67462, арк. 107–116.

У процесі слідства у справі О. Д. Баличева, М. Г. Соколова, Л. Р. Воскобойнікова, Л. М. Павличева й Л. А. Тарасовського деяких арештантів теж допитали. Саме їхні свідчення розкрили методи слідства в УНКВС по Ворошиловградській області. Так, Й. І. Дзедзіц повідомив, що його допитували різні слідчі, але завзятішими серед них виявилися Беленький та Сквирський, які не тільки підказували прізвища «вербувальників», але й били¹⁰⁴. У результаті таких слідчих дій Дзедзіц звів наклеп на 25 осіб¹⁰⁵.

Стеценко зазначив, що його допитували Пекареєв, Соколов, Баличев та Коркунов, постійно піддаючи тортурам, зокрема, били палицями у кімнаті архіву. Унаслідок Стеценко обмовив 123 особи¹⁰⁶.

Т. І. Терехов надав свідчення проти Воронова, Соколова, Коркунова й Баличева, які побили його до втрати свідомості й змусили обмовити 60 осіб¹⁰⁷. Про побиття під час допитів заявили також С. Т. Колесніков, І. Д. Литвинов, Б. В. Капустін, І. Й. Кирюхін, Л. М. Ходос, Б. І. Корчагін.

Так, Колеснікова до втрати свідомості били Соколов, Воскобойніков, Кліменко, Тарасовський, Литвинова до крові з рота – Соколов, Ушаков, Воскобойніков, Капустіна – Соколов, Воронов, Удовенко, Кирюхіна – Лебідь і Воскобойніков, Корчагіна – Бобро, Воскобойніков, Тарасовський, а Ходосу відбили нирку Соколов і Тимченко¹⁰⁸. При цьому Кирюхін заявив, що бачив Колеснікова й Ходоса у бані зі слідами побиття на сидницях¹⁰⁹. У свою чергу, Ходос розповів про перебування у лікарні 2,5 місяці через побиття, спеціальний режим утримання (був ув'язнений в одиночці, не дозволяли прогулянки й відпочивати) й про вбивство слідчими Максименка¹¹⁰.

¹⁰⁴ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38810, т. 3, арк. 197–198.

¹⁰⁵ Там само, арк. 197–198.

¹⁰⁶ Там само, арк. 212–213.

¹⁰⁷ Там само, арк. 347–348.

¹⁰⁸ Там само, арк. 300–304, 319, 331–334, 377–378, 390, 402–408.

¹⁰⁹ Там само, арк. 390.

¹¹⁰ Там само.

Як свідчить розгляд матеріалів про смерть Максименка, його було заарештовано 12 липня 1938 р., а 24 вересня 1938 р. він помер у в'язниці¹¹¹. Максименка арештували за свідченнями Семена Тарасовича Колеснікова, які він надав під тортурами¹¹². Максименка звинуватили у керівництві повстанським штабом. За вказівкою Баличева, його били у кімнаті в'язниці, що була оббита повстиною¹¹³.

В архівно-кримінальній справі є розгорнуті свідчення Максименка на 52 аркушах, свідчення очної ставки з Капустіним та Латишевим, але ніяких документів, актів, довідок, які б підтверджували його провину, немає¹¹⁴. При цьому 60 підписів Максименка на двох протоколах допиту від 2 вересня та 26 серпня 1938 р. відповідно відрізняються за своєю тотожністю від підписів на анкеті заарештованого від 18 липня 1938 р.¹¹⁵ Відповідно до акту судово-графічної експертизи, підписи є оригінальними, але більшість з них зроблені з порушенням координації руху¹¹⁶.

21 вересня 1938 р. Максименка перевели із в'язниці до лікарні. За свідченнями начальника медичної частини С. Ю. Смоляра, він був викликаний комендантом Берковичем у в'язницю задля допомоги заарештованому Максименку¹¹⁷. У хворого була виявлена слабкість, висока температура, важкі рани на сидницях із ознаками гангрені. Зважаючи на стан здоров'я, Максименка перевели до лікарні¹¹⁸. При цьому Смоляр отримав від Баличева настанови, що, у разі смерті Максименка, у довідці записати діагноз «параліч серця»¹¹⁹. Свідчення Смоляра підтвердили начальник Ворошиловградської в'язниці Спектор та

¹¹¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38810, т. 2, арк. 5–6.

¹¹² Там само, т. 2, арк. 300–304.

¹¹³ Там само, арк. 140–141.

¹¹⁴ Там само, арк. 5–6.

¹¹⁵ Там само.

¹¹⁶ Там само, арк. 84.

¹¹⁷ Там само, арк. 16.

¹¹⁸ Там само.

¹¹⁹ Там само, арк. 17.

ув'язнений Капустін. Так, Спектор отримав указівки не переводити Максименка до в'язниці, щоб ув'язнені не бачили його в такому стані¹²⁰. Капустін змалював жахливу картину очної ставки з Максименком, що відбулася 26 серпня 1938 р.:

«Мене привезли до тюремної лікарні, де лежав побитий й майже без свідомості, накритий простирадлом Максименко. Слідчий Сіренко у присутності Воскобойнікова відкрив простирадло, під яким лежав побитий і весь у крові Максименко. При цьому слідчий Сіренко, показавши мені на побитого Максименка, промовив – дивися, якщо відхрестися, то з тобою відбудеться те саме, що і з Максименком»¹²¹.

В огляді справи є також свідчення колишнього начальника АГВ УНКВС по Ворошиловградській області Я. І. Нерозіна. Він повідомив, що у липні 1938 р. його викликав Коркунов й наказав вивести із в'язниці померлого Епштейна. У той же день він дізнався про смерть арештованого Максименка¹²². Далі він свідчить:

«Максименко був убитий, тому що тіло його було усе в ранах, навіть ноги»¹²³.

Ю. П. Заволока заявив, що Максименка, який відмовлявся свідчити й називав слідчих фашистами, неодноразово били ніжкою від віденського стільця Воскобойніков й інші співробітники УНКВС¹²⁴. Доповнюють усі ці свідчення пояснення начальника секретаріату УНКВС по Ворошиловградській області К. І. Бельського:

«Під час обходу камер мене надзвичайно здивувало, що, коли я побачив Максименка під час арешту, він був жагучий брютет, а коли я побачив його у камері, мені кинулося в очі, що він став сивим»¹²⁵.

Щодо другої смерті, про яку повідомляли Суд і Нерозін, то є тільки побічні докази вбивства, що містяться у протоколі

¹²⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38810, т. 2, арк. 22.

¹²¹ Там само, арк. 56.

¹²² Там само, арк. 118.

¹²³ Там само.

¹²⁴ Там само, арк. 106.

¹²⁵ Там само, арк. 90.

огляду архівно-кримінальної справи Йосифа Адольфовича Епштейна¹²⁶.

Таким чином, усі наведені вище факти свідчать, що обвинувачення у справі «правотроцькістської контрреволюційної організації у Ворошиловграді» були сфальсифікованими із застосуванням тортур.

Але, незважаючи на важкі звинувачення, співробітники УНКВС по Ворошиловградській області намагалися уникнути покарання. Стратегію захисту співробітників УНКВС можна дослідити через аналіз протоколів допитів, очних ставок, судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського особливого військового округу. Зокрема, Баличев підтверджував факт допиту Максименка разом із заступником начальника 4-го відділу УДБ НКВС УРСР С. І. Гольдманом і Воскобойніковим. Але він відкидав усі обвинувачення про вбивство Максименка, наполягаючи, що арештований помер від хвороби серця¹²⁷. Єдине, що визнав – побиття Максименка й Епштейна:

«[...] зараз я зрозумів, що застосування фізичного впливу є не обгрунтованим»¹²⁸.

Воскобойніков стверджував, що провадженням справи Максименка не займався, а тільки її закінчував, ніякого «фізичного впливу» не застосовував¹²⁹. Соколов дав свідчення, що справа «правотроцькістської контрреволюційної організації у Ворошиловграді» виникла на основі свідчень Гудкова та агентурних матеріалів, відкинувши усі звинувачення щодо її штучності¹³⁰.

Слідчі провели очні ставки, у тому числі і між співробітниками Ворошиловградського УНКВС. Так, під час очної ставки 18 березня 1941 р. у м. Сталіно між Воскобойніковим і Баличевим останній підтвердив, що Воскобойніков і Тарасовський били Максименка, але Воскобойніков звинувачення відкинув¹³¹.

¹²⁶ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38810, т. 1, арк. 62–66.

¹²⁷ Там само, арк. 130.

¹²⁸ Там само, т. 2, арк. 233.

¹²⁹ Там само, т. 3, арк. 150–153.

¹³⁰ Там само, т. 6, арк. 48.

¹³¹ Там само, арк. 459.

На очній ставці між Баличевим і Тарасовським, проведений 18 березня 1941 р., був підтверджений факт побиття Максименка, при цьому Тарасовський засвідчив, що провадженням справи займався Воскобойников¹³².

Корчагін під час очної ставки 21 лютого 1941 р. із Воскобойниковим указав, що останній разом з Тарасовським били його ніжною від стільця. Чекіст очікувано заперечив усі звинувачення¹³³.

Таким чином, стратегія захисту обвинувачуваних співробітників УНКВС по Ворошиловградській області базувалася на перекладанні провини, запереченні усіх звинувачувань, визнанні окремих перегинів, зокрема тих, що були санкціоновані «згори», посиленні на політичну ситуацію та вимоги вищого партійного керівництва щодо «політичної пильності» і «боротьби із ворогами народу». Так, Л. Р. Воскобойников в автобіографії писав:

«Я увесь час боровся, борюся й усе життя готовий віддати у боротьбі за торжество лінії партії»¹³⁴.

24 травня 1941 р. слідство у справі О. Д. Баличева, М. Г. Соколова, Л. Р. Воскобойникова, Л. М. Павличева й Л. А. Тарасовського було закінчено й відправлено за підсудністю. На судовому засіданні 12–15 серпня 1941 р. Військовий трибунал військ НКВС Київського особливого військового округу у складі Фельдмана (голова), політрука Влахна й молодшого лейтенанта Денисюка (члени), при секретарі Кулаковій без участі обвинувача й захисника розглянув кримінальну справу на О. Д. Баличева, М. Г. Соколова, Л. Р. Воскобойникова, Л. М. Павличева й Л. А. Тарасовського за ст. 206-17 п. «б» КК УРСР.

Судове засідання розпочалося з допиту обвинувачених. Так, Баличев спочатку указав на недоліки попереднього слідства, зокрема, відзначивши обмеження у наданні пояснень щодо кожного епізоду обвинувачень. Як і під час попереднього слідства, він не визнав факт фальсифікації справи «правотроцькістської контрреволюційної організації у Ворошиловграді» й за-

¹³² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38810, т. 6, арк. 460–462.

¹³³ Там само, арк. 45–48.

¹³⁴ Там само, спр. 67462, арк. 24.

перечив участь у вбивствах Епштейна й Максименка. Але він підтвердив, що бив цих арештантів по обличчю¹³⁵. Також Баличев заперечив свідчення, надані колишнім співробітником УНКВС по Ворошиловградській області І. Т. Вороновим, заявивши, що за побиття заарештованих хотів ув'язнити Воронова строком на 10 днів¹³⁶. Натомість Тарасовський, заперечуючи вбивство Максименка, визнав, що тримав його разом із Воскобойниковим під час побиття Баличевим¹³⁷.

Обвинувачений Соколов розпочав з того, що після створення УНКВС по Ворошиловградській області особисто приймав справи від УНКВС по Донецькій (Сталінській) області та контролював слідчі дії. Він визнав факт застосування тортур до «ворогів народу», але заперечив фальсифікацію справи «правотроцькістської контрреволюційної організації у Ворошиловграді»¹³⁸. При цьому зазначив, що вносив у протоколи корективи стилістичного характеру, не змінюючи їхнього змісту, засуджував оформлення громіздких протоколів, які санкціонувала Москва, а також підтвердив, що справу «правотроцькістської контрреволюційної організації у Ворошиловграді» розпочав Успенський¹³⁹. Згадав Соколов й про те, що колишній обласний прокурор Нощенко знав про усі відкриті справи й не заважав слідчим діям¹⁴⁰. Але причетність до вбивства Епштейна та Максименка заперечив¹⁴¹.

У свою чергу, обвинувачений Воскобойников акцентував увагу на тому, що працював помічником оперуповноваженого і не міг самостійно вести слідство. Він лише виконував окремі доручення, тому не розуміє, чому його звинувачують у викривленні слідства¹⁴². Натомість Павличев вважав, що його арешт

¹³⁵ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38810, т. 8, арк. 63.

¹³⁶ Там само, арк. 64.

¹³⁷ Там само.

¹³⁸ Там само, арк. 66.

¹³⁹ Там само, арк. 66–67.

¹⁴⁰ Там само, арк. 66.

¹⁴¹ Там само.

¹⁴² Там само, арк. 68.

пов'язаний з конфліктом із колишнім наркомом внутрішніх справ УРСР І. О. Серовим¹⁴³.

Під час судового засідання були також допитані свідки, які проходили у справі. Зокрема, начальник Ворошиловградської в'язниці Р. П. Спектор та військовий лікар О. М. Покровський підтвердили свідчення щодо смерті Максименка та Епштейна, надані ними у ході попереднього слідства¹⁴⁴. При цьому Покровський зазначив, що слідів тортур на тілі Епштейна не побачив, але небіжчика заборонив розтинати Коркунов, змусивши переписати акт про смерть, погрожуючи кримінальною відповідальністю у разі розголошення факту смерті Епштейна¹⁴⁵. На запитання суду про причини смерті останнього, лікар Покровський зазначив, що вона могла статися у зв'язку із падінням чи завданими ударами¹⁴⁶.

По факту смерті Епштейна була допитана лікар шпиталю А. Г. Фельгрон, яка підтвердила, що небіжчика розтинати заборонили. Наголосила, що арештант лежав у калюжі води, а навколо бігали розгублені чекісти. Вони були невдоволені її приїздом, тому Фельгрон відразу поїхала й акт про смерть не підписувала¹⁴⁷. Згодом до неї завітав Покровський, який заборонив розповідати про те, що сталося у в'язниці¹⁴⁸.

Після цього були допитані громадяни – репресовані у справі «правотроцькістської контрреволюційної організації у Ворошиловграді». Зокрема, Д. В. Богданов підтвердив свідчення про варварське ставлення до арештованих Воскобойнікова, Т. І. Терехов – про побиття його Соколовим і Баличевим, у результаті чого він звів наклеп на інших громадян. Й. І. Дзедзіц звинуватив Воскобойнікова у фальсифікації справи, а Соколова, Баличева, Коркунова – у побитті. І. Д. Литвинов також обвинуватив

¹⁴³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38810, т. 8, арк. 68.

¹⁴⁴ Спектор свідчив щодо смерті Максименка, а Покровський – Епштейна. Див.: Там само, арк. 69.

¹⁴⁵ Там само.

¹⁴⁶ Там само, арк. 70.

¹⁴⁷ Там само.

¹⁴⁸ Там само.

Воскобойнікова у фальсифікації справи, а Соколова – у тортурах, згадав й про смерть Максименка від побиття. Л. М. Ходос заявив про побиття його Коркуновим, Соколовим, Тимченком й Воскобойніковим, зазначивши при цьому, що в'язниця увечері стогнала від криків, тому її називали «різницею». Б. В. Капустін розповів про те, що знущалися над ним у так званій «м'ясо-рубці» Соколов, Удовенко, Воронов, у результаті чого він звів наклеп на себе й інших. Його засудили до розстрілу, він чекав на страту у камері смертників 84 години й фактично з'їхав з глузду¹⁴⁹. Свідок Б. І. Корчагін звинуватив Тарасовського і Воскобойнікова у побитті¹⁵⁰.

Щодо обвинувачених, то вони усі заперечували факт фальсифікації справи, а застосування фізичних дій пояснювали провokatивною поведінкою репресованих¹⁵¹.

У ході судового засідання були також допитані й співробітники УНКВС. Зокрема, Г. І. Хорошилов розповів про побиття Ходоса Соколовим та Удовенком. Він акцентував увагу трибуналу, що серед співробітників УНКВС по Ворошиловградській області поширювалися чутки про побиття Баличевим, Соколовим та Тарасовським арештованих¹⁵².

У свою чергу, К. І. Бельський підтвердив факт побиття Ходоса й Максименка, але зазначив, що не знає, хто саме їх бив, а на запитання Баличева, чи застосовував особисто Бельський фізичні дії стосовно заарештованих, відповів: «Заарештованих я бив»¹⁵³.

Свідок С. Пріцкер повідомив присутнім, що арешти у справі «правотроцькістської контрреволюційної організації у Ворошиловграді» відбувалися після наради Успенського. Він акцентував на «ненормальних взаємовідносинах» між Соколовим та Коркуновим, Баличевим та Коркуновим¹⁵⁴.

¹⁴⁹ ГДА СБ України, ф.5, спр. 38810, т. 8, арк. 70–78.

¹⁵⁰ Там само, арк. 78.

¹⁵¹ Там само.

¹⁵² Там само, арк. 65.

¹⁵³ Там само, арк. 76.

¹⁵⁴ Там само, арк. 80–81.

Інший свідок І. Т. Воронов підтвердив, що Епштейна допитував Удовенко, Максименка – Воскобойніков, але він не знав про побиття Епштейна. Але підтвердив побиття Максименка Воскобойніковим і Тарасовським¹⁵⁵. Також зізнався у побитті Терехова після отримання дозволу. Він розповів про існування настанови Павличева, щоб у протоколах допитів «червоною ниттю» проходила тема війни, підтвердив випадки, коли спочатку заарештовували, а потім брали санкцію у прокурора, коректування протоколів Соколовим та моду на громіздкі протоколи¹⁵⁶. Павличев усі звинувачення на свою адресу відкинув, при цьому його підтримали Пріцкер, Баличев, Соколов, Тарасовський¹⁵⁷.

Члени трибуналу ухвалили рішення про відмову клопання обвинувачених щодо допиту додаткових свідків та витребуванні додаткових документів. Натомість запропонували заслухати останнє слово обвинувачених. Зокрема, Баличев в останньому слові зазначив, що, якщо й припускався помилок, то не слід розцінювати їх як навмисне порушення соціалістичної законності, а під час обговорення міри покарання не позбавляти надії разом з народом боротися проти фашизму й направити на передову, де він доведе свою «відданість батьківщині»¹⁵⁸. Соколов приєднався до слів Баличева й просив не залишати його у в'язниці, а відправити на фронт, де він згоден «віддати життя у боротьбі за батьківщину»¹⁵⁹.

Обвинувачений Воскобойніков сказав, що злочинцем себе не вважає, тому що завжди був передовою людиною, яку неодноразово преміювали й нагороджували, тому завжди буде відстоювати свою партійну честь¹⁶⁰. Також зазначив, що найстрашнішим було почути, що він виключений з партійних лав. Наприкінці він попросив повної реабілітації¹⁶¹.

¹⁵⁵ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38810, т. 8, арк. 81.

¹⁵⁶ Там само.

¹⁵⁷ Там само.

¹⁵⁸ Там само, арк. 82–83.

¹⁵⁹ Там само, арк. 83.

¹⁶⁰ Там само.

¹⁶¹ Там само.

Павличев в останньому слові промовив, що не намагається нічого довести, він «відданий партії Леніна–Сталіна» та просив суд надати можливість померти на фронті «за свою партію, за батьківщину»¹⁶².

Тарасовський наголосив, що порушення соціалістичної законності припустився несвідомо, тому просив суд відправити його на фронт спокутувати свою провину «у боротьбі з фашизмом»¹⁶³. На цьому судове засідання, яке тривало чотири дні, було завершено.

У вироку судового засідання Військового трибуналу військ НКВС Київського військового округу від 15 серпня 1941 р. вказувалося, що попереднім і судовим слідством було повністю доведено злочин О. Д. Баличева, М. Г. Соколова, Л. Р. Воскобойнікова, Л. М. Павличева й Л. А. Тарасовського. Але, враховуючи, що його здійснили за настановами «ворогів народу» Успенського й Коркунова, замість повної санкції ст. 206-17 п. «б» КК УРСР, яка передбачала вищу міру покарання, було ухвалено рішення застосувати ст. 46 КК УРСР щодо позбавлення волі. Так О. Д. Баличева, М. Г. Соколова та Л. М. Павличева ув'язнили у виправному трудовому таборі на 10 років, без позбавлення прав; Л. А. Тарасовського й Л. Р. Воскобойнікова – на 8 і 6 років відповідно, без позбавлення прав. Всіх засуджених позбавили спеціальних звань «капітана держбезпеки», «старшого лейтенанта держбезпеки» та «лейтенанта держбезпеки»¹⁶⁴. Також було ухвалено міру покарання нарахувати, враховуючи попереднє ув'язнення: Баличеву, Павличеву, Воскобойнікову – з 13 лютого 1941 р., Тарасовському – з 17 лютого 1941 р., Соколову – з 26 лютого 1941 р.¹⁶⁵ За другою приміткою до ст. 27 КК УРСР виконання вироку відклали до закінчення військових дій, відправивши обвинувачених на фронт. Вирок міг бути оскаржений у 5-денний термін¹⁶⁶.

¹⁶² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 38810, т. 8, арк. 83.

¹⁶³ Там само.

¹⁶⁴ Там само, спр. 67462, арк. 21.

¹⁶⁵ Там само.

¹⁶⁶ Там само, арк. 22.

Про те, як склалася подальша доля О. Д. Баличева, М. Г. Соколова та Л. Р. Воскобойнікова, відомо зі слів Баличева та свідчень Лідії Григорівни Кривцової. Зокрема, Баличев заявив, що він, Соколов та Воскобойніков у 1942 р. були відправлені до Києва виконувати спецзавдання в тилу ворога, але Соколов був убитий під час облави у селі під Києвом, а із Воскобойніковим було утрачено зв'язок¹⁶⁷. У свою чергу, Лідія Григорівна Кривцова у заяві від 19 грудня 1942 р. повідомила, що Воскобойніков був закатований у німецькій в'язниці. З Павличева 12 січня 1942 р. була знята судимість. Замість відбування покарання він був відправлений на фронт, де загинув. Постановою Президії Верховної Ради СРСР від 31 січня 1942 р. Баличева звільнили із зняттям судимості і направили на фронт¹⁶⁸. Як склалася подальша доля Тарасовського – невідомо.

Таким чином, відновлення «соціалістичної законності» відбувалося у два етапи. На першому етапі (1938–1939 рр.) основною третейською інстанцією виступила Компартія, що обмежила каральне завзяття співробітників НКВС, контролювала перебування оперативно-слідчої роботи відповідно до постанови РНК СРСР і ЦК ВКП(б) «Про арешти, прокурорський нагляд і провадження слідства» від 17 листопада 1938 р., санкціонувала критику керівництва органів НКВС й спрямовувала її «знизу» до «гори».

На другому етапі (1939–1941 рр.) ці функції перебрала на себе прокуратура, матеріали перевірки якої стали підставою арештів і засуджень, перш за все, керівних співробітників НКВС.

Основою стратегії захисту обвинувачуваних співробітників органів НКВС стали перекладання провини на керівних співробітників НКВС СРСР та УРСР, яких вже засудили як «ворогів народу», заперечення усіх звинувачувань, визнання окремих перегинів, зокрема тих, що були санкціоновані «згори».

¹⁶⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67462, арк. 24.

¹⁶⁸ Зокрема, Кривцова сиділа у камері № 81, а Воскобойніков – № 79, й через дірку у стіні поблизу труби розповів, що був зраджений, потрапив до німецької в'язниці, де піддавався тортурам. Останній раз Кривцова з ним розмовляла 4 грудня 1942 р.

Справи обвинувачуваних співробітників розглядалися у закритому судовому засіданні Військовою колегією Верховного суду СРСР та Військовим трибуналом військ НКВС Київського особливого військового округу. Підсудність справи й провина залежали від посади, яку займали обвинувачені. Так, справа колишнього начальника УНКВС по Ворошиловградській області Григорія Івановича Коркунова розглядалася у закритому судовому засіданні Військової колегії Верховного суду СРСР. Його позбавили спеціального звання «капітан держбезпеки» й піддали вищій мірі покарання – розстрілу з конфіскацією майна. Вирок оскарженню не підлягав. Однак, він наполягав на своїй невинуватості. З вересня 1940 р. йому відмовили у перегляді справи. Через день Коркунов був розстріляний у Москві, його не торкнулася реабілітація¹⁶⁹.

У той же час кримінальна справа колишнього начальника 4-го відділу УДБ М. Г. Соколова, начальника 3-го відділення 4-го відділу УДБ, а згодом начальника слідчої частини УНКВС по Ворошиловградській області Л. Р. Воскобойнікова, начальника відділення 4-го відділу УДБ НКВС УРСР Л. М. Павличева, оперуповноваженого 4-го відділу УДБ НКВС УРСР Л. А. Тарасовського, виконуючого обов'язки начальника УПО НКВС УРСР О. Д. Баличева розглядалася на закритому судовому засіданні Військового трибуналу військ НКВС Київського особливого військового округу. Але розгляд справи проходив в умовах нацистської агресії. Цілком вірогідно, що ця подія вплинула на ухвалу трибуналу. До засуджених на тривалі терміни ув'язнення застосували примітку ст. 27 КК УРСР, що дозволяла відкласти, покарання і засуджених відправили на фронт «спокутувати провину». Злочинцям із НКВС дали ще один шанс на життя... Л. Павличев, М. Соколов та Л. Воскобойніков загинули на фронті у 1942 р., доля інших поки що невідома.

¹⁶⁹ Бажан О., Золотарьов В. Луганський прокуратор... – С. 257–267.

Довбня О. Привлечение сотрудников УНКВД по Ворошиловградской области к уголовной ответственности за нарушение «социалистической законности» во время «Большого террора»

Проведен комплексный анализ механизма привлечения сотрудников органов НКВД к ответственности за нарушение «социалистической законности» в период «Большого террора». На основе новых источников исследованы действия партийно-советского аппарата, стратегии защиты обвиняемых сотрудников государственной безопасности, организация и методы следствия в отношении сотрудников НКВД.

Ключевые слова: НКВД, органы государственной безопасности, УНКВД, межрайонные следственные группы, судебный процесс.

Dovbnja O. Bringing the Voroshylovograd Region NKVD Office Executives to Responsibility for Breaching the Socialist Legitimacy During the Great Terror

A comprehensive analysis of the prosecution mechanism of NKVD employees, responsible for violations of «socialist legitimacy» during the Great Terror was made. Based on new sources, author investigated the actions of party and Soviet bodies, strategies of accused state security employees' protection, organization and methods of investigation against the NKVD executives.

Key words: NKVD, state security bodies, interregional investigation groups, court process.

УДК 351.746.1-051(477.6)(092)«1937/1938»(045)

*Джеффри Дж. РОССМАН **

**Дело Георгия Кочергинского:
роль ситуативных факторов в мотивации
«грубых нарушений социалистической законности»**

На примере расследования деятельности начальника дорожно-транспортного отдела ГУГБ НКВД Северо-Донецкой железной дороги Г. Кочергинского исследуется мотивация участия сотрудников госбезопасности в «Большом терроре» 1937–1938 гг. Указывается, что ситуативные факторы были важным фактором для участия сотрудников НКВД в массовой фальсификации дел, пытках подозреваемых и принуждении свидетелей.

Ключевые слова: НКВД, политические репрессии, ситуативный фактор, Донбасс.

Какие мотивы кроются за «грубыми нарушениями социалистической законности», фабрикацией дел, пытками подозреваемых, принуждением свидетелей к даче ложных показаний, совершенными сотрудниками НКВД во время сталинских массовых репрессий? Этот вопрос ставился не так часто, как можно было бы ожидать, принимая во внимание огромное количество работ о мотивации действий карателей в историографии случаев геноцида, прежде всего Холокоста¹. Исследователи реп-

* *Россман Джеффри Дж. (Jeffrey J. Rossman)* – ад'юнкт-професор історичного факультету Університету штату Вірджинія (США).

¹ Например, см.: *Browning C. Ordinary Men. Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland.* – New York, 1998; *Browning C. Nazi Policy, Jewish Workers, German Killers.* – Cambridge, 2000; *Goldhagen D. Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust.* – New York, 1996; *Bartov O. Hitler's Army: Soldiers, Nazis, and War in the Third Reich.* – New York, 1991; *Bartov O. The Conduct of War: Soldiers and the Barbarization of Warfare // The Journal of Modern History.* – 1992. – № 64. Supplement. – P. S32–S45; *Hilberg R. Perpetrators Victims Bystanders: The Jewish Catastrophe, 1933–1945.* – New York, 1993; *Westermann E. Hitler's Police Battalions: Enforcing Racial War in the East.* – Lawrence, 2005; *Gross J. Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland.* – Princeton, 2001; *Bauman Z. Modernity and the Holocaust.* – Ithaca, 1989; *Lower W. Hitler's Furies: German Women in the Nazi Killing Fields.* – New York, 2013; *Browder G. Perpetrator Character and Motivation: an Emerging Consensus? // Holocaust and Genocide Studies.* – 2003. – No 3 (17). – P. 480–97;

рессий тенденциозно фокусируются на высокопоставленных политических фигурах, как И. В. Сталин и Н. И. Ежов, на жертвах террора, или на роли общества в разжигании процессов, которые порой оборачивались «охотой на ведьм»². Хотя исследователи редко прямо заявляют об этом, создаётся впечатление, что существует мнение, что рядовые сотрудники НКВД выполняли приказы потому, что они были обучены это делать³. След-

Mann M. Were the Perpetrators of Genocide «Ordinary Men» or «Real Nazis»? Results from Fifteen Hundred Biographies // *Holocaust and Genocide Studies*. – 2000. – No 3 (14). – P. 331–66; *Roseman M.* Beyond Conviction? Perpetrators, Ideas and Action in the Holocaust in Historiographical Perspective // *Conflict, Catastrophe and Continuity: Essays on Modern German History* / ed. F. Biess, M. Roseman, H. Schissler. – Oxford, 2007; *Szejnmann C.* Perpetrators of the Holocaust: a Historiography // *Ordinary People as Mass Murderers: Perpetrators in Comparative Perspectives* / ed. Jensen O., Szejnmann C. – New York, 2008; *Matthas J.* Historiography and the Perpetrators of the Holocaust // *The Historiography of the Holocaust* / ed. Stone D. – New York, 2006. – P. 197–215.

² Например, см.: *Conquest R.* The Great Terror: A Reassessment. – Oxford, 1991; *Хлевнюк О.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. – М., 1992; *Он же.* Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. – М., 1996; *Rees E.* Stalin: Architect of the Terror // *The Anatomy of Terror: Political Violence under Stalin* / ed. J. Harris. – Oxford, 2013. – P. 49–65; *Getty J., Naumov O.* The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. – New Haven, 1999; *Getty J., Naumov O.* Yezhov: The Rise of Stalin's «Iron Fist». – New Haven, 2008; *Jansen M., Petrov N.* Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Ezhov, 1895–1940. – Stanford, 2002; *Werth N.* The Mechanism of a Mass Crime: The Great Terror in the Soviet Union, 1937–1938 // *The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective* / ed. R. Gellately, B. Kiernan. – Cambridge, 2003. – P. 215–39; *Snyder T.* Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. – New York, 2010. – P. 59–118; *Петров Н.* Палачи. Они выполняли заказы Сталина. – М., 2011; *Stalinist Terror: New Perspectives* / ed. Getty J., Manning R. – Cambridge, 1993; *Goldman W.* Terror and Democracy in the Age of Stalin: The Social Dynamics of Repression. – Cambridge, 2007; *Goldman W.* Inventing the Enemy: Denunciation and Terror in Stalin's Russia. – Cambridge, 2011; *Davies S.* Popular Opinion in Stalin's Russia. – Cambridge, 1997. – P. 124–144; *Fitzpatrick S.* Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. – Oxford, 1994. – P. 286–312; *Fitzpatrick S.* Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. – Oxford, 1999. – P. 190–217.

³ Есть, конечно, исключения. Смотрите, например, исследования: *Ватлин А.* Террор районного масштаба. «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. – М., 2004; *Тепляков А.* Персонал

стве и суд по делу Георгия Кочергинского, который с ноября 1937 г. до августа 1938 г. служил начальником дорожно-транспортного отдела (ДТО) ГУГБ НКВД Северо-Донецкой железной дороги (СДЖД), свидетельствует, что ситуативные факторы, прежде всего страх наказания и желание добиться одобрения начальства, играли значительную роль в мотивации участия сотрудников НКВД в массовых нарушениях законности во время сталинских репрессий⁴. Идеология, разумеется, также играла роль⁵. Сам Кочергинский не сомневался в том, что Советский Союз, в целом, и подведомственное хозяйство самого Кочергинского, в частности, были «наводнены» классовыми врагами. Материалы, однако, не позволяют сказать, что подчинённые Кочергинского разделяли подобные представления. В то же

и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 гг. // *Минувшее. Исторический альманах*. – М.–СПб., 1997. – Вып. 21; *Он же.* Машина террора. ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. – М., 2008; *Viola L.* The Question of the Perpetrator in Soviet History // *Slavic Review*. – 2013. – № 1 (72). – P. 1–23.

⁴ Ситуативные факторы означают характеристики непосредственного социального контекста, влияющие на индивидуальное поведение. О роли ситуативных факторов в формировании поведения человека смотрите классическое исследование социально-психологической литературы о «ситуационизме»: *Milgram S.* Obedience to Authority. An Experimental View. – New York, 1974; *Haney C., Banks W.C., Zimbardo P.G.* Study of prisoners and guards in a simulated prison // *Naval Research Reviews*. – 1973. – № 30. – P. 4–17; *Asch S.E.* Effects of group pressure on the modification and distortion of judgments // *Groups, leadership and men* / ed. H. Guetzkow. – Pittsburgh, 1951. – P. 177–190. См. также: *Zimbardo P.* The Lucifer Effect. Understanding How Good People Turn Evil. – New York, 2008. – P. 258–296; *James Waller.* Becoming Evil: How Ordinary People Commit Genocide and Mass Killing. 2nd ed. – Oxford, 2007. – P. 236–257; *Newman L.* What Is a «Social-Psychological» Account of Perpetrator Behavior? The Person Versus the Situation in Goldhagen's Hitler's Willing Executioners // *Understanding Genocide: The Social Psychology of the Holocaust* / ed. T. Blass. – New York, 2002; – P. 43–67; *Blass T.* Perpetrator Behavior as Destructive Obedience: An Evaluation of Stanley Milgram's Perspective, the Most Influential Social-Psychological Approach to the Holocaust // *Understanding Genocide: The Social Psychology of the Holocaust* / ed. T. Blass. – New York, 2002. – P. 91–109.

⁵ О роли идеологии или мировоззрения в формировании поведения человека с точки зрения социальной психологии см.: *James Waller.* Becoming Evil: How Ordinary People Commit Genocide and Mass Killing. – P. 202–229.

время, как показывает это исследование, ситуативные факторы, прежде всего боязнь стать жертвой охоты на классовых врагов, развернувшейся в НКВД, сыграли роль в мотивации действий и самого Кочергинского.

Георгий Кочергинский родился в Латвии в 1898 г.⁶ Происхождения он был самого скромного: отец-еврей работал багорщиком на лесопилке в Риге, мать, то ли немка, то ли эстонка, давала уроки немецкого языка и рукоделия⁷. Родители Кочергинского либо были в разводе, либо никогда официально не регистрировали свой брак; своего отца и отчима он практически не знал. Возможно, из-за тяжести воспитания двух малолетних детей или с целью помочь своему сыну получить профессию, мать Кочергинского отослала его в возрасте восьми лет жить с её братом, Альбертом Лехтом, работавшим электриком на Рижской электростанции. Вскоре Лехт, который взял мальчика учеником и оплачивал его учёбу в реальном училище, стал одним из двух наиболее влиятельных людей в жизни молодого человека. Кроме того, Лехт познакомил Кочергинского с другим человеком, повлиявшим на него в детстве, давним марксистом по имени Ульрих, который подготавливал молодых рабочих к учёбе в реальном училище⁸.

Хотя Кочергинский участвовал в кружке, который Ульрих организовал для своих учеников, и познакомился с некоторыми членами РСДРП, учение более занимало его, чем политика. При поддержке Лехта и Ульриха Кочергинский сдал экзамены за пятый, шестой и седьмой классы реального училища и после двух лет ученичества стал электриком на электростанции в Риге⁹.

Дисциплина, ум и умение преодолевать трудности пригодились Кочергинскому в 1916 г., когда он был арестован по подозрению в распространении на электростанции революци-

⁶ Галузевий державний архів СБУ (далі – ГДА СБ України), ф. 5, спр. 67988, т. 5, арк. 316.

⁷ Там само, арк. 20, 23.

⁸ Там само, арк. 24, 40.

⁹ Там само, арк. 23, 40 зв., 41.

онных первомайских листовок. Хотя на самом деле он не участвовал в случившемся, его уволили с работы. Обеспокоенный потерей средств к существованию, Кочергинский стал готовиться к вступительным экзаменам в Рижский политехнический институт и успешно сдал их три недели спустя¹⁰.

Поскольку рижские высшие учебные заведения были эвакуированы во время Первой мировой войны, Кочергинский переехал в Москву, где продолжил студенческие занятия, а также давал частные уроки и работал механиком на спичечной фабрике. В тот момент Кочергинский был на пути к хотя всё ещё довольно скромному, но лучшему жизненному положению. События 1917 г. драматически изменили ход его жизни. После того, как старый режим пал, а политехнический институт закрылся, Кочергинский вернулся на прежнюю работу на Рижскую электростанцию. В сентябре, когда немцы вошли в Ригу, он вступил в партию большевиков. В начале 1918 г., простым солдатом, в составе интернационального батальона им. Карла Либкнехта покинул Ригу. Через шесть месяцев он стал политкомиссаром¹¹.

Мало информации об участии Кочергинского в гражданской войне, хотя этот опыт должен был иметь формирующее значение для его личности. Кочергинский отличился и получал ответственные назначения, которые в обычное время были бы недостижимы для молодого еврея-электрика из Латвии. Всего через три года с момента его ухода солдатом из Риги, Кочергинский в возрасте двадцати трёх лет уже был заместителем председателя революционного трибунала 3-й стрелковой дивизии Харьковского военного округа¹². Его работа в трибунале, по меньшей мере, способствовала приобщению к опыту упрощённого судопроизводства по отношению к реальным и вымышленным врагам большевистского режима: иностранным агентам, крестьянским анархистам, украинским националистам, контрреволюционерам и классовым врагам.

¹⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 23–24 зв.

¹¹ Там само, арк. 25.

¹² Там само, арк. 25 зв.

Помимо ответственных назначений в Красной армии, ещё одним свидетельством признания служебных заслуг Кочергинского стало назначение, последовавшее после демобилизации в 1921 г. Ему не пришлось самому выживать и пробиваться в жизни в стране, где царила экономическая разруха, так как его сразу взяли на службу в Крымскую ЧК¹³. Так началась его семнадцатилетняя карьера в советских органах госбезопасности.

Как и другие преуспевающие чекисты, Кочергинский занимал разные административные должности. После 4-х лет работы в Крыму, он 2 года провёл в г. Владивосток и резидентуре ОГПУ СССР в Манчжурии. В 1927 г. начался его 9-летний срок службы на Кубани, Дону и Северном Кавказе, где он работал на ответственных должностях в Краснодаре, Шахтах, Ростове и Пятигорске. Это были приоритетные регионы, и в результате назначений в оперативные и специальные отделы ОГПУ Кочергинский оказался в центре важных операций против «врагов Советской власти»¹⁴.

То, что у Кочергинского была репутация чекиста, на которого можно положиться в борьбе с классовыми врагами, подтверждают события, произошедшие после того, как в сентябре 1936 г. И. Сталин назначил Н. Ежова главой НКВД. После нескольких месяцев службы на посту начальника отдела контрразведки Курского УНКВД Кочергинский, по окончании февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б), был вызван в Москву и назначен в специальную бригаду НКВД, которую возглавил начальник 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР Л. Г. Миронов. Согласно лаконичной формулировке приказа НКВД от 4 апреля 1937 г., перед бригадой Миронова стояла миссия

«выявления и разгрома шпионско-вредительских троцкистских и иных групп на железных дорогах [...] и в армии» в Сибири и на Дальнем Востоке¹⁵.

¹³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 25 зв.

¹⁴ Там само, арк. 43.

¹⁵ Там само, арк. 43–43 зв. Приказ НКВД СССР. 04.04.37. Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/gb327.htm> (дата обращения 26.02.2014 г.)

Создание «бригады Миронова» свидетельствовало о беспокойстве руководства Компартии, что дальневосточные и сибирские региональные руководители не смогут искоренить классовых врагов, которые, по мнению Центра, проникли в местную номенклатуру. После прибытия в Хабаровск 23 апреля 1937 г. бригада осуществила массовые аресты, в том числе и сотрудников местных органов НКВД, показывая пример и распространяя так называемые новые методы следственной работы. Вскоре они стали отличительной чертой массовых операций 1937–1938 гг.: физические и психологические пытки, фальсификации протоколов допросов для выявления и ликвидации «сети подпольных антисоветских террористических организаций» и т. д.¹⁶

Позже Кочергинский хвастался своим участием в бригаде Миронова и ссылался на этот опыт в оправдание своих действий. В Хабаровске он возглавлял группу следователей, выбиравших признательные показания о шпионаже из руководителей дальневосточного УНКВД¹⁷. Этот период его деятельности оказал на него большое влияние. Впоследствии Миронов попал под подозрение и был арестован в июне 1937 г.¹⁸ Однако Кочергинский как-то признался одному из своих коллег, что обязан Миронову, что тот «многому хорошему научил его» во время совместной работы в Хабаровске¹⁹.

Когда в ноябре 1937 г. Кочергинский покинул Москву с новым назначением на пост руководителя дорожно-транспортного отдела ГУГБ НКВД СРСР Северо-Донецкой железной дороги, он считал, что был выбран Н. Ежовым для того, чтобы в Артёмовске сделать то, что бригада Миронова сделала в Хабаровске – превратить скомпрометировавший себя местный аппарат НКВД в эффективную организацию.

¹⁶ Чернолуцкая Е.Н. Приказ НКВД № 00447 «об операции по репрессированию ... антисоветских элементов». Дальний Восток, 1937–1938 гг. // Россия и АТР. – 2005. – № 3. – С. 56.

¹⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 246.

¹⁸ Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/gb327.htm> (дата обращения 26.02.2014 г.).

¹⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 103–104.

Кочергинский не входил в круг близких людей Миронова, но у него были влиятельные покровители в НКВД. Эти отношения проливают свет на систему патронажа, в которую входил этот чекист, и свидетельствуют о значении, которое покровительство оказало на формирование его профессиональных качеств. Покровители Кочергинского в НКВД были скромного, в основном еврейского происхождения, которым в 1920–1930-е гг. удалось занять важные руководящие должности в Крыму и на Северном Кавказе. Наиболее значимым среди них был И. Я. Дагин, обеспечивавший безопасность советских руководителей в период с 1936 по 1938 гг. в качестве начальника 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Будучи заместителем начальника крымского ЧК в 1921 г., Дагин взял Кочергинского на работу после демобилизации из Красной армии. Они вместе работали в течение следующих 13 лет, особенно во время кровавой коллективизации на Северном Кавказе. Кочергинский свидетельствовал:

«В лице ДАГИНА я видел всегда для себя образец чекиста-коммуниста. Под руководством ДАГИНА я начал свою чекистскую работу. На Сев[ерном] Кавказе я был продвинут к награде значком “Почётного чекиста”, который и получил в 1935 г. Им же я был представлен к получению звания капитана Гос[ударственной] б[ез]о[пасности], единственным из числа замов Начальников отделов НКВД».

И после перевода Дагина в Москву Кочергинский оставался с ним в тесном контакте, спрашивая его мнения и совета²⁰.

В число покровителей Кочергинского также входили: А. П. Радзивиловский, под начальством которого он служил в Крыму; М. Л. Гатов, с которым он служил на Северном Кавказе; Г. Ф. Горбач, с которым он тесно работал в представительстве ОГПУ в Шахтах и Донецке во время Голодомора²¹. Горбач, ко-

²⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 44. Дагина арестовали через три месяца после Кочергинского. Во время ареста Дагин всё ещё работал начальником службы по обеспечению безопасности советского руководства. Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/gb129.htm> (дата обращения 27.02.2014 г.).

²¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 43, 44. Радзивиловский был арестован менее чем через месяц после ареста Кочергинского, находясь на

торый происходил из украинских крестьян и отличился при Н. Ежове среди региональных руководителей НКВД особой жестокостью, был о Кочергинском высокого мнения. Поэтому накануне массовых операций добивался его назначения на должность своего заместителя в Западносибирском УНКВД²².

Кочергинский брал пример и учился бесчеловечности у Дагина, Горбача и Миронова. Кроме того, почти наверняка его действия были продиктованы страхом. По возвращении в Москву с Дальнего Востока в октябре 1937 г., Кочергинский узнал о доносе его якобы противодействию генеральной линии партии и поддержке в 1928 г. троцкистов. После допроса по факту этих обвинений Кочергинский встретился с Дагиным, а тот позвонил начальнику 6-го (транспортного) отдела ГУГБ НКВД СССР М. А. Волкову. В тот же вечер Волков отменил расследование по делу Кочергинского и подтвердил его назначение на должность начальника дорожно-транспортного отдела НКВД в Артёмовске в Украине²³. Принимая во внимание атмосферу того времени, можно утверждать: то, что Кочергинский знал об обвинении в троцкизме, несомненно послужило для него дополнительным стимулом, чтобы, безжалостно искореняя врагов на новом посту, доказать свою верность партии.

Мотивацией к рвению могла стать и определённая уязвимость биографии Кочергинского: он вырос в Латвии, в Риге у него оставались близкие родственники. Массовая операция НКВД против «латвийских шпионов» началась 30 ноября 1937 г.

посту начальника 3-го отдела 3-го управления НКВД СССР. Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/gb406.htm> (дата обращения 25.02.2014 г.). Гатов был арестован через четыре месяца после Кочергинского на посту и. о. начальника 4-го отдела ГЭУ НКВД СССР. Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/gb94.htm> (дата обращения 27.02.2014 г.).

²² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 43. Горбач был арестован через три месяца после Кочергинского, находясь на посту начальника ОО ГУГБ НКВД ОКДВА. О Горбаче см.: *Чернолуцкая Е.Н.* Приказ НКВД № 00447. – С. 58; также: режим доступа: <http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/biogr/gb107.htm> (дата обращения 27.02.2014 г.).

²³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 2, 44–44 зв.

и была продлена постановлением политбюро ЦК ВКП(б) 31 января 1938 г.²⁴ Весной 1938 г. на районной партийной конференции Кочергинский зачитал свою биографию. Когда он упомянул о своих латвийских корнях, делегаты, по его собственным словам, «насторожились», что ему было крайне неприятно видеть. Тогда же нарком внутренних дел УССР А. Успенский приказал очистить ряды НКВД от работников, имевших связь с границей. Эти события заставили Кочергинского задуматься о том, не сочтены ли его дни в НКВД. Летом 1938 г. он поделился этими опасениями с Дагиным, но тот заверил его, что причин для паники нет²⁵.

Кочергинский прибыл на службу в Артёмовск 15 ноября 1937 г.²⁶ По состоянию на предыдущий месяц дорожно-транспортный отдел ГУГБ НКВД СРСР в Артёмовске и его районные отделения провели 165 арестов в рамках проводимых массовых операций²⁷. На первом же собрании с подчинёнными Кочергинский подчеркнул, что результаты его не впечатлили. Похвастав, что он – старый большевик и опытный чекист, которого лично Н. Ежов послал «для укрепления аппарата ДТО Северо-Донецкой железной дороги», Кочергинский уведомил подчинённых о том, что плохие результаты их работы делают их самих «пособниками» врагов народа. Потребовав получать признательные показания в течение 24-х часов вместо отпущенных 3–5

²⁴ Режим доступа: http://www.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/hronika.html#y1 (дата обращения 18.03.2014 г.)

²⁵ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 1, 44–45. Кочергинский потерял связь с матерью и сестрой после того, как покинул Ригу в 1918 г. Несколько лет они искали его, и только в 1934 г., получив открытку от матери, Кочергинский ответил, что с ним всё в порядке, и объяснил, что он не сможет больше писать. Некоторое время спустя в том же году Кочергинский увидел сестру на Курском вокзале Москвы. Она приехала в Москву в составе делегации рабочих. Они разговаривали два часа. Кочергинский предварительно получил разрешение начальства на то, чтобы ответить на открытку матери и поехать в Москву на встречу с сестрой. Кроме этих двух случаев, у Кочергинского не было никаких других контактов с родственниками, жившими в Риге. См.: Там само, арк. 25 зв. – 28.

²⁶ Там само, т. 5, арк. 228.

²⁷ Там само, арк. 277–281.

дней, он также пообещал применять особые следственные методы, освоенные им в Хабаровске, где, по его утверждению, он лично арестовал и расстрелял начальника Дальневосточного НКВД Т. Д. Дерибаса²⁸.

Кочергинский сдержал своё обещание. Через несколько дней после его прибытия в Артёмовск прошли массовые аресты железнодорожных рабочих и служащих. Для получения признаний в совершении таких тяжких преступлений, как саботаж и шпионаж, Кочергинский применял методы бригады Миронова: систематическое избивание и серийный допрос арестованных; создание специальных камер, где те, кто отказался давать признательные показания, должны были стоять в течение нескольких дней без отдыха; фальсификацию протоколов допросов. Хотя нарушения советского уголовно-процессуального порядка случались и до приезда Кочергинского в Артёмовск, теперь они стали обыденным явлением²⁹.

«До его прихода [...] такой практики допросов не было», – свидетельствовал оперативный уполномоченный (ОУ) ДТО СДЖД В. М. Ивченко,

«[...] начиная с ноября месяца 1937 г. и по февраль 1938 г. побои арестованных приняла широкий размах как в ДТО, так и по О[тделениям] ДТО»³⁰.

Кочергинский добивался внедрения нового порядка ведения следствия различными методами. Прежде всего, личным примером. Почти с первого дня прибытия в Артёмовск он врвался в кабинеты следователей и, если признание не было получено, начинал бить арестованного. После неоднократных избиваний подсудимого, который отказывался признать, что был членом контрреволюционной группы, измождённый Кочергинский рывкал на злосчастного следователя:

«Что, ты в гостях? – Бей!»³¹.

²⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 159–160, 246–247.

²⁹ Там само, арк. 82, 90, 107 зв., 161, 164, 171–173; т. 5, арк. 20 зв., 215.

³⁰ Там само, т. 3, арк. 82.

³¹ Там само, арк. 83–84.

Хотя формально он не отдавал приказа массово избивать подозреваемых – на некоторых собраниях он предусмотрительно заявлял, что «избиение» можно применять с его собственного разрешения или разрешения его заместителя³². Однако Кочергинский давал понять о своих ожиданиях, например, говоря подчинённым, которые только что наблюдали его рукоприкладство:

«Вот как надо допрашивать и получать показания».

По свидетельству заместителя начальника ДТО СДЖД К. В. Матвеева:

«[...] такой показ, разумеется, развязывал руки следователей»³³.

Кроме того, Кочергинский отдавал директивы по ускорению следствия, что стимулировало фальсификацию дел следователями. Во время руководства операцией в ОДТО на ст. Дебальцево в январе 1938 г. Кочергинский объявил, что «социально чуждые элементы» могут быть арестованы и без доказательств антисоветской деятельности. Он распространил образец показаний, который, по его мнению, представлял идеальное «кулацкое признание», и настоятельно требовал, чтобы следователи использовали его в качестве эталона. Он настаивал на отборе свидетелей из числа доверенных партийцев, требовал, чтобы их показания были «резкими, т. к. все дела пойдут на тройку». Он давал ясно понять, что только осуждение и смертный приговор были приемлемы³⁴.

Более того, Кочергинский давал чёткие указания по части обеспечения свидетельских показаний. Свидетелям следовало говорить, что подозреваемого уже разоблачили как врага народа и что НКВД нуждается лишь в подтверждении «пораженчества, террористических намерений и антисоветской агитации» арестованного. Колеблющихся свидетелей следовало заставить в том, что их не вызовут в суд, так как все дела будут

³² ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 1, арк. 112–113; т. 5, арк. 227, 321; т. 3, арк. 161.

³³ Там само, т. 3, арк. 107 зв.

³⁴ Там само, т. 1, арк. 151; т. 3, арк. 80, 86, 98, 135.

слушаться во внесудебном порядке. Упорствующим свидетелям следовало говорить, что они являются «пособниками врагов народа» и что их отказ способствовать борьбе НКВД с «врагами народа» будет иметь пагубные последствия³⁵.

Для того, чтобы узаконить свои приказы, Кочергинский ссылаясь на авторитет Москвы, а для создания ощущения чрезвычайности использовал военную терминологию. Неоднократно на оперативных совещаниях с подчинёнными он утверждал, что нарком внутренних дел Н. Ежов заявил о том, что скрытое советское участие в войнах в Испании и Китае, угроза нападения Германии и Японии требуют от советского руководства очистить страну от пяти миллионов внутренних врагов, не считая тех двух миллионов, которые, как утверждал Кочергинский, были ликвидированы в 1937 г.³⁶ Разоблачение «вооружённых повстанческих организаций» на Дальнем Востоке и в Казахстане, по его мнению, служило ещё одним подтверждением необходимости быстрых и решительных действий³⁷.

Кочергинский высмеивал и угрожал тем подчинённым, которые не могли добиться результатов. Следователей, которые не выполнили квоты (разнарядки) на аресты или не смогли получить признательные показания, Кочергинский особо выделял на заседаниях, обвинял их в пособничестве врагу и угрожал арестом и исключением из партии³⁸.

«Путём запугивания КОЧЕРГИНСКИЙ понуждал сотрудников УГБ выполнять его [...] указания», –

вспоминал оперуполномоченный ОДТО ст. Дебальцево П. А. Гуенок³⁹. Другой дебальцевский оперуполномоченный А. С. Ходарев свидетельствовал:

«Терроризация сотрудников КОЧЕРГИНСКИМ была сделана так, что из сотрудников никто не мог ничего сказать [...]. КОЧЕРГИНСКИЙ заявил, что “я прислан из Москвы и име[ю] особые

³⁵ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 50–51.

³⁶ Там само, арк. 47, 103, 110, 139, 248, 286; т. 5, арк. 144.

³⁷ Там само, т. 3, арк. 110 зв., 286.

³⁸ Там само, арк. 51, 106–107, 246–248, 159–160, 162; т. 1, арк. 150.

³⁹ Там само, т. 1, арк. 304.

полномочия (*sic*), что я хочу, то и делаю, а вы выполняйте мои приказания, и можете жалиться (*sic*) на меня Наркомун»⁴⁰.

Кочергинский использовал угрозы, чтобы заставить замолчать несогласных, в частности, в тех случаях, когда подчинённый протестовал против квот (разнарядок) на бесосновательные аресты, высказывал сомнения в виновности подозреваемого или достоверности признания⁴¹.

«Работников ДТО и ОДТО КОЧЕРГИНСКИЙ форменным образом терр[ор]из[ир]овал [...]. С первых же дней прибытия на должность начальника ДТО он поставил себя как человека, которому никто не должен возражать и критиковать его действия», –

вспоминал заместитель начальника ДТО СДЖД К. В. Матвеев⁴². Ему вторил оперуполномоченный ДТО СДЖД В. М. Ивченко:

«КОЧЕРГИНСКИЙ создал обстановку зажима, и к нему в кабинет боялись работники зайти, если у кого-либо и возникало сомнение в виновности какого-либо арестованного»⁴³.

Любой следователь, который считал, что подозреваемого следует освободить, высмеивался как «либерал», «оппортунист», или «пособник врага»⁴⁴. Вскоре после того, как заместитель начальника ДТО СДЖД К. В. Матвеев доложил начальнику УНКВД УССР по Сталинской области Д. М. Соколинскому о массовых случаях избиений в ДТО СДЖД, Кочергинский вызвал Матвеева к себе в кабинет и заявил:

«Мне непонятно твоё поведение. Ты не понимаешь большевизма»⁴⁵.

Узнав, что начальник 5-го отделения ДТО СДЖД Г. И. Тимошек сомневался в правдоподобности признания подозреваемого, Кочергинский «многозначительно» сказал:

«У Вас настроения нехорошие»⁴⁶.

⁴⁰ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 79.

⁴¹ Там само, арк. 85, 99–100, 102, 110.

⁴² Там само, арк. 106.

⁴³ Там само, арк. 85.

⁴⁴ Там само, арк. 98–100.

⁴⁵ Там само, арк. 109.

⁴⁶ Там само, арк. 102.

Страх был мощным фактором мотивации.

«КОЧЕРГИНСКИЙ поставил большинство работников ДТО и ОДТО в положение безоговорочного выполнения его указания, а многие боялись угроз увольнения и ареста», –

вспоминал К. В. Матвеев⁴⁷. По словам Г. И. Тимошека, которого Кочергинский раскритиковал на собрании сотрудников за то, что тот не смог получить признательных показаний:

«При созданных Кочергинским условиях некоторые сотрудники прибегали к прямым преступлениям»,

т. е. массовой фабрикацией дел⁴⁸. Помощник оперуполномоченного ОДТО ст. Дебальцево Н. М. Кузнецов, который был осуждён вместе с Кочергинским, признал, что он начал фальсифицировать дела после того, как услышал, как Кочергинский угрожал арестом дебальцевским оперуполномоченным А. С. Ходареву и Ф. Д. Бондарчуку, не выполнившим разнарядки арестов⁴⁹. Другой дебальцевский оперуполномоченный убедительно описал атмосферу в ОДТО во время массовых операций в январе 1938 г.:

«Находясь здесь в Дебальцево и руководя операцией, Кочергинский форменным образом нас терроризировал, всех ругал площадной бранью, своим отношением к сотрудникам наводил ужас, никто из нас не был гарантирован от ареста, самого страшного оскорбления. Передать словами, что он творил с нами на совещаниях и отдельных встречах, невозможно. Гнуснее его поведения не бывает, и самое ужасное это то, что он спекулировал именем тов. ЕЖОВА [...]. Естественно, что оперативный состав выполнял директиву КОЧЕРГИНСКОГО, не подходил критически к судьбе арестованного, виновен ли он или нет, а брали всех попавших под руку, тех, на кого указывали лица, якобы их знающие как врагов»⁵⁰.

⁴⁷ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 106, 107; т. 5, арк. 215.

⁴⁸ Там само, т. 3, арк. 101.

⁴⁹ Там само, т. 1, арк. 150.

⁵⁰ Там само, т. 3, арк. 145 зв. – 146. Аронович также критиковал начальника ОДТО ст. Дебальцево И. П. Игнатова за безоговорочное следование приказам Кочергинского во время массовых операций и за неспособность показать положительный пример своим подчинённым. См.: Там само, арк. 146 зв.

Помощник начальника ОДТО ст. Дебальцево И. В. Фадеев предоставил не менее яркое описание действий Кочергинского во время дебальцевской операции:

«В то время Кочергинский выглядел каким-то зверем, набрасывался на всех сотрудников и лез к каждому с кулаками, нанося всяческие незаслуженные оскорбления, угрожая всех перепустить через подвал, называя врагами народа»⁵¹.

Начальники отделений ДТО СДЖД и получали угрозы Кочергинского в свой адрес, и реализовывали их по отношению к другим. В январе 1938 г. на собрании, где обсуждались будущие массовые операции, Кочергинский объявил, что все немцы, поляки, латвийцы, греки и бывшие кулаки должны быть арестованы как шпионы. Отсутствие доказательств вины этих людей не должно было быть преградой для ареста, потому что, как заверил Кочергинский, имевшиеся в Москве документы доказывали их вину. Когда начальник ОДТО ст. Купянск А. В. Залозный и начальник ОДТО ст. им. Кагановича⁵² Синько высказались против, указав, что многие из этих людей занимают ключевые должности на железнодорожных станциях, Кочергинский в ответ рявкнул:

«Вы скрываете шпионов, не ищите их, а говорите, что у вас, допустим, работает 10 немцев, 15 поляков и т. д. Если после этой операции [...] я обнаружу, что будет работать немец или поляк на том или ином узле, то тогда на себя пеняйте – вас как нач[альников] ОДТО – посажу вместо их и буду допрашивать».

По словам начальника 2-го отделения ДТО Северо-Донецкой железной дороги М. А. Омельченко:

«После этого начались массовые беззакония, незаконные аресты лиц без наличия компрометирующих материалов и без санкции прокурора»⁵³.

Вернувшись после совещания в ОДТО на ст. им. Кагановича, Синько категорически приказал своим подчинённым:

«[...] без показаний не возвращаться».

⁵¹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 150–151; т. 5, арк. 43.

⁵² Сейчас станция Попасная Луганской области.

⁵³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 165–166.

Когда подчинённый Синько, оперуполномоченный М. С. Кушвид, стал настаивать на освобождении подозреваемого, в отношении которого не было никаких доказательств вины, Синько сделал ему выговор:

«Вы не умеете работать, либеральничаете с врагом»⁵⁴.

Будучи свидетелями этого разговора, оперуполномоченный А. Ф. Воронин и другие сотрудники посчитали, что у них нет другого выбора, кроме как фальсифицировать протоколы допросов.

«Не желая заслуживать названия “покровителя врагов” и боясь ответственности в тот момент, – объяснил Воронин, – я и вынужден был так поступать, [...] хотя и знал, что это тоже преступление»⁵⁵.

Таким же образом и оперуполномоченный ОДТО ст. Красный Лиман А. П. Розенберг «стал на путь фальсификации показаний свидетелей и обвиняемых» после того, как начальник этого отделения П. Матвеев неоднократно требовал

«во чтобы то ни стало добыть на этих лиц компрометирующий материал»⁵⁶.

Поощрение служило таким же сильным фактором мотивации, как и страх. Кочергинский хвалил и материально награждал тех следователей, которые быстро получали признания арестованных⁵⁷. Как свидетельствовал оперуполномоченный ДТО СДЖД В. М. Ивченко, «Кочергинский всегда ставил в пример» следователей, которые выполняли дневную квоту на признательные показания, хотя

«[п]о честному это [задание было] выполнить физически невозможно»⁵⁸.

⁵⁴ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 154.

⁵⁵ Там само, арк. 154–154 зв.

⁵⁶ Там само, т. 1, арк. 102. Следует подчеркнуть, что никто из рядовых следователей, фальсифицировавших дела, не делал этого вследствие прямого приказа. Скорее, они фальсифицировали дела, чтобы избежать унижения и наказания, а также, как представляется, чтобы добиться одобрения начальства. См., напр.: Там само, арк. 103.

⁵⁷ Там само, т. 3, арк. 101, 171; т. 5, арк. 324 зв.

⁵⁸ Там само, т. 3, арк. 88. В разгар массовой операции в Дебальцево Кочергинский требовал, чтобы следователи получали от трёх до семи признательных показаний в день. См. также: Там само, арк. 101–102.

Когда помощник начальника ДТО СДЖД Н. И. Антоненко в январе 1938 г. позвонил Кочергинскому во время заседания в Дебальцево и доложил об «успехах» сотрудников ОДТО ст. Красный Лиман, Кочергинский отложил в сторону телефонную трубку и заявил:

«Вот видите, как надо работать, за сутки в Лимане АНТОНЕНКО расколол 28 человек».

Вернувшись к телефонному разговору, Кочергинский сказал Антоненко:

«Я тебя за это в жопу поцелую»⁵⁹.

После того, как массовая операция в Дебальцево завершилась, на квартире начальника Дебальцевского ОДТО И. П. Игнатова состоялся банкет, на котором Кочергинский награждал каждого следователя⁶⁰.

Кочергинский использовал методы социалистического соревнования, чтобы увеличить давление на подчинённых во время широкомасштабных арестов. Когда начальник ОДТО ст. Красный Лиман Синько позвонил Кочергинскому, чтобы доложить, что на ст. им. Кагановича было арестовано 100 человек, Кочергинский (сознательно преувеличивая) заявил, что в Дебальцево было арестовано в 5 раз больше. Синько тут же послал своих людей назад, чтобы провести ещё 100 арестов⁶¹. Помощник начальника ДТО СДЖД Н. И. Антоненко таким же способом оказывал давление на начальников отделений госбезопасности железнодорожных станций, говоря им, что они отстают в гонке по получению признательных показаний⁶².

Хотя его подчинённые редко получали прямые указания к нарушению уголовного судопроизводства, приказы Кочергинского создавали благоприятную атмосферу для совершения массовых нарушений социалистической законности. Дела на подозреваемых номенклатурных работников, которые долж-

⁵⁹ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 170.

⁶⁰ Там само, арк. 174.

⁶¹ Там само, арк. 153.

⁶² Там само, арк. 175–176.

ны были отсылаться в Военную коллегия Верховного суда СССР, преднамеренно рассматривались областными «тройками». Вероятно, Кочергинский боялся, что показания, добытые путём жестокого избиения подозреваемых, скорее всего, «развалятся» при судебном рассмотрении в Москве⁶³. Разнарядки на аресты накануне массовой операции в январе 1938 г. были установлены, исходя из размера каждого железнодорожного узла (станции) и числа служащих, а не наличия компрометирующих материалов⁶⁴. Во время массовых операций Кочергинский настаивал на таких формулировках в следственных делах, которые приводили к расстрельным приговорам, и распространил образец признательных показаний, на который следователи опирались в составлении протоколов допроса⁶⁵. Кочергинский также приказал организовать специальные камеры-«отстойники». Арестованных, которые отказались признавать свою вину, заставляли стоять лицом к стене до тех пор, пока они соглашались подписать признание⁶⁶. В Дебальцево во время массовой операции в январе 1938 г. Кочергинский сказал следователям не отпускать свидетелей, пока не дадут обличающие показания, и объявил, что

«лица, попавшие в вагон [т. е. арестованные лица. – Дж. Р.], освобождению не подлеж[а]т»⁶⁷.

Подводя итог в вопросе о виновности Кочергинского в многочисленных нарушениях уголовно-процессуального законодательства СССР во время массовых операций в январе 1938 г. и в ответ на апелляцию Кочергинского в Военную коллегия Вер-

⁶³ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 3, арк. 90–91, 162–163.

⁶⁴ Там само, т. 5, арк. 130 зв.

⁶⁵ Там само, т. 3, арк. 88–89, 97–98, 135; т. 5, арк. 322 зв.

⁶⁶ Там само, т. 3, арк. 186; т. 5, арк. 131. Кочергинский впервые узнал как использовать «отстойники» для получения признаний, работая в бригаде Миронова. См.: Там само, т. 5, арк. 322 зв. Для наблюдения за заключёнными в «отстойниках», из-за нехватки сотрудников, Кочергинский мобилизовал непроверенных коммунистов и комсомольцев, что привело к распространению слухов среди населения о существовании таких камер. Это было нарушением норм секретности в НКВД.

⁶⁷ Там само, т. 5, арк. 323.

ховного суда СССР, председатель Военного трибунала войск НКВД П. Ф. Гурьев написал:

«Верно то, что прямых указаний Кочергинский на фальсификацию по делам не давал, но создавал для этого все условия (в 3 дня оформить 33 дела и т. п. [,] восхваления отличившихся в быстром “оформлении” и быстрых “расколах”, при существовании “отстойника” и принуждений, угрозы оперработникам за кажущуюся медлительность)»⁶⁸.

Стараясь ещё более подчеркнуть значение «фактора Кочергинского», Гурьев добавил:

«В более редких случаях насилия применялись там, где не было Кочергинского – об этом можно сделать вывод из материалов судебного и предварительного расследования»⁶⁹.

Дело Кочергинского показывает, в какой степени ситуативные факторы и, прежде всего, страх наказания и стремление к одобрению, мотивировали рядовых оперативных сотрудников НКВД к нарушению законности во время массовых репрессий. Это не означает, что идеология не играла важную роль. Кочергинский ничуть не сомневался, что классовые враги угрожали существованию СССР и должны были быть ликвидированы перед вступлением страны в войну. Опыт упрощённого судопроизводства, который он получил, будучи членом Харьковского ревтрибунала во время гражданской войны и сотрудником ОГПУ во время коллективизации на Северном Кавказе, как и опыт разоблачения «террористических заговоров высокопоставленных лиц» во время работы в бригаде начальника контрразведывательного отдела ГУГБ НКВД СССР Л. Г. Миронова на Дальнем Востоке, подготовили Кочергинского к принятию идеи о вездесущности врага, его замаскированности и опасности. Тем не менее, действия самого Кочергинского во время массовых репрессий были мотивированы ситуативными фактора-

⁶⁸ ГДА СБ України, ф. 5, спр. 67988, т. 5, арк. 367 зв.

⁶⁹ Там само, арк. 367. Хотя и сказанное в собственных корыстных интересах, заслуживает внимания свидетельство начальника ОДТО на ст. Дебальцево И. П. Игнатова: «До приезда Кочергинского в Дебальцево сотрудники ОДТО не знали избития арестованных». См.: Там само, т. 3, арк. 181 зв.

ми, в частности, знанием того, что его обвиняли в троцкизме, а также тем, что его связь с Латвией делала его уязвимым во время внутренних чисток в НКВД. Доказательства «грубых нарушений социалистической законности», выявленные во время следствия и судебного процесса над Кочергинским, ясно свидетельствуют, что ситуативные факторы играли главную роль, мотивируя рядовых сотрудников НКВД участвовать в вопиющих нарушениях уголовно-процессуального законодательства, в том числе массовой фальсификации дел, пытках подозреваемых и принуждении свидетелей. Кочергинский мотивировал своих подчинённых, безудержно хваля тех, кто перевыполнял явно невыполнимые квоты и, что более важно, создавая атмосферу террора внутри всего управления и всех отделений ДТО Северо-Донецкой железной дороги.

Россман Джеффри Дж. Справа Георгія Кочергінського: роль ситуативних чинників в мотивації «грубих порушень соціалістичної законності»

На прикладі розслідування діяльності начальника дорожньо-транспортного відділу ГУДБ НКВС Північно-Донецької залізниці Г. Кочергінського досліджується мотивація участі співробітників держбезпеки у «Великому терорі» 1937–1938 рр. Вказується, що ситуативні чинники були важливим фактором участі співробітників НКВС у масовій фальсифікації справ, катуванні підозрюваних і примушуванні свідків.

Ключові слова: НКВС, політичні репресії, ситуативний фактор, Донбас.

Rossman Jeffrey J. The Case of Georgy Kocherhinsky: The Role of Situational Factors in the Motivations for the «Major Breach of the Socialist Legitimacy»

On the example of the investigation of the activity of the chief of the road transport department of HUDB NKVD of North Donetsk railway, Georgy Kocherhinsky, author studied motivation for the participation of state security officers in the Great Terror in 1937–1938. It is claimed that situational factors were an important factor in the participation of the NKVD mass falsification of cases, of torture suspects and forcing witnesses.

Key words: NKVD, political repressions, situational factors, Donbass.

Науковий і документальний журнал

З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. – 2015. – № 2 (45)

Головний редактор: *О. Рубльов*

Відповідальний за випуск: Р. Подкур

Технічний редактор: *І. Ставнюк*

Науково-допоміжна робота:
співробітники Галузевого державного архіву
Служби безпеки України: *Я. Зарецька, Л. Лавренчук,
М. Панова, Г. Смірнов, Ю. Хара*

Комп'ютерне макетування: *І. Ставнюк*

Підписано до друку 15.02.2017 р.
Формат 60x84^{1/16}. Папір офсетний. Гарнітура Cambria
Умов. друк. арк. 18,6. Облік-вид. арк. 16,03
Наклад 500 прим. Зам. № МО-04/17

Відділи редакції:

01001, м. Київ, вул. Михайла Грушевського, 4, кім. 631;

тел.: (044) 279-06-80;

01034, м. Київ, вул. Золотоворітська, 7;

тел.: 255-85-41, 256-92-11.

Електронні версії номерів журналу розміщено на Інтернет-сторінці
Головної редколегії «Реабілітовані історією»: www.reabit.org.ua та
Служби безпеки України: www.sbu.gov.ua або www.ssu.gov.ua

ГО «ХАРКІВСЬКА ПРАВОЗАХИСНА ГРУПА»

61002, Харків, а/с 10430

<http://khpg.org>

<http://library.khpg.org>

<http://archive.khpg.org>